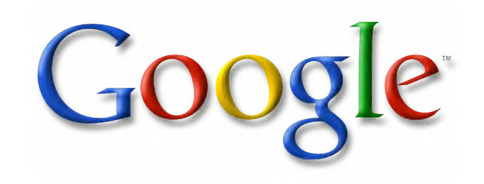
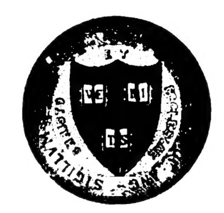




ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

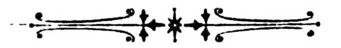
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

Печатано по распоряженію ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси [1].

Въ настоящей статьѣ представляется нѣсколько замѣчаній и соображеній по поводу выхода въ свѣтъ двухъ новыхъ западнославянскихъ сочиненій, посвященныхъ угрословенской этнографіи и діалектологіи, причемъ обращается особое вниманіе на тѣ ихъ стороны, которыя относятся къ спорному донынѣ вопросу о разграниченіи племенъ угрословенскаго и угрорусскаго.

Первое изъ этихъ сочиненій принадлежитъ извѣстному чешскому этнографу и археологу др-у Любору Нидерле и озаглавлено: «Národopisná Mapa uherských Slováků na základě sčítání lidu z roku 1900» (Praha, 1903), второе же—угрословенскому языковѣду д-ру Само Цамбелю, подъ заглавіемъ: «Slováci a ich reč» (Budapešt, 1903).

Задачей г. Нидерле было представить картографическую обработку тѣхъ данныхъ, какія были собраны въ 1900 г., при переписи населенія, венгерскимъ правительствомъ и изданы въ 1902 г. подъ редакціей др-а Vargha Gyula, подъ заглавіемъ: «A népesség általános Leirása községenkint» (Budapest). Но такъ какъ г. Нидерле пожелалъ нанести на карту не однѣ границы угрословенскаго населенія, но до нѣкоторой степени и процентное отношеніе его къ инородцамъ въ отдѣльныхъ городахъ и селеніяхъ данной территоріи, то автору пришлось включить въ свои картограммы до трехъ тысячъ названій такихъ поселеній. Для этого оказалось необходимымъ, сверхъ общей карты «Словенской области въ Венгріи», представить еще цѣлый десятокъ особыхъ картъ для отдѣльныхъ стóлицъ или жупаній. Особымъ способомъ обозначены на этихъ картахъ какъ тѣ области, гдѣ словаки составляютъ болѣе 50% населенія, такъ и тѣ, гдѣ ихъ менѣе половины, или гдѣ словаки говорятъ смѣшаннымъ словенско-польскимъ или словенско-русскимъ говоромъ. Наконецъ, отмѣчено особою краскою и нѣсколько такихъ мѣстностей, гдѣ по оффиціальнымъ даннымъ числится словаковъ менѣе 10%, но гдѣ на дѣлѣ, по достовѣрнымъ частнымъ даннымъ, ихъ болѣе 10%. Чтобы доставить изслѣдователямъ возможность провѣрки нанесенныхъ на карты данныхъ, издатель приложилъ къ своей книгѣ подробный перечень, по стóлицамъ, всѣхъ обозначенныхъ на картахъ городовъ и селеній, съ ихъ мадьярскими и словенскими наименованіями, а равно съ обозначеніемъ какъ общаго числа жителей для

[1] Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества 24 окт. 1903 года.

каждаго селенія, такъ и числа словаковъ — абсолютнаго и процентнаго. Сверхъ того, въ текстѣ имѣются для каждой стóлицы указанія на географическое распредѣленіе словаковъ и на ихъ числовое отношеніе къ прочимъ народностямъ территоріи, съ нѣкоторыми библіографическими справками.

Нечего и говорить, что эти данныя очень важны для статистики угрословенскаго населенія. Особенно же цѣнно установленіе славянскаго облика именъ нѣсколькихъ тысячъ угрословецкихъ селеній, означаемыхъ нынѣ въ оффиціальныхъ изданіяхъ, на основаніи особаго закона, въ мадьярскомъ искаженіи.

Что касается полученнаго этимъ путемъ этнографическаго вывода, то онъ заключается въ томъ, что нынѣ словакамъ принадлежатъ, по большинству населенія, не только издревле словенскія стóлицы: Пресбургская, Нитранская, Тренчанская, Оравская, Тековская, Турчанская, Зволенская, а равно отчасти примыкающія къ нимъ Гонтянская, Новоградская и Гемерская, но и большая часть считавшихся раньше русскими стóлицъ: Спишская, Шаришская, Земплинская, Абауй - Торнянская и даже значительная часть Ужгородской. Такимъ образомъ, по этимъ картамъ, остается для угрорусскаго населенія, кромѣ незначительныхъ островковъ въ этихъ послѣднихъ стóлицахъ, всего три комитата на подкарпатскихъ побережьяхъ верхней Тисы: Берегъ, Угоча, Мармарошъ. Слѣдовательно, западный рубежъ Руси опредѣляется здѣсь долиной Лаборца или даже Унга.

Совершенно въ другомъ видѣ представляется намъ закарпатскій рубежъ русской народности, если мы примемъ въ соображеніе данныя, собранныя, хотя и не разработанныя подробнѣе, во второмъ изъ названныхъ сочиненій, а именно въ книгѣ др-а Цамбеля: «Словаки и ихъ рѣчь». Книга эта заслуживаетъ въ данномъ случаѣ тѣмъ большаго вниманія, что она писана природнымъ словакомъ (изъ липтовской стóлицы) и, притомъ, хорошимъ филологомъ, — однимъ изъ лучшихъ между нынѣшними словаками, какъ это уже раньше было признано компетентными судьями, на основаніи его же сочиненій: «Slovenský pravopis (Budap. 1890), «Rukovät spisovnéj reči slovenskéj» (T. Sv. Mart. 1901), «O spisovnéj reči slovenskéj» (Slov. Pohl. 1901), «A cseh-tót nemzetseg multja, jelene és jövöje» (T. S. Mart. 1902) и н. др.

Основныя воззрѣнія, развитыя авторомъ въ новѣйшемъ его изданіи, формулированы имъ самимъ (стр. 246) такъ:

1. словаки — обломокъ племени, слившагося (въ долинѣ средняго Дуная) съ народомъ мадьярскимъ и принадлежавшаго, по языку, къ группѣ юго-западныхъ славянъ;

2. во второй половинѣ IV в. этотъ юго-славянскій обломокъ былъ заброшенъ въ область, уже населенную съ сѣвера вѣтвями польскаго племени;

3. въ періодъ татарскаго нашествія (XIII в.) этотъ обломокъ сильно ослабѣлъ, а потому пополнялся, затѣмъ, наслоеніями различнаго этнографическаго происхожденія;

4. гипотеза чешско-словенская можетъ быть защищаема лишь на основѣ очешеннаго письменнаго языка словаковъ, который подчинилъ себѣ всѣ ихъ образованные слои въ теченіе 500 лѣтъ, когда онъ считался у словаковъ образцовымъ, и который при содѣйствіи этихъ слоевъ очешивалъ и очешиваетъ и рѣчь словенскаго простонародья;

5. словаки представляютъ самостоятельное этнографическое цѣлое, которое прежде не принадлежало къ той вѣтви славянскихъ языковъ, къ которой относится языкъ чешскій;

6. словенчина приняла въ себя съ VI в. много стихій не славянскихъ; она должна бы нынѣ въ литературномъ употребленіи приближаться къ просторѣчьямъ.

Очень возможно, что выраженная въ этихъ положеніяхъ тенденція новѣйшей работы г. Цамбеля, заключающаяся, гл. обр., въ попыткѣ доказать, что угрословенскій языкъ, по своему происхожденію, не имѣетъ ничего общаго съ чешско-моравскимъ, отъ котораго онъ очень далеко отстоитъ-де и по своимъ діалектическимъ особенностямъ,—не выдерживаетъ строгой научной критики, какъ это отчасти было показано уже г. Шкультети въ «Народн. Новинахъ» (лѣтомъ 1903). Но насъ занимаетъ въ настоящее время не эта словенско-сепаратистическая тенденція автора, а его соображенія о русскомъ происхожденіи и характерѣ тѣхъ словенско-русскихъ говоровъ, которые разбросаны въ восточныхъ столицахъ верхней Угріи (Гемеръ, Спишъ, Шаришъ, Абауй-Торна, Земплинъ, Унгъ) и многими—въ томъ числѣ г. Нидерле на его картѣ—причисляются къ говорамъ восточно-словенскимъ.

Соображенія эти, при общемъ сводѣ относящихся сюда замѣчаній, заключаются въ нижеслѣдующемъ:

Указавъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ періодъ Великоморавскаго государства словаки жили значительно западнѣе нынѣшняго, по сю и по ту стороны Дуная, и что древнее Нитранское княжество врядъ-ли простиралось на востокъ далѣе Погронья, Цамбель высказываетъ мысль, что лежащая къ востоку отъ Матранскихъ горъ область Верхней Угріи была обитаема встарь не словаками, а другимъ народомъ, именно русскими. Въ этомъ отношеніи словенскій ученый присоединяется къ мнѣніямъ словенскихъ же ученыхъ Гостинскаго, Заборскаго, Мишика и мораванина Пастернека, которые установили значительную разницу въ типѣ населенія, нравахъ, особенностяхъ говора, вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ и историческихъ преданіяхъ обитателей притисскихъ комитатовъ (по системѣ Тисы и впадающихъ въ нее рѣкъ Шаявы, Гернада, Бодрога, Ондавы и др.), по сравненію съ населеніемъ коренныхъ словенскихъ жупаній, расположенныхъ по теченію впадающихъ въ Дунай (а не Тису) рѣкъ Ипола, Нитры, Грона, Вага и даже Моравы. Въ основѣ такъ называемыхъ восточно-словенскихъ говоровъ, особенно спишскихъ, шаришскихъ, земплинскихъ, безспорно лежитъ-де подпочва русская. Это слѣдуетъ сказать даже о тѣхъ спишакахъ, шаришанахъ, земплинцахъ и т. д., которые держатся нынѣ латинскаго богослуженія, а потому и зовутъ себя словаками. Русское же происхожденіе мѣстныхъ уніатовъ даже не составляетъ вопроса: за послѣднее 500-лѣтіе неизвѣстны-де случаи, чтобы какой-либо католическій храмъ обратился въ православный или уніатскій. Напротивъ, извѣстно множество случаевъ совращенія чрезъ унію въ латинство мѣстныхъ славянскихъ храмовъ. Этого рода вліяніемъ слѣдуетъ-де объяснять и тотъ безспорный фактъ, что закарпатскіе русняки нерѣдко скрываютъ въ бесѣдѣ съ панами свой родной говоръ, а ломаютъ кое-какъ по-словенски; по этой же причинѣ многіе изъ русняковъ выдаютъ себя при переписяхъ за словаковъ, почему при разграниченіи этихъ двухъ народ-

*

ностей надежнѣе-де руководиться церковными схематизмами, чѣмъ государственными переписями (стр. 42—49).

Не лишено значенія, что къ подобнаго рода выводамъ въ послѣднее время стали приходить и лучшіе изъ мадьярскихъ ученыхъ, какъ напр. цитируемый г. Цамбелемъ мадьярскій этнологъ П. Балогъ (въ сочиненіи «A népfajok Magyarorszagon». Budap. 1902). Разсматривая въ этнографическомъ отношеніи Верхнюю Угрію, онъ признаетъ необходимымъ подраздѣленіе ея на три пояса:

А. Словенскій, между рр. Моравою и Грономъ, въ столицахъ: Пожунъ, Нитра, Тековъ, Туроцъ, Тренчинъ, Орава, Липтовъ и Зволенъ;

Б. Половецкій, между Грономъ и Гернадомъ, въ столицахъ: Остригомъ, Гонтъ, Новградъ, Гевешъ, Боршодъ, Гемеръ и Абауй-Торна;

В. Словенско-русскій, въ столицахъ: Спишъ, Шаришъ, Земплинъ, Унгъ и Берегъ.

Балогъ, подобно Гостинскому и другимъ словенскимъ ученымъ, допускаетъ, что русскіе жили раньше и въ половецкомъ поясѣ, но нынѣ сохранились тутъ всего на одномъ островѣ Боршодской столицы (стр. 49).

Хотя Цамбель, такимъ образомъ, не высказывается прямо за русскій характеръ рѣчи славянъ Спишскихъ, Шаришскихъ, Земплинскихъ и т. д., однако изъ сопоставленія приводимыхъ имъ данныхъ видно, что онъ вовсе не считаетъ этихъ славянъ словаками, а развѣ ословачиваемою Русью. Такой же выводъ стоитъ, очевидно, въ полномъ противорѣчіи со взглядомъ на этотъ предметъ г. Нидерле, нашедшимъ картографическое выраженіе въ упомянутомъ его сочиненіи.

Не останавливаясь здѣсь ближе на выясненіи генеалогіи этихъ двухъ воззрѣній на русско-словенскій рубежъ нашей племенной области, такъ какъ въ нашей литературѣ уже имѣется по этому предмету библіографическіе своды, а отчасти и критическіе отзывы въ трудахъ профф. Грота, Петрова, Францева, Филевича и н. др., я постараюсь выяснить источникъ и значеніе столь существенныхъ разногласій по этому предмету между двумя названными учеными.

Г. Нидерле, будучи въ прочихъ своихъ трудахъ (особенно въ его «Slov. Starožitnosti») этнографомъ-историкомъ, а не этнографомъ-статистикомъ, тѣмъ не менѣе въ данномъ картографическомъ сочиненіи призналъ возможнымъ совершенно отрѣшиться отъ историческаго метода и довольствоваться указаніями статистики, притомъ статистики мадьярской, относительно которой онъ самъ говоритъ (ст. 3), что она не совсѣмъ исправна, такъ что словенскіе патріоты жалуются-де на ущербъ, нанесенный при послѣдней переписи словакамъ въ пользу мадьяръ по меньшей мѣрѣ на 200.000 душъ (ib.). Онъ полагаетъ, правда, что эти неисправности не отразятся замѣтно на картѣ, гдѣ отмѣчаются не детали цыфръ, а лишь извѣстныя процентныя категоріи, напр., отъ 25—50%, отъ 50—75%, отъ 75—90% и т. п. Сверхъ того, издатель обращался-де къ нѣкоторымъ словенскимъ спеціалистамъ съ просьбою о просмотрѣ спорныхъ частей карты, указаніями которыхъ и воспользовался, затѣмъ, въ нужныхъ случаяхъ.

Допуская нѣкоторое значеніе такихъ оговорокъ и поправокъ, я полагаю однако, что онѣ никакъ не могли существенно измѣнить основныхъ неточностей оффиціальной угорской переписи. Если, положимъ, счетчики измѣнили въ пользу или вредъ словакамъ цыфры только на 1—2%, то и тогда его карта словенскаго большинства (свыше 50%) могла существенно измѣниться. А что это

случалось съ угорскими счетчиками и, притомъ вовсе нерѣдко, было указано по изданіи матеріаловъ переписи 1900 г. въ словенскихъ журналахъ и газетахъ по отношенію къ цѣлымъ десяткамъ словенскихъ городовъ и селеній. Да и самъ г. Нидерле допускаетъ обсчетъ при переписи 1900 г. словаковъ на 200.000, т. е. на 10% (изъ 2 мил.).

И мнѣ лично бросается въ глаза явная неточность нѣкоторыхъ изъ данныхъ переписи по отношенію къ непосредственно мнѣ знакомымъ мѣстностямъ, а именно: селеніямъ Чертежному, Дричнѣ, Владычей и Сухой на границахъ Земплинскаго и Шаришскаго комитатовъ. Всѣ эти селенія имѣютъ совершенно однородное русское и уніатское населеніе. Между тѣмъ, по переписи значатся: чертежняне русскими, а дричняне, владычане, сушане—словаками (стр. 73, 81—82, 103, 126, 127; ср. карты). Такую же неточность составляетъ въ моихъ глазахъ указаніе г. Нидерле (стр. 74), будто въ с. Чертежномъ «довольно нѣмцевъ»: ни одного нѣмца тамъ нѣтъ, если подъ нѣмцами не разумѣть переселившихся изъ Галиціи евреевъ.

Странно и увѣреніе мадьярскихъ статистиковъ, переданное г. Нидерле (ст. 69), будто въ Боршодской столицѣ живутъ, сверхъ мадьяръ, «чехи, поляки и словинцы». Подъ ними и здѣсь, безспорно, разумѣются католическіе или уніатскіе угрорусcы, какъ это видно изъ примѣчанія на той же страницѣ, гдѣ сказано, что жители нѣкоторыхъ боршодскихъ селеній по происхожденію русскіе и держатся, отчасти, уніатскаго исповѣданія.

То же относится къ чехамъ и полякамъ Абауй-Торнянской столицы (стр. 70), гдѣ русскіе опять опущены, и къ полякамъ Земплинской столицы (стр. 74)—здѣсь ихъ вовсе нѣтъ, и т. д.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что относительно разграниченія русскихъ и словаковъ въ Земплинской и смежныхъ столицахъ самъ г. Нидерле призналъ, что «для этнографа, принимающаго въ соображеніе не языкъ только, но и вѣроисповѣданіе, политическое (?) настроеніе, нравы, покрой платья и т. п. донынѣ весьма тяжело, даже невозможно провести границу между русскими и словаками. Тутъ есть-де много областей съ говорами переходнаго характера, образованія вторичнаго, а сверхъ того отражается вліяніе польскаго языка (напр., въ удареніи); есть общины, гдѣ жители говорятъ, положимъ, по-словенски, но вѣры уніатской, или такія, гдѣ одежда и весь бытъ болѣе русскій, но сознаніе въ противорѣчіи съ языкомъ и т. п. (стр. 74). Если это такъ, то къ чему же закрѣплять на картѣ подобныя фиктивныя границы между мнимыми русскими и мнимыми словаками?

Мало заслуживаютъ довѣрія очевидно поспѣшные и приводимые г. Нидерле (стр. 128 и слѣд.) выводы этностатистика Балога («A népfajok Magyarországon». Bdp. 1902), который изъ сравненія переписей за 50 л. нашелъ, между прочимъ, что за это время въ Угріи изъ общаго числа сербскихъ селеній: омадьярилось 22, орумынилось 11, онѣмечилось 30 и охорватилось—21, тогда какъ изъ русскихъ селеній: 40-де омадьярилось, 176 ословачилось и 1 онѣмечилось.

Нельзя, конечно, отрицать успѣховъ мадьяризаціи во всей Угріи. Но все же она совершается не съ такою головокружительною быстротою, какая выходитъ изъ цифръ г. Балога, по которымъ, напр., въ Турчанскомъ комитатѣ изъ 2,7% мадьярскаго населенія въ 1890 г. стало къ 1900 г.,

т. е. въ 10-лѣтіе, 4,2%, или въ Зволенѣ изъ 4% — 7,2%, въ Спишѣ изъ 3,1%—6,2%, въ Шаришѣ изъ 3,4% — 6,1%, и т. д. (стр. 121). Что же касается отмѣченнаго Балогомъ перехода 21 сербскихъ общинъ въ хорватскія, а 176 русскихъ — въ словенскія, то это объясняется не какими-нибудь народными передвиженіями или переворотами, каковыхъ здѣсь вовсе не бывало въ это десятилѣтіе, а единственно неудачностью пріемовъ оффиціальной переписи.

Въ самомъ дѣлѣ, рубрика переписей о «материнскомъ языкѣ» не даетъ еще сама по себѣ надежнаго матеріала для этнографическихъ выводовъ. Такъ, не можетъ же этнографъ угорскихъ евреевъ, которыхъ перепись сплошь причисляетъ то къ мадьярамъ, то къ нѣмцамъ, признать таковыми единственно потому, что они давно утратили свой племенной (семитскій) языкъ и замѣнили его—даже въ семейномъ употребленіи—нѣмецкимъ жаргономъ, а кое-гдѣ и языкомъ мадьярскимъ. Въ этомъ случаѣ этнографъ поступитъ, конечно, гораздо правильнѣе, если отдѣлитъ евреевъ и отъ нѣмцевъ и отъ мадьяръ, руководствуясь при этомъ вѣроисповѣдной статистикою.

Равнымъ образомъ и по отношенію къ этнологическимъ особямъ—сербы, хорваты, которые, какъ мы уже видѣли, строго разграничены въ угорской оффиціальной статистикѣ—слѣдуетъ руководствоваться не показаніями статистики объ ихъ «материнскомъ языкѣ», который, въ сущности, и не отличается у обитающихъ въ Угріи сербовъ и хорватовъ (такъ называемые шокцы и буневцы говорятъ по-штокавски), а скорѣе данными вѣроисповѣднаго же характера. Вѣдь извѣстно, что въ общежитіи сербами обыкновенно называются православные, а хорватами католики, на общемъ полѣ языка сербо-хорватскаго.

То же приблизительно слѣдуетъ сказать о значеніи въ сѣверо-восточной Угріи въ народномъ употребленіи терминовъ: русскій, словакъ (вѣрнѣе—словякъ). Обыкновенно подъ первымъ наименованіемъ издревле разумѣлся, да и нынѣ разумѣется членъ греко-славянской (нынѣ уніатской) церкви, а подъ вторымъ — католикъ или лютеранинъ. Въ такомъ приблизительно смыслѣ различаются и у насъ въ сѣверо-западной Руси православные бѣлоруссы отъ бѣлоруссовъ-католиковъ условными въ просторѣчіи терминами: «русскій», «полякъ», тогда какъ всѣ протестанты (не исключая латышей и финновъ) обыкновенно зовутся у насъ «нѣмцами». Правда, въ послѣднихъ угорскихъ переписяхъ стали принципіально причислять къ словакамъ не только окатоличенныхъ русняковъ въ сѣверо-западныхъ столицахъ, но и уніатовъ, говорящихъ по-сотацки или по-цотацки,— вообще, на говорахъ, смѣшанныхъ изъ элементовъ русскаго, словенскаго и польскаго языковъ. Но при этомъ, очевидно, совершается актъ насилія по отношенію къ «племенному сознанію» такихъ сотаковъ или цотаковъ, которые всегда и безъ изъятія считаютъ себя русскими, если принадлежатъ къ грекославянской или, какъ тамъ издревле выражаются, русской церкви. Наконецъ, это насиліе усугубляется еще тѣмъ, что во многихъ случаяхъ (напр., въ вышепоименованныхъ селеніяхъ Дрична и Владыча) къ словакамъ причислены въ переписи, а затѣмъ и на картахъ г. Нидерле, и такія селенія, гдѣ въ рѣчи вовсе нѣтъ ничего ни сотацкаго, ни цотацкаго, а слышится обыкновенная лемковщина, хорошо извѣстная и въ западной Галиціи, гдѣ нѣтъ никакихъ словаковъ.

Вообще, должно замѣтить, что въ мѣстностяхъ съ переходными говорами, напр., на нашемъ Подляшскомъ рубежѣ Руси съ поляками, либо въ Сандецкомъ

округѣ Галичины, гдѣ такъ часто и незамѣтно переливается рѣчь лемковско-русская въ горальско-польскую, а равнымъ образомъ въ Спишскомъ, Шаришскомъ, Земплинскомъ и смежныхъ округахъ Угріи, гдѣ угрорусская рѣчь столь же незамѣтно переливается въ рѣчь угрословенскую, по разнымъ ея говорамъ,— рѣшеніе вопроса: говоритъ ли данный субъектъ на одномъ изъ переходныхъ говоровъ языка русскаго или словенскаго, вовсе не такъ легко и очевидно, чтобы могло быть предоставлено усмотрѣнію каждаго опрашиваемаго для переписи поселянина или каждаго захолустнаго нотаря-счетчика. Вѣдь во многихъ случаяхъ и сами ученые спеціалисты языковѣдѣнія спорятъ о принадлежности того или другого угрорусскаго говора къ системѣ русской или словенской, причемъ одни ссылаются на отсутствіе, положимъ, въ такомъ говорѣ русскаго полногласія, а другіе — на отсутствіе въ немъ словенской долготы гласныхъ, сонантовъ р̥, л̥, и т. п. Если ужъ въ наукѣ подобные вопросы считаются спорными и рѣшаются различно [2], то какое же значеніе можетъ имѣть для языковѣда и этнолога то или другое рѣшеніе подобнаго вопроса любымъ счетчикомъ? Потому-то и въ западныхъ странахъ вопросы діалектологическаго характера, положимъ разграниченіе верхненѣмецкихъ и нижненѣмецкихъ говоровъ въ Германіи, ойльскихъ и окскихъ во Франціи, каталонскихъ и испанскихъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и т. д. рѣшаются экспедиціями ученыхъ обществъ, а не счетчиками переписей.

Въ данномъ случаѣ задача усложняется еще тѣмъ, что Угрія—издревле (со временъ св. Стефана) страна полиглотная, такъ что тамъ и между крестьянами не въ рѣдкость найти лицъ, говорящихъ на двухъ, трехъ и даже четырехъ языкахъ, напр., въ Банатѣ: по-сербски, по-румынски, по-нѣмецки и по-мадьярски. Тѣмъ чаще встрѣчаются тамъ селенія, употребляющія два славянскихъ языка, напр., русскій и польскій на Спишѣ, русскій и словенскій въ Шаришѣ и Земплинѣ, и т. д.. причемъ одинъ служитъ для сношеній съ панами или сюртучниками, а другой съ лапотниками. Легко ли въ такихъ случаяхъ допытаться до языка «материнскаго»!

Итакъ, едва ли не придется заключить, что картографическая работа г. Нидерле, представляющая попытку рѣшить этнографическій вопросъ (о разграниченіи словаковъ отъ угроруссовъ) на основаніи произвольныхъ данныхъ мадьярской переписи, притомъ относящихся не къ происхожденію или національному сознанію объектовъ переписи, а единственно къ ихъ взгляду на діалектологическія особенности своего «материнскаго языка»,—вовсе не приближаетъ насъ къ объективно-научному рѣшенію вопроса о закарпатскомъ рубежѣ русской народности.

Не рѣшаютъ, правда, этого вопроса и вышеуказанныя соображенія г. Цамбеля, тѣмъ болѣе, что его выводамъ не достаетъ и болѣе опредѣленной формулировки. Но все же намъ весьма важно знать, что между учеными словаками есть люди, оспаривающіе вѣрность тѣхъ положеній о торискомъ, ондавскомъ или даже унгскомъ рубежѣ русской народности, которыя утвердились между

[2] Замѣтны въ этомъ отношеніи колебанія и въ статьяхъ г. О. Броха объ угрорусскихъ говорахъ.

западными, особенно чешско-словенскими учеными, съ легкой руки П. I. Шафарика. Опираясь въ данномъ случаѣ на отзывахъ мѣстныхъ ученыхъ словаковъ, въ родѣ Гостинскаго, Заборскаго, Цамбеля, легче будетъ и намъ—русскимъ постепенно отрѣшиться отъ усвоенныхъ со временъ Шафарика мнѣній о безусловно словенскомъ характерѣ такъ называемыхъ восточныхъ словенскихъ говоровъ, въ томъ числѣ сотацкихъ, цотацкихъ и вообще словенско-русскихъ на Спишѣ, въ Шаришѣ и въ Земплинѣ.

Но еще важнѣе то, что г. Цамбель въ своемъ, хотя и чисто языковѣдномъ трудѣ памѣтилъ для мѣстныхъ ученыхъ методъ, по которому единственно можетъ быть рѣшенъ данный вопросъ. Этотъ методъ можетъ быть названъ историко-синтетическимъ и заключается въ томъ, что при рѣшенiи вопросовъ этнологической области всегда необходимо сравнивать настоящее съ прошедшимъ, изучать явленiя не въ поперечномъ лишь, но и въ продольномъ, такъ сказать, разрѣзѣ; что, съ другой стороны, вопросъ о народности того или другого населенiя не можетъ быть рѣшаемъ на основанiи однихъ языковѣдныхъ данныхъ, а, напротивъ, путемъ непрерывнаго сопоставленiя таковыхъ съ данными антропологическими съ одной стороны, и культурно-историческими—съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, понятiе народности по отношенiю къ тому или другому историческому народу не исчерпывается его языкомъ, а касается всѣхъ прочихъ врожденныхъ или прiобрѣтенныхъ свойствъ и стремленiй какъ физической, такъ и психической его природы. Сюда относится, слѣдовательно, и расовый субстратъ народа, и племенныя его черты, и отраженiе ихъ въ полусознательной массовой дѣятельности, въ сферѣ рѣчи, пѣсни, преданiй, обряда, обычая, наконецъ, наслоенiя культурныя въ областяхъ церковной, государственной, общественно-экономической и научно-художественной...

Понятно, что и по отношенiю къ нашей Закарпатской Руси вопросъ о бытiи и распространенiи ея далеко не исчерпывается данными и соображенiями языковѣдными. Для его рѣшенiя намъ необходимо еще выяснить: каковъ физическiй и психическiй типъ этого населенiя? Какова была площадь его разселенiя во времена древнiя, среднiя и новыя? Какiя могутъ быть констатированы въ немъ инородныя примѣси или напластованiя? Въ какихъ чертахъ—бытовыхъ, соцiальныхъ, этическихъ—выразилась эта вѣтвь русскаго племенного древа? Какъ она—оформилась культурными воздѣйствiями въ областяхъ церковной, политической, экономической, образовательной? Лишь по выясненiи всѣхъ этихъ сторонъ угрорусскаго типа въ его историческомъ развитiи и по сравненiи этого типа съ аналогичными сторонами и особенностями словенского племенного типа, возможно будетъ всесторонне и научно рѣшить вопросъ о крайнемъ западномъ рубежѣ русской народности. Теперь же окончательное рѣшенiе въ этой области было бы преждевременно, при крайне слабой разработкѣ исторической этнографiи всѣхъ угорскихъ народовъ, особенно же самаго заброшеннаго между ними и въ наукѣ и въ жизни—угрорусскаго.

Но все-таки и теперь уже позволительно утверждать, что этотъ рубежъ проходитъ не по Унгу, не по Ондавѣ или Торисѣ, а по линiи отъ Вост. Татры къ Кралевой Голѣ, затѣмъ, по водораздѣлу Гернада и Шаявы вплоть до горъ Токайскихъ или Гедяльи и далѣе по рр. Тисѣ и Самошу до Семиградскихъ горъ. Это доказывается не только современностью, но и исторiею.

Если бы, дѣйствительно, спишане, шаришане, земплинцы были словаки, то они имѣли бы такую коренную черту всѣхъ словенскихъ (со включеніемъ моравскихъ и чешскихъ) говоровъ, какъ долгота гласныхъ, каковая звуковая категорія давно уже исчезла въ русскихъ говорахъ, въ томъ числѣ лемковскомъ по сю и по ту стороны Карпатъ. Равнымъ образомъ словенская акцентуація вездѣ построена на томъ же принципѣ, что̀ чешская (и мадьярская), именно: падаетъ на начальный слогъ, а не на penultima, какъ въ лемковскихъ говорахъ Галичины, Спиша, Шариша, отчасти и Земплина. Съ точки зрѣнія словенизма спишанъ, шаришанъ, земплинцевъ нельзя объяснить случаевъ полногласія, хотя не рѣдко скрываемыхъ въ формы: драга, врана, при бесѣдѣ съ людьми образованными или вообще сюртучниками. Лишь при русскомъ, точнѣе малорусскомъ, характерѣ говоровъ Спиша и Шариша можно понять обиліе въ нихъ перегласовокъ ô, ê въ у, ю - ы, и, которыя отражаются, повидимому, и въ наименованія этихъ сто̀лицъ (Scepusium—Спишъ; Saros, Sarus—Шаришъ). Да и сотацкое дзяканье, цяканье вовсе не соотвѣтствуетъ фонетикѣ словенской, а скорѣе польской, вліяніе которой, дѣйствительно, могло проникать по открытому пути отъ Попрада и Подгалья въ долину Гернада, Торисы и Ондавы, особенно въ пору продолжительной принадлежности Спиша къ Польшѣ. Кое-какіе слѣды русской народности сохранились, конечно, и въ Гемерѣ, но вообще этотъ комитатъ, равно какъ и Новоградскій, слѣдуетъ считать прочно ассимилированными со стороны словаковъ, при содѣйствіи отчасти и чешской колонизаціи въ гуситскій вѣкъ.

Языковѣдныя данныя вполнѣ подтверждаются здѣсь и статистикою русскихъ церквей на этой спорной территоріи. Онѣ разбросаны по всему ея протяженію, вплоть до Гемера, гдѣ донынѣ уцѣлѣли три русскія селенія (Шумяцъ, Телгартъ и Вернаръ), которыя у г. Нидерле показаны словенскими (стр. 65). Ладиславъ Бартоломеидесъ въ «Memorabilia provinciae Csetnek» (Neusohl, 1799) сообщаетъ, что въ его время еще слышалась русская рѣчь и въ с. Кобеляровѣ, гдѣ тогда родился П. І. Шафарикъ...

А. И. Добрянскій, урожденный шаришанинъ, отлично знакомый съ прошлымъ и настоящимъ своей родины, оставилъ о своей народности цѣлый рядъ статей и сочиненій, гдѣ онъ настаиваетъ на исконной принадлежности къ русской народности Спиша, Шариша и Земплина, вплоть до водораздѣловъ Тисы и Грона. Для болѣе же древняго времени онъ доводитъ границы Закарпатской Руси до Матранскихъ горъ и даже до Дуная, между Остригомомъ и Вацовомъ [3].

Но А. И. Добрянскаго могутъ заподозрить въ національномъ пристрастіи къ своему угрорусскому роду и племени. Тоже можно бы сказать объ аналогическихъ воззрѣніяхъ угрорусскаго историка Дулишковича и о новѣйшихъ работахъ галицкаго этнографа Гнатюка.

Но есть и очень солидное нѣмецкое сочиненіе, въ которомъ приблизительно въ такомъ же видѣ очерчены старыя и новыя границы Угорской Руси. Это книга инсбрукскаго профессора Германа Игн. Бидермана: «Die Ungarischen Ruthenen» (Insbruck, 1862—1867). Онъ также проводитъ (I, 14—15)

---

[3] Журналъ М. Нар. Пр., ч. CCVIII, отд. II, 159.

западную границу Угорской Руси по линіи отъ Спишской Магуры (между Попрадомъ и Дунайцемъ близъ Татры) къ Левочѣ, а оттуда къ дорогѣ изъ Левочи въ Рожново (Rosenau) по направленію къ Вондришелю (Wagendrüssel), на верхнемъ Гернадѣ, и внизъ по этой рѣкѣ къ долинѣ Гельницкой (Göllnitz), далѣе на югъ къ погорью у Арань-Идки (Arany-Idka) въ Абауй-Торнянской столицѣ, отсюда на юго-востокъ къ Сенѣ (Szinna), Генцу (Göncz), Толчавѣ (Tolcsava) подъ Гедяльей; далѣе на сѣверъ вдоль Бодрога, гдѣ села Баначка (Kis Bànyacska), Тороня (Toronya), Цейковъ (Czéke), къ сліянію рѣкъ Лаборца и Латорицы, гдѣ она направляется, затѣмъ, къ Унгвару, Мукачеву, Сиготу и Верхнему Вышеву (Felsö—Vissó). Короче говоря, Бидерманъ, какъ онъ самъ выражается, ограничиваетъ Угорскую Русь на сѣверѣ и востокѣ пограничнымъ между Галичиною и Угріей хребтомъ лѣсистаго Карпата, т. е. Бескидомъ, на западѣ тѣми его отрогами, которые разграничиваютъ теченіе Гернада отъ системы Грона и Шаявы до Гедяльи, а съ юга теченіемъ Тисы до ея поворота къ югу (I, 15). При такомъ же ограниченіи въ Угрорусскую область входятъ почти цѣликомъ и Спишъ, и Шаришъ, и Земплинъ, не говоря уже объ Унгѣ, Берегѣ, Угочѣ и Мармарошѣ.

Что касается той ословаченной или полуословаченной Руси, о которой выше была рѣчь, то Бидерманъ такъ выражается объ ней: «Мнѣ думается, что такъ называемые словаки Земплина и Шариша, за исключеніемъ доказанно переселившихся сюда изъ Словачины, имѣютъ съ настоящими словаками лишь то общее, что и на нихъ лежитъ отблескъ чехизма, обусловленный продолжительнымъ сопребываніемъ ихъ предковъ съ чешскими гуситами XV в., подобно тому, какъ тоже замѣчается и у Гемерскихъ славянъ. До этой инфильтраціи чешскими стихіями и связаннаго съ нею отпаденія отъ восточнаго христіанства жившіе на Топлѣ и Ондавѣ славяне—на сколько они сами не были русскими—все же стояли ближе къ послѣднимъ, какъ своимъ сосѣдямъ и ближайшимъ родичамъ. Потому-то я и называю ихъ ословаченными русняками, а не орусняченными словаками. Не осталась безъ вліянія на образованіе этой группы и польская иммиграція» (II, 81—82).

Это замѣчаніе Бидермана заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что оно явилось результатомъ очень детальнаго изученія угрорусской исторіи, въ изложеніи разныхъ моментовъ которой имѣется у него подробная мотивировка приведеннаго заключенія. Едва ли мы имѣемъ право игнорировать нынѣ всѣ эти данныя и выводы единственно потому, что они не совпадаютъ съ мнѣніями нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, особенно католическаго духовенства и мадьярскихъ чиновниковъ, которые предпочитаютъ видѣть въ Спишѣ, Шаришѣ и Земплинѣ скорѣе часть угрословенской области, чѣмъ крайнія западныя вѣтви русской народности. Правда, они ссылаются при этомъ «заклепываніи» въ Карпатскія горы одной-другой сотни тысячъ испоконъ русскихъ людей на авторитетъ Шафарика, голосъ котораго увлекъ въ данномъ случаѣ И. И. Срезневскаго и многихъ другихъ славистовъ. Но не забудемъ, что Шафарикъ былъ тоже словакъ и тоже человѣкъ, слѣд.. при рѣшеніи этого вопроса могъ увлекаться и своимъ мѣстнымъ (кобеляровскимъ, въ Гемерѣ) патріотизмомъ, какъ увлекаются имъ отчасти и нѣкоторые современные чехо-словенскіе славяновѣды, не исключая и д-ра Нидерле.

Несправедливо видѣть въ процессѣ ословаченія угроруссовъ какъ бы подъемъ послѣднихъ съ низшей культурной ступени на высшую, такъ какъ имѣются фактическія указанія и на отрицательные результаты ословачиванія угроруссовъ. Проф. Бидерманъ въ своей этнографической характеристикѣ сначала угрорусскихъ верховинцевъ, затѣмъ долишнянъ и, наконецъ, «ословаченныхъ русняковъ», между прочимъ, говоритъ о послѣднихъ: «Въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ они стоятъ между угроруссами всего ниже. Костякъ у нихъ слабо развитъ, мускулатура вялая, цвѣтъ лица большею частью поблеклый, ноги искривленныя. Ростъ низкій. Туловище какое-то вздутое, словно въ водянкѣ, истощенное, слабосильное... Только въ южныхъ частяхъ этой ословаченной Руси встрѣчается типъ болѣе живой, энергичный и производительный въ духовномъ отношеніи» (I, 91 слѣд.). Конечно, причиною указаннаго здѣсь вырожденія типа надо считать не столько словенскую примѣсь въ русской крови, сколько тяжелыя соціально-экономическія условія жизни этой части угрорусскаго племени. Однако, тѣ же условія не произвели столь вреднаго вліянія на угроруссовъ коренныхъ, сохранившихъ славянскую церковь. Очевидно, и въ ней заключаются какія-то условія, болѣе благопріятныя для поддержанія племенного русскаго типа, чѣмъ въ нѣдрахъ словенско-латинской церкви.

Для рѣшенія неясныхъ и неизслѣдованныхъ важныхъ историко-этнологическихъ вопросовъ о сѣверо-западной части первоначальной области Угорской Руси, о времени ея появленія за Карпатами, какъ и о времени принятія ею христіанства, о славянскихъ рукописяхъ (моравскаго или задунайскаго происхожденія, къ ней проникавшихъ), объ архитектурномъ типѣ старѣйшихъ въ ней церквей и проч., о постройкахъ и жилищахъ угроруссовъ, съ ихъ домашнею обстановкою, о народныхъ костюмахъ, вышивкахъ и узорахъ, наконецъ о вліяніяхъ на угроруссовъ, сверхъ словаковъ, еще чеховъ и нѣмцевъ, румынъ, половцевъ (куманъ) и мадьяръ—нужно избрать болѣе сложный и болѣе научный путь, чѣмъ былъ предложенъ Шафарикомъ и Нидерле. Этотъ путь былъ недавно отчасти намѣченъ венгерскимъ ученымъ г. Цамбелемъ и еще раньше Н. И. Надеждинымъ и много лѣтъ спустя послѣ него А. Л. Петровымъ, въ Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Думается, что выполненіе этой програмы могло бы взять на себя Имп. Русское Географическое Общество, столько уже сдѣлавшее для изученія разныхъ частей русской земли и сопредѣльныхъ съ Россіею странъ внутренней Азіи. Мадьяры не жалѣютъ средствъ для изученія тѣхъ странъ, откуда могъ нѣкогда выйти Арпадъ съ ордою ихъ предковъ, такъ что въ послѣднее время гр. Зичи снарядилъ для этой цѣли нѣсколько экспедицій въ Подкавказье, Подуралье и далѣе въ страны Подалтайскія, причемъ Россія, государство и общество, оказывала мадьярскимъ ученымъ всевозможную, какая требовалась, помощь. Такъ и въ случаѣ предпринятія русскими учеными небольшой экспедиціи въ Угрорусскую область можно смѣло надѣяться на любезную отзывчивость и помощь со стороны Венгерскаго государства и общества.

А. Будиловичъ.

24 окт. 1903.

Еще два слова объ изученіи Угорской Руси.

Въ виду возникшаго въ Этнографическомъ Отдѣленіи Имп. Р. Географическаго Общества проекта относительно снаряженія особой экспедиціи для изученія Угорской Руси, считаемъ не безполезнымъ напомнить соображенія, высказанныя нами въ докладѣ, читанномъ въ Этнографическомъ Отдѣленіи 19 ноября 1891 г. и напечатанномъ, затѣмъ, въ Журналѣ М. Н. П. 1892 г. № 2.

«Угорская Русь до сихъ поръ весьма мало изслѣдована какъ въ историческомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ... Между тѣмъ, угорская часть русскаго племени заслуживала бы бо́льшаго вниманія.

Загадочная исторія его поселенія за Карпатами тѣсно связана съ вопросомъ о родинѣ и постепенномъ географическомъ распространеніи всего русскаго племени. Изученіе его просвѣщенія христіанской вѣрою и сохраненія у него православія дало бы много важнаго для изслѣдованія судебъ православной церкви въ Австро-Угріи. Кромѣ того, замкнутая въ своихъ горахъ народная масса сохраняла и доселѣ сохраняетъ такіе остатки древности въ языкѣ, вѣрованіяхъ, бытѣ и т. п., которые уже исчезли у другихъ вѣтвей русскаго племени... Такимъ образомъ, было бы очень важно позаботиться о болѣе основательномъ изученіи Угорской Руси и, по возможности, не откладывать дѣла въ долгій ящикъ: съ ходомъ цивилизаціи быстро стираются народныя особенности.

Во первыхъ, могли бы лица, опытныя въ изученіи говоровъ и собираніи призведеній народнаго творчества, предпринимать съ этой цѣлью путешествія по Угорщинѣ.

Во вторыхъ, полезно было бы воспользоваться мѣстными угро-русскими силами, давъ имъ надлежащее руководство въ формѣ ясной и доступной програмы для собиранія особенностей говоровъ, топографической номенклатуры, пѣсенъ, повѣрій, обычаевъ и т. п.

Наконецъ, слѣдовало бы обратить вниманіе и на документы, хранящіеся въ архивахъ Угорскаго королевства и освѣщающіе прошлую жизнь угро-руссовъ. Эти документы важны не только въ историческомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ земскомъ архивѣ въ Будапештѣ хранятся, начиная съ 1553 г., Conscriptiones portarum, которыя представляютъ богатый матерьялъ для топографіи Угорской Руси и вообще Угорскаго королевства. Но «Conscriptiones» любопытны и въ другомъ отношеніи—именно для опредѣленія границъ распространенія, если не русской народности, то, по крайней мѣрѣ, «русской вѣры», православія: при перечисленіи селъ вездѣ въ провославныхъ селахъ упоминаются православные священники, «батьки»—batykones, baytkones.

Затѣмъ, въ ужгородскомъ сто   личномъ архивѣ мы просматривали опросы крестьянъ, произведенные при введеніи въ 1772 урбаріальныхъ положеній—Conscriptiones urbariales possessionum (Urbéri iratok). Многіе опросы и отвѣты крестьянъ записаны порусски и по-словацки, латинскими буквами. Такихъ актовъ въ одномъ ужгородскомъ архивѣ 204, и подобнаго рода документы существуютъ и въ архивахъ другихъ стоIлицъ.

Очевидно, они даютъ богатый матерьялъ какъ для языка, такъ и для характеристики положенія крестьянъ, повинности которыхъ, какъ видно изъ отвѣтовъ, были опредѣлены не закономъ, а стародавнимъ обычаемъ».

Въ 1893 г. [1], сообщая отрывки собранныхъ нами памятниковъ, написанныхъ на Угорской Руси и отражающихъ черты угрорусскихъ говоровъ, мы добавили: «Подобнаго рода памятниковъ довольно много сохранилось на Угорской Руси какъ при церквахъ, монастыряхъ, въ общественныхъ библіотекахъ, такъ и у частныхъ лицъ; но они, къ сожалѣнію, по большей части неизвѣстны и не опубликованы, хотя даютъ довольно цѣнный матерьялъ для исторіи, особенно—церкви, топографіи, правовыхъ и бытовыхъ отношеній, иногда любопытны и по языку... Необходимо также обратить вниманіе на встрѣчающіяся во множествѣ приписки на рукописныхъ и печатныхъ, большею частью церковныхъ, книгахъ. По преимуществу—это въ стереотипной формѣ заявленіе переписчика или жертвователя въ такую-то церковь. Но и такого рода приписки не лишены значенія для исторіи мѣстныхъ церквей—ради указаній на отношеніе жертвователей къ своей вѣрѣ, ради данныхъ о цѣнѣ книгъ. Наконецъ, несмотря на стараніе писать по-церковнославянски, иногда проскальзываютъ діалектическія особенности въ формахъ и словахъ».

Излишне, конечно, перечислять и выяснять значеніе тѣхъ отдѣльныхъ памятниковъ, которые затронуты нами въ вышеупомянутыхъ статьяхъ. Въ настоящей запискѣ мы ограничимся лишь указаніями на то, какого рода памятники должны быть для экспедиціи предметомъ разысканія и излѣдованія, и гдѣ можно надѣяться ихъ найти.

I. Рукописи церковнаго характера на церковно-славянскомъ языкѣ, большею частью XVI—XVII вв. средне-болгарскаго извода, проникшаго на Угорщину черезъ Молдавію. Кромѣ библіотекъ: епархіальныхъ въ Унгварѣ и Пряшевѣ, унгварской семинаріи, мукачевскаго и, вѣроятно, другихъ монастырей, такія рукописи находятся въ разныхъ церквахъ (преимущественно сельскихъ) и не только въ предѣлахъ нынѣшней угро русской территоріи, но, по всему вѣроятію, также среди уніатскаго румынскаго и даже мадьярскаго населенія,—можетъ быть далеко на Дольней землѣ (Alföld). У насъ были указанія такого рода, но возможно, конечно, что теперь эти рукописи уже истреблены или пропали

II. Приписки на рукописяхъ и печатныхъ книгахъ и въ церковныхъ метрикахъ.

III. Памятники разнообразнаго содержанія, отражающіе въ большей или меньшей степени угро-русскіе говоры, хранятся въ вышеупомянутыхъ библіотекахъ [2], въ архивахъ епархіальныхъ Унгвара и Пряшева, въ архивахъ столичныхъ (см. выше Urbéri iratok), въ архивѣ Бардѣева, а также въ собраніяхъ частныхъ лицъ. Весьма желательно было бы разыскать бумаги двухъ неутомимыхъ собирателей всякаго рода угро-русскихъ древностей, покойныхъ ѳ. А. Кралицкаго (мукачевскій монастырь), С. Силадьи, директора гимназіи или реальнаго училища въ Марамарошскомъ Сиготѣ, а также о. А. Павловича на Маковицѣ. Не безполезно было бы пересмотрѣть библіотеку Духновича (краснобродскій монастырь). Кое-что собрано д-ромъ А. Годинкой (Вѣна) и о. Жатковичемъ (гдѣ?).

По археологіи разные матерьялы собирались г. Т. Легоцкимъ въ Мукачевѣ.

IV. Матерьялы—большею частью иноязычные—преимущественно для исторіи отношеній церковныхъ (православіе и унія) и соціальныхъ находятся также въ вышеупомянутыхъ архивахъ и библіотекахъ [3], а кромѣ того: въ Государственномъ архивѣ

---

[1] Рецензія на кн. Е. Сабова, Угрорусская хрестоматія (Журн. М. Н. П. 1893 г. № 10).

[2] Очень интересно было бы найти пропавшіе изъ унгварской епископской библіотеки №№ 68, 75, 76, 78—четыре трактата Oroszvégesy Michaël—contra Latinos et graecocatholicos (Ruthenice). № 68—1672 г., № 75—1681 г., № 76, 78—sine anno.

[3] Между прочимъ, Lucskay: Historia Carpatho-Ruthenorum—епископская библіотека въ Унгварѣ; протоколы столичныхъ (комитатскихъ) собраній XVI—XVIII вв. въ разныхъ столицахъ.

въ Будапештѣ, въ Національномъ музеѣ—тамъ же [4]; въ архивахъ конвентовъ, игравшихъ роль оффиціальныхъ нотаріатовъ (loci publici, hiteles levéltár), главнымъ образомъ въ Лелесѣ (Lelesz—Земплинская столица) и въ Ясовѣ (Jászó—Абауйварская ст.); въ архивахъ разныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій, напр. Ракоціевъ (часть документовъ въ Государств. архивѣ въ Будапештѣ, часть—въ архивахъ гр. Андраши, напр., въ Красногоркѣ—Гемёрская столица), Другетовъ (теперь гр. Страри)—въ Михайловцахъ и Гуменномъ (Земплинская стол.), бароновъ Стойко въ Слатинѣ (Марамарошская ст.).

Хорошо бы проникнуть въ архивы Ягра (Eger, Erlau) и Остригома [5] (Gran), подъ духовной властью которыхъ долго находились угро-русскіе уніаты.

Какія неожиданныя находки могутъ быть сдѣланы въ архивахъ и библіотекахъ Угорщины, доказываетъ каталогъ городской библіотеки въ Левочѣ, гдѣ, между прочимъ, значится: письма левочскихъ купцовъ изъ Москвы—теперь не помню—XVI или XVII в. Въ виду переборки тогда библіотеки я не могъ отыскать ихъ на мѣстѣ.

Въ заключеніе напомнимъ о необходимости собрать всѣ памятники, напечатанные доселѣ въ разныхъ изданіяхъ на Угорской Руси и внѣ ея. Члены экспедиціи не должны упускать случая пересмотрѣть угро-русскія изданія, не находящіяся или находящіяся не въ полномъ видѣ въ нашихъ библіотекахъ.

19 $\frac{30}{XI}$ 03. *А. Петровъ.*

---

[4] Обратить вниманіе на коллекцію Hevenessy и рукописи Матвѣя Беля.

[5] Между прочимъ, часть рукописей М. Беля находится въ Острогомѣ.

Новое явленіе въ крестьянской жизни.

(Переходъ на волоки въ Житомирскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи)

Съ 1894 года мнѣ неоднократно приходилось бывать въ сѣверной части Житомирскаго уѣзда, сначала съ цѣлью собиранія народныхъ пѣсенъ, затѣмъ, спустя нѣсколько лѣтъ, по служебнымъ обязанностямъ. Во время такихъ разъѣздовъ мнѣ приходилось наблюдать развивавшееся на моихъ глазахъ весьма любопытное явленіе въ экономической жизни крестьянства этого уѣзда—переселеніе на волоки. Переселеніе на волоки заключается въ томъ, что крестьяне раздѣляютъ между собой всѣ, находящіяся въ подворномъ ихъ пользованіи, надѣльныя земли (распредѣлявшіяся до сихъ поръ на три участка въ разныхъ мѣстахъ) на равноцѣнные участки въ одномъ кускѣ и переходятъ къ хуторскому хозяйству, нерѣдко оставляя деревни и переселяясь на свои участки. Явленіе это представляетъ собой результатъ желанія крестьянина довести свое хозяйство до того совершенства, какимъ отличается хозяйство многочисленныхъ въ этой мѣстности нѣмецкихъ колонистовъ, и новыя хозяйства представляютъ собой сколокъ съ хозяйствъ сосѣдей-нѣмцевъ.

Наблюденія мои были весьма поверхностны, во-первыхъ, потому, что, не обладая экономическимъ образованіемъ, я былъ слишкомъ мало подготовленъ къ такого рода наблюденіямъ, во-вторыхъ, потому, что во время первыхъ моихъ поѣздокъ, когда у меня было достаточно времени, чтобы наблюдать народную жизнь, явленіе это было еще въ зародышѣ; впослѣдствіи же другія дѣла поглощали все мое вниманіе. Тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія какихъ бы то ни было печатныхъ свѣдѣній объ этомъ явленіи, я рѣшился подѣлиться моими бѣглыми наблюденіями въ небольшой газетной статьѣ («Сѣв. Курьеръ», 1900 г., № 316). Моя замѣтка обратила на себя вниманіе В. П. Воронцова [1] и, уступая его убѣжденіямъ, сопровождаемымъ сознаніемъ, что, при наличномъ составѣ

[1] В. П. Воронцову я очень признателенъ за руководящія указанія, которыми, къ сожалѣнію, я не вполнѣ могъ воспользоваться. Считаю долгомъ отмѣтить любезное содѣйствіе, оказанное моей работѣ мировымъ поср. О. Д. Козловскимъ, помощн. надз. акц. сборовъ Е. И. Бычковымъ и волостнымъ писаремъ Н. И. Жуковымъ, которымъ приношу искреннюю благодарность.

интеллигенціи Волыни, лишенной земскихъ учрежденій, некому сдѣлать даже то немногое, что могу сдѣлать я, въ настоящемъ году я предпринялъ поѣздку въ мѣстности, охваченныя названнымъ движеніемъ и собралъ болѣе подробныя данныя о переселеніи крестьянъ на волоки. Замѣтки эти я и предлагаю вниманію читателя, какъ простое описаніе, сдѣланное случайнымъ наблюдателемъ.

Переселеніе на волоки началось въ Житомирскомъ уѣздѣ со 2-й половины 80-хъ годовъ (первый приговоръ о такомъ переселеніи составленъ Зубринскимъ сельскимъ сходомъ 25 мая 1886 года; фактически, приступить къ переходу на волоки Зубринкѣ удалось только въ 1889 году). Такимъ образомъ, самый старый фактъ перехода на волоки отдѣленъ отъ насъ 13 годами. За этотъ сравнительно короткій промежутокъ движеніе, кореннымъ образомъ измѣняющее формы не только хозяйства крестьянъ, но и всего ихъ быта, успѣло охватить всю сѣверную половину Житомирскаго уѣзда.

Что касается нѣмецкой колонизаціи, то отдѣльныя небольшія нѣмецкія колоніи стали возникать на Волыни издавна. Въ числѣ шляхетскихъ селъ Овручскаго уѣзда, образовавшихъ нѣкогда нѣчто вродѣ военной границы, возникновеніе которыхъ относится къ XVI вѣку, есть село Швабы, образованное выходцами изъ Швабіи. Жители этого села носятъ теперь фамиліи Швабовъ и совершенно обрусѣли. Въ XVIII вѣкѣ поселилось на Волыни нѣсколько колоній менонитовъ. Массовое же переселеніе нѣмецкихъ колонистовъ началось съ 30-хъ и особенно усилилось въ 60-хъ гг. прошлаго вѣка. Нѣмецкіе колонисты на Волыни селились преимущественно по южному краю Полѣсья, гдѣ земля была дешевле, чѣмъ въ южной Волыни, и болѣе плодородна, чѣмъ въ серединномъ Полѣсьи. Колонисты покупали участки лѣса, раскорчевывали ихъ и селились на нихъ, образуя непрерывный рядъ колоній, тянущійся на десятки верстъ. Колоніи съ перерывами тянутся полосой по направленію отъ Царства Польскаго къ Кіеву, переходя за предѣлы Волынской губерніи. На Волыни больше всего колоній въ уѣздахъ: Житомирскомъ, Новоградволынскомъ, Ровенскомъ и Луцкомъ; довольно много ихъ въ уѣздахъ: Ковельскомъ, Дубенскомъ, Владимироволынскомъ, есть въ Овручскомъ, Острожскомъ и Заславскомъ. Наибольшее количество ихъ группируется вдоль линіи кіево-брестскаго шоссе. Нѣмецкія колоніи представляютъ собой рядъ разбросанныхъ усадьбъ, которыя расположены каждая, по возможности, въ центрѣ своего участка земли; каждая колонія тянется версты, а двѣ-три колоніи — десятки верстъ. При такомъ расселеніи, проѣзжая, вы постоянно натыкаетесь на колонистскія усадьбы; получается впечатлѣніе, что нѣмцевъ гораздо больше, чѣмъ туземныхъ крестьянъ. И въ самомъ дѣлѣ, число колонистовъ весьма солидно, но ни въ одной волости не превышаетъ числа русскихъ крестьянъ. Нѣмецкіе колонисты ведутъ болѣе раціональное хозяйство, чѣмъ наши крестьяне, и получаютъ съ земли пользы гораздо больше послѣднихъ. Тѣ изъ колонистовъ, которые успѣли купить участки земли въ собственность, живутъ даже богато; арендаторы находятся въ значительно худшемъ положеніи, такъ какъ, во-первыхъ, имъ приходится платить довольно высокую арендную плату; во-вторыхъ, періодическое повышеніе ея

землевладѣльцами многимъ изъ арендаторовъ не даетъ возможности засиживаться на мѣстѣ.

Но каково бы ни было экономическое положеніе колониста, хозяйство его всегда интенсивнѣе и раціональнѣе хозяйства туземнаго крестьянина, а такъ какъ песчаная и супесчаная почва этой полосы Волыни можетъ давать хорошіе урожаи только при раціональномъ хозяйствѣ и усиленномъ удобреніи, то разница въ результатахъ не могла не быть слишкомъ очевидна, чтобы не бросаться въ глаза самимъ крестьянамъ. Въ прежніе годы уже по внѣшнему виду посѣва можно было безошибочно отличить крестьянское поле отъ колонистскаго. Отсюда естественное стремленіе крестьянъ подражать нѣмцамъ-колонистамъ въ веденіи своего хозяйства. Стремленіе это началось съ мелочей. У крестьянъ стали появляться нѣмецкіе возы на желѣзныхъ осяхъ, нѣмецкіе плужки, наконецъ, мѣстами весь укладъ крестьянскаго хозяйства сталъ передѣлываться на нѣмецкій ладъ. Наиболѣе сильной побудительной причиной для крестьянъ является въ данномъ случаѣ желаніе устранить потерю времени, обусловливаемую отдаленностью каждаго изъ трехъ участковъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ усадьбы. Эта потеря времени и силъ особенно очевидна при унаваживаніи полей. Возить навозъ за нѣсколько верстъ было трудно, а такъ какъ, по условіямъ почвы, удобрялось все поле, то естественна у крестьянъ мысль о переходѣ къ нѣмецко-колонистскому хозяйству, при которомъ земля сгруппирована въ одномъ кускѣ. Затруднительностью удобренія при прежнемъ распредѣленіи земель мотивируется желаніе крестьянъ перейти на волоки во всѣхъ приговорахъ сельскихъ сходовъ, которые мнѣ удалось видѣть. Движеніе началось въ д. Зубринкѣ, Горошковской волости, земли которой соприкасаются съ старѣйшими въ уѣздѣ колоніями Неймановской, Кутузовской и Солодырими. Я позволю себѣ привести цѣликомъ первый приговоръ Зубринскаго сельскаго схода о переходѣ на волоки; въ этомъ приговорѣ довольно обстоятельно излагаются мотивы такого перехода.

«25 мая 1886 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1-го мирового участка Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи, собравшись на сельскій сходъ, на основаніи 47, 48, 51 пунк. 6, 54 пункт. 1, 2, 3 Общ. Положенія о крестьянахъ, въ полномъ составѣ 50 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣли разсужденіе о невыгодномъ пользованіи земельнымъ надѣломъ, согласно существующей подворной нарѣзкѣ, вслѣдствіе того, что каждый домохозяинъ нашего общества имѣетъ въ своемъ пользованіи земельный надѣлъ не вмѣстѣ, а по десятинамъ въ разныхъ мѣстахъ; кромѣ того, въ нашемъ обществѣ есть около 25 десятинъ земли, которая по настоящее время не раздѣлена между нами на подворные участки, изъ-за чего нерѣдко бываютъ споры. По обсужденіи чего, сельскій сходъ, за исключеніемъ одного домохозяина, Н. Поляченки, не изъявившаго согласія подписаться подъ симъ приговоромъ, единогласно приговорили: въ виду улучшенія своего быта и во избѣжаніе на будущее время споровъ за общественную землю, просить настоящимъ приговоромъ г. мирового посредника 1-го участка Житомирскаго уѣзда о уничтоженіи нынѣ существующей у насъ подворной нарѣзки и о назначеніи землемѣра для новой подворной нарѣзки всей общественной земли, которую раздѣлить на 50 (частей) домохозяевъ, поровну каждому, причемъ участокъ земли долженъ быть вмѣстѣ. Избрать изъ среды своей добросовѣстныхъ крестьянъ NN., которыхъ уполномочиваемъ ходатайствовать по настоящему дѣлу и поручаемъ войти въ согласіе съ тѣмъ землемѣромъ, который будетъ назначенъ

2

г. мировымъ посредникомъ къ нарѣзкѣ общественной земли на 50 участковъ. За неграмотныхъ насъ на семъ приговорѣ довѣряемъ росписаться (NN)».

49 домохозяевъ оказалось неграмотными.

Необходимо оговориться, что наличными домохозяевами, имѣющими право голоса въ данномъ случаѣ, надо считать не представителей фактическаго двора, а представителей такъ называемаго двора «грамотнаго», т. е. существовавшаго при введеніи уставной граматы. Такой составъ имѣли сельскіе сходы на Волыни вплоть до разъясненія сената, отъ 20 января 1896 года, которымъ имѣющими право голоса на сходѣ были признаны представители фактическаго двора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣтить, что дѣленіе земель на участки при переходѣ на волоки какъ въ Зубринкѣ, такъ и въ другихъ деревняхъ, происходило сообразно съ числомъ и величиной «уставнаго» двора, а затѣмъ внутри каждаго «уставнаго» двора раздѣлъ производился уже безъ участія сельскаго схода. Зубринка въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, прокладывая дорогу, создавала формы, ставшія съ небольшими отклоненіями типичными.

Первый приговоръ Зубринскаго схода не достигъ цѣли. Мнѣ не удалось познакомиться съ имѣющейся по этому поводу перепиской; знаю только, что нововведеніе Зубринки вызвало, повидимому, въ средѣ мѣстной администраціи недоумѣніе, и на мѣсто даже былъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Особенно серьезныхъ препятствій, однако, не было и чрезъ 1½ года Зубринскій сходъ составляетъ новый приговоръ, интересный тѣмъ, что имъ устанавливается типичный порядокъ перехода на волоки.

«11 декабря 1887 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. уч. Житомирскаго уѣзда, собравшись въ числѣ всѣхъ 50 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, и 3 огородниковъ, имѣли между собой разсужденіе о томъ, что существующая у насъ подворная нарѣзка земли невыгодна, потому что каждый домохозяинъ нашего общества имѣетъ въ своемъ пользованіи земельный надѣлъ не вмѣстѣ а подесятинно въ разныхъ мѣстахъ; такое пользованіе землею невыгодно и въ отношеніи удобренія навозомъ таковой, такъ какъ почти у каждаго изъ нихъ есть десятины въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, и вообще неудобно въ хозяйственномъ отношеніи; кромѣ того, въ нашемъ обществѣ есть около 30 десятинъ земли, которая по настоящее время не раздѣлена между нами на подворные участки. За нераздѣленную землю ежегодно въ обществѣ бываютъ споры. По обсужденіи чего сельскій сходъ, за исключеніемъ двухъ домохозяевъ NN и NN, нашелъ необходимымъ настоящимъ приговоромъ просить о разрѣшеніи уничтожить существующую у насъ подворную нарѣзку и всю выкупаемую обществомъ землю раздѣлить между собой поровну, съ тѣмъ чтобы участокъ земли каждаго домохозяина состоялъ изъ одного куска, причемъ, если послѣдуетъ по настоящему нашему ходатайству разрѣшеніе, то мы обязаны: 1) не соглашающимся на новую подворную нарѣзку двумъ крестьянамъ NN и NN оставить усадьбы и принадлежащія имъ десятины тѣ, которыя состоятъ въ ихъ пользованіи въ настоящее время; 2) такъ какъ въ нашемъ обществѣ кромѣ 50 хозяевъ есть 3 огородника, то слѣдуемыя имъ земли отвести въ томъ мѣстѣ, гдѣ они пожелаютъ; если не согласятся перейти на вновь отведенные имъ участки, то могутъ остаться на старомъ мѣстѣ; 3) затѣмъ, всю землю удобную и неудобную, за исключеніемъ означенныхъ въ 1 и 2 пп. сего приговора, раздѣлить на 48 ровныхъ участковъ, которые отдать домохозяевамъ по жребію, и 4) по раздѣленіи земли и передъ жребіеметаніемъ, пригласить изъ постороннихъ селеній почетныхъ лицъ для опредѣленія качества земли каждаго участка и

распредѣленія суммы выкупныхъ платежей, смотря по качеству земли, попавшейся въ участокъ, по выполненіи сего, тогда лишь приступить къ жребіеметанію.

Въ виду улучшенія своего быта, единогласно приговорили: 1) настоящимъ приговоромъ просить ходатайства г. мирового посредника 1 участка Житомирскаго уѣзда о разрѣшеніи произвести новую подворную нарѣзку, на условіяхъ, изложенныхъ выше въ семъ приговорѣ, и 2) уполномочить изъ среды своей крестьянъ NN, которымъ поручить настоящій приговоръ при прошеніи представить г. мировому посреднику и вообще ходатайствовать по настоящему дѣлу».

Этимъ приговоромъ устанавливается процедура раздѣла, ставшая типичной. Но сложность новаго дѣла не позволила предусмотрѣть всего съ нимъ связаннаго. Забытъ былъ вопросъ о лѣсѣ. Слѣдующій приговоръ Зубринскаго схода устанавливаетъ — опять-таки ставшія типичными — нормы по этому вопросу.

«2 апр. 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. уч. Житомирскаго уѣзда, Волынской губ., созванный мѣстнымъ сельскимъ старостою, въ числѣ 50 лицъ изъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣлъ между собой разсужденіе о томъ, что, согласно приговора нашего, состоявшагося 11 декабря 1887 года за № 12, въ маѣ мѣсяцѣ сего года будетъ производиться новая подворная нарѣзка нашей общественной земли, но въ томъ приговорѣ ничего не значится о лѣсѣ, задержанномъ нѣкоторыми домохозяевами на своихъ участкахъ. По обсужденіи сего, сельскій сходъ единогласно приговорилъ: по произведеніи новой подворной нарѣзки и по раздачѣ хозяевамъ земельныхъ участковъ, предоставить права задержавшимъ на своихъ надѣлахъ лѣсъ забрать себѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ, считая со дня вынутія жребія о полученіи земельнаго участка, чему никто изъ насъ послѣ жребіеметанья не долженъ препятствовать».

Выработавъ нормы перехода къ новому порядку землевладѣнія, Зубринскій сельскій сходъ долженъ былъ приступить къ проведенію ихъ на дѣлѣ. Наиболѣе труднымъ оказалось созданіе равноцѣнныхъ участковъ. Ниже мы увидимъ, что разныя сельскія общества различно разрѣшаютъ эту трудную задачу. Большинство, однако, держится того принципа, который выработанъ Зубринкой, т. е. уравновѣшиваетъ качество земли количествомъ ея. Это уравновѣшиваніе въ Зубринкѣ происходило двумя способами: 1) при помощи увеличенія и уменьшенія самихъ участковъ сообразно съ качествомъ земли, и 2) при помощи прибавленія къ наиболѣе плохимъ участкамъ огородной земли изъ нѣсколькихъ, не вошедшихъ въ общій передѣлъ, огородовъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ нарушался принципъ владѣнія въ одномъ кускѣ, такъ какъ огородные участки не примыкали къ соединеннымъ съ ними полевымъ. Для большей ясности я позволю себѣ привести приговоръ цѣликомъ:

«3 іюня 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. участка, Житомирскаго уѣзда, созванный мѣстнымъ сельскимъ старостой, въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса, имѣлъ между собой разсужденіе о томъ, что 1), согласно приговора нашего 11 декабря 1887 г. за № 12, произведена новая подворная нарѣзка слѣд. порядкомъ: а) отрѣзано 50 участковъ для хозяевъ, имѣющихъ надѣлы; б) отрѣзано 5 десятинъ для огородниковъ: О. Демьянчука 3 дес. и Я. Лося 2 дес., и в) оставлено 6 огородовъ, которые приданы къ участкамъ, въ коихъ числится больше худшаго качества земли, а именно: огородъ Г. Жальчука къ двумъ участкамъ № 10 и 10 въ урочищѣ Медо, огородъ Я. Жальчука къ № 6 въ урочищѣ Лиски, огородъ С. Лисовца къ № 32 въ урочищѣ Майданъ-Казанди, огородъ Р. Кравчука къ № 24 и 25 въ урочищѣ Вышинька, огородъ С. Микитюка къ № 16 въ урочищѣ Запичье, на дорогѣ, ведущей въ д. Островку, и общественный огородъ къ № 19 въ урочищѣ Кругле.

При отрѣзкѣ 50 участковъ съ нашего согласія уравнивалось слѣд. порядкомъ: 1) въ тѣхъ участкахъ, въ кои вошла земля худшаго качества, отрѣзано больше, а гдѣ лучшаго — меньше; количество каждаго участка значится въ подворномъ спискѣ, составленномъ землемѣромъ г. Куликовскимъ, согласно плану: 2) необходимо сдѣлать распредѣленіе выкупныхъ платежей; 3) по распредѣленіи выкупныхъ платежей приступить къ жребіеметанію и раздачѣ участковъ; 4) о томъ, что крестьяне просятъ объ отдачѣ имъ участковъ безъ жребія (приведены имена и фамиліи крестьянъ, съ обозначеніемъ просимыхъ ими участковъ). По обсужденіи вышеизложеннаго, сходъ, въ присутствіи нижеподписавшихся стороннихъ понятыхъ, единогласно приговорилъ: сдѣланную нарѣзку признать выгодной для себя; 2) избрать изъ своей среды уполномоченныхъ крестьянъ NN, которымъ поручить сдѣлать распредѣленіе выкупныхъ платежей на каждый участокъ; 3) по распредѣленіи выкупныхъ платежей, приступить къ жребіеметанію, по порядку подворнаго списка къ исправленной уставной грамотѣ; если же кто-либо изъ крестьянъ не пожелаетъ тянуть жребій или отлучится до жребіеметанія, то за таковыхъ долженъ брать жребій сельскій староста дер. Новорошковской Буды №№; 4) отдать безъ жребія участки просителямъ, поименованнымъ въ 4-мъ пунктѣ 1-й половины сего приговора».

Раздача части участковъ безъ жребія, по постановленію схода, встрѣчается и въ другихъ приговорахъ; къ сожалѣнію, очень рѣдко приводятся мотивы, которые оправдываютъ такое нарушеніе общаго порядка. Что касается до уравненія, то не вездѣ оно производится посторонними людьми; чаще его производятъ выборные подъ непосредственнымъ наблюденіемъ всего общества. Что уравненіе участковъ, по ихъ цѣнности, не кажется самимъ крестьянамъ идеально-точнымъ, можно судить по распредѣленію выкупныхъ платежей. Для Зубринки мы имѣемъ объ этомъ распредѣленіи особый приговоръ, показывающій, что цѣнность участковъ остается всетаки довольно различной.

«3 іюня 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1-го мир. участка Житомирскаго уѣзда, Волынской губ., созванный мѣстнымъ сельскимъ старостой, въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ. имѣющихъ право голоса на сходѣ, слушали заявленіе уполномоченныхъ, избранныхъ приговоромъ, отъ сего числа, за № 5, Василія Лисовца, Каллиника Ткачука о томъ, что на 50 участковъ выкупной платежъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

	№	Сумма выкуповъ:	Названіе урочищъ:
	1	12	Забродами
	2	13	На бродку
	3	13	Сидорово
	4	13	Сидорово
	5	12	Лиски
	6	10	Лиски
	7	11	Хуторъ
			и т. д. колеб. отъ 9 до 14.
Огородникамъ:			
	51	4 р. 92 к.	Демьянчукъ
	52	1 » 11 »	К. Лисовецъ
	53	4 » 70 »	Яковъ Лось.

Заявленіе нѣкоторыхъ крестьянъ о томъ, чтобы не было воспрещено домохозяевамъ проводить канавы въ низкихъ мѣстностяхъ, если встрѣтится надобность провести таковую черезъ нѣсколько участковъ до болота или рѣки и, наконецъ, заявленіе крестьянъ о томъ, чтобы въ будущемъ 1889 г. пользоваться усадьбами, давая въ замѣнъ такое же количество полевой земли или сѣнокоса.

По обсужденіи всѣхъ вышесказанныхъ вопросовъ, единогласно приговорили: 1) распредѣленіе суммы 609 р. 73 к. выкупныхъ платежей, подлежащихъ внесенію ежегодно въ казначейство, признать правильнымъ; 2) обязать каждаго домохозяина нашего общества не препятствовать въ спускѣ воды посредствомъ канавъ, и 3) усадебной землею пользоваться въ будущій 1889 г. такъ, какъ пользуются по настоящее время, давая взамѣнъ такое же количество земли полевой или сѣнокосной».

Только опредѣливъ точно порядокъ раздѣла и предусмотрѣвъ всѣ возможныя случайности, Зубринское общество приступило къ метанію жребія. Метаніе жребія происходило на сходѣ и закрѣплено слѣд. приговоромъ:

«6 іюня 1888 г. Мы, нижеподписавшіеся крестьяне д. Зубринки, собравшись въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, согласно приговоровъ нашихъ, состоявшихся 11 декабря 1887 г., № 12, сего числа, за № 5 и 6, приступили къ вынутію жребіевъ на полученіе земельныхъ участковъ по порядку подворнаго списка уставныхъ грамотъ, а именно:

№ по порядку.	Имя и фамилія.	№ жребія.	Названіе урочищъ.	Выкупная плата.
1	Александръ Мосейчукъ	32	Майданъ-Кагацы	10 руб.
2	Петръ Боляченко	12	Савоповъ-огородъ	11 »
3	Сидоръ Боляченко	15	Запичье	13 »
4	Афанасій Шальчукъ	30	Бочки	13 »
			и т. д.	

Такъ какъ вынутіе жребіевъ произведено правильно, приговорили: настоящій приговоръ, по утвержденіи и записи въ книгу приговоровъ, копію съ него представить г. мир. поср. 1 участка Житомирскаго уѣзда».

Послѣ этого зубринцамъ оставалось лишь переселиться на свои участки и завести хозяйство на новый ладъ. Зубринцы такъ и поступили.

И опытъ ихъ оказался настолько удаченъ, что вслѣдъ за ними одно за другимъ стали переходить на волоки и остальныя села Горошковской волости, а затѣмъ села и сосѣднихъ съ ней волостей Житомирскаго уѣзда.

Въ настоящее время изъ сельскихъ обществъ Горошковской волоости не перешли на волоки только Краевщина, гдѣ вопросъ о переходѣ поднятъ, но не разрѣшенъ въ силу разногласія между крестьянами относительно подробностей, а также нѣсколько деревень, которыя не могутъ перейти на волоки въ силу неблагопріятныхъ условій: такъ, одно изъ сельскихъ обществъ, составляющихъ д. Рыжаны, не можетъ перейти на волоки, такъ какъ ведетъ земельную тяжбу съ помѣщикомъ, д. Волянщина—въ виду того, что еще не совершилось размежеваніе крестьянскихъ земель съ помѣщичьими; не могутъ перейти на волоки деревни Рудня-Камень, Рудня-Гацковка и Рудня-Шляхова, такъ какъ надѣлы этихъ даревень ничтожны, а переходъ на волоки оказывается выгоднымъ (о чемъ подробнѣе скажемъ ниже) только при довольно значительныхъ надѣлахъ. Всѣ остальныя сельскія общества Горошковской волости перешли уже къ новому порядку.

Изъ Горошковской волости движеніе въ пользу перехода на волоки перешло прежде всего въ сосѣднюю Пулинскую, находящуюся почти въ тождественныхъ

съ Горошковской условіяхъ. Пулинская волость, какъ и Горошковская, составляетъ одинъ изъ центровъ нѣмецкой колонизаціи; условія почвы этой мѣстности, какъ и въ Горошковской волости, требуютъ удобренія, надѣлы тоже принадлежатъ къ числу крупныхъ. Въ Пулинской волости движеніе началось значительно позже и, пока, села, перешедшія на волоки, составляютъ меньшинство, но, судя по той интенсивности, съ какой развивается это движеніе, можно думать, что въ близкомъ будущемъ и Пулинская волость вся перейдетъ къ новому порядку. Вотъ табличка постепеннаго роста этого движенія въ Пулинской волости.

Пулины	перешли	на	волоки	въ	1894 г.
Вацлавполь	»	»	»	»	1897 »
Новополь	»	»	»	»	1897 »
Сколобовъ	»	»	»	»	1899 »
Чернявка	»	»	»	»	1899 »
Кручинецъ	»	»	»	»	1899 »
Ивановичи	»	»	»	»	1900 »

Кромѣ того, поднятъ вопросъ о переходѣ на волоки въ Вильскѣ въ 1900 г. и въ Стрибожѣ въ 1901 году. Такимъ образомъ, за восемь лѣтъ въ Пулинской волости движеніе успѣло сдѣлать такой успѣхъ, что изъ 19 селъ 7 перешло уже на волоки и 2 находятся наканунѣ перехода.

Помимо этихъ двухъ волостей, въ которыхъ движеніе столь значительно расширилось переходъ на волоки наблюдается и въ другихъ, прилегающихъ къ Горошковской, волостяхъ: Барашевской, Ушомирской, Фасовской и Черняковской. Въ общемъ, мѣстность, охваченная движеніемъ, представляетъ собой все расширяющійся кругъ, центромъ котораго является перешедшая на волоки первою Зубринка.

Что касается до видовъ на дальнѣйшее распространеніе движенія, то въ южномъ направленіи оно почти достигло своихъ предѣловъ, такъ какъ южныя изъ перешедшихъ на волоки селъ почти непосредственно граничатъ съ черноземной и малоземельной полосой, представляющей мало данныхъ для развитія движенія; на сѣверъ же, востокъ и западъ движеніе можетъ распространяться еще далеко.

Присматриваясь къ тѣмъ формамъ, въ которыя вылилось движеніе въ своемъ развитіи, приходится убѣдиться, что уже въ Зубринкѣ оно нашло свои типичныя нормы, отклоненія отъ которыхъ либо не существенны, либо не раціональны. Мотивомъ къ такой перемѣнѣ въ сельскомъ быту повсюду выставляется неудобство прежняго порядка землевладѣнія для веденія хозяйства и, въ частности, для удобренія земли. Къ этому мотиву присоединяется еще другой— желаніе добиться передѣла общественныхъ земель, зачастую захватываемыхъ отдѣльными домохозяевами. Насколько такіе захваты являются обширными характеризуетъ слѣдующій приговоръ Вильскаго сельскаго схода.

«О распредѣленіи общественныхъ вакантныхъ земель на дворы въ надѣльнымъ землямъ 1900 г. августа 29 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Волынской губерніи, Житомирскаго уѣзда, 1 мирового участка, Пулинской волости, бывшіе государственные крестьяне с. Вильска, собравшись сего числа по созыву мѣстнаго сельскаго старосты Климентія Терещука, въ числѣ 89 изъ числа 108 всѣхъ въ обществѣ наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣли между собой совѣщаніе о томъ, что, согласно выкупнымъ документамъ, данной, совершенной 14 декабря за № 105, и вводному листу, отъ 28 декабря 1878 года за № 9, нашему обществу предоставлено на выкупъ между прочими угодьями въ распоряженіе всего сельскаго общества подъ запасные участки, оставшіеся свободными отъ постороннихъ обывателей, 223,64 дес. земли, подъ общимъ пастбищемъ 395,35 дес. земли и, кромѣ земли, находящейся подъ кладбищемъ и дорогами и училищною усадьбою, неудобной 79,61, что неудобная земля отчасти превратилась въ удобную, что запасные участки земли, предоставленные въ распоряженіе всего общества, въ количествѣ 223,64 дес., а равно и куски изъ неудобной земли находятся въ настоящее время въ временномъ пользованіи крестьянъ и жителей с. Вильска, а именно (слѣдуетъ перечень ихъ), изъ которыхъ многіе пользуются и вакантными землями, другіе, коренные домохозяева, таковою не пользуются, и это для послѣднихъ довольно обидно, что, въ виду этого и въ устраненіе неправильнаго пользованія вакантными участками земли вышеупомянутыми лицами, является необходимость вакантную землю уравнять распредѣленіемъ помежду всѣми надѣльными дворами общества, а потому и по общему между собою соглашенію единогласно приговорили: 1) предоставленную въ распоряженіе всего сельскаго общества подъ запасные участки землю, оставшуюся свободною отъ постороннихъ обывателей, въ количествѣ 223,64 дес. состоящую нынѣ въ временномъ пользованіи (перечисленіе), а равно земли, образовавшіяся изъ количества 79,61 дес. неудобной земли, удобныя сколько окажется по измѣренію въ натурѣ, распредѣлить прирѣзкою къ 67 надѣльнымъ дворамъ, въ количествѣ, какое будетъ на каждый дворъ причитаться; 2) выкупные платежи, причитающіеся за эту, подлежащую распредѣленію, землю причислить на каждый дворъ, согласно добавленному количеству земли, и 3) для ходатайства объ утвержденіи этого приговора и вообще веденія дѣлъ по этому предмету избрать изъ среды себя уполномоченныхъ крестьянъ (ихъ перечень), о чемъ составить настоящій приговоръ, который, по запискѣ въ установленную книгу, и утвердить нашими подписями»

Если захватъ общественныхъ земель не развился въ количественномъ отношеніи нигдѣ такъ сильно, какъ въ Вильскѣ, то лишь потому, что самой общественной земли нигдѣ не было такъ много. Но вездѣ, гдѣ только была общественная земля, она почти вся оказалась въ захватѣ, только общественные огороды мѣстами оставались въ пользованіи общества и въ качествѣ арендной статьи. Желаніе возвратить эту общественную землю въ общее пользованіе, съ распредѣленіемъ ея равномѣрно между всѣми «грамотными» дворами, является обыкновенно вторымъ мотивомъ при переходѣ на волоки. Этотъ мотивъ приводится въ одномъ изъ Зубринскихъ приговоровъ; онъ является основнымъ и въ Вильскомъ приговорѣ. Повидимому, этотъ мотивъ имѣлъ значеніе и въ другихъ случаяхъ, такъ какъ всегда, когда общественная земля оказывается въ захватѣ одними и нѣсколькими лицами при переходѣ на волоки, она раздѣляется поровну по количеству «грамотныхъ» дворовъ.

Основнымъ мотивомъ, однако, повсюду выставляется неудобство удобренія при отдаленности и разрозненности участковъ. Неудобства эти, повидимому, были дѣйствительно весьма ощутительны, такъ какъ, при прежнемъ порядкѣ землевладѣнія, удобрялась обыкновенно только огородная земля. Это обстоятельство,

дѣлая огородную землю наиболѣе цѣнной, вызвало, между прочимъ, нѣкоторое видоизмѣненіе въ типѣ перехода на волоки. Тогда какъ нѣкоторыя общества, подобно Зубринскому, вполнѣ переходятъ къ хуторскому, нѣмецкому, хозяйству и каждый домохозяинъ переселяется на свой участокъ, большинство изъ нихъ стремится сохранить за собой усадебныя земли. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при переходѣ на волоки, усадебныя земли сохраняются за прежними владѣльцами, размѣръ усадебъ обыкновенно уравнивается, при чемъ нормы уравненія бываютъ различны. Приговоръ Новопольскаго схода говоритъ: «усадебныя земли въ селеніи оставить на мѣстѣ и дорѣзать еще изъ полевой земли кругомъ селенія каждому домохозяину такое количество земли, чтобы приходилось на каждый дворъ усадебной земли по три десятины». Приговоромъ Ивановскаго сельскаго схода усадебныя земли въ селѣ тоже остаются за прежними владѣльцами и нормой признается $3^1/_2$ десятины на «грамотный» дворъ. „Приговоръ Пулинскаго сельскаго схода, сохраняя усадьбы въ селеніи, постановляетъ къ каждой усадьбѣ прирѣзать по 1 дес. изъ полевой земли кругомъ селенія. Объ уравненіи усадебныхъ земель въ этомъ приговорѣ не упоминается. Средняя величина усадьбы, съ прирѣзкой выходитъ менѣе, чѣмъ 2 дес. на дворъ, такъ какъ всего было до перехода 59 дес. 216 саж. усадебной земли на 74 «грамотныхъ» двора. Чернявскій сельскій сходъ, оставляя усадьбы на мѣстѣ, не уравниваетъ усадебныя земли прирѣзкой, и размѣръ усадебъ колеблется отъ 540 саж. до 2 дес. 1900 саж. на «грамотный» дворъ. Кручинецкій сельскій сходъ оставляетъ усадьбы на мѣстѣ и не уравниваетъ усадебные участки, размѣръ которыхъ колеблется отъ 945 саж. до 2 дес. 1554 саж. Рыжанскій сельскій сходъ усадьбы оставляетъ на мѣстѣ и уравниваетъ съ 3-хъ десятинъ, тоже Грушковскій. Въ Дворищахъ усадьбы остаются на мѣстѣ и усадебныя земли уравниваются съ размѣра въ одну десятину. Мало-Горошковскій сельскій сходъ, оставляя усадьбы на мѣстѣ, за норму усадебной земли принимаетъ 2 десятины, тоже Челновскій сходъ. Давидовскій сельскій сходъ, оставляя деревню на мѣстѣ и уравнивая размѣръ усадьбы въ 3 дес., такъ опредѣляетъ мѣсто, гдѣ должна быть произведена эта нарѣзка: «подъ усадьбы тѣхъ дворовъ, у которыхъ меньше 3 десятинъ, прирѣзать изъ земли, находящейся подъ березовымъ лѣсомъ въ урочищѣ Лысая Язвинка, а если не хватитъ, то изъ полевой земли около села», причемъ добавляетъ, что «тѣ изъ однообщественниковъ, которые имѣютъ постройки на поляхъ, могутъ получить къ нимъ усадебныя земли или въ урочищѣ Лысая Язвинка или изъ прилегающей къ постройкамъ полевой земли. Сходъ Рудни Крапивенской, уравнивая усадебные участки съ 3-хъ десятинъ, указываетъ, что прирѣзки къ усадебнымъ землямъ должны быть сдѣланы изъ общественныхъ огородовъ. Приговоръ Славовскаго схода относительно усадебъ говоритъ слѣдующее: «Усадьбы уравнять до двухъ десятинъ, причемъ предоставить пользоваться каждому домохозяину 1 дес. въ самомъ селѣ, какъ было прежде, и прирѣзать по одной десятинѣ изъ полевыхъ земель вокругъ села». Тотъ же приговоръ добавляетъ: «Домохозяевамъ, имѣющимъ постройки на

полевыхъ угодьяхъ и нежелающимъ переносить ихъ, оставить на старыхъ мѣстахъ по одной десятинѣ, съ тѣмъ, чтобы эти десятины шли въ зачетъ прирѣзки къ усадебной землѣ». Сходъ села Паромовки разрѣшаетъ вопросъ объ усадебныхъ земляхъ такъ: «Усадьбы уравнять до 2-хъ десятинъ на «грамотный» дворъ прирѣзками изъ излишковъ, отрѣзанныхъ у другихъ однообщественниковъ и изъ общественныхъ огородовъ, а при недостаткѣ—изъ земли при урочищѣ Селище. Въ такихъ случаяхъ, когда подъ усадьбы и огороды будетъ отведена очень плохая земля, можно дать до 3-хъ десятинъ на грамотный дворъ».

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ замѣчается стремленіе къ уравненію размѣровъ усадебной земли въ нормахъ отъ 1 до $3^1/_2$ десятинъ, съ преобладаніемъ нормы въ 3 десятины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается тенденція къ сохраненію усадебной земли въ селѣ или около существующихъ построекъ, но нерѣдко подъ усадебныя земли отводится какое-нибудь урочище съ особенно хорошей землей. Не составляютъ исключенія случаи, когда усадебныя земли отводятся не въ одномъ, а въ двухъ кускахъ (участокъ въ селѣ и прирѣзка на Лысой Язвинкѣ; участокъ съ селѣ и прирѣзка около существующихъ въ поляхъ построекъ), и постоянны случаи, когда усадебныя земли отдѣлены отъ полевыхъ. Такія отклоненія отъ прототипа новаго хозяйства—нѣмецкаго колонистскаго хозяйства и нормъ, выработанныхъ піонерами въ дѣлѣ перехода на волоки—зубринцами, фактически сильно сглаживаются съ теченіемъ времени. Въ многихъ случаяхъ, гдѣ, по приговору, усадьбы оставлены на прежнихъ мѣстахъ, фактически онѣ перенесены на полевые участки, и усадебныя земли превращаются въ исключительно огородныя. Такъ какъ этимъ создается вновь то неудобство, которое было одной изъ основныхъ причинъ перехода на волоки, т. е., отдаленность нѣкоторыхъ изъ угодій отъ жилья, то покинутыя усадьбы—иногда вмѣстѣ съ постройками, иногда же по снесеніи построекъ — превращаются въ арендную статью. Такое ненормальное, по существу, положеніе въ мѣстечкахъ (Пулины и Горошки) оказывается очень выгоднымъ. Отдавая свои усадебныя земли въ аренду евреямъ, живущимъ въ мѣстечкахъ чиновникамъ и т. д., крестьяне мѣстечекъ извлекаютъ изъ этихъ земель значительно бо́льшой доходъ, чѣмъ какой могла бы дать обработка ихъ. Но въ деревняхъ положеніе мѣняется. Тамъ крестьяне могутъ отдать въ аренду свои усадебныя земли только либо близко живущимъ односельчанамъ, либо кулакамъ, которые собираютъ въ своихъ рукахъ, по возможности, всѣ покинутыя усадебныя земли. Послѣднее явленіе наблюдалось въ д. Дворищахъ, гдѣ кулакъ, заарендовавъ большую часть оставленныхъ усадебныхъ участковъ, эксплуатируетъ ихъ подъ травосѣяніе.

Вообще основной причиной стремленія крестьянъ удерживать за собой усадебныя земли является, повидимому, нежеланіе ихъ разстаться съ тѣмъ клочкомъ, на удобреніе котораго затрачено столько силъ (до перехода на волоки удобрялись, въ большинствѣ случаевъ, только усадебныя земли), при этомъ забываются сопряженныя съ такимъ отдѣленіемъ усадьбы отъ пахотной земли неудобства, которыя сказываются очень скоро на практикѣ.

Что касается до распредѣленія полевыхъ земель, то и въ этомъ вопросѣ между отдѣльными селами существуютъ нѣкоторыя различія. Въ Зубринкѣ, какъ было указано выше, сходъ стремился къ уравновѣшиванію цѣнности участковъ причемъ качество земли компенсировалось количествомъ ея. Неравномѣрность распредѣленія выкупныхъ платежей показываетъ, что идеалъ равноцѣнности участковъ казался самимъ крестьянамъ достигнутымъ лишь относительно. Такая компенсація за качества земли количествомъ ея наблюдается, подобно Зубринкѣ, вездѣ, но не вездѣ она возможна. Такъ какъ въ основу передѣла положенъ «грамотный» дворъ, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ размѣрѣ «грамотныхъ» участковъ существовало колебаніе, оно сохранилось и при переходѣ на волоки. Такими отклоненіями отъ равномѣрности надѣла являются, прежде всего, такъ называемые огородники, т. е. крестьяне, владѣющіе только огородами: они всегда остаются на прежнемъ положеніи, какое на ихъ судьбу переходъ на волоки имѣетъ, тѣмъ не менѣе, довольно существенное вліяніе. Но помимо огородниковъ существуютъ и другіе нарушители равномѣрности надѣла: это владѣльцы половинныхъ усиленныхъ надѣловъ, владѣющихъ ими по приговорамъ судовъ и т. д. Мѣстами такія отклоненія бываютъ довольно значительны. Такъ, въ Новополѣ 41 дворъ получилъ надѣлъ въ 25 дес. 755 саж. при 3 десятинахъ усадебной земли; 28 дворовъ—въ 13 дес. 755 саж. при 3-хъ десятинахъ усадебной земли и 2 двора по 6 десятинъ безъ усадебъ. Эти размѣры участковъ сохранены и при переходѣ на волоки. Точно также прежній размѣръ участковъ въ 16 дес. 748 саж. сохраняется при переходѣ на волоки Сколобовскимъ сходомъ. Въ Ивановичахъ по подворному списку значится 20 дворовъ съ большимъ надѣломъ (въ 18, 16 и 15 десятинъ) и 96 дворовъ съ меньшимъ надѣломъ (въ 10 дес. 672 сажени каждый). Сходъ постановилъ надѣлить сначала 20 дворовъ съ большимъ надѣломъ, которымъ отвести земли отъ границы съ дер. Бураковкой, потомъ 96 дворовъ съ меньшимъ надѣломъ. Рыжанскій сельскій сходъ, принимая принципъ компенсаціи за качество количествомъ, устанавливаетъ предѣлы колебанія величины отдѣльныхъ участковъ, «чтобы самая большая волока не превышала 32 десятинъ, а самая меньшая не была меньше 22 десятинъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рыжанскій сходъ не производитъ такого тщательнаго распредѣленія выкупныхъ платежей, какъ Зубринскій, а постановляетъ, что «выкупные платежи и мірскіе сборы уплачиваются поровну отъ каждой волоки». Дворищскій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея въ предѣлахъ отъ 12 до 13½ дес., распредѣляетъ выкупные платежи съ колебаніями между 10 р. 14 к. и 12 р. 24 к. Мало-Горошковскій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея, выкупные платежи распредѣляетъ поровну отъ каждой волоки. Завидовскій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея въ предѣлахъ отъ 17 до 28 десятинъ, выкупные платежи распредѣляетъ поровну отъ волоки. Сходъ Рудни-Крапивенской пахотную землю распредѣляетъ съ компенсаціей на качество количествомъ ея, общественный же сѣнокосъ прямо дѣлитъ па равные участки (сѣнокосъ оказывается, такимъ образомъ, отдѣльно отъ пахоти),

выкупные платежи и мірскіе сборы сходъ распредѣляетъ поровну отъ волоки. Славовскій сходъ уравниваетъ качество участковъ количествомъ земли въ предѣлахъ отъ 18 до 25 десятинъ, мірскіе же сборы и выкупные платежи распредѣляетъ поровну.

Переходъ на волоки далеко не вездѣ былъ принимаемъ единогласно. Очень часто являлись консервативные элементы, которые не соглашались на такую коренную ломку. Число несогласныхъ бываетъ довольно различно, но, въ общемъ, они составляютъ ничтожное меньшинство. Сходы обыкновенно постановляютъ несогласнымъ оставлять ихъ прежніе участки полевой и усадебной земли. Только въ одномъ случаѣ мнѣ пришлось наблюдать фактъ принужденія къ переходу на волоки и то при исключительныхъ обстоятельствахъ. Наибольшее количество несогласныхъ на переходъ на волоки изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ перехода было въ Мало-Горошковскомъ сельскомъ обществѣ (16 изъ 126); въ остальныхъ случаяхъ число несогласныхъ было 1—3. Случай принужденія къ переходу на волоки имѣлъ мѣсто въ Славовскомъ сельскомъ обществѣ, приговоръ котораго вообще отличается нѣкоторымъ деспотизмомъ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ общества. Постановленіе о принужденіи къ переходу на волоки формулировано въ приговорѣ такъ: «Однообщественника нашего К. Клименка, не изъявившаго желанія участвовать въ новой нарѣзкѣ, обязать участвовать, такъ какъ два совладѣльца его по пользованію надѣломъ М. и М. Клименки изъявили согласіе на нарѣзку, въ виду чего третій совладѣлецъ обязательно долженъ подчиниться желанію большинства». Тотъ же сходъ, какъ было указано выше, проявилъ склонность къ принужденію отдѣльныхъ сочленовъ и въ другомъ случаѣ. Такъ, постановивъ, что хозяева, имѣющіе постройки на полевыхъ угодьяхъ и не желающіе покидать ихъ, должны получить около построекъ по одной десятинѣ полевой земли въ зачетъ прирѣзки къ усадебной, постановляетъ слѣдующее: «Такъ же поступить въ отношеніи Ф. Кондрацкаго, который, хотя и согласился нынѣ перенести свои постройки, но согласіе это можетъ по легкомыслію перемѣнить».

Выше было уже отмѣчено, что иногда сходъ вмѣшивался въ распредѣленіе участковъ, назначая ихъ тѣмъ или другимъ хозяевамъ безъ жребія. Такое явленіе было уже въ Зубринкѣ. Оно повторялось и позднѣе въ другихъ случаяхъ причемъ иногда просьба о назначеніи участка мотивируется, что нѣсколько выясняетъ причину такого нарушенія общаго порядка распредѣленія участковъ. Грушковскій сходъ постановляетъ: «двумъ крестьянамъ, дворы которыхъ находятся въ полѣ, дать участки около дворовъ въ обыкновенномъ размѣрѣ». Въ другихъ случаяхъ, сходы, однако, постановляютъ находящіяся въ поляхъ постройки снять въ опредѣленный срокъ, который бываетъ различенъ. Такъ, Сколобовсій сходъ постановилъ, что втеченіе 2-хъ лѣтъ хозяева обязаны снести постройки и пересадить или уступить фруктовыя деревья. Сходъ Рудни Кропивенской постановилъ постройки въ поляхъ снять безъ указанія срока. Славовскій сходъ постановилъ постройки въ поляхъ сохранить и около нихъ дать по

одной десятинѣ въ зачетъ прирѣзки къ усадьбамъ. Мало-Горошковскій сходъ постановляетъ, что хозяева, имѣющіе въ поляхъ постройки и огороды не больше 2-хъ десятинъ, могутъ сохранить ихъ въ своемъ пользованіи, давъ взамѣнъ соотвѣтствующее количество земли. Тотъ же вопросъ, выясняется слѣдующимъ приговоромъ Дашенскаго сельскаго схода.

«1895 г. ноября 24. Слушали словесную просьбу нашихъ однообщественниковъ 1) И. Е. Федоренка о томъ, что, по новой подворной нарѣзкѣ, въ № 2 земельнаго участка, есть 2 дес. земли, подаренной б. помѣщикомъ Строиновскомъ отцу его, о чемъ сдѣлана отмѣтка въ планѣ общ. земель, составленномъ въ 1866 г.; на означенныхъ десятинахъ находятся болѣе 50 лѣтъ его гумно, сѣнникъ, фруктовый садъ, липовыя деревья, переносъ которыхъ невозможенъ, такъ какъ, если придется переносить находящіяся тамъ постройки и огорожу, стоящія болѣе 400 р., то на переносъ ихъ нужно до 150 р., почему проситъ дать ему участокъ № 2 безъ жребія. 2) С. Федоренка о томъ, что, по новой нарѣзкѣ, въ № 10 находятся на полевой землѣ его постройки до 1.000 р, почему проситъ общество дать ему участокъ № 10 безъ жребія, за что онъ согласенъ уплатить въ пользу общества 70 р.; 3) жена Б. Бирюченко (мужа на сходѣ не было) и зятья умершаго О. Никетенко, А. Собко и Е. Кучеръ, ведутъ въ Житомир. окр. судѣ тяжбу за зем. надѣлъ, просятъ допустить ихъ къ вынутію жребія, такъ какъ, по неизвѣстной причинѣ, общество не допустило ихъ къ вынутію жребія и даетъ безъ жребія участокъ, № 4, всего 30 дес. неудобной земли. Сходъ по выслушаніи означенной просьбы принялъ во вниманіе: 1) что И. Федоренко самъ предлагалъ обществу 100 руб. за то, чтобы ему безъ жребія данъ былъ участокъ, № 2, на которомъ находятся указанныя имъ постройки, хлѣбъ, огородъ и деревья, теперь же, узнавъ изъ плана, что отцу его подарены двѣ десятины, отказываяся отъ дачи обществу 100 р.; общество же считаетъ, что проситель И. Федоренко не имѣетъ дарственной земли, хотя объ этомъ значится на планѣ, но въ другихъ документахъ ничего не видно; 2) что у С. Федоренко дѣйствительно много построекъ находится на участкѣ № 10, что просьбу его на сходѣ признаемъ подлежащею удовлетворенія; 3) жены Б. Бирюченко и зятей умершаго О. Никитенка, крестьянъ А. Собко и Е. Кучера, ведущихъ тяжбу, въ виду того что Борисъ Бирюченко издавна тамъ надѣломъ не пользовался, а владѣлъ умершій Ѳ. Никитенко, зятья (приймаки) котораго А. Собко и Е. Кучеръ другого общества, то сходъ признаетъ достаточнымъ для нихъ надѣломъ 30 десятинъ, то единогласно приговорили: 1) И. Федоренку отдать участокъ № 2 безъ жребія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ представилъ болѣе ясное и формальное доказательство, что отцу его подарено 2 десятины, если же таковыя доказательства не будутъ представлены, то долженъ будетъ уплатить въ пользу общества 100 р.; 2) С. Федоренку, давшему въ пользу общества 70 р., отдать участокъ № 10 безъ жребія (15 хозяевъ согласныхъ и 10 несогласныхъ); 3) просьбу жены Б. Бирюченка А. Собко и Е. Кучеренко, по вышеобъясненнымъ обстоятельствамъ, оставить безъ послѣдствій».

Приговоръ этотъ я привелъ цѣликомъ, какъ весьма характерный для обрисовки отношеній крестьянъ къ правамъ тѣхъ изъ своихъ односельчанъ, которые владѣли частью своихъ участковъ не на основаніи уставной грамоты. Сходъ не признаетъ этихъ правъ, считая, однако, возможнымъ вступить въ сдѣлку съ владѣльцемъ подареннаго участка. Въ другомъ случаѣ сходъ признаетъ справедливость просьбы, основанной на томъ, что у претендента на извѣстный участокъ есть на немъ постройки, но за удовлетвореніе этой просьбы считаетъ себя въ правѣ получить вознагражденіе. Вообще, непоколебимымъ сходы признаютъ только то п р а в о на извѣстный земельный участокъ, которое о п и р а е т с я н а у с т а в н у ю г р а м о т у. Такъ, Рыжанскій сельскій сходъ

по первому приговору совершенно умолчалъ о тѣхъ крестьянахъ, которые владѣли участками не на основаніи уставной грамоты, а на основаніи приговоровъ волостного суда и прежнихъ постановленій схода, и не хотѣлъ давать этимъ владѣльцамъ волокъ. Только подъ вліяніемъ администраціи рѣшеніе схода было измѣнено.

Впрочемъ, и право собственности, основанное на уставной грамотѣ, признается только тогда, когда владѣлецъ обрабатывалъ свой участокъ и платилъ за него платежи. Такъ, Славовскій сходъ постановилъ:

«Домохозяевамъ (приводятся имена и фамиліи), за которыми, по подворному списку уставной грамоты, показаны, кромѣ огородныхъ земель, и цѣлые полевые надѣлы, предоставить при настоящей нарѣзкѣ только тѣ огородныя мѣста, въ количествѣ каждому по одной десятинѣ, коими они, въ качествѣ огородниковъ, пользовались до настоящаго времени отъ самаго освобожденія крестьянъ и введенія уставной грамоты и за которые только и уплачивали съ того времени выкупные платежи и мірскіе сборы, при чемъ изъ нихъ только одной В. Полюшихѣ дать еще три десятины полевой земли, такъ какъ до сего времени это количество полевой земли находилось въ ея фактическомъ пользованіи».

Такимъ образомъ, сходъ отказывается отъ принципа дѣленія на уставные дворы въ тѣхъ случаяхъ, когда числящаяся по уставной грамотѣ земля не была въ фактическомъ пользованіи и за нее юридическимъ ея владѣльцемъ не были вносимы выкупные платежи.

Интересными въ процессѣ перехода на волоки являются вопросы о лѣсѣ, дорогахъ и водопоѣ. Для всѣхъ этихъ вопросовъ въ самомъ началѣ вырабатываются извѣстныя нормы, которыми и руководствуются отдѣльныя общества, съ небольшими колебаніями. Относительно лѣса Новопольскій сходъ постановляетъ, что хозяинъ, сохранившій свой лѣсъ, имѣетъ право въ шестилѣтній срокъ снять строевой и дровяной лѣсъ, молодой же остается въ пользованіи новаго владѣльца. Рыжанскій сельскій сходъ даетъ иную норму: лѣсъ, отдѣльныя деревья и кустарники принадлежатъ прежнимъ владѣльцамъ, которые обязуются снять ихъ втеченіе трехъ лѣтъ; вмѣсто же лѣсныхъ участковъ они обязаны давать втеченіе того же времени соотвѣтствующее количество пахотной земли средняго качества. Дворищскій сходъ постановляетъ, что лѣсъ и отдѣльныя деревья прежніе владѣльцы обязаны снять втеченіе трехъ лѣтъ. Крестьянину Василенку, въ собственности котораго есть одна десятина лѣса, дозволяется сохранить ее втеченіе трехъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ замѣнъ онъ далъ десятину полевой земли. Челновской сходъ разрѣшаетъ вопросъ о лѣсѣ опять иначе: лѣсъ владѣльцы должны снять втеченіе 5 лѣтъ; домохозяевамъ, сохранившимъ лѣсъ на цѣлыхъ десятинахъ или полудесятинахъ, предоставляется право удержать его съ тѣмъ, чтобы они дали въ замѣнъ соотвѣтствующее количество пахатной земли. Давидовскій сходъ обязуетъ домохозяевъ снять лѣсъ въ шестилѣтній срокъ. Сходъ Рудни Крапивенской предоставляетъ право снять лѣсъ и кустарники въ 3-хъ лѣтній срокъ, по истеченіи котораго новые домохозяева имѣютъ право считать неснятый лѣсъ своей собственностью. По приговору Славовскаго схода, кустарники переходятъ къ новымъ

владѣльцамъ участковъ, большія же деревья остаются собственностью старыхъ, при чемъ послѣдніе обязаны снять ихъ втеченіе трехъ лѣтъ.

Интересенъ случай, гдѣ устанавливаются права собственности на нѣсколько деревьевъ у дороги. Сколобовскій сходъ постановилъ, что четыре тополя при дорогѣ должны остаться въ пользованіи общества. Надо замѣтить, что это не единичный случай, когда сходъ, при переходѣ на волоки, оставляетъ небольшіе участки земли въ общественномъ пользованіи. Такъ, Рыжанскій сходъ постановляетъ «оставить въ теперешнемъ видѣ общественныя земли подъ шкальней (казенной винной лавкой) и гдѣ еврей Х. Кахтанъ и арендаторъ Кноръ»; оставляетъ въ общественномъ пользованіи 4 десятины и Славовскій сходъ, изъ нихъ одну подъ училищемъ и одну подъ общественнымъ домомъ.

По условіямъ мѣстности, становится очень важнымъ вопросъ о проведеніи осушительныхъ канавъ. Почти каждый приговоръ оговариваетъ права отдѣльныхъ хозяевъ проводить такія канавы черезъ сосѣдніе участки. Сколобовскій сходъ постановляетъ, что--гдѣ понадобится—должны быть прорыты на общественный счетъ канавы для стока воды. Право прорытія канавъ оговариваютъ Рыжанскій, Мало-Горошковскій и нѣк. др. сходы.

Право водопоя оговариваетъ только Рыжанскій сходъ, постановившій, что рѣкой въ селѣ должны пользоваться всѣ сообща, а на волокахъ тѣ, чья волока приходится противъ рѣки. Такое малое вниманіе къ вопросу о водопоѣ объясняется тѣмъ, что на каждомъ участкѣ роютъ колодезь, которымъ и пользуется каждый хозяинъ отдѣльно.

Весьма любопытны также постановленія сходовъ относительно дорогъ. Рыжанскій сходъ постановляетъ, что дороги, ведущія къ отдѣльнымъ домохозяевамъ, должны быть шириною въ 4 аршина, тѣ же, которыя служатъ потребностямъ всего общества, и трактовыя должны быть не уже трехъ саженей. Исправленіе первыхъ лежитъ на обязанности того домохозяина, по чьей землѣ онѣ проходятъ, вторыхъ—на обязанности общества. Тотъ же сходъ постановляетъ, что каждый хозяинъ обязанъ дать сосѣду дороги до волоки и до купленной земли. По приговору Славовскаго схода, дороги между отдѣльными волоками должны быть въ двѣ сажени, а для надобностей всего общества—въ три сажени, при чемъ и тѣ и другіе исправляются всѣмъ обществомъ. Преобладаетъ, однако, первая норма.

Большинство приговоровъ заключаетъ въ себѣ постановленіе, что владѣльцы каждаго уставнаго двора должны подѣлиться между собой сами.

Этимъ я заканчиваю свой бѣглый обзоръ формъ перехода крестьянъ на волоки. Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ характерѣ, какой носитъ хозяйство перешедшихъ на волоки, и о тѣхъ послѣдствіяхъ перехода, которыя уже успѣли обнаружиться.

Переходъ на волоки радикально измѣнилъ крестьянское хозяйство. Прежде всего исчезъ обязательный сѣвооборотъ и стали возможны отклоненія отъ трехпольной системы и традиціоннаго способа обработки земли. Каждое

хозяйство стало представлять собой нѣчто вполнѣ самостоятельное и каждый хозяинъ получилъ возможность, по мѣрѣ умѣнія, приближать его къ тому идеалу, какимъ самъ обладалъ. Идеаломъ такимъ въ данной мѣстности является нѣмецкое и чешское колонистское хозяйство, превосходства котораго слишкомъ очевидны, чтобы они не бросились въ глаза. По примѣру нѣмцевъ и чеховъ, перейдя на волоки, крестьяне начинаютъ тщательно удобрять не одни только усадебныя (огородныя) земли, какъ дѣлали раньше, но и полевыя. Удобреніемъ въ большинствѣ случаевъ, какъ и у нѣмцевъ, служитъ почти исключительно навозъ; въ нѣкоторыхъ селахъ, соприкасающихся съ чешскими колоніями, подъ вліяніемъ послѣднихъ примѣняется и гипсованіе полей, предназначаемыхъ подъ клеверъ. Самая обработка земли ведется на нѣмецкій манеръ—«грядками». На удобренной землѣ засѣвается большее ея количество, чѣмъ прежде, и подъ толокой остается меньше $^1/_3$,— обыкновенно $^1/_5$ или $^1/_6$ участка (у нѣмцевъ иногда даже $^1/_{10}$). Недостатокъ выпаса компенсируется травосѣяніемъ. Сѣютъ клеверъ, вику, иногда тимофѣевскую траву. Травосѣяніе практикуется на волокахъ вездѣ. Подъ траву иногда перепахиваютъ сѣнокосы, которые иногда предварительно выжигаютъ, затѣмъ первый годъ на такомъ мѣстѣ сѣютъ просо, а на слѣдующій—клеверъ или вику пополамъ съ овсомъ. Удобреніе даетъ возможность получать хорошіе урожаи пшеницы, которой засѣваютъ теперь много, между тѣмъ какъ прежде не сѣяли совсѣмъ. Изъ новыхъ для крестьянскаго хозяйства данной мѣстности растеній, появившихся съ переходомъ на волоки, нужно отмѣтить еще рожь, которая встрѣчается не въ большомъ количествѣ. Навозъ при новомъ веденіи хозяйства—все и для добыванія берутъ иногда на выпасъ чужой скотъ. Вообще количество скота и опредѣляемое имъ количество удобренія является рѣшающимъ элементомъ для успѣха хозяйства на волокахъ. Тѣ хозяйства, въ которыхъ скота мало, приходятъ въ упадокъ и даже отдаютъ землю въ аренду; между тѣмъ, хозяйства съ достаточнымъ количествомъ скота прогрессируютъ. Чтобы нѣсколько иллюстрировать положеніе, создаваемое переходомъ на волоки, я позволю себѣ привести бѣглое описаніе трехъ типичныхъ хозяйствъ деревни Зубринки, которая первою перешла на волоки и въ которой результаты перехода успѣли обнаружиться яснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Хозяйство I. Величина участка даннаго двора 9 десятинъ. Въ моментъ описанія засѣяно 3 десятины озимью (2 рожью и 1 пшеницей), трияриной (овесъ, горохъ и гречиха, большая часть занята овсомъ), три десятины подъ толокой и клеверомъ (клеверу около $^1/_2$ десятины). Количество скота: коровъ 5 (до перехода на волоки была 1), лошадей 2 (до перехода была пара воловъ), свиней 5 (прежде было столько же), овецъ нѣтъ (прежде были, но проданы, такъ какъ дорого содержать для нихъ отдѣльнаго пастуха). Есть молотилка съ коннымъ приводомъ, машина для рѣзанья сѣчки и вѣялка. Хозяинъ переходомъ очень доволенъ. Между прочимъ, онъ указываетъ, что ржи собиралось у него прежде съ десятины 4—5 копъ, теперь 8—10, пшеницы прежде не сѣяли совершенно;

отмѣчаетъ также, что скотъ теперь лучшаго качества, и даетъ много больше молока, такъ какъ доится три раза въ день, а прежде доился лишь 2 раза. Какъ на выгодную сторону перехода, хозяинъ указываетъ на прекращеніе эпидемическихъ болѣзней скота, который теперь пасется у каждаго хозяина отдѣльно. Для водопоя и потребностей дома выкопанъ колодезь. Переноска дома обошлась въ 25 р., кромѣ личнаго труда. Для уборки кромѣ самого хозяина принимаютъ участіе и наемные рабочіе, которымъ платится по 60 коп. за рабочій день.

II хозяйство. Полный надѣлъ. Земли 21 десятина. Въ моментъ описанія было занято подъ озимью 7 десятинъ, подъ яриной 8 дес., подъ сѣнокосомъ 2 д. и подъ толокой 2 дес. Озимь—4 дес. ржи и 3 дес. пшеницы. Въ будущемъ году часть теперешняго ярового поля пойдетъ подъ толоку, а часть будетъ унавожена подъ озимь. Количество скота: 6 коровъ и быкъ (до перехода 3 коровы), лошадей 4 (до перехода 3). Молока коровы даютъ больше, такъ какъ кормъ лучше и три раза доятъ. Есть клеверъ и вика. Ярина—овесъ, ячмень, гречиха, картофель, просо, ленъ и конопля. Жита получаютъ съ десятины 10—12 копъ, прежде получалось около 4. Есть молотилка съ коннымъ приводомъ, соломорѣзка и вѣялка. Въ семьѣ четверо мужчинъ и съ хозяйствомъ управляются безъ наемныхъ рукъ.

III хозяйство. Количество земли на данный наличный дворъ $6^1/_2$ десятинъ. Въ моментъ описанія было подъ озимью три десятины (подъ пшеницей 2 и подъ житомъ 1 дес.), подъ яриной 2 дес., подъ сѣнокосомъ $^1/_2$ дес. и подъ толокой 1 десятина. Есть клеверъ и вика. Скота 3 коровы, двѣ озимыхъ телки и 2 лошади. Есть соломорѣзка, вѣялка и молотилка съ коннымъ приводомъ. Въ семьѣ четверо мужчинъ. Съ хозяйствомъ управляются сами и, кромѣ того, арендуютъ 4 дес. у другихъ крестьянъ.

Наряду съ такими процвѣтающими хозяйствами, есть хозяйства, находящіяся въ упадкѣ, иногда несмотря даже на довольно большое количество земли. Это тѣ хозяйства, которыя лишены скота. Такъ, 3 дес. изъ 4-хъ, арендуемыхъ только-что описаннымъ хозяйствомъ, принадлежатъ крестьянину, надѣлъ котораго 9 десятинъ, но не имѣя достаточно скота, чтобы унавозить всю свою землю, онъ часть отдаетъ за безцѣнокъ въ наемъ (три десятины отданы за 52 р. на 10 лѣтъ). Мнѣ не удалось собрать сколько-нибудь подробныхъ данныхъ объ отдачѣ крестьянами въ аренду своихъ земель, но, повидимому, практикуется долгосрочная аренда съ уплатой впередъ и съ очень низкой цѣной. Такая форма аренды возможна только при стѣсненномъ положеніи отдающаго въ аренду. Послѣднее обусловливается либо отсутствіемъ скота и денегъ, чтобы поставить на ноги свое хозяйство, либо обмельчаніемъ наличнаго двора, почему оказывается невозможнымъ выдѣлить часть подъ толоку, а слѣдовательно и содержать скотъ, безъ котораго хозяйство невозможно. По отзывамъ крестьянъ, minimum возможнаго при новой формѣ хозяйства двора около 5 десятинъ. При меньшемъ размѣрѣ хозяйство становится невыгоднымъ и земля обыкновенно сдается въ аренду.

Н. Коробка.

Этнографическіе очерки Минусинскаго и Канскаго округовъ, Енисейской губерніи.

(Изъ путевого журнала—1857 г. *).

Населеніе. — Города Канскъ и Минусинскъ. — Образованіе поселеній и деревень. — Большой Московскій трактъ. — Характеристика расположеннаго по немъ населенія. — Общій типъ крестьянъ-старожиловъ, казаковъ и ссыльно поселенцевъ. — Языкъ. — Черты изъ умственной и нравственной жизни населенія. — Гулянки. — Пьянство. — Народное образованіе. — Расположеніе селъ и деревень. — Строенія старой и новой постройки (рисунки). — Мебель. — Одежда. — Пища. — Будни крестьянина. — Праздничные дни и святочныя забавы. — Довольство крестьянъ. — Народная пѣсня, сказки и преданія. — Свадебныя обряды. — Обычаи, повѣрья, предразсудки, примѣты, пословицы и загадки.

Минусинскій и Канскій округи населяютъ: 1) сибиряки-старожилы, 2) ссыльно-поселенцы, живущіе отдѣльными поселеніями и приписанные къ деревнямъ старожилы, 3) козаки, размѣстившіеся отдѣльными станицами на югѣ Минусинскаго округа, 4) кочевые инородцы: татары, Минусинскаго округа, и карагасы, Канскаго округа, и, наконецъ, 5) добровольные переселенцы изъ малоземельныхъ великорусскихъ губерній. Городское населеніе составляютъ служащіе гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, купцы, мѣщане и разные цѣховые.

Это населеніе, въ числѣ 116,070 душъ обоего пола, занимаетъ площадь пространствомъ въ 26,323 квадр. версты.

Въ Минусинскомъ округѣ находится одинъ окружный городъ Минусинскъ, 16 селеній, 88 деревень, 6 старыхъ казенныхъ поселеній, 23 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами.

Въ Канскомъ округѣ одинъ уѣздный городъ Канскъ, 20 селеній, 91 деревня, 14 старыхъ казенныхъ поселеній, 3 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами Вятской губерніи (въ числѣ 1,219 душъ обоего пола).

Минусинскъ переименованъ въ окружный городъ Енисейской губерніи въ 1822 году изъ с. Большой Минусы.

Канскъ построенъ въ 1638 году для приведенія въ подчиненіе коттовъ и другихъ, кочевавшихъ по р. Кану, племенъ, извѣстныхъ большею частью подъ именемъ качинцевъ и камасинцевъ. Основаніе канскаго острога положено атаманомъ Ермакомъ Остафьевымъ, который, по приказанію воеводы Дубенскаго, съ 50-ю казаками долженъ былъ продолжать завоеваніе земель по р. Кану. Атаманъ Ермакъ, пройдя 200 верстъ по р. Кану, по причинѣ множества пороговъ и пустынности страны, рѣшился остановиться на одномъ лугу, на лѣвомъ берегу р. Кана. Здѣсь онъ располагалъ отдохнуть до прибытія посланнаго

*) Изъ архива Имп. Р. Географ. Общества. Желательно знать, многое ли съ того времени перемѣнилось въ этомъ краѣ? *Ред.*

гонца къ воеводѣ относительно дальнѣйшихъ распоряженій. Но гонецъ скоро не возвращался, наступила бурная осень, предвѣстница суровой и тягостной зимы. Атаманъ Ермакъ, желая сберечь сотоварищей своихъ и готовясь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, построилъ здѣсь нѣсколько хижинъ и оградилъ ихъ рвомъ и палисадникомъ по общепринятому обычаю первыхъ завоевателей. Въ 1822 г. Канскъ возведенъ въ окружный городъ Енисейской губерніи. Нынѣ Канскъ, по своему мѣстоположенію и наружному виду, считается однимъ изъ самыхъ посредственныхъ и бѣдныхъ уѣздныхъ городовъ Енисейской губерніи.

Объ основаніи старожильческихъ селеній и деревень положительныхъ свѣдѣній не сохранилось, и у жителей на ихъ земельные участки никакихъ письменныхъ актовъ не существуетъ; въ волостныхъ же управленіяхъ хранятся дѣла только съ 1822 года. Но по ходу историческихъ событій должно полагать, что первыя селенія образовались въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, и первыми строителями были казаки, за которыми послѣдовали свободные хлѣбопашцы, переселенные въ Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II какъ добровольно, такъ и въ зачетъ рекрутъ, для заселенія края. Затѣмъ, къ этому первоначальному населенію присоединились ссыльные поселенцы, разнаго рода кочующіе инородцы, переселенцы изъ сосѣднихъ округовъ, мѣщане городовъ Енисейска, Томска, Иркутска, каторжные изъ казенныхъ заводовъ и, наконецъ— уже въ новѣйшее время—образовались отдѣльныя казенныя поселенія для ссыльныхъ и поселенія, устроенныя добровольными переселенцами изъ внутреннихъ губерній Россіи [1]. Отсюда уже видно, что въ сельскомъ населеніи этихъ двухъ округовъ болѣе преобладаетъ элементъ жителей разныхъ губерній Европейской Россіи, нежели аборигеновъ южной части Енисейской губерніи, которые, при заселеніи русскими этого края, удалились одни за Саянскій хребетъ или Бѣлогорье, другіе перекочевали въ Минусинскій округъ и заняли большею частью степныя мѣста по лѣвую сторону Енисея. Но за исключеніемъ казенныхъ поселеній ни въ одной деревнѣ нельзя найти жителей одной какой-нибудь русской губерніи, или переселенцевъ изъ одного мѣста и города. Естественно, переселенцы эти не живутъ отдѣльными деревнями, а разбросаны по всему округу, такъ что въ одномъ селѣ можно встрѣтить крестьянъ, изъ которыхъ одни ведутъ свое происхожденіе отъ азіатскихъ народцевъ, другіе отъ пограничныхъ казаковъ или ссыльно-поселенцевъ и, наконецъ, отъ добровольныхъ переселенцевъ, русскихъ и сибирскихъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Послѣдній классъ жителей, по разсказамъ старожиловъ, образовался слѣдующимъ образомъ: выписываемые мастера для постройки церквей и другихъ зданій, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ плотники, кузнецы, ходебщики, заѣзжіе мелочные торговцы, проживши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, вступали въ семейныя связи съ обитавшими уже здѣсь жителями, впослѣдствіи обзаводились хозяйствомъ и силою обстоятельствъ были вынуждаемы поселиться навсегда въ извѣстной деревнѣ или селѣ. Каждый такой переселенецъ, въ осебенности въ первыя времена заселенія Сибири, селился, гдѣ хотѣлъ, и избиралъ мѣсто осѣдлости по своему произволу и удобствамъ, какъ дѣлали казаки, первые завоеватели края. Ко-

---

[1] Дѣла архива минусинскаго окружного управленія.

нечно, подобнаго рода заселенія не обходились безъ междоусобій, въ особенности на земляхъ инородческихъ; но раздоры эти, только во время завоеванія Сибири казаками, иногда оканчивались кровопролитіемъ; впослѣдствіи же споры о завладѣніи инородческими землями большею частью оканчивались драками или безконечными тяжбами. Безъ сомнѣнія, казаки, населяющіе нынѣ Минусинскій округъ, какъ первые пришельцы и потомки завоевателей Сибири, заняли въ Енисейской губерніи самыя лучшія мѣста. На долю позднѣйшихъ переселенцевъ досталось еще много богатыхъ земель и пастбищъ, но съ тѣхъ поръ какъ стали заселять южную часть Енисейской губерніи ссыльно-поселенцами и добровольными переселенцами, устраивая для нихъ отдѣльныя поселенія, многія расчищенныя крестьянами-старожилами пашни были отданы поселенцамъ, крестьянамъ предоставлена была полная свобода распахивать—гдѣ и сколько кому было угодно—земли за чертою отмежеванныхъ земель для поселенцевъ.

Сельское населеніе Канскаго округа расположено по теченію р. Кана и впадающихъ въ нее рѣчекъ и по большому московскому тракту. Населеніе Минусинскаго округа, который отдѣляется отъ Канскаго округа высокими хребтами, отраслями Сабинскихъ горъ, расположено по обѣимъ сторонамъ р. Енисея, въ горахъ и по степямъ, и удалено отъ почтоваго московскаго тракта на 500 верстъ къ югу.

Нужно замѣтить, что просвѣщеніе въ Сибири больше распространено между жителями, населяющими полосу, по которой пролегаетъ этотъ трактъ, и чѣмъ болѣе оно удалено отъ него, тѣмъ болѣе замѣчается въ немъ простоты, патріархальности. Къ сожалѣнію, гостепріимство, радушіе и честность — качества, которыми славились сибиряки, становятся все слабѣе среди населенія по московскому тракту. Въ отдаленныхъ отъ него селеніяхъ гостю, кто бы онъ ни былъ, всегда рады, и заплатить за обѣдъ или самоваръ — значитъ обидѣть хозяина. На почтовой же большой дорогѣ народъ до того избалованъ и сталъ корыстолюбивъ, что не стыдится спросить денегъ за каждую бездѣлицу, и назначеніе рубля за обѣдъ считается здѣсь самою умѣренною платою. Естественно, всякіе пороки и преступленія чаще наблюдаются среди этого населенія. Прежде путешественникъ могъ спокойно проѣхать всю Сибирь и никто не пытался утащить даже веревку съ повозки; нынче же осталось за счетъ сибиряковъ только одно достоинство, что васъ здѣсь не убьютъ или не зарѣжутъ. Но кражи разныхъ вещей, обрѣзываніе ящиковъ, привязанныхъ за повозкою— это случается сплошь и рядомъ, если только представляется къ тому сколько-нибудь удобный случай. Впрочемъ, говорятъ, что такія продѣлки совершаются большею частью ссыльно-поселенцами и бѣглыми бродягами, которые лѣтомъ безпрестанно странствуютъ изъ каторжной работы. Но мнѣ случалось встрѣчать довольно большія партіи бѣглыхъ каторжныхъ и никто изъ нихъ кромѣ милостыни никогда больше ничего не требовалъ отъ меня насильно. Въ Нижнеудинскомъ округѣ, гдѣ селенія рѣдки и лѣса непроходимые, однажды, подъ вечеръ, мнѣ попалась партія въ шесть человѣкъ бѣглыхъ каторжныхъ. Бродяги подошли къ экипажу, сняли шапки и, низко кланяясь, просили милостыни. Ямщикъ остановилъ лошадей; я изъ предосторожности держалъ пистолетъ въ карманѣ пальто и уже было опустилъ руку въ карманъ, чтобы прибѣгнуть къ защитѣ отъ нападенія, но при видѣ блѣдныхъ, изнуренныхъ длинными переходами

этихъ несчастныхъ путниковъ въ лохмотьяхъ съ небольшими котомками за спиной, я совершенно успокоился и заговорилъ съ однимъ изъ стоявшихъ поближе къ повозкѣ.

— Кто вы такіе?

— Прохожіе, ваше благородіе.

— Откуда?

— Изъ нерчинскихъ заводовъ. Дай, батюшка, хлѣбца кусокъ или что твоей милости угодно будетъ,—устали шибко!

— Такъ это вы днемъ прикидываетесь нищими, а ночью чаи подрѣзываете?

Въ прошедшую ночь дѣйствительно сняли у проѣзжаго два мѣста чая, о чемъ узналъ я отъ земскаго засѣдателя.

— Куда намъ дѣваться съ чаемъ, отвѣтилъ другой бродяга, вѣдь на плечахъ не унести, а станешь продавать, сейчасъ узнаютъ.

— Кто же могъ больше подрѣзать?

— Да Богъ его знаетъ—злыхъ людей много. Въ деревняхъ живутъ поселенцы, которые только замѣчаютъ, когда начнутъ проходить бѣглые съ заводовъ, и тогда смѣло пускаются на воровство въ надеждѣ, что все подозрѣніе падетъ на бѣглыхъ. Это уже не первый разъ случается. Конечно, и между нашими есть нехорошіе люди, но ихъ зато скорѣе ловятъ, и грѣха-то больше на душѣ.

Ямщикъ, ѣхавшій съ нами, подтвердилъ эту истину.

Разнородный составъ народонаселенія Сибири постепенно принялъ общія, свойственныя русскому народу, внѣшнія черты. Но несмотря на этотъ общій типъ, стоитъ только взглянуть на физіономію здѣшняго сельскаго жителя, заговорить съ нимъ и почти всегда можно отличить крестьянина-старожила отъ ссыльно-поселенца или казака. Различіе это замѣчается въ говорѣ, выразительности лица, степенности, безпечности, вѣжливости или дерзости и въ другихъ мелочныхъ, но довольно характеристическихъ отличіяхъ. У крестьянина-старожила рѣчь спокойная, говоритъ онъ протяжно, въ разговорѣ выказываетъ много учтивости, пріятности, но при всемъ томъ онъ всегда остороженъ, недовѣрчивъ и скрытенъ. Вы спросите здѣшняго крестьянина: гдѣ живетъ волостной писарь?

— Что это?—Волостной писарь гдѣ живетъ?

— Писарь-то?

— Ну да, писарь.

— А вонъ тамъ дальше!—указываетъ крестьянинъ рукою и, какъ будто хорошо объяснивъ домъ писаря, уходитъ поскорѣе. А чаще всего спрошенный крестьянинъ отговаривается незнаніемъ:—«Мы не здѣшніе, не знаемъ». Всмотритесь хорошо въ эту, повидимому, глуповатую физіономію и вы замѣтите, что крестьянинъ старается прочитать въ вашихъ глазахъ, кто вы, зачѣмъ пріѣхали въ деревню и, навѣрное, при первой встрѣчѣ съ товарищемъ, передастъ ему всѣ свои впечатлѣнія и наблюденія. Чтобы вызвать здѣшняго крестьянина на откровенный разговоръ, надо выпить съ нимъ цѣлый самоваръ или порядочно угостить его виномъ. Подъ веселую руку здѣшній крестьянинъ уже не думаетъ объ отвѣтѣ, вообще судитъ здраво, говоритъ просто, но умно и довольно пріятно.

Крестьяне-старожилы роста средняго, хотя нерѣдко встрѣчаются и высокаго роста; очертанія лица у нихъ чаще всего круглыя; глаза сѣрые и волосы свѣтлорусые; тѣлосложеніемъ они крѣпки, плотны. Здѣшнія женщины роста высокаго, съ румяными щеками, томнымъ взглядомъ, но не мало статны и очень часто съ черными зубами. Женщины имѣютъ привычку постоянно жевать сѣру или черемшу, какъ противоскорбутное средство, а сѣру жуютъ съ цѣлью очистить зубы послѣ ѣды; отъ этого у женщинъ запахъ изо рту всегда непріятный. Самое лучшее у мужчинъ и женщинъ, что̀ прежде всего бросается въ глаза наблюдателю, это свѣжесть лица, которая сохраняется у нихъ до старости.

По наружному виду, казаки похожи на крестьянъ, но казакъ отличается стройностью, смѣтливостью; волосы онъ носитъ обстриженные, борода выбрита. Крестьяне же брѣютъ бороды и усы до 30-лѣтняго возраста, потомъ бороду запускаютъ, а усы только подстригаютъ. Военная дисциплина или сознаніе своего военнаго званія дѣлаютъ казака человѣкомъ ловкимъ, разговорчивымъ, расторопнымъ, смѣтливымъ, но, притомъ, хитрымъ и недовѣрчивымъ. Казакъ—вообще человѣкъ бывалый: онъ знаетъ самые отдаленные уголки Сибири, ему извѣстно все, что̀ происходитъ въ его округѣ; все, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ умѣетъ передать и разсказать не хуже грамотнаго. Здѣшнихъ казаковъ выгодно характеризуютъ: трезвость, доброе поведеніе, трудолюбіе, гостепріимство, любознательность, предпріимчивость и изворотливость въ торговыхъ оборотахъ. Но, при всемъ томъ, робость и безпечность, какъ характеристическія черты, составляютъ неотъемлемыя свойства почти всѣхъ жителей Сибири.

Что касается, наконецъ, ссыльно-поселенцевъ, то это тунеядцы, извѣстные своею лѣностью и скитальческою жизнью; они до сихъ поръ не представляютъ ничего утѣшительнаго для края. Впрочемъ, попадаются и между ними довольно порядочные хозяева, которые, по прибытіи въ Сибирь, успѣли обзавестить хозяйствомъ и сдѣлались осѣдлыми.

Языкъ здѣшняго населенія представляетъ смѣшеніе нарѣчій разныхъ великорусскихъ губерній, но онъ всего ближе подходитъ къ говору ярославскому и другихъ подмосковныхъ губерній. Нарѣчіе мѣстныхъ крестьянъ отличается отъ нарѣчія ссыльно-поселенцевъ; послѣдніе сохранили нарѣчіе той губерніи, изъ которой сосланы въ Сибирь. Особенности нарѣчія крестьянъ состоятъ въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, буквъ и въ сокращеніи глаголовъ. Однѣ и тѣ же буквы то выговариваются правильно, то неправильно. Выговоръ словъ довольно протяжный и болѣе похожій на нотный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Буква *о* всегда сильно выступаетъ. У крестьянъ замѣчается особенная страсть коверкать собственныя имена людей и названія нѣкоторыхъ предметовъ; напр.: Ната — Наталія, Степча—Степанъ, Петрованъ — Петръ, Паруша—Прасковья, Маринча—Марина, гумага—бумага, восподинъ—господинъ, подъ яре́стомъ—подъ арестомъ, и др. Но при всемъ томъ, выговоръ словъ нѣженъ и въ разговорахъ наблюдается чрезвычайно много учтивости и мягкости. Крестьянинъ называетъ крестьянина по имени и отчеству. Ямщикъ называетъ купца «ваше почтеніе», чиновника – «ваше высокоблагородіе».

Кромѣ особеннаго выговора и оборотовъ рѣчи, встрѣчается еще употребленіе словъ, которыя мало извѣстны или вовсе неизвѣстны въ общеупотребитель-

номъ языкѣ. Вотъ опытъ краткаго мѣстнаго словаря, по которому отчасти можно судить о нарѣчіи здѣшнихъ жителей:

Авось	можетъ быть.
Баю	говорю.
Братанъ	братъ (здравствуй, братанъ!).
Болозень	хорошо что, кстати.
Ворошень	пожитки.
Букарка	козявка.
Вонъ-де кà	тамъ.
Взаболь	въ самомъ дѣлѣ.
Во Христовную недѣлю	первая недѣля Пасхи.
Варнакъ	каторжный (слово бранное. Назвать варнакомъ, значитъ, страшно обидѣть).
Въ топори	тогда.
Ваньча	Иванъ.
Водня	хожденіе за дѣтьми.
Влазины	новоселіе.
Выбыгало	высохло.
Встрѣлся	встрѣтился.
Вазсть	взять.
Гуляйте къ намъ	прошу приходить къ намъ въ гости.
Горазно	рѣдко.
Гумага	бумага.
Дарча	Дарья.
Дивно	давно.
Елань	перелѣсокъ, роща.
Емя́, имя	имъ (мѣстоименіе).
Загуляйте	зайдите.
Зареви	позови.
Зиму́сь	зимою.
Зепъ	карманъ.
Колда	когда.
Коевадни	надняхъ.
Кисованъ	Ѳоктистъ.
Коврига	хлѣбъ, коровай.
Кортомить	отдавать въ наймы.
Ланись	въ прошломъ году.
Лопоть	одежда (въ един. числѣ).
Лопотина	одежда (во множ. числѣ).
Лончакъ	одногодный жеребенокъ.
Лишакъ, лѣшакъ	дьяволъ.
Матерый	большой.
Мотри	смотри.
Моленной	добродѣтельный человѣкъ.
Маринча	Марина.

Могите защищать	прошу оказать защиту.
Мара—вотъ мара!	неуклюжій.
Марево	паръ въ воздухѣ отъ жара.
Морочно	пасмурно.
Маганый	бѣлокурый.
Мона	меня.
Мизгиръ	паукъ.
Молосное	скоромное.
Напрокъ	въ будущемъ году.
Не давай знаку	не давай мѣшкать.
Не бардую	не боюсь.
Не занимател	не занимаешься.
Нѣту-ка	нѣтъ.
Нут-ка	ну.
Нѣтчикъ	отсутствующій.
Недоточенъ	не годится къ чему-нибудь.
Необиходно	нечисто.
Норки	ноздри.
Онамѣдни	въ прошлой разъ.
Оногда	
Облакаться	одѣваться.
Однорядка	армякъ изъ крестьянскаго сукна.
Обутки	вообще башмаки, сапоги, черки.
Осеннсь	осенью.
Оболенцы	рамы окна.
Окитить	вычистить.
Опружить	опрокинуть.
Подчалокъ	мальчикъ 8—10 лѣтъ.
Посупирствовалъ	поссорился.
Петрованъ	Петръ.
Подъ ярестомъ	подъ арестомъ.
Пятной: пятнало бы тебя!	бранное слово: покрылю бы тебя ранами:
Пеструпа	пестрая.
Погляди-ко	посмотри.
Паруша	Параша.
Подстрѣлъ	бранное слово: стрѣляло бы тебя!
Потрусы	непріятное обстоятельство.
Прокъ	на будущій годъ.
Паутъ	оводъ.
Плетево	ростъ (напр., у него хорошее плетево—у него хорошій ростъ).
Робить	работать.
Ревѣть	кричать (довольно смѣшно слышать, когда разсказываютъ о данѣ, что она кричала: «она ревётъ, ревётъ».
Сниия	съ нимъ.

Стешка	Степанида.
Сагиры	бродни (сапоги непромокаемые).
Сурпа	корзина изъ тростника.
Сродный	двоюродный.
Селѐтокъ	годовой жеребенокъ.
Смолость	вымя (часто подають вмѣсто жаркого).
Станокъ	станція почтовая.
Тьма	много.
Туто-ка	тутъ.
Третьякъ	жеребенокъ по 3-му году.
Тавро	штемпель, которымъ штемпелюютъ лошадей.
Тайга	дремучій лѣсъ.
Тоскливо	скучно.
Урганичать	бѣлковать за орѣхами (напр., когда бѣлка запасается орѣхами, то отыскивать орѣхи, значитъ: урганичать).
Урутъ	отчаянная драка.
Уросить	упрямиться.
Федьша, Федюха	Ѳедоръ.
Чаю	думаю.
Чурхать	слышать.
Чуча тебя возьми.	бранное слово (когда-то была здѣсь чудь, народъ, который, по преданіямъ, будто бы при видѣ бѣлой березы убивалъ себя).
Чернупа	черная.
Чалдались	спорили, хлопотали.
Шелеви	шевели.
Шагайте	добро жаловать, идите къ намъ, покорно прошу.
Этова	этого.
Эку спѣнь нагналъ	настращалъ.
Эта трубля	какое чудное дѣло.
Экстра была	ссора была.
Язвить	бранное слово (напр., «а чтобъ-те язвило»!).

Для примѣра считаю неизлишнимъ присовокупить складъ здѣшней рѣчи.

Десятскій стучится въ окно къ крестьянину и требуетъ лошадей для исправника.

— Дома-ль, хозяинъ, у тя кони? Повозка бѣжитъ, исправникъ въ волости!

— Чаво, отвѣчаетъ, тамъ такȯво?

— Полно баять, коней выводи, знашь свое дѣло, а то взаболь осерчаетъ исправникъ! Вишь колокольцы-то бракаютъ, видно проѣхалъ въ засѣдательскую. Поди-ткȯ-сь! Какой карандасикъ-то важнецкій! говоритъ десятскій, глядя на проѣзжающую повозку.

Крестьянинъ неохотно встаетъ съ постели, будитъ жену, чтобъ посвѣтила.

— Серашичка, Серашичка (Серафима), выдь-ко сюда, да сними огня!

— А и, чаво-жъ ты, язѣболь ревешь; лѣшій что-ля тя поднялъ ночью! Чтò бы васъ тамо-кá! Какъ спужали! Да чего-жь тамъ такого?

Мужикъ мужику говоритъ учтиво; крестьянка называетъ свою знакомую по имени и отчеству:

— Когда же вы къ намъ пожалуете? Дивно ужъ одинко не гуляли!

— Однико, дивно, Авдотья Ивановна! Время страдное, да и въ хатѣ-то водня такая, покою нѣтъ. А надо же колда-нибудь завернуть къ вамъ на влазины.

Несмотря на этотъ вѣжливый тонъ рѣчи, въ бранныхъ словахъ сибиряки не уступятъ великорусскимъ мужичкамъ.

Мать говоритъ дочери и потомъ обращается къ работнику:

— Ахъ, дѣвка, вставать-то надо, да прясть; вѣдь, поранѣ, дитятко, встанешь, дакъ болѣ напрядешь,—надѣятца-то не на кого; я прясть-то сама не могу. Сама ты, родимая, не забудь: кто поранѣ-де встаетъ, тотъ богато живетъ, дѣвка!

Тутъ хозяйка смотритъ въ окно и видитъ, что кто-то выпустилъ овецъ и телятъ изъ хлѣва.

— Бѣги скорѣй, говоритъ она работнику, овчишки тѣ вышли, будь ты проклятъ, какой-то лѣшакъ ихъ выпустилъ! Ну, да ужъ какой ты неповоротень, еще колды я сказала телятъ-то напоить, а онъ еще и овецъ не напоилъ, собака! Будь ты проклятъ, все надо самойя-то, вотъ чуча навязалась! Пятнало бы де его, прости, Господи, мои тяжкія прегрѣшенія, нехотя-де согрѣшаешь; деньги-де берутъ, да и тянутъ день до вечера, варначьё собаки! Имъ какъ бы только день прошелъ скорѣ, а того не знаютъ, что день да ночь—вотъ и сутки прочь!

Надо замѣтить, что при разговорахъ крестьяне-старожилы всегда употребляютъ присловья: ко, де, те, ась, асинька. Напр: поди-ко, погляди-ко, у меня-де онъ не скажетъ, де онъ есть, де чего и послушать. Вотъ-те и гудокъ, вотъ-те тутъ и попалъ въ кошель, вотъ-те и игрушка! Слово ась употребляется при вопросѣ и при названіи кого-либо по имени, напр: сй Петрованъ! онъ отвѣчаетъ: ась? Старики же отзываются: асинька?

Мужикъ приходитъ съ работы и говоритъ женѣ.

— Баба, почини-ко мѣшки, завтрѣ надо будетъ хлѣбъ вѣять.

Вдругъ видитъ ребенка на полу и начинаетъ кричать на жену:

— Ужь ты—какая розиня! Ребенокъ весь замарался, а ты ослѣпла, не видишь-те.

Потомъ, умывъ руки, обращается къ женѣ:

— Стряпка, станови-ко на столъ, да бѣги проворнѣ, тащи квасу, бѣда какъ пить-те охота!

Вотъ еще образчикъ склада рѣчи грамотнаго сибиряка-крестьянина: «Веелюбезнѣйшій Сынъ мой Тимофей Иванычъ! Посылаю тѣ родительское навѣки нерушимое отъ чистаго сердъ-ца Благословленіе, всенижайшій поклонъ також-де и Матушка твоя Аграфена Ивановна кланіет-ца, и посылаетъ благословенье навѣки нерушимое. Братъ-ци твои Иванъ, Петруха, и Сестры Дарюша и Катьша ниско кланіютъ-ца отъ тѣбѣ мы всѣ вообще просимъ отъ чистаго сердъ-ца

прислать намъ на подущину денегъ хоть сколько тебѣ заблагопредвидитца». Или: «Донесеніе старшины въ Абоконское волостное управленіе.

Деревни Свиньиной Старшины

Ляпорта!

«Вчера приѣхалъ ходокъ съ приказомъ въ которомъ писано донести, что близь р. Сыды подъ Скотина много-ли имѣетъ въ окружность верстъ, но такъ какъ это было подъ праздникъ то всѣ общество было въ банѣ; а я Старшина чтобы поскорѣ исполнить приказъ взялъ жену мою Федору и Куму Хавронью. обьѣхалъ три раза и нагрехъ немогъ толку никакого дать, очемъ Волостному правленію и даношу и въ полученіи моего Ляпорта предписываю дать Росписку».

А вотъ образецъ грамотности и склада рѣчи здѣшнихъ казаковъ. Въ бытность мою въ Каратузской станицѣ, я написалъ нѣсколько вопросовъ относительно мѣстнаго сельскаго хозяйства и этнографіи и передалъ ихъ одному хорунжему за-урядъ съ тѣмъ, чтобы получить свѣдѣнія о занятіяхъ казаковъ. Вотъ его отвѣтъ:

На вопросъ: земледѣліе и народное богатство?

«Качество почвъ по сей Станицѣ различное, возле Каратузскаго села почва-то черноземная, то супесь. Хлѣбопашествомъ казаки занимаются не въ большихъ размѣрахъ и засѣвается хлѣбъ только для собственнаго продовольствія. Более всего занимаются скотоводствомъ, для котораго мѣстность благопріятствуетъ».

На вопросъ: ремесла, какъ-то: выдѣлка деревянной посуды, смолы и дегтя?

«Эти художества весьма въ маломъ количествѣ развиты, ихъ приготовляютъ для своихъ надобностей».

Крестьяне, живущіе по большимъ почтовымъ трактамъ, говорятъ лучше, чѣмъ живущіе по проселочнымъ дорогамъ и мѣстамъ, отдаленнымъ отъ губернскихъ городовъ. Женщины, хотя говорятъ неправильнѣе мужчинъ, но пріятнѣе и болѣе на-распѣвъ. Большая часть изъ нихъ не выговариваютъ буквъ *р* и *л*, что придаетъ рѣчи свою особенность, напр.: юбъ-ю — люблю, къясный — красный, бо-итъ — болитъ, коеовушка — коровушка.

Говоря объ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ здѣшняго населенія, надо замѣтить, что крестьянинъ-сибирякъ, по нашимъ наблюденіямъ, въ умственномъ отношенія далеко превзошелъ крестьянина Европейской Россіи. Заговорите съ любымъ здѣшнимъ мужикомъ, и если онъ знаетъ, что съ вами можно говорить откровенно и онъ не подозрѣваетъ въ васъ какого-нибудь «лявизора» или важнаго чиновника, — станетъ излагать свои мысли ясно, здраво, если хотите, даже остро. Но добиться отъ него этой откровенности чрезвычайно трудно: здѣшній крестьянинъ всегда на-сторожѣ и воображаетъ, что онъ — предметъ постоянныхъ происковъ, а потому онъ всегда недовѣрчивъ, скрытенъ, лукавъ и плутоватъ. Сибирякъ «себѣ на умѣ». Онъ кротокъ, ласковъ, вѣжливъ, съ высшей степени послушенъ мѣстнымъ властямъ, но онъ таковъ только повидимому, въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ съ другими. На самомъ дѣлѣ онъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ, и прежде чѣмъ самъ

выскажетъ свое мнѣніе, старается все ему необходимое разузнать отъ васъ и потомъ уже, смотря потому съ кѣмъ имѣетъ дѣло, станетъ разсуждать съ вами. Если же онъ замѣтитъ въ своемъ собесѣдникѣ смышленность, умъ, сейчасъ это «смѣкаетъ», и будетъ затѣмъ постоянно лукавить душой.

Украшавшія крестьянина нравственныя качества — честность, гостепріимство и состраданіе къ ближнимъ годъ отъ году падаютъ. (?) Несчастнымъ ссыльнымъ, безпріютнымъ, сиротамъ, людямъ, потерпѣвшимъ несчастіе отъ непредвидимыхъ причинъ, крестьяне всегда готовы помочь. Проходитъ ли партія ссыльныхъ—навстрѣчу имъ бросаютъ—кто сколько можетъ—деньги, и т. п. и снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, рыбою и проч.; зайдутъ ли въ деревню «прохожіе» (бѣглые изъ ссыльно-каторжныхъ заводовъ) крестьяне—безъ разспросовъ о нихъ и малѣйшаго упрека по адресу ихъ—кормятъ несчастныхъ, иногда даютъ немного денегъ и лишнюю обувь или одежду. Въ большіе праздники иная хозяйка напекаетъ пироговъ, шанегъ, изжаритъ кусокъ баранины и все это посылаетъ въ острогъ арестантамъ. Нерѣдко случается, что разыскиваютъ нищихъ и посылаютъ имъ посильную помощь на домъ.

Нигдѣ, кажется, такъ не любятъ разсѣевать новости, а большею частью ложные слухи, какъ въ Сибири. Новости расходятся здѣсь съ неимовѣрною быстротой: крестьянинъ, услышавъ что-нибудь въ городѣ, на базарѣ, передаетъ ямщику, ямщикъ другому, тотъ передѣлываетъ слышанное на свой ладъ, преувеличиваетъ, и вы удивляетесь, какъ это то, что дѣлается въ Иркутскѣ, черезъ нѣсколько дней извѣстно въ Красноярскѣ, а черезъ три-четыре недѣли знаетъ вся Сибирь. Вообще, сплетни въ Сибири въ большомъ ходу какъ среди простого народа, такъ и въ высшихъ кругахъ общества. Впрочемъ не подумайте, что клевета разносится здѣсь съ какою-нибудь злобою — нѣтъ. Любознательность—или скорѣе—любопытство развиты здѣсь въ высшей степени.

Въ нравственномъ отношеніи здѣшній крестьянинъ стоитъ, сравнительно, довольно высоко. Буйство, грабежъ, воровство и другія преступленія здѣсь чрезвычайно рѣдки. Если попадется кто-нибудь въ воровствѣ, то скорѣе поселенецъ, чѣмъ мѣстный крестьянинъ. Изъ главнѣйшихъ пороковъ, свойственныхъ здѣшнимъ жителямъ: лѣнь, пьянство, мщеніе и развратъ. Пьянство и развратъ здѣсь не называютъ даже порокомъ: они такъ усвоились жителями, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Молодая дѣвушка не дорожитъ своимъ цѣломудріемъ и развратничаетъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается беременною; тогда только являются женихи и берутъ ее себѣ въ невѣсты, уже въ полной увѣренности, что она способна приносить дѣтей или, вѣрнѣе, работниковъ. Жениха не печалитъ прежнее дурное поведеніе невѣсты: «пошалила въ молодости, будетъ хорошая хозяйка въ старости», думаетъ онъ.

Сознаніе своей свободы, самолюбіе сильно развиты въ сибирякахъ. Причиненныя имъ обиды они помнятъ долго, и потому мщеніе затаенное, обдуманное и долговременное характеризуетъ нравы здѣшнихъ крестьянъ. Правду рѣдко можно узнать у здѣшняго крестьянина. Онъ полагаетъ, что ничего не дѣлается для его блага, а если что дѣлается, то лишь изъ-за однихъ корыстныхъ видовъ. Когда вы станете распрашивать здѣшняго мужика о хозяйствѣ и достаткахъ его, онъ никогда не скажетъ вамъ истины. На ваши распросы онъ съ величайшею осторожностью и недовѣрчивостью отвѣчаетъ общими фразами, ста-

раясь всегда представить свое положеніе въ самомъ жалкомъ видѣ. Должно быть, преподиція времена неограниченнаго господства воеводъ глубоко запали въ народныя преданія, и характеры дѣдовъ и отцовъ едвали и до сихъ поръ не отражаются въ поступкахъ позднѣйшаго и нынѣшняго поколѣній.

Религіозное чувство сильно развито въ здѣшнемъ населеніи, но выраженія внѣшней набожности его почти не замѣчается. Для характеристики этой стороны народной жизни привожу здѣсь отзывъ священника Писинской волости о религіозности здѣшнихъ крестьянъ:

«Въ церковь собирается народу много, но мнѣ не случалось видѣть молящихся съ набожностью. Въ несчастіи крестьянинъ произноситъ слово «Богъ» какъ будто машинально, не стараясь искать утѣшенія въ молитвѣ — горячемъ изліяніи души, скорбящей передъ Всевидящимъ Творцомъ. Сибирякъ, какъ христіянинъ, не умретъ безъ напутствованія святыми дарами, но и не считаетъ это необходимостію. Въ постные дни: среду и пятницу воздерживаются отъ скоромной пищи; но исполняютъ посты болѣе по привычкѣ и изъ видовъ хозяйственнаго сбереженія, чѣмъ для изнуренія тѣла, чтобы духъ человѣка бралъ перевѣсъ надъ его плотью, и постоянныя размышленія дали бы ему возможность яснѣе видѣть и узнать свои недостатки и тѣмъ сдѣлать поступки свои угодными Богу. Отецъ и мать, взрослыя и малолѣтнія дѣти никогда не отказываются отъ скоромнаго потчиванія въ гостяхъ, если только представится къ тому удобный случай. Въ этомъ отношеніи ничего утѣшительнаго нельзя сказать и о поселенцахъ. Поселенцы, поступивъ въ Сибирь и проживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, скоро перенимаютъ нравы сибирскіе и, со временемъ, ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ здѣшнихъ жителей: также лукавы и недовѣрчивы, и болѣе сибиряковъ склонны къ праздности и всевозможнымъ порокамъ».

Въ купеческомъ быту еще можно встрѣтить болѣе набожности. Очень часто случается, что въ гостяхъ, въ особенности въ дамской компаніи, другого разговора вы и не услышите, какъ только о церковномъ богослуженіи и о духовныхъ лицахъ; до мелочей замѣчается все, что было сказано и видѣно въ церкви. Еще до сихъ поръ сохраняется обычай въ нѣкоторыхъ старинныхъ купеческихъ домахъ за обѣдомъ пѣть божественныя пѣсни. Но все это дѣлается такъ безсознательно, машинально, что трудно разгадать, таится ли въ этихъ обрядахъ истинное религіозное чувство. Достойно замѣчанія, что въ Сибири старики и старухи очень набожны; но дѣти ихъ, напротивъ, очень неохотно ходятъ въ церковь и разсѣянно слушаютъ чтенія изъ богослужебныхъ книгъ. Малолѣтніе въ праздничные дни занимаются разными дѣтскими играми, а взрослые имѣютъ привычку сидѣть въ эти дни передъ окнами кабака или стоять среди улицы и, собравшись въ кружекъ, разсказывать о своихъ похожденіяхъ и кутежахъ.

Пьянство распространено въ классѣ простонародномъ, какъ между городскими, такъ и сельскими жителями въ одинаковой степени. Крестьяне пьютъ здѣсь періодически. Иногда крестьянинъ не пьетъ вина цѣлый мѣсяцъ, но приходитъ храмовой или другой праздникъ, и тогда этотъ крестьянинъ пьетъ нѣсколько дней сряду. Дороговизна вина (7—8 р. ведро водки) еще заставляетъ крестьянъ нѣсколько удерживаться отъ пьянства. Между ними какъ мужчины, такъ и женщины чрезвычайно склонны къ гульбѣ. Затѣянная гулянка не пре-

кращается ранѣе 3—4 дней. Заведено такъ, что обыкновенно кутятъ до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ все заготовленное къ празднику пиво и не съѣдятъ приготовленныя яства. Такія продолжительныя гулянки чрезвычайно отвлекаютъ крестьянъ отъ сельскихъ работъ. Въ обыкновенные дни крестьяне рѣдко пьютъ вино; но, вѣроятно, ни одинъ крестьянинъ не откажется отъ приглашенія пойти въ кабакъ и выпить на чужой счетъ. Пріѣзжему гостю изъ другой деревни крестьянинъ всегда радъ; но если онъ пріѣхалъ въ будни, хозяинъ, угощая гостя, никогда не пропьетъ съ нимъ болѣе 3 рублей. Это показываетъ нѣкоторую степень бережливости сельчанина. Впрочемъ, здѣсь она довольно своеобразна: то крестьянинъ живетъ слишкомъ бережливо, даже скупо, отказывая себѣ во всемъ; то ему деньги ни по чемъ. Періодъ этотъ наступаетъ обыкновенно съ святками и храмовыми праздниками. Тогда кутежу нѣтъ границъ. Въ каждомъ округѣ, по преданіямъ старины, существуютъ свои, такъ называемые, съѣзжіе праздники и годовые. Съѣзжіе бываютъ: въ дни свв. Петра и Павла, св. Ильи, Іоанна Предтечи, Успенія Пр. Богородицы, Троицынъ день и др.; годовые—на Пасхѣ, Рождествѣ Хр., въ Новый Годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то дни крестьяне сосѣднихъ деревень съѣзжаются въ одно какое-нибудь село, расхаживаютъ изъ дому въ домъ, сосѣдъ угощаетъ сосѣда, пріятель пріятеля. Это пора, когда они мирятся, вспоминаютъ старину и пріискиваютъ всевозможные случаи, чтобы выпить. Въ эти дни въ селѣ всѣ отъ мала до велика, не исключая и женскій полъ, пьяны. Дѣвицы ходятъ гурьбой по улицамъ села, поютъ пѣсни, заходятъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ и ими угощаются. Дѣвицы сперва пьютъ чай, потомъ вино по рюмочкѣ, по другой, и тутъ-то сопровождающіе ихъ кавалеры уже распоряжаются своими дамами, какъ кому заблагоразсудится...

Послѣ такихъ гулянокъ каждый домохозяинъ составляетъ счетъ своимъ расходамъ, причемъ не обходится безъ упрековъ и неудовольствій какъ на самого себя, такъ и на жену за излишніе расходы. Чтобы вознаградить себя за потерянное въ хмѣльные дни, крестьянинъ ведетъ нѣкоторое время (до перваго благопріятнаго случая или праздника) самую воздержную жизнь и кое-какъ пробивается, какъ самый жалкій бѣднякъ. Такъ какъ самолюбіе у здѣшнихъ зажиточныхъ крестьянъ развито въ высшей степени, то мужикъ, если въ будни задаетъ гулянку или попойку, то только въ увѣренности, что объ этомъ заговоритъ вся деревня и молва разойдется по всему околотку. Такія крайности въ домашней жизни крестьянъ—отъ расточительности до излишней скупости подаютъ поводъ поселенцамъ, которыхъ старожилы рѣдко приглашаютъ на свои гулянки, подтрунивать надъ ихъ скряжничествомъ:—къ чему ты, братанъ, бездну копишь, вѣдь, ты своею скупостью дьявола смѣшишь?—Я придерживаюсь, отвѣчаетъ старожилъ, батькиной пословицы, который въ старину баилъ: скупость не глупость, богатство—тотъ же голубокъ: куда захочетъ, туда и полетётъ.

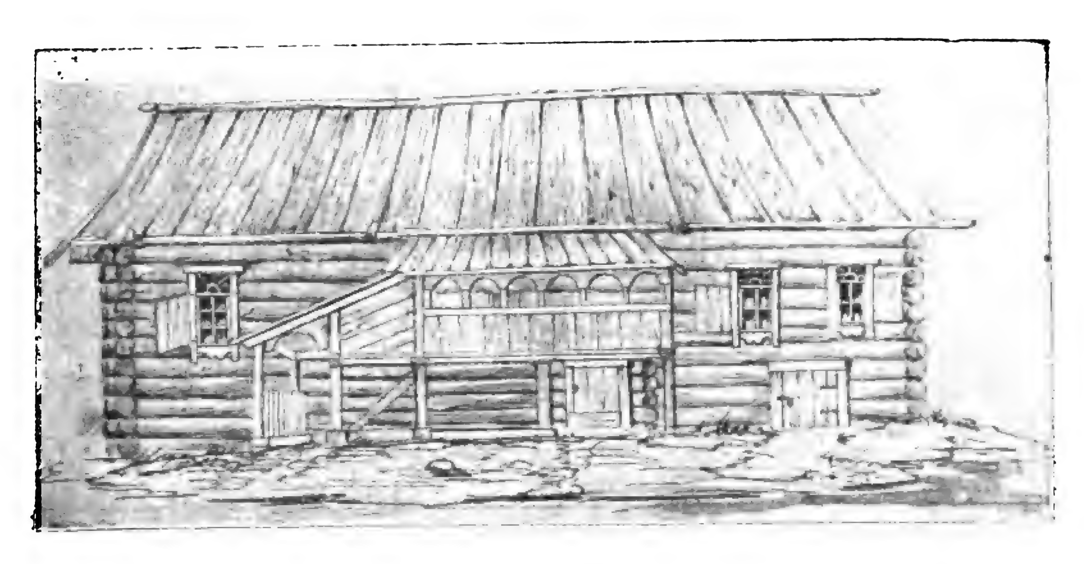
Вотъ почему между крестьянами попадаются и такіе субъекты, которые проявляютъ особенную страсть къ деньгамъ. Впрочемъ, такіе сребролюбцы копятъ и берегутъ деньги не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезное употребленіе, а лишь потому, что деньги даютъ крестьянину нѣкоторое значеніе въ околоткѣ; что къ богатому мужику ходитъ и священникъ и чиновникъ, и оказываютъ ему предпочтеніе предъ другими. Сбереженіе крестьянина представляетъ мертвый ка-

питалъ, который онъ не умѣетъ и сохранить. Онъ прячетъ деньги по амбарамъ, въ хлѣбномъ гумнѣ, зарываетъ въ глиняной посудѣ въ землю или въ прорубленныхъ въ стѣнѣ дома потайникахъ. Въ своемъ же сундукѣ крестьянинъ оставляетъ самую незначительную часть денегъ на домашніе расходы. А понадобятся ему деньги, онъ прибѣгаетъ къ неразсчетливому сбыту своего зерна, норовя непремѣнно продать его въ городѣ, какъ ни неблизко послѣдній отъ деревни.

Существующіе здѣсь способы къ народному просвѣщенію крайне скудны. Въ Минусинскомъ округѣ есть только одно приходское училище; грамотныхъ крестьянъ до 100 человѣкъ. Въ Канскомъ округѣ одно приходское училище и Рыбинская народная школа. Въ деревняхъ, даже при церквахъ, не учреждено ни одной школы. Старики и старухи бываютъ очень довольны, когда ихъ дѣти въ праздничные дни читаютъ имъ «божественныя» книги, въ особенности любятъ слушать житія святыхъ, отцевъ церкви.

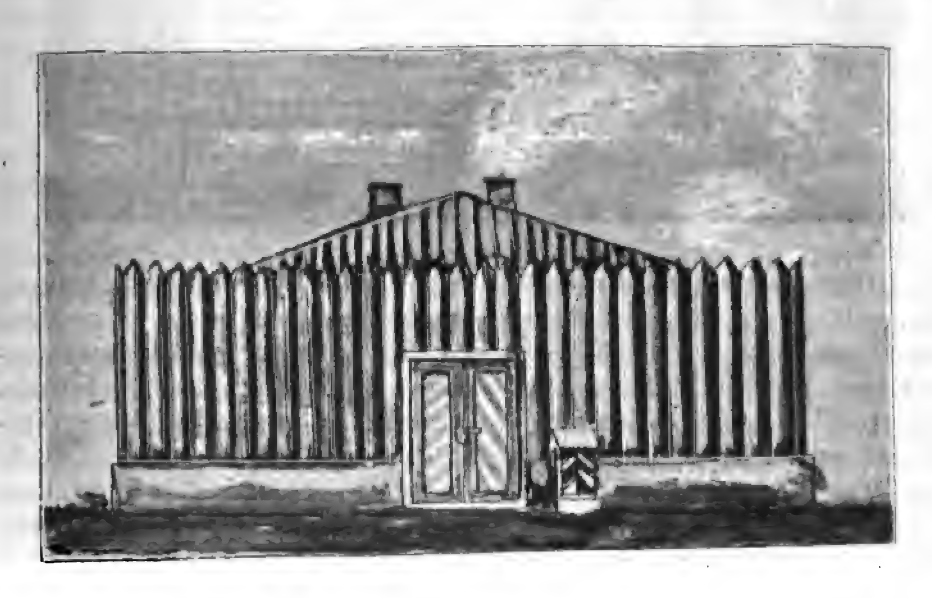
Старинныя селенія и деревни какъ въ Минусинскомъ, такъ и въ Канскомъ округахъ выстроены не по плану: гдѣ кто вздумалъ, тамъ и строился. Деревни по Большому Московскому тракту расположены по прямой линіи, по обѣимъ сторонамъ дороги,—она составляетъ главную улицу деревни; остальная часть домовъ разбросана въ разныхъ направленіяхъ, и они сгруппированы такъ тѣсно, что, въ случаѣ пожара, одинъ домъ грозитъ опасностью другому. Расположеніе деревень, удаленныхъ отъ Московскаго тракта, еще неправильнѣе: дома то расположены по одному посаду, но тоже не по прямой линіи, то разбросаны между кривыми и узкими переулками: одинъ домъ выдался на улицу, другой вдался; одинъ своимъ фасадомъ обращенъ во дворъ, другой вдоль переулка. Словомъ, въ старинныхъ деревняхъ, по мѣрѣ ихъ заселенія, каждый строился, гдѣ и какъ хотѣлъ, лишь бы было на то согласіе сосѣдей. Но въ каждой деревнѣ всегда есть одна большая, широкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой выстроены дома старой и новой постройки. Дома старой постройки стоятъ рядомъ съ новыми, красивыми домиками и своею безобразною формою и ветхостію часто придаютъ улицѣ довольно невзрачный видъ.

Форма домовъ старинной постройки большею частью продолговатая, съ высокою крышею, покрытою тесомъ и отъ времени заросшею мхомъ и травою. Въ нихъ окна маленькія, прорубленныя высоко, почти подъ самою крышею. Внутреннее расположеніе комнатъ произвольное. Во всякомъ случаѣ, изба, гдѣ живетъ семья и приготовляются кушанья, отдѣлена отъ горницы. Фасадъ такого дома выходитъ на дворъ или на улицу; передъ домомъ большое, высокое крыльцо, вродѣ галереи, обшитой кругомъ тесомъ съ тремя окнами безъ стеколъ. Иногда къ старому дому пристраивается въ длину другой домъ, и тогда все строеніе представляется въ видѣ длиннаго сарая, въ которомъ одна часть дома выше, другая ниже, такъ что, кажется, будто домъ повалился на одну сторону и угрожаетъ скорымъ разрушеніемъ. Двери въ домахъ низкія. Это—общая черта всѣхъ крестьянскихъ домовъ въ Сибири. Въ комнатахъ чистота и опрятность. Это—тоже черта, которою щеголяютъ сибиряки и которою не могутъ похвастаться великорусскіе крестьяне. Большія сквозныя сѣни раздѣляютъ избу отъ горницы. Обыкновенно окна горницы выходятъ на дворъ, а избы—на улицу. Въ рабочей избѣ, гдѣ постоянно живетъ семья крестьянина, два и большею частію три окна на улицу и два на дворъ; окна растворча-



тыя, стекляныя и—рѣдко—пузырныя. У дверей съ лѣвой стороны большая печь, которая никогда не кладется изъ кирпича, а сбивается на мѣстѣ изъ глины. Глина здѣшняя имѣетъ свойство очень скоро высыхать и современемъ становится несравненно тверже кирпича, такъ что печь стоитъ всегда дольше дома. Печь и стряпня отдѣляются занавѣской. Около двери между печью и стѣной, выходящей на дворъ, устроены палати, гдѣ спятъ ребятишки; кругомъ стѣнъ деревянныя лавки; посреди избы стоитъ продолговатый столъ, на которомъ семья обѣдаетъ, ужинаетъ и работаетъ. Въ углу, между стѣною, выходящею на улицу и на дворъ, обыкновенно висятъ образа. Стѣны бревенчатыя, не обшитыя тесомъ, и потому въ избѣ всегда мно-

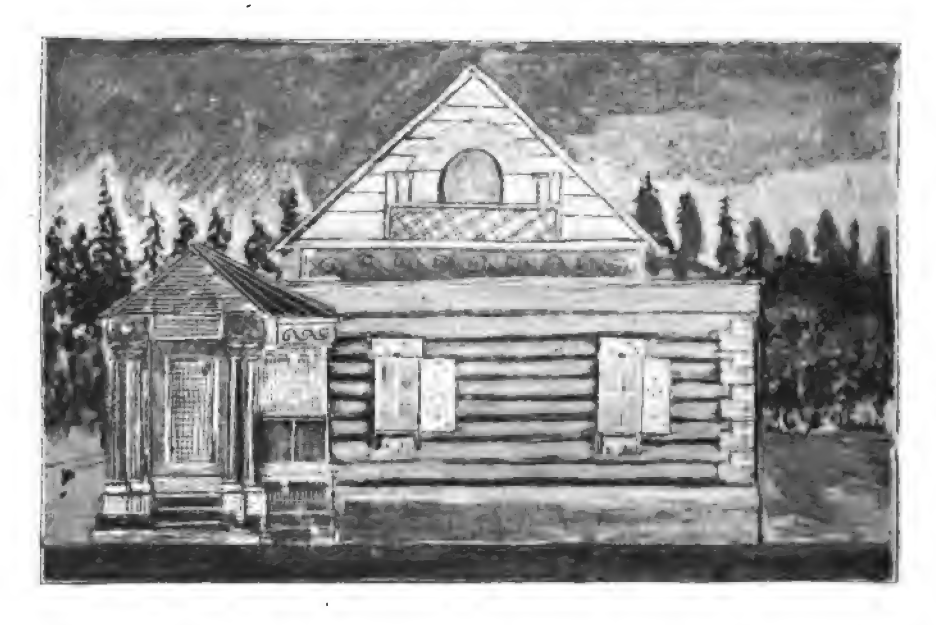
жество клоповъ и таракановъ. Полъ какъ въ избѣ, такъ и горницѣ изъ досокъ, который не только часто моютъ, но и скоблятъ ножами, и въ каждомъ крестьянскомъ домѣ чистота и опрятность безукоризненныя.



Горница есть обыкновенно комната, предназначенная для гостей, потому въ ней сидятъ рѣдко и только за недостаткомъ помѣщенія спятъ въ ней взрослыя дочери. Горница раздѣлена деревянной перегородской, за которою стоитъ русская или голандская печь. Украшеніе горницы составляютъ: большая двух-

спальняя кровать съ ситцевой занавѣской, два или три стола и нѣсколько стульевъ крестьянской работы. Прибавьте къ тому чистоту пола и стѣнъ, на которыхъ приклеено безчисленное множество лубочныхъ картинъ, этикетокъ и адресовъ различныхъ московскихъ фабрикантовъ, модныхъ магазиновъ, словомъ,— все, что только попадаетъ къ крестьянамъ изъ печатныхъ произведеній относительно привозимыхъ товаровъ, все это красуется по стѣнамъ горницы. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ украшеніи—о цвѣтахъ: бальзамины, ерань, фуксія—цвѣты, которые вы встрѣтите въ каждомъ домѣ и на каждой почтовой станціи. Сибиряки вообще большіе охотники до цвѣтовъ.

Изъ сѣней выходъ на другой дворъ, гдѣ обыкновенно помѣщается скотъ, домашняя птица; тутъ же складывается сѣно, солома и дрова. На переднемъ дворѣ устроены амбары и кладовыя, на заднемъ—сараи и конюшни. Далѣе за сараями и хлѣвами огородъ и баня.



Нѣкоторые дома новой постройки имѣютъ такое же расположеніе комнатъ, какъ и въ домахъ старой постройки; различіе состоитъ только въ новѣйшей архитектурѣ, фасадѣ дома. Есть много и такихъ домовъ, которые какъ снаружи, такъ и внутри болѣе похожи на городскія строенія, чѣмъ на сельскія. Дома новой постройки бываютъ самой разнообразной архитектуры и своимъ наружнымъ видомъ часто напоминаютъ загородныя дачи. Въ Канскомъ округѣ подобные домики можно встрѣтить только въ большихъ селеніяхъ, прилегающихъ къ почтовому тракту; въ Минусинскомъ же округѣ домовъ новой постройки множество. Главная и какъ будто необходимая принадлежность каждаго новаго дома это—большое венеціанское окно и рѣзьба на карнизахъ и окнахъ. Наружная форма этихъ домовъ болѣе квадратная съ низкими крышами. Впрочемъ, что касается архитектуры дома, то крестьяне не придерживаются никакихъ постоянныхъ правилъ и строятъ дома самой затѣйливой и, можно сказать, фантастической архитектуры. Исполнители этихъ прекрасныхъ дачъ суть боль-

шею частію мастера, зашедшіе въ Сибирь для малевки церквей. Фасадъ дома новой постройки большею частію выходитъ на обширный дворъ, и такіе дома имѣютъ отъ 3 до 5 оконъ на улицу. Окна и карнизы украшены рѣзьбою, а иногда раскрашены яркими красками. Со двора большое глухое крыльцо ведетъ во внутреннее жилье. Сѣни или раздѣляютъ домъ на двѣ половины или прямо съ крыльца входъ ведетъ въ переднюю и далѣе въ большія, свѣтлыя комнаты, которыхъ, смотря по состоянію крестьянина, бываетъ отъ 3 до 7: залъ, гостиная, небольшая комната въ родѣ буфета, спальня (она же жилая комната) и, наконецъ, изба, гдѣ приготовляются кушанья. Стѣны обшиты тесомъ или оштукатурены; окна большія, стеклянныя.

Квартирную мебель составляютъ: зеркала, стулья, диваны, столы ломберные, круглые и треугольные. Вся эта мебель, довольно хорошей работы, дѣлается изъ корня березы и окрашивается подъ орѣхъ.

Въ нѣкоторыхъ домахъ вы найдете журналы и газеты (какъ, напр., изданіе Вольно-Экономическаго Общества, Земледѣльч. Газету, Москов. Вѣд. и др.). На окнахъ бываетъ разставлено много цвѣтовъ, по стѣнамъ развѣшаны разнообразныя картины, начиная отъ портрета Наполеона I, графа Платова, Мухамеда III и до самыхъ обыкновенныхъ суздальскихъ гравюръ и картинъ, изображающихъ эпизоды изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и даже романовъ «Вѣчнаго жида». Конечно, подобная роскошь допускается только въ домахъ богатыхъ крестьянъ и казаковъ.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ: кафтанъ, куртка, шаровары и тулупъ овчиный. Въ мужскомъ платьѣ нѣтъ никакихъ особенностей сравнительно съ одеждою крестьянъ Европейской Россіи. Обыкновенное лѣтнее платье: ситцевая или холщевая рубашка, нанковые или плисовые шаровары, кунгурскіе сапоги или бродни, ситцевый или нанковый халатъ, кушакъ бумажный или шерстяной, а у богатыхъ шелковый; на головѣ картузъ или какая-нибудь маленькая шапочка; въ рукахъ молодые парни всегда носятъ бумажные носовые платки и зеленыя замшевыя рукавицы. Старики одѣваются проще. Костюмъ ихъ состоитъ изъ холщевой рубашки и такихъ же штановъ, азяма изъ верблюжей шерсти или однорядки (изъ овечьей шерсти, въ родѣ пальто), бродней и поярковой шапки. Въ зимнее время мужской полъ вмѣсто халатовъ носитъ овчиные или изъ черныхъ мерлушекъ тулупы; богатые тулупы покрываются толстымъ сукномъ, а у крестьянъ побѣднѣе поверхъ тулупа надѣвается азямъ изъ толстаго крестьянскаго сукна. Въ большіе морозы мужчины и женщины поверхъ тулупа надѣваютъ длинныя дахи изъ козьихъ, ланьихъ и собачьихъ шкуръ, вывороченныхъ шерстью наружу. Кажется, ничего не можетъ быть теплѣе этого костюма, и потому всѣ сибиряки, не исключая и высшаго класса, при отправленіи зимою въ дальнюю дорогу, запасаются дахою.

Въ щегольствѣ женщины превосходятъ мужчинъ. Обыкновенно женскій костюмъ состоитъ: изъ бѣлой холщевой или ситцевой рубашки, ситцевой юбки и душегрѣйки или коротенькой кофты; на головѣ повязывается у старухъ бумажный платокъ, у дѣвокъ бумажная или шелковая косынка и косы остаются выпущенными; на ногахъ у каждой женщины бываютъ надѣты бумажные чулки и кожаные башмаки, привозимые изъ Европ. Россіи или изъ Красноярска. Молодыя дѣвицы очень занимаются своими нарядами; почти каждая изъ нихъ ста-

рается имѣть платье, сшитое по городской модѣ, одно, праздничное, шелковое или шерстяное, другое, будное—ситцевое или бумажное. Плечи свои дѣвицы прикрываютъ шалями или шелковыми косынками, въ ушахъ онѣ подвѣшиваютъ серьги, если не золотыя, то серебряныя или бронзовыя, вызолоченныя. Нѣкоторыя дѣвушки-щеголихи носятъ даже салопы. Въ зимнее время женщины средняго состоянія одѣваются въ овчинные тулупы, а женщины болѣе богатыя въ шубы изъ бѣличьяго или лисьяго мѣха съ большими откидными бѣличьими воротниками, для которыхъ выбираютъ самую черную бѣлку. Нѣкоторыя крестьянки, въ особенности казачки, носятъ воротники у своихъ шубъ лисьи и даже собольи. Шубы покрываются нанкою или китайкою, а богатыя женщины обыкновенно покрываютъ ихъ синею шерстяною или шелковою матеріею.

Изъ этого описанія одежды можно видѣть, что костюмъ здѣшнихъ крестьянъ—скорѣе похожъ на костюмъ мѣщанъ Европейской Россіи, чѣмъ на одежду ея крестьянъ.

Здѣшніе жители вообще, любятъ поѣсть если не всегда хорошо, то покрайней мѣрѣ жирно и плотно. Крестьяне Минусинскаго округа не употребляютъ другого хлѣба кромѣ пшеничнаго. Каждое воскресеніе и въ праздники пекутся здѣсь пироги, колачики, ватрушки (здѣсь называемыя шаньги), сдобныя булочки и т. п. Все это мучное стряпье носитъ здѣсь названіе «мягкіе». Мясо ѣдятъ почти каждый день за исключеніемъ постовъ. Изъ мяса болѣе всего въ употребленіи здѣсь баранина и воловье; осенью и зимою ѣдятъ мясо соленое или дикихъ козъ и тетерева. Необходимая принадлежность каждаго хорошаго обѣда студень или вареные языки (которые ѣдятъ съ уксусомъ и горчицею), блинчики съ масломъ и вафли (онѣ подаются гостямъ и къ чаю). Нескудное и разнообразное и кушанье постное: рѣдька, рѣпа, капуста квашенная, соленые грибы и огурцы, свѣжая и сушеная рыба, изъ которой приготовляютъ похлебку, постныя щи, каша и др. Необходимая принадлежность постнаго стола—рѣдька съ квасомъ и крошеной капустой; затѣмъ уже подаются щи и ячменная каша съ постнымъ масломъ. Вообще можно сказать, сибирячки не умѣютъ приготовлять вкусныхъ блюдъ: щи жирныя, жаркое пережаренное, соусы всегда съ изюмомъ или сахаромъ,—словомъ, все жирно и сладко—до приторности. Чтобы познакомить читателя съ здѣшнею кухнею, я приведу описаніе обѣда, даннаго однимъ изъ крестьянъ Минусинскаго округа по случаю храмового праздника. Обѣдъ этотъ записанъ въ донесеніяхъ волостного правленія и найденъ мною въ архивѣ Минусинскаго земскаго суда.

Большой деревянный столъ, крестьянской работы, былъ покрытъ бѣлою тонкою скатертью; на столѣ стояли кружки съ квасомъ и пивомъ, ложки деревянныя, серебряныя и оловянныя были разложены возлѣ каждаго прибора; посуда была фарфоровая, глиняная и стеклянная. Вотъ стали сходиться гости; каждый, вошедшій въ горницу, останавливался у порога, чинилъ крестное знамя и кланялся низко всѣмъ присутствовавшимъ; потомъ подходилъ къ хозяину и хозяйкѣ дома и поздравлялъ ихъ съ праздникомъ. Начался обѣдъ. Прежде всего поданы были холодныя кушанья четырехъ сортовъ: одно было изъ свиного окорока, другое заливное (или студень) изъ «скотскихъ» ногъ, третье заливное изъ овечьихъ ушей и губъ и четвертое—вареные языки. Эти кушанья ѣли съ уксусомъ и горчицею. Послѣ холоднаго подавались похлебки трехъ сортовъ: одна изъ свѣжей баранины, другая съ «скотскими» рубцами и третья

изъ курицы. За похлебками или супами, подавали жаркое пяти сортовъ: жареная баранина, свѣжая свинина, жареная курица на коровьемъ маслѣ съ картофелемъ, поросенокъ и смолость (коровье вымя). Къ жаркому подавались соленые огурцы и кислая капуста. Въ заключеніе обѣда, вмѣсто десерта, подавали творогъ съ сахаромъ и по стакану молока каждому.

Послѣ обѣда выступилъ на сцену самоваръ и пошло угощеніе чаемъ, пивомъ, водкою и виноградньмъ виномъ. Достойно замѣчанія, что пріѣзжимъ гостямъ, въ особенности женскому полу, изъ города и другихъ деревень, первую чашку чая подавали безъ сахару и гостья пила чай «черезъ сахаръ» (въ прикуску). За чаемъ приносили на подносѣ женщинамъ—по рюмкѣ виноградного вина, а мужчинамъ—по рюмкѣ водки; затѣмъ снова подавали чай, но уже съ сахаромъ «въ накладку».. Чай здѣсь пьютъ «фамильный» съ бѣлымъ сахаромъ (въ 50 коп. фунтъ) [1]. Впрочемъ, крестьяне въ Минусинскомъ округѣ чай пьютъ только въ праздничные дни. Чай подается въ фарфоровыхъ, привозныхъ изъ Россіи, чашкахъ. Посуда фарфоровая, оловянная и деревянная; ложки только въ зажиточныхъ домахъ серебряныя, а въ остальныхъ оловянныя и деревянныя. На описанномъ обѣдѣ присутствовали: приходскій священникъ съ семействомъ и церковнымъ причтомъ, волостной писарь, волостной голова, старшина, два кандидата по старшинѣ, цѣловальникъ и крестьяне мѣстные и пріѣзжіе съ ихъ женами и дочерьми. Пиршество началось съ 10 ч. утра, т. е. послѣ обѣдни и молебна. Послѣ обѣда священно-и-церковно-служители, не выходя изъ-за стола, по принятому обычаю, пѣли божественныя пѣсни и, затѣмъ, съ своими женами и дочерьми дѣлали визиты болѣе зажиточнымъ крестьянамъ. Между тѣмъ народъ веселился и кутилъ уже на распашку. Таковая гулянка, заканчиваетъ писарь въ своемъ донесеніи, продолжалась шесть дней, пока все заготовленное бабами не было съѣдено и выпито.

Въ будни иная картина народной жизни.

Въ каждомъ большомъ селѣ, въ особенности гдѣ находится земское начальство, два предмета обращаютъ на себя вниманіе путешественника: волостное правленіе (или, гдѣ его нѣтъ, канцелярія сельскаго писаря) и питейный домъ. Тутъ вы всегда можете встрѣтить, кромѣ десятскаго и старшины, двухъ-трехъ крестьянъ, нѣсколькихъ поселенцевъ. Народъ этотъ, съ дѣломъ или безъ дѣла, сидитъ на прилавкѣ возлѣ кабака или въ сѣняхъ волостного правленія. Сюда заходитъ мужичекъ потолковать о своемъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ, разсказать деревенскія новости и, какъ водится, въ концѣ концовъ, заглянуть въ кабакъ и залить горе сельскихъ треволненій осьмушкою вина, разумѣется, въ кредитъ и очень рѣдко на чистыя деньги. Остальная часть деревни въ будній день находится, не скажу въ мертвомъ, а въ какомъ-то невыносимомъ спокойствіи, наводящемъ на заѣзжаго непреодолимую скуку. Мирные сельскіе жители—одни заняты на работахъ въ полѣ, другіе за работой въ избѣ, третіе, забравшись куда-нибудь на сѣновалъ, спятъ беззаботно, ничуть не дорожа временемъ. Еще въ лѣтнее время крестьянинъ занятъ полевыми работами, но приходитъ зима, долгая сибирская зима, и онъ не знаетъ, что сдѣлать, куда дѣвать себя и какъ убить длинные вечера?

[1] Въ Иркутской же губерніи крестьяне пьютъ преимущественно кирпичный чай и употребляемый здѣсь сахаръ—китайскій леденецъ.

Хозяинъ, у котораго я остановился, старикъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, такъ еще бодръ и здоровъ, что на видъ нельзя было дать ему болѣе 40 лѣтъ. Это общая черта всѣхъ сибиряковъ: крестьяне доживаютъ до глубокой старости и кажутся чрезвычайно моложавыми. Семейство старика состояло изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей; оба сына женаты, двѣ дочери замужемъ и одна еще дѣвица. Сыновья съ женами живутъ вмѣстѣ въ домѣ родителя; хозяйство у нихъ общее. Съ разсвѣтомъ все семейство подымается на ноги: мужчины выходятъ посмотрѣть на дворъ по домашнему хозяйству, напоить скотъ, задать кормъ; а женщины, пока, разогрѣваютъ завтракъ изъ остатковъ вчерашняго ужина. Въ 7 ч. всѣ садятся за столъ, завтракаютъ и отправляются на работы зачастую очень поздно, и такъ какъ пашни отстоятъ отъ деревни на 10 и 14 верстъ, то приходятъ на мѣсто уже тогда, когда солнце поднялось высоко на горизонтѣ и въ воздухѣ носится множество оводовъ и мошекъ, сильно утомляющихъ людей и рабочій скотъ. Оставшіеся дома въ 10 ч. обѣдаютъ и посылаютъ обѣдъ отправившимся на работу. Обѣдъ состоитъ изъ щей съ мясомъ, каши, иногда рыбной похлебки и молока. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣшній крестьянинъ чаще ѣстъ мясо, чѣмъ великорусскіе крестьяне. Мясо употребляется здѣсь большею частью соленое, потому что собственный скотъ бьютъ рѣдко, ибо дожидаются случая, не найдутся ли охотники до покупки его. Мясо убитыхъ быковъ солятъ и приготовляютъ, такимъ образомъ, запасъ на цѣлую зиму. Дороговизна нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ заставляетъ здѣшнихъ жителей дѣлать въ извѣстное лѣтнее и, притомъ, дешевое время, годовой запасъ многихъ изъ съѣстныхъ припасовъ; иначе, можно остаться безъ мяса или безъ крупы, потому что базаровъ не бываетъ и купить не у кого.

Послѣ обѣда хозяйка спѣшитъ вымыть посуду, раскладываетъ ее на полкахъ и, затѣмъ, всѣ отъ мала до велика ложатся спать. Въ эту пору въ деревнѣ на улицахъ пусто, нигдѣ не видно ни живой души; даже собаки прячутся подъ амбары въ самыя темныя мѣста, потому что въ лѣтнее время отъ 11—3 ч. бываетъ жара не выносимая. Въ 3 ч. по полудни просыпаются; нѣкоторые пьютъ чай, другіе принимаются за какую-нибудь работу; такъ время проходитъ до заката солнца. Когда жара спадетъ и воздухъ сдѣлается прохладнѣе, окна въ домахъ растворяются, многіе выходятъ на улицу посидѣть у воротъ и потолковать съ сосѣдями. Наконецъ, разводится въ печкѣ огонь и приготовляется ужинъ. Послѣ ужина въ 9 ч. всѣ снова ложатся спать.

Такъ оканчивается будній день, такъ начинается другой, третій, проходитъ годъ и всѣ дни почти похожи другъ на друга. Вообще замѣчено, что трудъ усиленный, какъ говорится, въ потѣ лица, не свойственъ сибирякамъ, въ особенности женскому полу. Еще лѣтомъ, всѣ, за исключеніемъ престарѣлыхъ, отправляются на полевыя работы, гдѣ живутъ по цѣлымъ недѣлямъ, возвращаясь домой только въ праздникъ. Но зимою женщины и мужчины такъ мало занимаются рукодѣльями, что совершенно отвыкаютъ отъ этихъ работъ, и потому большая часть домашнихъ вещей покупаются у торговцевъ.

Но вотъ приходитъ праздничный день. За нѣсколько дней до него хозяйки уже приготовляютъ пиво, пекутъ хлѣбы, пироги, жарятъ окорока и проч., въ домахъ начинается мойка и скобленіе половъ, стѣнъ,—словомъ, праздники

дають здѣсь какое-то особенное оживленіе и дѣятельность народу, отъ природы тяжелому на подъемъ и безпечному.

Вмѣсто обычныхъ въ другихъ мѣстахъ ярмарокъ существуютъ здѣсь съѣзжіе праздники въ дни Св. Петра и Павла, пророка Ильи, Іоанна Предтечи, Успенья и др. годовые праздники: Рождество Хр., Пасха, Новый годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то, такъ называемые, храмовые праздники и святочные дни крестьяне собираются въ одно село или деревню, и гулянкамъ не бываетъ конца.

Домашняя жизнь здѣшнихъ крестьянъ представляетъ много утѣшительныхъ сторонъ. Народъ живетъ въ довольствѣ, бѣдности почти не знаетъ. Если и встрѣчаются нищіе, то лишь между ссыльно-поселенцами или людьми, продолжающими бродяжническую жизнь. У крестьянина нѣтъ большихъ экономическихъ заботъ, и потому, когда приходитъ праздникъ, народъ, при всемъ своемъ флегматическомъ характерѣ, предается веселію, разумѣется, по своему: «праздновать, такъ праздновать»! обыкновенно оправдывается въ такихъ случаяхъ мужикъ.

Вотъ одинъ изъ деревенскихъ храмовыхъ праздниковъ и забавы крестьянъ въ святочные дни, заимствованныя изъ архива Минусинскаго земскаго суда.

Мы приближались къ большому селу Ирбейскому (въ Канскомъ округѣ). Утро было жаркое и палящіе солнечные лучи обѣщали день знойный, удушливый. Тройка «обывательскихъ» несла насъ берегомъ внизъ по теченію р. Кана. Время было сѣнокосное, но въ воздухѣ не было слышно благоуханія травъ; въ окрестности не попадались сплошно засѣянныя хлѣбомъ поля, на которыхъ бы волны золотистыхъ колосьевъ терялись въ отдаленности. Пашни раскинуты клочками; въ промежуткахъ сѣнокосные луга или привольно растущая высокая трава, негодная ни для какого употребленія. На поляхъ не видно живой души: день праздничный, и народъ былъ весь въ деревнѣ. Едва мы подъѣхали къ с. Ирбейскому, какъ услышали разносившійся въ воздухѣ протяжный звукъ колокола. Народъ спѣшилъ въ церковь къ обѣднѣ. Мы проѣхали большую улицу, по сторонамъ которой то тянулись прямою линіею опрятные съ тесовыми крышами крестьянскіе домики, то виднѣлись, разбросанныя въ безпорядкѣ, небольшія избушки. Пока звукъ колокола призывалъ мирныхъ поселянъ къ молитвѣ, возлѣ кабака и передъ нимъ на площади уже толпилось много крестьянъ, мѣщанъ и мелочныхъ торговцевъ, пріѣхавшихъ, одни — повеселиться на праздникѣ, другіе — для закупки хлѣба, скота и для продажи крестьянскихъ произведеній.

Обѣдня кончилась, и народъ разсыпался по улицамъ: кто остановился у кабака, кто тащилъ пріятеля къ себѣ въ домъ «откушать хлѣбъ-соль и похлѣбать щей». Наконецъ, появился священникъ со всѣмъ своимъ семействомъ и церковнымъ причтомъ. Здѣшніе жители всегда отдаютъ духовнымъ лицамъ предпочтеніе, сажаютъ ихъ за столъ на первое мѣсто, усердно угощаютъ и, сверхъ того, дарятъ ихъ хлѣбомъ, вареньями, масломъ, яйцами, холстомъ, нитками и проч. Это ужъ такой обычай, и крестьяне свои подарки—кто что можетъ—раздаютъ каждому члену причта особо. Послѣ обѣда рѣдко кто изъ сельскаго люда сидитъ въ избѣ: всѣ высыпаютъ на улицу или сидятъ гдѣ-нибудь въ

тѣни, дожидаясь, пока не спадетъ жара. Старики и старушки обыкновенно забираются куда-нибудь въ спокойный уголокъ своего жилья и тутъ, поставивъ ведро пива, бесѣдуютъ и пьютъ. Молодые парни прежде всего отдаютъ долгъ питейному дому и уже подъ вечеръ расхаживаютъ по улицамъ. Молодыя дѣвицы собираются въ какой-нибудь домъ и тамъ поютъ, дурачатся, играютъ въ фанты, въ ящеръ, въ горѣлки и разныя другія игры. Иногда къ нимъ присоединяются мужчины, но до вечера дѣвушки строги въ обращеніи съ ними и при входѣ молодого парня сидятъ чинно, лишь по временамъ нашептывая что-то другъ дружкѣ на ухо. Вообще скрытность, притворство и насмѣшливость—общая черта сельскаго прекраснаго пола. Къ вечеру дѣвицы становятся снисходительнѣе, любезнѣе, и поцѣлуи раздаются щедро.

Солнце начало склоняться къ горизонту; по р. Кану уже сталъ подыматься туманъ, который, клубами качаясь по островкамъ, разносился синеватой пеленой между хребтами горъ противоположнаго берега, подымался вверхъ и придавалъ торчащимъ вдали сопкамъ и обгорѣлымъ соснамъ какія-то фантастическія и самыя прихотливыя формы. Настало время, когда народъ обыкновенно показывается на улицѣ: всѣ гости, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродятъ изъ избы въ избу. Справляющіе праздникъ, уже хорошо подкутивши, поютъ, кричатъ, заходятъ въ крестьянскіе дома, въ которыхъ хозяевами ихъ весьма радушно принимаются и угощаются виномъ и, пивомъ. Между тѣмъ, дѣвушки, собравшись къ одной изъ своихъ подругъ, сидятъ смирно въ сѣняхъ и дожидаютъ гостей. Молодые парни, разодѣтые въ плисовыя куртки и красныя ситцевыя рубашки, двигаются толпой по улицѣ и гдѣ собралось больше дѣвицъ, тамъ останавливаются. Дѣвицы будто бы не замѣчаютъ парней. Вдругъ забренчала балалайка, загудѣла гармоника, запѣвало затянулъ пѣсню и хоръ мужскихъ голосовъ подхватилъ заунывную пѣсню. Дѣвушки, когда поютъ «молодцы», выходятъ на улицу гурьбой, за ними идутъ мужчины. Деревня оглушается шумнымъ говоромъ и громкими пѣснями.

Сибирскій историкъ Словцовъ называетъ Сибирь «страною безголосною». И дѣйствительно, несмотря на звучные и прекрасные голоса ея обитателей въ пѣсняхъ замѣтно какое-то уныніе, тоска. Здѣсь вы рѣдко услышите веселую, разгульную пѣсню, въ которой почти всегда проявляется внутренняя сторона жизни народа. И потому здѣшнія пѣсни и забавы лишены жизненности и той заразительной веселости, какая столь свойственна молодежи. Мнѣ не случалось здѣсь видѣть деревенскіе танцы на открытомъ воздухѣ; танцуютъ на «вечеркахъ» только русскій танецъ, но безъ всякой граціи, чрезвычайно не ловко. Въ Европ. Россіи, въ особенностя въ Малороссіи, праздникъ безъ танцевъ—не праздникъ. Въ каждый воскресный и праздничный день народъ собирается передъ корчмою; тутъ обыкновенно сидитъ слѣпой скрипачъ, бандуристъ или кто-нибудь играетъ на гудкѣ. И молодежь пляшетъ весело съ какимъ-то особеннымъ увлеченьемъ. Въ Сибири же я не встрѣчалъ народныхъ музыкантовъ; нѣтъ здѣсь ни волынки, ни гудка, ни свирели. Если и попадаются музыканты, то большею частію изъ поселенцевъ. Притомъ, звуки музыки раздаются только на свадьбѣ. Въ здѣшней деревнѣ гармоника и балалайка—единственные народные музыкальные инструменты.

Вслушиваясь въ голоса хоровода, долетавшіе до меня какими-то заунывными и жалобными стонами, я погрузился въ раздумье: чему приписать эту внутреннюю печаль души здѣшняго крестьянина. Беззаботный и склонный къ разгульной жизни, въ пѣсняхъ своихъ этотъ житель Сѣвера таитъ какой-то отголосокъ печали, отражающій внутреннія впечатлѣнія души. Народныхъ, собственно сибирскихъ пѣсенъ здѣсь не существуетъ; если же встрѣчаются пѣсни съ мѣстнымъ содержаніемъ, то онѣ сочинены заѣзжими великоруссами. Здѣшній поселянинъ, когда поетъ даже веселыя великорусскія пѣсни, придаетъ имъ какой-то особенно протяжный, плачевный напѣвъ. Жалоба ли эта на суровость климата, холодность и блѣдность здѣшняго неба, или на сибирскую природу хотя вообще величественную, но дикую, мрачную, скупую относительно цвѣтовъ и плодовъ? Гдѣ болѣе искать разгадки этой тайной скорби, если не въ противоположности характера здѣшняго жителя съ окружающею его угрюмою природой? Душа здѣшняго поселянина хотѣла бы выразить чувства радости и излить его въ веселой пѣснѣ, но грозный видъ окружающей его картины наводитъ на него какое-то мечтательное, неопредѣленно печальное настроеніе, и звуки веселой пѣсни и движеніе веселаго настроенія духа замираютъ въ устахъ сѣвернаго пѣвца. Соціальное положеніе здѣшняго крестьянина самое беззаботное: онъ независимъ, не терпитъ нищеты, безропотно покорный, гостепріименъ, но взглядъ его на окружающій его міръ суровъ. И если чувства крестьянина, несмотря на матерьяльное его довольство, выражаются печально, то такое меланхолическое настроеніе, конечно, имѣло немалое вліяніе на органъ выраженія его чувствъ—на голосъ: онъ тихъ и пріятенъ для слуха, но тонами своими заставляетъ слушателя сочувствовать этому смиренному ропоту души и потому наводитъ и на него уныніе, тоску. Нѣтъ у здѣшняго народа и веселыхъ игръ, забавъ; онъ какъ будто все грустить о чемъ-то потерянномъ, но для него самого неизъяснимомъ, и только выражаетъ свою скорбь, въ заунывной пѣснѣ.

Святочныя забавы начинаются повсемѣстно съ Новаго года, т. е. съ 1-го по 7-го января. День проходитъ въ занятіяхъ, а вечера посвящаются разнымъ забавамъ. Старики со старухами уходятъ къ подобнымъ себѣ въ гости на вечера. Молодые парни съ дѣвицами расхаживаютъ по улицамъ и поютъ такъ называемыя святочныя пѣсни подъ звуки гармоники и балалайки. Потомъ разбиваются на партіи: дѣвицы собираются въ домъ къ одной изъ своихъ подругъ, а мужчины продолжаютъ гулять или отправляются куда-нибудь на «вечерку». Въ святочные вечера, въ каждомъ домѣ пьютъ чай, вино, щелкаютъ кедровые орѣшки. Столъ уставляется закусками и напитками. «Закуски», состоящія изъ изюма, пряниковъ, урюпу и кедровыхъ орѣховъ, ставятся здѣсь только для женскаго пола; для мужчинъ подаютъ вино и чай. На такихъ вечеркахъ старики разговариваютъ про давно прошедшее, вспоминаютъ старину и попиваютъ винцо; дѣвушки гадаютъ, щелкаютъ орѣшки и поютъ пѣсни. Наконецъ, когда вино придастъ старикамъ болѣе веселья, начинаютъ «баить» народныя сказки, побасенки, загадки и т. п. Въ избѣ царствуетъ глубокая тишина—всѣ съ величайшимъ любопытствомъ слушаютъ разсказчика. Вдругъ разговоръ перебивается звуками гармоники, слышной на улицѣ. Гости приподнимаются съ своихъ мѣстъ, заглядываютъ въ окна, гдѣ раздалась музыка. Въ это время

человѣкъ 15 замаскированныхъ въ разные костюмы уже успѣли войти въ горницу и начали пѣть и плясать подъ звуки гармонии. Кончивъ одну пляску, замаскированные садятся по разнымъ угламъ и разговариваютъ между собою. Хозяинъ дома угощаетъ ихъ разными закусками; но замаскированные большею частію отказываются, вынимаютъ изъ своихъ кармановъ кедровые орѣшки, такъ называемые здѣсь «разговорцами», щелкаютъ ихъ и продолжаютъ между собою говорить. Старики восхищаются ихъ «умнымъ рѣчамъ», подходятъ къ каждому изъ замаскированныхъ, глядятъ имъ въ глаза, чтобы узнать, кто они; узнавъ, просятъ знакомыхъ пѣть. Старики, старухи, дѣвицы и замаскированные становятся въ кружокъ и начинаютъ пѣть хороводную пѣсню и плясать подъ ея звуки, притаптывая ногами и припѣвая: «Куда ты, моя молодость, дѣвалась»... Такъ забавы продолжаются, наконецъ, маскированные уходятъ въ другой домъ и, такимъ образомъ, шатаются до самой полуночи.

Маскированныхъ партій, случается, бываетъ нѣсколько въ одномъ селеніи. Молодыя дѣвицы переодѣваются въ мужскія платья, а парни въ женскія; а то наряжаются евреями, цыганами, приказчиками, ссыльно-каторжными, бродягами, и т. д.

Святочныя хороводныя пѣсни.

I.

Чернобриовая моя,
Черноглазая моя,
Со вечера по пороши,
А къ утру бѣлый снѣгъ.
Чернобривая моя, } Повторяется
Черноглазая моя! } послѣ каждой строфы.
По этой по порошѣ
Лежатъ два слѣдка,
Оба чистенькіе,
Оба гладинькіе.
Первый слѣдокъ —
На царевъ кабачекъ,
А второй слѣдокъ —
Милый къ милушкѣ ушелъ.
Милый къ милушкѣ ушелъ
И два монетчика унесъ
И два червонца золотыхъ.
Дѣвка дары не принимаетъ.
Парня къ черту посылаетъ.
Парень, парень, поди къ черту
На часокъ, на другой
Не путемъ—горой матушкой, горой.
Ахъ ты, матушка, моя гора
Доведи до двора,
До осинова бревна,
Тамъ горенька нова.
Вново ставленная
Печь муравленная,
Въ горенкѣ во новой
Стоитъ столъ дубовой.
Ножки точеныя
Позолоченныя.
За столомъ сидитъ Иванъ,
Во златы гусли играетъ,
Душу Грушу утѣшаетъ.

II.

Летѣлъ, полетѣлъ
Соколъ изъ-за горъ,
Ѣдетъ, поѣдетъ
Косьма на конѣ.
Шапочка смѣется,
Рукавички говорятъ
И жениться велятъ.
Конь ко двору приворачиваетъ,
Конь къ широкому приворачиваетъ,
Косьма Борисовичъ про сужену спрашиваетъ:

Дома ли не дома моя суженая,
Дома ли не дома моя ряженая?
Меланья Герасимовна дома спитъ,
Не будите вы её;
На вечерочкѣ сидитъ,
Не ходите по неё.
Я самъ схожу и самъ приведу,
Поцѣлую, обойму.
Пѣсни край—
Поцѣлуй дѣвка отдай;
Пѣсень непроста—
Поцѣлуй до трое въ уста;
Пѣсни конецъ—
Поцѣлуй ты, молодецъ!

Мужчины и дѣвицы пляшутъ, взявшись за руки; по окончанiи пляски, цѣлуютъ другъ друга.

Становятся съ одной стороны три дѣвицы, съ другой, противъ нихъ, три парня. Дѣвицы, взявшись за руки, вмѣстѣ подходятъ къ мужчинамъ и начинаютъ пѣть:

Бояра, зачѣмъ пришли,
Зачѣмъ прiѣхали?
(Мужчины отвѣчаютъ)
Княжиньи, да мы невѣстъ пришли смотрѣть.
Бояра, у насъ невѣстъ нѣтъ,
Молодыя, да и невыросли.
Княжиньи, да право, выросли!
Бояра, покажите жениха.
Княжиньи, вотъ изволь смотрѣть:
Вось женишекъ, а вось хорошенькой.
Бояра, да покажите халаты княжья.
Изволь смотрѣть: вось хорошенькой.
Бояра, покажите кушаки.
Изволь смотрѣть: вось хорошенькой.
Бояра, покажите сапоги.
Изволь смотрѣть: вось хорошенькiе.
Бояра, покажите картузы.
Княжинья, да у сударушки забылъ
На подушечкѣ.
Бояра, покажите перчаточки.
Жена будетъ, сама свяжетъ.
Бояра, вамъ которая люба?
Намъ Харитинья Ивановна хороша!
Бояра, отворяйте ворота!

Тутъ рядъ мужчинъ расходится на одну и другую сторону; съ другой стороны одна изъ дѣвицъ выходитъ и бросается въ разомкнутый рядъ мужчинъ; ее подхватываютъ, и тотъ, кто былъ избранъ женихомъ, обнимаетъ и цѣлуетъ её.

Вообще, поцѣлуи играютъ первую роль во всѣхъ забавахъ сибиряковъ. Пляска, по которой пѣли пѣсню: «Бояра, зачѣмъ пришли»? называется шестёрка и, смотря по числу лицъ, участвующихъ въ пляскѣ, называется: осьмерка, четверка. Въ пляскѣ этой безпрестанно летаютъ поцѣлуи.

Кромѣ святочныхъ и храмовыхъ праздниковъ еще дѣлаются «вечёрки» и бываютъ вечера капустные. Вечерки заказываютъ молодые парни одному изъ крестьянъ и угощаютъ на свой счетъ. Капустка бываетъ осенью, когда солятъ капусту. Въ это время собираются дѣвицы рубить капусту, при чемъ поютъ пѣсни, къ нимъ приходятъ парни и, по окончанiи работы, всѣ расхаживаютъ по

улицѣ и поютъ хоромъ пѣсни. Сибирскія общенародныя пѣсни—тѣ же, что̀ и во всей Россіи. Собственно сибирскихъ пѣсенъ нѣтъ. Напѣвъ пѣсенъ большею частью заунывный. Впрочемъ, вотъ нѣсколько пѣсенъ, которыя удалось мнѣ здѣсь собрать.

I. (Пѣсня заунывная).

Сказали про молодца, будто не живъ,
не здоровъ и безъ вѣсти пропалъ.
Вечеръ добрый молодецъ изъ дороженьки
пришелъ,
И вдоль по улицѣ пошелъ.
Свою любезную пѣсеньку
На свисточкѣ просвисталъ;
Свищетъ и гаркаетъ,
Въ теремъ голосъ подаетъ,
Чтобъ его любезная
Не дремала и не спала, не гасила бы
огня,
Ждала бы дождалась удалаго молодца.
— Что ты, мой любезный, долго въ
гости не бывалъ?
— За тѣмъ, за сѣмъ промѣшкалъ —
Въ дому со худой, со жёнушкой побра-
нюшечка была:
Журила, бранила удалаго молодца,
И тебя душу, красну дѣвицу.
— Я тебѣ, добрый молодецъ,
Говаривала прежде:
Убей ты, убей свою жену!
Ахъ, ты глупа, красна дѣвица,
Неразумна твоя рѣчь!
Мнѣ со красной дѣвкой
Одну ночку ночевать,
А со худой со женушкой
Надо вѣкъ вѣковать!

II. (Протяжная).

Какъ на дубчикѣ сидятъ два голубчика,
А на поволокѣ сидятъ двѣ голубки;
Они пили и ѣли
И сами про себя ворковали.
Онѣ и всѣ врозь полетѣли,
И садились онѣ на быструю рѣчку,
По край березнечку,
На желтой песочокъ
И на зеленъ лужечекъ
И промежду-то собой рѣчи говорили:
Ахъ, какъ тошно на свѣтѣ,
Кто кого любитъ,
А тошнѣе того любить,
Вдругъ да и покинуть!
Покинулъ меня милый, меня не на
долго,
Ненадолго-то время, меня на часо-
чекъ,
А часочекъ-то покажется ровно за
денёчекъ.
Отъѣзжаетъ-то мой милый въ путь,-
дороженьку
И меня покидаетъ, покидаетъ,
Оставляетъ бѣдную сиротинку,
Несчастную, горемышную!

III. (Заунывная).

Гдѣ ты, мое горе великое,
Никому мое горе неизвѣстное!
Хоть извѣстно,
Но никому не соболѣзно.
Призакрыто мое горе бѣлой грудью,
Призаплаканы очи мои ясные слезами,
Запечатаны уста мои кровями.
Ахъ, задумалъ мой другъ любезный
Во путь, во дороженьку,
Въ тою же дороженьку—въ дальню
Сибирску,
Въ городъ Минусинской.
Приказывалъ другъ любезной прика-
занья:

Ты живить-ко, моя милая, посмирнѣе,
Посмирнѣе и поумнѣе;
Ты люби, моя любезная, кого хочешь;
Если лучше ты меня найдешь,
То меня позабудешь,
А если хуже меня найдешь—
Меня вспомянешь.
Вспомянешь меня, чернобрива,
Сама заплачешь,
И стоскуешься, моя любезная!
Пиши ко мнѣ письма,
Не перомъ пиши,
Не чернилами ты пиши, любезная,
Горючими слезами!
Отошли, моя милая, со друзьями,
Со тѣми же со друзьями.
Со буйными вѣтрами.
Друзья письма не довозятъ,
Вихры писемъ не доносятъ...

IV. (Печальная).

Отлетаетъ мой соколъ изъ моихъ очей,
Изъ глазъ отъѣзжаетъ другъ любезной
Въ чужи дальни города
И дальни незнакомы—
Во славный градъ Петербургъ.
Не мало слёзъ ронила
По любезномъ по своемъ,
Въ слезахъ дружка просила
Хоть немножко поживи,
Хоть немного и маненько
Одинъ годичекъ со мной!
Всѣ люди знаютъ, не совѣтуютъ
Любить меня, Катюшу,
Велятъ бросить, позабыть
Я въ тà-пàри забуду,
Когда скроются глаза,
Тонкимъ, бѣлымъ полотномъ
Мнѣ лице закроютъ
И съ горъ желтымъ пескомъ
Меня загребутъ.
Обрости, моя могила,
Всякими разными цвѣтами,
Обложите мою могилу
Плитами вокругъ;
Я на камнѣ нарисую
На бумажкѣ напишу,
Я кумушкамъ, подруженькамъ
Словечко разскажу:
Ахъ, вы, кумушки-подруженьки,
Не живите-ко, какъ я жила,
Не влюбляйтесь въ молодца.
Отъ этой-то любви
Зарождается тоска,
Отъ нее-то немочна болѣзнь,
А отъ немочи приключается намъ смерть.

V (Веселая и протяжная).

Вечеръ добрый молодецъ
Запилъ, загулялъ,
Со душенькой, красной дѣвицой
Рѣчьми занимался:
— Скажи, душечка, красна дѣвица,
Ахъ, дѣ красна дѣвица
Скажи, кого любишь, охъ?!
Кого любишь, одного ли меня
Добра молодца сушишь и крутишь,
Охъ, сушишь и крутишь!
На то дѣвица ничто не сказала,
Отъ квартирушки вовсе отказала,
Ахъ, да! отказала.
Да ты отстань, добрый молодецъ,
И отстань по любви,
Охъ, да! по любви.
Не отстанешь по любви,
Ахъ, да! по любви,
Отстань по неволѣ,
Охъ, да! по неволѣ!
Совсѣмъ-то добрый молодецъ,
Совсѣмъ собрался,
Охъ, собрался и со всѣми простился,
Охъ, простился!
Съ одной дѣвицой,
Съ одной красавицей,
Охъ, съ нею не простился!
Подъ куткое, подъ окошко
Мальчикъ остановился,

Охъ, да! остановился.
Въ кутко окошко и въ стѣнку
Мальчикъ колотился!
Охъ, колотился.
Пусти, пусти, дѣвица,
Пусти, раскрасавица,
Пусти постояти!
А не пустишь постояти,
Пусти ночку ночевати,
Охъ, да! ночевати.
Никто не далъ ни отвѣту,
Никто ни привѣту,
Ахъ, ни привѣту,
И ни ласковыхъ словъ!
Съ тѣмъ молодецъ заплакалъ!
Вздохнулъ да ушелъ!

VI (Веселая).

По Чулымѣ по рѣкѣ
Плыветъ казакъ на быкѣ,
И бережка трещатъ,
Равно достушки пищатъ.
У Радіонова двора
Упечатали быка.
Стали быка по частямъ дѣлить:
Радіону за труды
Три корыта руды;
А маіору кожу
На широку его рожу;
Черепаникѣ скотинныя серёдки,
У ней дѣтушки сиротки;
Зуеву ребро —
Онъ ходитъ храбро;
Шувалову копытцы,
У него семья прочится;
Осипу почки,
У него красивыя дочки;
А Трофиму уже кстать
Бычій хвостикъ отдать;
Степану лопатка
За то, что у него гладка;
Остальное сдать пастуху
Чтобъ унять его комуху.

VII.

Заводила Акулина
Хлѣбцы мякинькіе.
Хани-лену, хани-лену,
Хлѣбцы мякинькіе! } Повторяется послѣ каждой строфы.
Заводила на дрожжахъ,
Не вдержала и на возжахъ.
Заводила на дрожжахъ
Три недѣли кисли,
И все не выкисли.
Не выкисли и на четвертую недѣлю —
Акулина стала хлѣбцы катать.
На печи въ углу пекла
И кочергой загребала.
— Складу хлѣбцы въ коробокъ
И повезу въ городокъ. —
Никто хлѣбцевъ не купилъ
Никто даромъ не беретъ.
Тутъ явилася свинья,
Съѣла коробокъ одна.
Не наѣлась, только рыло замарала;
Три недѣлечки хворала,
На четвертую пропала.

VIII.

Не ходи, мое веселье,
Изъ моего двора,
Не прокладывай слѣда.
Милъ дорожки не тори,
Худой славы не клади.
Худа славушка пройдетъ,
До меня слава прійдетъ:
Никто замужъ не возьметъ,
Не посватается.
Лебедушка бѣлая
По бережку бѣгала;
Не про насъ ли люди судятъ,
Люди баютъ, говорятъ
И разлучить съ другомъ хотятъ.
Не боюсь я вѣчной муки,
Боюсь съ миленькимъ разлуки.
Боюсь батюшки,
А скажу матушкѣ:

— Родимая моя мать,
Тебѣ меня не узнать.
Колды я пошла гулять
Себѣ друга наживать,
Себѣ ровнюшку Семёнушку.
Не ходи ты, Сеня, по сѣнямъ,
Не топай ногой,
Мнѣ не быть за тобой,
А мнѣ быть, побывать
За Иваномъ торгашемъ.
У Ивана торгаша
Хоть нѣтъ денегъ ни гроша,
Зато слава хороша.

IX.

Вѣнокъ, ты мой вѣночекъ,
Вѣнокъ ты лазоревой,
Мой цвѣточекъ,
Куда тебя, мой вѣночекъ, положити?
Положу я, мой вѣночекъ, на головку,
Да на прекрасную дѣвченку.
Не кума съ кумой покумилася,
Дорогимъ кольцомъ подарилася —
Подарилася среди кружка
На лужкѣ-на лужечкѣ
Во дѣвушекъ въ кружечкѣ.
Ты кумъ—я твоя кума,
Гдѣ мы сойдемся,
Тамъ и обоймемся,
Поздороваемся и разойдемся.

При пѣніи этой пѣсни, дѣвицы ходятъ по комнатѣ вокругъ мужчинъ, и когда пѣсня кончится, то дѣвицы цѣлуются съ мужчинами.

IX.

Повадился котокъ
Во слободу на краекъ,
Во слободу на краекъ
Къ богатому мужику
Ко хорошой дочерѣ;
Ко хорошой дочерѣ —
Къ Парушѣ хорошой.
Ахъ, ты, батюшко родной,
Кто-то есть у окна,
Кто-то стукается,
Кто-то брякается.
Начинаетъ ужъ свѣтать,
Стала дѣвка горевать:
Некуда кота дѣвать,
Некуда кота дѣвать!
Посажу кота въ подолъ,
Посажу кота въ подолъ,
Понесу кота на дворъ,
Понесу кота на дворъ,
Опущу кота изъ рукъ.

Ужъ котокъ на поветь скочилъ,
Всю поветь обломилъ,
Семь овецъ задавилъ
Восьму ялицу, годовалицу.
Что меня, что за эту вину
Отдали замужъ молоду
Въ великую семью;
Всѣхъ четырнадцать душъ:
Свекоръ . . . . [1]), четыре деверя,
Четыре золовушки,
Онѣ колотовушки;
Сидятъ, ахъ, на лавочкѣ,
Сидятъ и моего мужа мутятъ,
Меня бити велятъ.
Ахъ, батюшка родной,
Дай по горенкѣ пройти,
По горенкѣ пройти
И словечушко молвить:
Ужъ какъ свекоръ на палатяхъ—
Какъ борзой кобель на канатѣ;
Ужъ какъ свекровка на печи—
Борза сука на цѣпи;

[1]) Не разобрать. *Авторъ статьи.*

Какъ девери соколы—
Какъ борзые кобели;
А невѣстки говорятъ—
Намъ медвѣдицу везутъ;
А золовки говорятъ—
Намъ людоѣдицу везутъ;
Двѣ тетушки, двѣ лебедушки,
У печки стоятъ
И про тоже говорятъ.

X.

Гуленькій ты мой голубчикъ,
Сизъ-косатенькой ты мойваркунчикъ.
Зачѣмъ гуленька въ гости нелетаешь,
Или домичку своего не знаешь
Или голосочку моего не слышишь?
Твой громкой голосокъ вѣтеркомъ относитъ,
Сизы крылишки частымъ дождикомъ мочитъ.
Три ласточки, три касаточки
Вокругъ саду летали,
Къ землѣ припадали
И про мила дружка вѣсточку сказали:
Что мой-то миленькой
Сидитъ во засадѣ—въ каменномъ острогѣ.
У острога нѣтъ ни дверей,
Ни оконъ напротесу,
Только горенка малая,
Печка муравая;
У этой же печки
Трубы выводныя,
Изъ трубъ же дымокъ повѣваетъ
Къ землѣ приклоняетъ.

XI.

Наша Маша не лѣнива
Въ полночь баню затопила,
Въ баню Ваню повѣстила.
Ваня скокъ на порогъ—
Сапоженки спали съ ногъ;
Обернулся Ваня въ кругъ—
Перчаточки спали съ рукъ.
Ваня на полу лежитъ,
Къ нему черноброва бѣжитъ;
Бѣжитъ, поспѣваетъ,
Черну шляпу поднимаетъ,
На голову надѣваетъ,
На добра коня сажаетъ,
Принаказываетъ:
Ты поѣдешь, милъ гулять,
Не загуливайся!
На веселыхъ на бесѣдахъ
Не засиживайся!
На школьныхъ, на манерныхъ
Незаглядывайся!
Ужь какъ школьныя, манерныя
Сударыни мои
Алымъ платьемъ привлекаютъ;
А ребята наши охочи гуляти,
Танцы танцовати,
Круги занимати,
Дѣвокъ цѣловати!

XII.

Зальюсь, зальюсь, мальчикъ, слезоньками
Зальюсь горючими,
Зальюсь горючими!
Заливался мальчикъ слезоньками
Знаю для кого,
Знаю для кого!
Знаю, знаю сповидаю,
Кого я люблю,
Кого я люблю!
Любилъ, любилъ мальчикъ дѣвушку—
Тоя здѣся нѣтъ,
Нѣту, нѣту красной дѣвушки,
За моремъ живетъ,
За моремъ живетъ.
За моремъ на той сторонѣ,
На той, на той сторонушкѣ
Дѣвушка живетъ!
Еслибъ были златы крылушки
Слеталъ бы я къ ней
И спросилъ бы красну дѣвушку,

Любитъ ли меня,
Любитъ ли меня?
Если скажетъ, что меня любитъ—
Возьму за себя;
Если скажетъ—да не любитъ,
Убью самъ себя!
Закроются очи жены
Темной темнотой,
Заростетъ моя могилушка
Травой муравой.

XIII.

Стоитъ олень подъ кустичкомъ
Подъ сосновымъ.
Пріодѣньте оленя, пріокутайте:
Со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Съ молодка-удальца
Черна шапочка, опоясанка.

Когда поютъ эту пѣсню, то одинъ изъ мужчинъ пляшетъ и, по окончаніи пляски, подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, становится на колѣни и цѣлуются.

XIV.

Какъ не стадичко-то черныхъ галочекъ
Поднималося, поднималося;
То сила-армія молодыхъ солдатъ
Царя бѣлаго, царя бѣлаго!
Напередъ ихъ выбѣгаетъ молодой «кульеръ».
Онъ бѣжитъ, бѣжитъ молодой кульеръ
На добромъ конѣ, на добромъ конѣ;
Самъ не тряхнется, ой, да не ворохнется.
Да бѣгаетъ молодой кульеръ
Къ каменной Москвѣ, къ каменной Москвѣ.
Да заѣзжаетъ-то молодой кульеръ
На царевъ кабакъ:
—Здравствуйте, цѣловальники,
Да «восударевы», восударевы!
Есть ли у васъ, цѣловальнички,
Зелено-вино, зелено-вино?
—Много ли тебѣ, сударь, надо
Зелена-вина, зелена-вина?
—А мнѣ надо зелена-вина
Семьдесятъ семь бочекъ.

XV.

Кроватушка, кроватушка тесовая,
Поставлена ты изъ несчастна дерева,
Изъ горной осины, изъ горной осины
Изъ самой вершины!
Молодецъ, молодецъ,
Ты же молоденекъ,
Кого любишь, кого знаешь,
Того поцѣлуешь.
Люблю, люблю любезную,
Её поцѣлую,
И до тѣхъ поръ любить стану
Пока не отстану.

XVI.

Какъ не сѣры братцы ли гуси съгоготали,
Что не сизые братцы-селезни просвистали;
Что небѣлые-то братцы-лебеди жалко кличутъ,
Молодые-то наши солдатушки да слезно плачутъ,
Жалобу-то творятъ на старшаго генерала:
Не во времячко насъ солдатушекъ выбераетъ,
Въ большой праздникъ—да въ Петровъ день.
Да не во времячко насъ солдатушекъ обучаетъ,
Во лютые, во крещенскіе да морозы.
Ко щеблетичкамъ рѣзвыя наши ноженки призаминало,
Ко свѣтлу ружью бѣлы рученки прищипало.
Породила родна матушка только двухъ насъ, сыновей,

Воскормилъ сударь-батюшко, воспоилъ,
Чему-то насъ научилъ?
А учила-то насъ братенькова—чужая сторона,
Да чужая дальняя сторонушка, временная слободушка:
Весь день-то насъ бьютъ, бросаютъ безвинно,
Насъ учатъ безъ краснова-то солнышка,
Во тьмѣ душу выпекаютъ, въ тѣлѣ кости открываютъ.

XVII.

Не кукушенка въ сыромъ бору куковала,
Она скуковала, она скуковала.
Не соловьюшка вотъ сталъ утѣшати,
Онъ сталъ утѣшати, онъ сталъ унимати.
—Тебѣ полно, моя горька кукушенка,
Полно куковати, ой, полно куковати!
Охъ, ты ли глупенькой, ой, да неразумной!
Младой соловьюшка, ахъ, младой соловьюшка,—
Какъ мнѣ, горькой кукушечкѣ, какъ не куковати
Какъ не куковати, какъ не куковати?
Охъ, одинъ у меня былъ зеленый садъ
И тотъ посыхаетъ;
Всѣ изъ то-ли мелки птички вылетаютъ,
Одну меня—горьку кукушечку въ саду покидаютъ,
Ой, покидаютъ, покидаютъ!

XVIII.

Изъ далече, далече, да изъ чиста поля,
Изъ широкаго раздолья, изъ широкаго раздолья.
Изъ широкаго раздолья, ой, горитъ тутъ огонечекъ разъяснюшенёкъ,
И дымочекъ повѣваетъ синь, тонюшенекъ.
У огонька разосланъ сѣрой войлочекъ,
Сѣрой войлочекъ;
Да на войлочкѣ лежитъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ.
Онъ труденъ-боленъ и весь израненъ,
И весь израненъ;
Двѣнадцать-то раночекъ получилъ ружейныхъ,
Получилъ ружейныхъ;
Ужь какъ первая-то рана въ буйной головкѣ,
Въ буйной головкѣ;
Ужь какъ вторая-то рана да въ правой рукѣ,
Да въ правой рукѣ;
Ой, ужь какъ третья то-ли раночка въ ретивомъ сердцѣ,
Въ ретивомъ сердцѣ.
Самъ молодецъ эти раночки припекаетъ,
Припекаетъ, прижигаетъ, приговариваетъ.
Охъ, двѣнадцать этихъ раночекъ—не во что ему,
Издоляютъ добра молодца только три раночки,
Три раночки копьевыя!

XIX.

Вы горы, вы горы, вы да крутыя,
Горы змѣевыя, горы змѣевыя.
Да позвольте-ка вы мои горы подъ собою постояти,
Подъ собою постояти, постояти.
Намъ тутъ не годочекъ годовати,
Одну ноченку ночевати и ту всю не спати,
Да ту все не спати, не спати.
Свинцу, пороху набрати,
Свинцу, пороху набрати,
Стеньку Разинова да устрѣляти,
Ой, да устрѣляти.
На покровскомъ то-ли на лужечкѣ
Стенки Разина не стало
Въ дѣвичьемъ кружочкѣ
Въ дѣвичьемъ кружочкѣ.

Пѣсни эти, какъ видно, перенесены изъ В. Россіи и многія потеряли свой настоящій характеръ. Каждая партія ссыльныхъ, заѣзжихъ торгашей и приказчиковъ приноситъ свои пѣсни, передѣлываетъ ихъ на свой ладъ и потому нѣкоторыя лишены не только первоначальнаго своего значенія, но и самаго смысла. Большая часть пѣсенъ заунывныя, что̀ совершенно противуположно характеру сибиряка-старожила. Зайдите въ любую избу и вы никогда не увидите хозяина или хозяйку съ угрюмой физіономіей. Правда, характеръ здѣшняго народа серьезный и степенный; но сибирякъ-старожилъ у себя въ домѣ всегда радъ гостю и съ веселымъ лицомъ заводитъ умныя рѣчи, распрашивая обо всемъ, что только можетъ входить въ сферу его деревенской жизни. Несмотря на врожденную недовѣрчивость, онъ довольно словоохотливъ. Это уже можетъ служить примѣтою, что крестьянинъ въ Сибири не знаетъ нищеты, живетъ въ довольствѣ, и потому не о чемъ ему тужить и тосковать. Слѣдовательно, внутреннее изліяніе его души скорѣе должно бы выразиться въ веселой пѣснѣ, чѣмъ въ грустной.

Удивительно, что Сибирь—страна, завоеванная простымъ народомъ, шайками казаковъ, имѣетъ такъ мало народныхъ историческихъ преданій и сказокъ. Рѣдко гдѣ услышите среди здѣшняго населенія разсказы о похожденіяхъ, подвигахъ и удальствѣ предковъ—казаковъ-завоевателей. Воспоминаніе о нихъ совершенно утратилось. Еще въ крестьянскихъ домахъ Приуралья можно встрѣтить портретъ Ермака и другихъ казаковъ; но въ южной части Енисейской губерніи скорѣе можно найти портреты современныхъ историческихъ лицъ, чѣмъ казаковъ-завоевателей. И потому сохранившіяся немногія народныя сказки и преданія даютъ очень слабое понятіе о старинѣ; онѣ болѣе изображаютъ современные нравы здѣшнихъ жителей.

Въ Минусинскомъ округѣ сказокъ сохранилось среди нихъ довольно много, но всѣ онѣ относятся къ крестьянскому домашнему житью-бытью и чрезвычайно хорошо и вѣрно характеризуютъ народъ въ двухъ отношеніяхъ: страсть къ деньгамъ и легкую нравственность женщинъ. Каждая сказка непремѣнно имѣетъ своимъ предметомъ пріобрѣтеніе человѣкомъ большихъ богатствъ или любовныя похожденія, женитьбу, и т. п. Герои сказокъ большею частію купцы, приказчики, приказные, разбойники и проч. Для подтвержденія уже отмѣченнаго мною наблюденія о томъ, какъ мало обращаютъ здѣсь вниманіе на хорошое поведеніе дѣвушки, я приведу одну сказку (очень похожую и на всѣ другія), выписанную изъ бумагъ минусинскаго земскаго суда (за 1847 годъ, № 3), а именно: «Суженая невѣста».

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ городѣ, такъ сказать, Красноярскомъ, у одного приказнаго родился сынъ, по имени Иванъ; въ этомъ же округѣ у богатаго купца родилась дочь—Настасья. Родители этихъ дѣтей имѣли между собою дружественную связь, и потому вхожи были, со своими дѣтьми, одинъ къ другому. Малюткамъ было уже лѣтъ по пяти, и они свыклись такъ, что не могли другъ безъ друга прожить дня; вмѣстѣ обучались и полюбились они несказанно. Замѣтили это родители и говорили часто: это будетъ суженая нашему Ивану. А купецъ говорилъ: надо же разлучить ихъ: что̀ за пара онъ-де нашей дочери! Но только въ одинъ вечеръ, когда было гуляніе у купца (находился тутъ въ гостяхъ и приказный), гости

сильно любовались, что малютки такъ мило забавляются между собою. Вотъ гости и говорятъ въ шуткахъ: давай, мы ихъ обручимъ. Взяли да и обручили: помѣняли ихъ колечками и благословили образомъ. Малютки про обрученіе ничего не знаютъ: знай, только рѣзвятся. Такъ какъ они были одногодки, то когда пришли въ 12-ти лѣтній возрастъ, какъ-то наединѣ и поклялись другъ другу, чтобы одному ни на комъ другомъ не жениться, а другой замужъ не выходить. Вотъ когда совершилось имъ по 16-ти лѣтъ, то присланы были отъ одного, тоже купца, сваты къ родителямъ купеческой дочери. Услышавъ это, дочь сильно расплакалась и говорила: не вы ли, мои милые тятинька и маменька, обѣщали отдать меня замужъ за сына приказнаго? Они же не хотѣли и слушать ея рѣчей. Говорятъ: что онъ тебѣ за пара. Онъ-дѐ еще и чину не имѣетъ и, притомъ же, бѣдный; намъ-дѐ стыдно будетъ завести съ нимъ родню. Нечего дѣлать, и дочь отвѣчала: будь воля ваша! Вотъ по рукамъ и сыграли свадебку. Послѣ вѣнца, когда молодыхъ положили на ложе въ почивальнѣ, молодая и говоритъ молодому: другъ мой, я навѣкъ твоя буду, тебя завсегда слушать и почитать буду, только сдѣлай ты мнѣ одну милость, о которой я тебя попрошу.—Что такое, моя безцѣнная? Изволь просить, я ни въ чемъ тебѣ не откажу.—Тутъ она сказала ему о своей младенческой связи съ сыномъ приказнаго, какъ они вмѣстѣ росли, какъ они другъ друга полюбили и, наконецъ, какъ ихъ родители, обручая, благословили. Она молвила: прошу тебя, позволь мнѣ первую ноченку провести съ приказнымъ,—я ему въ этомъ дала клятву. Мужъ съ охотою согласился на это и отпустилъ ее къ нареченному жениху. Женихъ-то, приказный, жилъ, примѣрно, въ десяти верстахъ. Она и пошла. Это было ночью. Вотъ на половинѣ дороги попадаются ей на встрѣчу бѣглые изъ завода бродяги.—Стой, голубушка, откуда и куда?—Она и разсказываетъ имъ причину. Бродяги ведутъ ее къ своему старостѣ. Староста, увидя такую премилую красотку и много дорогой на ней «лопоти» (женской одежды) воспламенился страстью и думалъ было насмѣяться надъ нею и ограбить ее. Только когда услышалъ добродѣтельный поступокъ ея мужа, а также и ея самой, то сжалился и согласился отпустить ее, но съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути она зашла къ нимъ въ станъ и обсказала, какъ поступитъ съ нею нареченный—приказный. Уже къ свѣту приходитъ она къ своему прежнему дружку въ домъ, и онъ весьма былъ радъ этому. Послѣ многихъ любовныхъ между ними разговоровъ, она разсказала своему жениху о причинѣ своего къ нему прихода. Услышавъ про такую ея вѣрность, онъ прослезился и сказалъ:—неоцѣненная моя бывшая подруга, я покорно благодарю тебя, какъ и твоего мужа, что онъ умѣлъ цѣнить нашу любовь. Невинность твоя для меня очень дорога. Подумай же ты сама, не дороже ли она для твоего мужа? Извѣстно, что онъ послалъ тебя ко мнѣ по одной твоей убѣдительной просьбѣ; но каково же ему будетъ смотрѣть на тебя, когда ты къ нему обратишься? Это было бы все равно, какъ бы я тебя ограбилъ. Довольно тебѣ и того, что даже бродяга, варнакъ, у котораго ты была, смягчилъ свое сердце. Благодарю премного тебя за твою обо мнѣ память; благодарю и мужа твоего за его умный поступокъ. Жаль тебя премного. Но такъ какъ мужъ твой умный человѣкъ, то уступаю ему тебя безъ обиды ради того, что будешь обладать хорошимъ сердцемъ. Неси невинность твою къ нему и скажи, что я не нашелъ для него болѣе

подарковъ. Тутъ онъ упалъ въ обморокъ и сильно плакалъ. Суженая невѣста приказнаго возвратилась къ мужу; мужъ весьма обрадовался ея приходу. Начали цѣловаться, миловаться и когда она разсказала ему обо всемъ съ нею случившемся, то онъ сильно полюбилъ ее, и всетаки сказалъ: «вѣдь дуракъ-то приказный! Видно, что не знаетъ коммерческаго разсчету». Мужъ съ женою жили богобоязливо и въ большомъ согласіи дожили до глубокой старости».

Приведемъ преданіе о чудскихъ могилахъ въ Минусинскомъ округѣ. «За нѣсколько сотъ лѣтъ, когда только, будто-бы, начала въ Сибири рости бѣлая береза, люди здѣсь обитавшіе, называемые чудью, увидѣвъ это дерево, разпустили слухъ, что идетъ на нихъ бѣлый царь. Не желая, по своей дикости, быть въ подданствѣ Россіи, они рѣшились лучше погибнуть и начали живыми зарываться въ землю и на могилахъ своихъ ставили камни, которые въ теперешнее время называются курганами. Другіе же изъ чудскихъ народовъ, самые смѣлые, пороли себѣ животы ножами или бросались съ утесовъ въ р. Енисей. Но всѣ ли эти народы истребились или остались живы—изъ преданій народныхъ неизвѣстно».

Свадебные обряды крестьянъ-сибиряковъ представляютъ много любопытнаго. Если хотите, въ обрядахъ этихъ сохранились тѣ же обычаи, что и въ Европейской Россіи, съ нѣкоторыми прибаутками, которыя довольно рѣзко характеризируютъ здѣшняго крестьянина. Такъ, напримѣръ, въ Евр. Россіи выборъ невѣсты зависитъ собственно отъ отца и матери жениха. И сюда перенесли тотъ же обычай съ тою разницею, что въ Евр. Россіи какъ женихъ, такъ и родители при выборѣ невѣсты болѣе основываются на хорошей ея нравственности и на доброй славѣ семьи; здѣсь же родители стараются женить сына какъ можно раньше для того только, чтобы размножить семейство и увеличить число работниковъ. Поэтому, крестьянскіе сыновья—большіе волокиты, о женитьбѣ мало думаютъ и къ родителямъ съ просьбами объ этомъ не обращаются. Забота женить сына лежитъ на родителяхъ, которые при этомъ больше заботятся о томъ, чтобы невѣста была крѣпкаго сложенія, здоровая, испытанная... и не калѣка, чѣмъ объ ея красотѣ и нравственности.

Такимъ образомъ, родители, высмотрѣвъ въ своемъ селѣ или въ другой деревнѣ дѣвицу, объявляютъ о сватовствѣ сыну. Мать жениха приглашаетъ другую женщину, разумѣется «говорящую», и отправляются къ родителямъ невѣсты. Войдя въ избу, останавливаются у порога, три раза крестятся передъ иконами, потомъ поклонясь въ поясъ на всѣ три стороны, привѣтствуютъ хозяевъ:

— Здравствуй, родимая Степанида Ивановна и родимый Петро Ивановичъ!

— Добро жаловать, отвѣчаютъ хозяева, родимыя Маланья Петровна и ты, Марья Алексѣевна! Откуда васъ Богъ принесъ? Просимъ покорно на лавочку бесѣдовать.

Гости садятся и нѣсколько минутъ молчатъ, потомъ встаютъ, выходятъ на средину комнаты, кланяются въ поясъ и начинаютъ приговаривать:

— Мы къ вамъ, Ивановна, и ты, Петръ Ивановичъ, пришли съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ. Василій Митрофановичъ кланяется Акулинѣ Петровнѣ. (Митрофановичъ—женихъ, а Акулина—невѣста).

— Милости просимъ, родимые; доброе дѣло!

Опять садятся всѣ. Сваха, сидя, разговариваетъ съ родителями:

— Покорно просимъ ужъ вамъ сказать намѣреніе ваше о женихѣ; парень славный (сваха продолжаетъ вычислять всѣ достоинства жениха) и дѣвка-то ядрёная - одинъ другова стоятъ! Домъ добрый, есть добра и живота, будетъ чѣмъ орудовать, да къ тому же сами вы знаете: одинъ сынъ, кручины нельзя бояться!

Мать невѣсты отвѣчаетъ:

— Кто про это, родимая, не знаетъ. Да правду сказать, отдавать-то мы дѣвку не намѣрены... И мать продолжаетъ: (тутъ выражается очень хорошо скрытность и скупость сибирскаго крестьянина) куделя (лёнъ) не родилось и бѣлья-то мало; да подумай-ко, родимые сватъ и сватюшка, куда еще что не тутъ отдать,—я вѣдь, сватюшка, небольшая въ этомъ, какъ вѣдь старикъ чаво скажетъ.

Старикъ отвѣчаетъ:

— Да чѣмъ-то мы будемъ свадьбу отправлять... Провѣсной говядины-то у насъ мало, одна только жердь навѣшена. Звѣровать нынче не ходилъ и не хмѣлевалъ,—хмѣлю-то нѣтъ. Пива не изъ чего варить. Чаво же тутъ будешь дѣлать.

Сваха настоятельно проситъ:

— Да подумайте-ко, намѣрены, такъ намѣрены. Одно, что ужъ бы мы знали. Вѣдь, не съ чѣмъ и намъ итти, сами знаете.

— Куда, мы сегодни ничего сказать не могимъ. Авось со старухой подумаемъ... ну, да и у дѣвки спросимъ, какъ бишь она скажетъ. Милости просимъ пожаловать на утро.

— Подумайте-ко, какъ получше, подумайте!

Свахи встаютъ, кланяются низко и уходятъ.

По уходѣ ихъ, мать и отецъ невѣсты «шибко» задумываются, судятъ, обсуживаютъ жениха, его семью и, наконецъ, рѣшаютъ такъ:

— Чаво же, баба, спрашиваетъ старикъ жену?

— Да я что же ту-то-ка? Твое же дитище, самъ знаешь, парень работящій, дѣвка здоровая, неболѣзненна, почему же не отдать?

— Ну, и дѣло: отдать, такъ отдать!

На другой день приходятъ свахи и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій спрашиваютъ:

— Ну, вздумали, родимые, отдавать Акулину Петровну?

— Говорили-де мы вечёръ дѣвкѣ, да она баитъ-то, что безъ постели-то и доброй шубы не пойду, да и даровъ-тѣ не на что у ней купить.

— Да только бы ваше намѣреніе было и за «молодца» дѣвку отдать, говоритъ сваха, а мы не поскупимся въ деньгахъ.

— Ну, да если не пожалѣете еще сто рублей на расходы, то... (здѣсь хозяинъ запинается и чешетъ себѣ затылокъ) [1]. А то, ей же Богу, нѣчѣмъ Акулину отдать!

— Извольте, родимые, и за этимъ не постоимъ!

[1] Въ Сибири, при выдачѣ дочерей замужъ, родители всегда стараются скрыть свое богатство и очень часто обманываютъ жениховъ.

При этомъ извѣстіи старикъ встаетъ и обращается къ женѣ:

— Ну, чего же, баба, отдавать, такъ отдавать! Неси-ко огня, да затепли-ко свѣчу передъ образами; помолимся Богу, да и по рукамъ!

Старуха, молча, встаетъ, слезы навертываются у ней на глазахъ, и идетъ исполнить приказаніе мужа. Невѣста, сидѣвшая за перегородкой, вдругъ начинаетъ плакать на-взрыдъ; но когда затеплили свѣчу, въ комнатѣ все утихаетъ и начинаютъ молиться Богу всѣ, кромѣ невѣсты, которая обыкновенно выбѣгаетъ изъ комнаты, забирается на сѣноваль или въ баню и тутъ даетъ свободу своимъ слезамъ.

Послѣ молитвы «бьютъ по рукамъ». Старуха покрываетъ столъ хорошею бѣлою скатертью, ставитъ хлѣбъ и соль, а пришедшія свахи штофъ водки. Выпивъ по рюмкѣ вина, посылаютъ за родственниками. Собравшіеся садятся на указанныя хозяиномъ мѣста, обсуживаютъ жениха и разсказываютъ о начавшейся свадьбѣ. Вдругъ растворяются двери и входитъ заплаканная, но одѣтая въ самое лучшее платье невѣста съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ приготовлены дары свахамъ, состоящіе изъ бумажнаго или шелковаго платка. Свахи отдариваютъ ее деньгами, приговаривая: «стоятъ другъ друга»! Невѣста все плачетъ, заливается горькими слезами, будто ведутъ ее на смерть. Родственники уговариваютъ ее, сваха тоже присоединяется съ своими увѣщаніями:

— Не плачь шибко, родимая! У насъ деревня веселая, выйти есть куда. Ну, и сосѣди добрые же у насъ.

Невѣста, молча, выходитъ изъ комнаты. Тутъ мать жениха обращается къ сватьѣ своей:

— А что, сватюшка, въ это бы воскресеніе сдѣлать и обрученіе?

— Что ты, что ты, родимая! У насъ еще нѣтъ ничего готоваго, пиво не варено. Куда̀, развѣ въ то воскресенійце такъ могимъ обѣщать!

— Ну, такъ въ то.

— Такъ въ то, такъ въ то!

Сваха и мать жениха, уходя, останавливаются у дверей, кланяются говорятъ:

— Покорно же, покорно просимъ не измѣнить добраго своего слова!

Такъ начинается свадьба у крестьянъ въ Минусинскомъ округѣ. Сватовство у крестьянъ другихъ округовъ Енисейской губерніи, какъ описываетъ г. Степановъ, разнится тѣмъ, что родители выбираютъ невѣсту по указанію жениха и прежде сватъ съ женихомъ отправляются къ родителямъ невѣсты на «смотрѣніе». Въ моемъ описаніи смотрѣніе слѣдуетъ за сватовствомъ [1].

Въ назначенный день для обрученія родители невѣсты собираютъ родственниковъ и гостей, и когда все уже готово, извѣщаютъ о томъ жениха. Женихъ вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками приходитъ въ домъ невѣсты и, остановившись у дверей, ожидаютъ появленія невѣсты. Свахи, выбранныя со стороны невѣсты, выводятъ ее изъ другой комнаты. Въ рукахъ свахи тарелка, на тарелкѣ невѣстино кольцо. Женихъ подходитъ къ свахѣ и кладетъ на тарелку свое кольцо. Одинъ изъ родственниковъ, со стороны жениха,

[1] Степанова: Енисейская губернія, стр. 110.

беретъ оба кольца и мѣняетъ ихъ: невѣстино отдаетъ жениху, а жениховo невѣстѣ. При этомъ обрядѣ дѣвицы, подруги невѣсты, поютъ пѣсню:

— Ой, въ городѣ, въ городѣ
Перстени ковали, перстени ковали.
Кому этими перстенями обручаться?
Обручаться молодцу со дѣвицей,
Василью Митрофановичу съ Акулиной Петровной,
Со красавицой, со красавицой (и проч.).

По окончаніи этой пѣсни, женихъ и невѣста цѣлуются и садятся за приготовленный столъ. Отецъ жениха обращается къ свату съ словами:

— Сватюшко и сватюшка, прошу пожаловать парочку рюмочекъ съ подносикомъ.

Рюмки и подносъ передаются невѣстѣ. Родственники жениха, въ свою очередь, говорятъ:

— Родимые сватюшко и сватюшка! Пожалуйте-ко къ столу.

Старикъ со старухой (мать и отецъ невѣсты) подходятъ къ столу и невѣста подноситъ имъ рюмки съ виномъ. Родители жениха тутъ приговариваютъ:

— Просимъ покорно, сватюшко и сватюшка, выпить и полюбить нашего сына.

Выпивъ водку, родители невѣсты говорятъ:

— Просимъ полюбить нашу дочь, а ты, Василій Митрофановичъ, полюби-ко нашу Акульку и покажи-ко намъ, нареченный зять, дорожку.

Тутъ женихъ и невѣста цѣлуются. Потомъ невѣста наливаетъ рюмку вина и потчуетъ всѣхъ присутствующихъ; каждый изъ нихъ, выпивъ рюмку вина, цѣлуется съ невѣстой и женихомъ, отвѣшивая притомъ низкіе поклоны. Во время этой церемоніи всѣ стоятъ; потомъ, по приглашенію родителей, садятся за столъ и закусываютъ.

Весь этотъ вечеръ дѣвицы поютъ пѣсни, величая въ нихъ жениха, невѣсту и родственниковъ по имени, отчеству. За пѣсни гости дарятъ дѣвицъ деньгами. Нужно замѣтить, что угощеніе въ этотъ вечеръ дѣлается на счетъ жениха. Вино, для большей важности, никто изъ гостей самъ себѣ не наливаетъ, хотя оно поставлено тутъ же на столѣ; но, по обычаю, вино наливается кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, а подносится невѣстой. Разговоры во время этой пирушки обыкновенные: мужчины говорятъ о хозяйствѣ, урожаѣ хлѣба, скотоводствѣ и проч.; женщины о домашнемъ житьи-бытьи, о холстѣ, объ огородахъ и проч. Разговоръ послѣднихъ всегда оживленнѣе, и онѣ крикомъ своимъ заглушаютъ разговоръ мужчинъ. Эта крикливость происходитъ отъ того, что въ этотъ день всѣ должны быть пьяны, не исключая даже и тѣхъ изъ женщинъ, которыя вовсе не пьютъ вина. Въ этотъ же вечеръ назначается, когда быть дѣвичнику.

На дѣвичникъ, который всегда бываетъ наканунѣ свадьбы, невѣста сзываетъ всѣхъ своихъ подругъ, которыя, нарядясь какъ можно лучше, соби-

раются въ одинъ какой-нибудь домъ, и потомъ идутъ тихимъ шагомъ къ дому, гдѣ живетъ невѣста. Собравшись въ избу, невѣста и подруги садятся въ передній уголъ и поютъ унылую пѣсню:

Благословите, родимые батюшко и матушка,
Мнѣ русу косу расплести
По могучимъ плечамъ раскласти!
и проч.

По окончаніи этой пѣсни, отецъ подходитъ къ дочери, которая кланяется ему въ ноги. Отецъ благословляетъ ее. За отцомъ подходитъ мать и благословляетъ; дочь кланяется ей въ ноги. Такимъ же образомъ подходятъ по одиночкѣ всѣ домашніе, которые постарше ее, т. е., братья, сестры, дяди, тетки. Потомъ невѣста обращается къ подругамъ своимъ и поетъ ту же пѣсню, съ отмѣною только словъ, вмѣсто батюшки и матушки, называетъ ихъ: мои милыя подруженки. Подруги отвѣчаютъ ей на это только поклономъ и послѣ вдругъ всѣ затягиваютъ унылую пѣсню:

Красота ли ты, моя красота дѣвичья,
Души красной дѣвицы Акулины Петровны!
Кому ты, красота, достанешься,
Не князю ты, не боярину,
Не купцу ты торговому,
Не гостю проѣзжему.

Невѣста отвѣчаетъ:

Достанешься ты, моя красота,
Родимой подруженкѣ.
И красуйтесь, любезныя мои подруженки,
Красуйтесь у своихъ родимыхъ
Батюшковъ и у осударыневъ-матушковъ!
Я открасовалася
Въ своей дѣвьей красотѣ
И у родимаго у батюшки,
И у осударыни-матушки,
И у братцевъ и сестрицевъ!
Соберетеся, подруженки, весной
На большую улицу,
И поѣдете вы во чисто поле
По цвѣты алые.
Всѣ цвѣту цвѣты алые,
А мой цвѣтокъ
Весь посохъ и поблёкъ!

Во всё время, пока поютъ эту пѣсню, невѣста сильно плачетъ, плачутъ тоже и многія ея подруженки.

По окончаніи пѣсни, къ невѣстѣ подходятъ отецъ, мать, братья, сестры, расплетаютъ ей косу и благословляютъ. Невѣста раздаетъ подругамъ свою красоту, т. е. разноцвѣтныя ленточки, «горташки» для застежки рубашекъ.

Затѣмъ невѣста поетъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко и матушка,
Въ баню помыться и попариться
Со своими подруженками,
Со своими голубушками,
Во первые-то и послѣдній разъ
Въ своей дѣвьей красотѣ!

Тутъ невѣсту опять всѣ домашніе благословляютъ, и она отправляется съ нѣсколькими подружками въ баню. По выходѣ изъ бани, невѣста поетъ съ подругами пѣсню:

Благодарю, тебя родимый
Батюшко и осударыня-матушка,
За парную баню, за мыльце,
За шелковый вѣничекъ.
Я имъ отмылася и отпарилась,
Въ первый и послѣдній разъ,
Со своими подруженками,
Со своими голубушками,
Во своей дѣвьей красотѣ!

Послѣ бани, дѣвицы одѣваютъ невѣсту къ приходу жениха. Когда одѣнутъ ее, «докладываютъ» старикамъ (родителямъ): «невѣста готова».

Тогда родители сзываютъ всѣхъ знакомыхъ на вечеръ, т. е. на дѣвичникъ. Женихъ же со своими боярами, дружкой и свахой не показываются до тѣхъ поръ, пока не получитъ извѣщенія отъ невѣсты. Невѣста до прибытія жениховаго поѣзда не выходитъ въ горницу, гдѣ приготовленъ столъ для угощенія, а сидитъ со своими подруженками въ «кутѣ», т. е. въ комнатѣ, гдѣ одѣвалась (куть, по здѣшнему, значитъ передній уголъ горницы, разгороженный отъ ней деревянной стѣною). Но вотъ является жениховъ поѣздъ, т. е. женихъ со свахою, тысяцкимъ, дружкой и боярами; они входятъ въ горницу, потомъ идутъ въ куть. Женихъ цѣлуетъ невѣсту въ уста и даритъ ей нѣсколько денегъ; невѣста съ своей стороны отдариваетъ жениха носовымъ платкомъ. Тутъ же женихъ цѣлуетъ всѣхъ невѣстиныхъ подружекъ и потомъ, взявъ невѣсту за руку, выводитъ въ горницу и оба садятся за столъ.

Подлѣ жениха становится тысяцкій, а подлѣ невѣсты сваха; за ними всѣ бояра. Вдругъ дружко восклицаетъ:

Есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ отецъ родимой и мать родима?

Родатели невѣсты: есть.

Дружко: Благословите взойти за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за питья пьяныя!

Родители невѣсты: Богъ благословитъ!

Послѣ этого всѣ садятся за столы—возлѣ жениха тысяцкой, возлѣ тысяцкаго два или три бояра, потомъ дружко съ плетью и съ складнымъ ножемъ—всѣ они сидятъ по правую руку жениха. По лѣвую руку сидитъ невѣста, а далѣе возлѣ нея сваха и кто-нибудь изъ родственницъ жениха. Является отецъ и мать невѣсты съ полнымъ штофомъ вина въ рукахъ, ставитъ его на столъ, установленный разными кушаньями и начинается подчиванье сперва жениха и тысяцкаго. При этомъ тысяцкій обращается къ жениху:

— Покажи-ко дорожку, будь-ко посмѣлѣе, да своего дѣла не забывай!

Женихъ поданную ему рюмку вина раздѣляетъ съ невѣстой, тысяцкій же одинъ выпиваетъ до дна. Потомъ подаютъ вино всѣмъ, по порядку, соблюдая старшинство. Старикъ со старухой пьютъ тоже. Послѣ этой круговой, дружко встаетъ, всѣ тоже поднимаются со своихъ мѣстъ, и дружко восклицаетъ:

— Господинъ хозяинъ и хозяюшка, благословите хлѣба-соли покушать!

Родители отвѣчаютъ: Богъ да благословитъ!

Всѣ садятся, а дружка поднимается со своего мѣста, вынимаетъ изъ-за пояса ножъ и начинаетъ крошить кушанья. Потомъ беретъ вилкою кусокъ мяса и подноситъ невѣстѣ; невѣста снимаетъ пальцами мясо, ѣстъ и, въ свою очередь, подноситъ кусокъ мяса дружкѣ. Послѣ дружка подноситъ мясо жениху, тысяцкому, словомъ, потчуетъ всѣхъ гостей.

Во время стола дѣвицы поютъ пѣсни для молодыхъ и для каждаго, участвующаго въ свадьбѣ.

Пѣсня жениху:

Василья матушка въ счастливый день породила,
Въ воскресную заутреню пеленала,
Его матушка приговаривала:
Дитё ли мое, дитятко,
Будешь на возрастѣ и на Божьей милости
Соберешься съ умомъ, съ разумомъ,
Съ молодецкимъ поѣздомъ,
И поѣдешь жениться
На Акулькѣ, красной дѣвицѣ.
Въѣдешь па широкій дворъ,
Не пущай коня по двору,
Привяжи коня къ столбу,
Ко колечку серебряному.
Взойдешь на красно крыльцо,
Со красна крылечка въ новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней въ высокъ теремъ.
Станешь Богу молиться—
Клади крестъ по писанному,
Кланяйся по ученому,

На всѣ четыре стороны:
Тестю и тещѣ,
На особицѣ примѣчай
Свою суженую.
Твоя сужена примѣтная,
Руса коса расплетенная,
По могучимъ по плечамъ расклад́ена,
Очи ясны призаплаканныя,
Лице бѣло призатертое.

Пѣсня невѣстѣ:

Говорилъ сударь-батюшко,
Не отдамъ тебя, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за купца торговаго,
Ни за гостя проѣзжаго.
Построю тебѣ, дитятко,
Свѣтлу свѣтлицу
И столову нову горницу.
Посажу я тебя на диванъ
Подъ окошечко,
Обвяжу я тебя, дитятко,
Плисомъ и бархатомъ;
Обвѣшу я тебя, дитятко
Серебромъ и золотомъ,
Дорогимъ, бѣлымъ жемчугомъ.
Говорилъ сударь-батюшко,
Говорилъ—все обманывалъ:
Обсадилъ тебя батюшко
Вокругъ князьямъ и боярами;
Обвѣсилъ тебя батюшко
Печалью великою,
Кручиной немалою;
Улилъ тебя батюшко
Слезами горючими.

Тысяцкому:

Ты, тысяцкой, послушай, послушай,
Какъ дѣвицы тебя по имени называютъ,
По отечеству величаютъ,
Къ чему они тебѣ припѣваютъ,—
Будто бѣлый сахаръ на блюдѣ,
Да зелено вино двоено, да двоено!
Милая моя молодушка,
Хавронья Ивановна, голубушка,
(Хавронья Ивановна жена тысяцкаго),

Принеси мнѣ, Хавронюшка, сына
И дай ему хорошее имя—
Богомъ дано Иванъ Калиничъ!

Старшему боярину холостому:

Вилися тутъ и повилися
У воротъ верeюшки;
Не сами онѣ завивалися,
Завивали ихъ плотнички,
Дороги-славны мастера,
Топорами они вострыми,
Скобелями булатными.
Вились тутъ, повились,
У Григорья Филипповича (имя боярина)
Кудри русые
На буйной головушкѣ;
Не сами-то онѣ завивалися,
Завивала родимая сестрица,
Гребенкомъ кудри разчесывала,
Жемчугомъ кудри унизывала,
Снаряжали у большіе бояра.
По удаломъ добромъ молодцѣ,
Василіѣ Митрофановичѣ (женихъ),
Наряжали, приговаривали:
Будутъ дѣвицы тебя называти
И по изотчеству называти.
Григорій Филиповичъ,
Не скупися, не скупися,
Золотой казной разступися.

Боярину женатому:

Не шумите вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонка колокола,
Не разбудите Митрофана жену!
У Денисовича вечёръ жена
Во чистомъ пиру была,
Къ утру сына породила—
Иванушку Митрофановича.

Дружкѣ:

У насъ дружко—Михайло хорошій,
У насъ дружко—Гавриловичъ пригожій,
Онъ гораздъ по чисту полю гуляти
И изъ лука онъ стрѣляти.

Полудружкѣ:

У насъ полудружья дѣвушки любили,
Степана Ѳедоровича да любили.
Да почему его дѣвушки любили?
У насъ полудружье повертушекъ,
Онъ туды-сюды повернется
И на всѣ четыре стороны
Со князьямъ и со боярамъ
Слово-рѣчь говоритъ.

Невѣстиной свахѣ:

У насъ княжа сваха Катерина Осиповна,
Гордая и спесивая она;
Колды-то она слово вымолвитъ
Со князьями, со боярами,
А не съ нами, сударынями.

Свахѣ жениховой:

У насъ княжна сватенка
Акулина Ѳомишна —
Богатая: она съ гривны
На гривну ступаетъ,
Полтиною вороты запираетъ;
Во всѣ стороны она
По гривенкѣ бросаетъ,
Она нищимъ, убогимъ надѣляетъ,
Ахъ, надѣляетъ.
Да свашенька себѣ скупаетъ
По удаломъ, добромъ молодцѣ,
По Васильѣ Митрофановичѣ.

Сверхъ этихъ пѣсенъ, каждому припѣвается подобный же припѣвокъ. Припѣвки эти сочиняются большею частью экспромтомъ и поются для того, чтобы пріохотитъ каждаго изъ участниковъ въ свадьбѣ къ щедрымъ подаркамъ за труды дѣвицъ.

Когда кончатся всѣмъ припѣвки, тогда тысяцкой требуетъ стаканъ: «красныя мои дѣвицы, пожалуйте-ко стаканчикъ»! Стаканъ подается. Тысяцкій наливаетъ въ него пива и бросаютъ туда же мѣдныя, а кто имѣетъ — и серебряныя деньги. Стаканъ подносится одной изъ дѣвицъ, которая выпиваетъ пиво, стаканъ отдаетъ тысяцкому, а деньги беретъ себѣ. Тоже дѣлаютъ всѣ тѣ, кому пѣлись пѣсни. Послѣ этого дѣвицы поютъ благодарственныя пѣсни.

Тысяцкому:

Спасибо тебѣ, тысяцкой, Иванъ Ивановичъ:
На твоихъ-то небольшихъ дарахъ.
Мы большіе-то твои дары приняли
И сладки-то меды выпили.

Такой же припѣвокъ поется и всѣмъ тѣмъ, кто дарилъ дѣвицъ, съ тою разницею, что для каждаго прибавляется его имя и отчество.

Этимъ оканчивается вечерній столъ. Тутъ дружка, исполняя обязанность распорядителя, подымается на ноги, а съ нимъ вмѣстѣ встаютъ всѣ гости. Дружка говоритъ: «Спасибо хозяину и хозяюшкѣ за хлѣбъ за соль, за пріятность вашу и угощенье»!

Гости опять садятся по мѣстамъ. А такъ какъ, по обычаю, никто изъ домашнихъ за столомъ не сидитъ и не раздѣляетъ съ гостями трапезы, то дружка восклицаетъ: «Ухъ, усталъ черезъ чуръ! Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили»? Тутъ одинъ изъ родственниковъ невѣсты начинаетъ подносить гостямъ пиво и прежде всего жениху. При этомъ сваха беретъ невѣсту за руку, хочетъ выходить, изъ-за стола, но женихъ удерживаетъ невѣсту и, выпивъ стаканъ пива, цѣлуетъ ее, бояръ и весь поѣздъ.

Сваха уводитъ невѣсту въ другую комнату, т. е. въ куть; за ними уходятъ всѣ дѣвицы. Прочіе остаются на своихъ мѣстахъ за столомъ. Въ кутѣ, гдѣ сидитъ невѣста, раздается пѣсня дѣвицъ:

Подойди, подступи,
Дорогой гость, небывалой,
Какъ Василій Митрофановичъ (женихъ),
Ко мнѣ, въ куть, за занавѣсы,
Ко мнѣ, къ молодіошенькой,
Ко мнѣ, зеленіошенькой—
Недорослой въ полѣ травонькѣ,
Недозрѣлой въ кустѣ ягодкѣ!

По этому призыву, женихъ приходитъ въ куть; невѣста даритъ его платкомъ, а женихъ отдариваетъ ее деньгами и садится рядомъ съ невѣстою. Такую же пѣсню поютъ для бояръ, дружки, полудружья и др., и чье имя помянутъ въ пѣснѣ, тотъ является въ куть, цѣлуетъ невѣсту и даритъ её деньгами, потомъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвицъ и возвращается на свое мѣсто. Немного погодя, всѣ, находившіеся съ невѣстою за столомъ, прощаются и уходятъ въ свои дома.

Невѣста, оставшись съ своими подругами, удерживаетъ ихъ на ужинъ. Столъ накрывается снова, ставятъ на немъ кушанья; невѣста садится въ передній уголъ, а по сторонамъ, кругомъ стола, размѣщаются ея подруги. Дѣвицы и невѣста поютъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко,
Мнѣ попить и поѣсть;
Покушати хлѣба-соли
Во первы-то и въ послѣдній
Со своими подруженками,
Со своими голубушками;
Во первы и во послѣдній
И во всей моей дѣвичьей красотѣ?

Такую же пѣсню поютъ матери, братьямъ, сестрамъ и прочимъ домашнимъ. Потомъ, послѣ ужина, поютъ благодарственную пѣсню. Послѣ дѣвичника, на другой день бываетъ б р а н ь ё.

Наконецъ, наступилъ д е н ь с в а д ь б ы. Женихъ, взявъ благословеніе отъ родителей, ѣдетъ со всѣмъ поѣздомъ въ домъ къ невѣстѣ. Поѣздъ останавливается гдѣ-нибудь далеко отъ дома невѣсты, а дружка съ полудружьемъ на верховыхъ лошадяхъ, съ привязанными къ шеѣ и ушамъ лошади колокольцами, ѣдутъ въ домъ къ невѣстѣ. Гости входятъ въ горницу, кланяются на всѣ стороны, подходятъ къ невѣстѣ, цѣлуютъ ее и говорятъ:

— Приказалъ кланяться молодой князь княгинѣ и сказать: живъ и здоровъ.

Имъ она отвѣчаетъ однимъ только поклономъ; они выходятъ изъ горницы. Спустя нѣсколько времени дружка является одинъ къ невѣстѣ и приноситъ ей отъ жениха платье (т. е. весь уборъ женскій). Стоя передъ невѣстой съ платьемъ и стаканомъ пива, онъ приговариваетъ:

— Приказалъ молодой князь кланяться и просилъ принять цвѣтное платье и выпить за его здоровье стаканъ пива.

Невѣста, не принимая ни того, ни другого, молчитъ. Дружка вытягивается передъ нею, какъ солдатъ передъ начальникомъ, а дѣвицы, которыя не покидаютъ невѣсту до вѣнчанія, затягиваютъ пѣсню:

Не приму у тебя, друженка,
Твоего пива пьянаго
И твоего платья цвѣтнаго! И проч.

Дружка упрашиваетъ убѣдительно принять подарокъ и, низко кланяясь, говоритъ:

— Прими ты, княгинюшка Акулина Петровна, отъ князя Василія Митрофановича дары! Пожалѣй ты, княгинюшка, мои тутъ труды!

Невѣста беретъ стаканъ съ пивомъ и передаетъ его дѣвицамъ, а платье прячетъ въ сундукъ. Дѣвицы, выпивъ пиво, передаютъ стаканъ невѣстѣ, которая отдаетъ его дружкѣ. Дружка низко кланяется и приговариваетъ:

— Спасибо, Акулина Петровна, что ты приняла пиво пьяное, платье цвѣтное!

Дружка кланяется снова и говоритъ:—Будьте готовы, мы со всѣмъ поѣздомъ скоро будемъ.—Дружка уходитъ.

Подруги невѣсты начинаютъ ее одѣвать, припѣвая:

На дворѣ снѣгъ припорашиваетъ,
Душечка Акулина Петровна собирается,
Петровна со двора съѣзжаетъ.
Что ты, батюшко, меня не внимаешь,
Не уговариваешь!
Въ теремѣ не будетъ меня—растужится,
Въ высокомъ не станетъ меня—расплачется!

Одѣвъ невѣсту, сваха выводитъ ее на средину комнаты. Отецъ приказываетъ постлать на полъ войлокъ (или коверъ) и становитъ на немъ невѣсту; беретъ икону и вмѣстѣ съ женою и невѣстою становится на войлокъ. Невѣста крестится два раза и кланяется родителямъ въ поясъ; потомъ, перекрестясь въ третій разъ, кланяется до полу, встаетъ и цѣлуетъ икону. Отецъ и мать благословляютъ ее знаменіемъ креста три раза, дѣвицы же поютъ пѣсню:

Не верба-то въ полѣ кланяется,
Акулина Богу молится,
У Матери Божей Богородицы
Проситъ она милостыни,
У батюшки-то родимаго
Проситъ благословенійца:
Благослови, родимой батюшко,
И во путь и во дороженьку
Къ златому вѣнцу ѣхати!

Послѣ отца и матери благословляютъ крестный отецъ и всѣ домашніе. Потомъ всѣ садятся за столъ. Невѣста съ подружками и свахой поютъ пѣсню:

Простите меня вы, подруженки,
Простите, голубушки!
Съ вами, подруженки,
Не въ годъ, не въ два увидимся,
А со своей дѣвьей красотой
Вѣкъ не видатися
И на рѣкѣ не сплыватися.

Тутъ невѣста заливается горькими слезами и плачетъ—какъ говорится—навзрыдъ; подруги, слушая, плачутъ и, наплакавшись досыта, умолкаютъ. Вдругъ слышится лошадиный топотъ, колокольцы побрякиваютъ и во дворъ въѣзжаетъ женихъ со всѣмъ поѣздомъ. Пріѣзжіе входятъ въ горницу. Въ горницѣ невѣста сидитъ за столомъ одна, какъ сирота, задумчивая, грустна. Возлѣ стола стоитъ братъ невѣсты, который, какъ водится, долженъ продать косу своей сестры. Тысяцкій подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ пива и подаетъ брату невѣсты; но послѣдній не принимаетъ. Тутъ дѣвицы изъ другой комнаты начинаютъ пѣть пѣсню:

Не сдавайся-ко, братецъ,
На пиво пьяно
И на золоту казну! И проч.

Тысяцкій предлагаетъ брату деньги, братъ торгуется и, наконецъ, съ видомъ нѣкотораго сожалѣнія о своей сестрѣ, беретъ деньги и выпиваетъ стаканъ пива. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Богъ тебѣ судья,
Родимый братецъ!
Сдался ты на пиво пьяное,
На золоту казну! И проч.

Братъ невѣсты исчезаетъ. Дружка между тѣмъ восклицаетъ:

— Есть ли въ этой свѣтлицѣ, новой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

Родители отвѣчаютъ:—есть.

Благословите князя молодого съ тысяцкимъ, большого боярина съ меньшимъ, дружку съ полудружьемъ, сваху съ повозникомъ и со всѣмъ поѣздомъ, благословите зайти за столы дубовые, за скатерти браныя, за питья пьяныя!

Отецъ и мать отвѣчаютъ:

— Богъ благословитъ васъ!

Всѣ садятся за столъ. Начинаютъ подавать холодную закуску, хлѣбъ-соль, жаркое и, какъ необходимую принадлежность свадебнаго стола, свиную голову, разукрашенную лентами и разноцвѣтными бумажками. Затѣмъ, изъ другой комнаты выходятъ двѣ сестры невѣстены или двѣ подруги: одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ тарелку съ дарами, а другая—подносъ съ рюмками. Сперва подносится вино жениху, который откланивается и возвращаетъ рюмку съ виномъ не выпитую; подходитъ другая дѣвица и подноситъ ему же платокъ; женихъ принимаетъ и отдариваетъ деньгами. Такіе же дары дѣлаются и всѣму поѣзду. Во время этой церемоніи дѣвицы поютъ пѣсни, приличныя всѣмъ участвующимъ въ свадьбѣ. Дружка благодаритъ отъ имени всѣхъ хозяина за хлѣбъ-соль и восклицаетъ: благословите, отецъ и мать родимые, нашему князю получить молодую княгиню! Родители отвѣчаютъ: Богъ благословитъ!

Всѣ выходятъ изъ-за стала; отецъ беретъ дочь за руку и подводитъ къ жениху, который принимаетъ руку невѣсты, и отецъ, сжавъ крѣпко ихъ руки, говоритъ: «изволь, родименькой, получить мою дочь! Пой, корми, одѣвай и обувай ее для себя»!

Эта минута самая торжественная. У всѣхъ навертываются на глазахъ слезы... Невѣста бросается въ объятія матери, впивается въ нее жадными устами, голоситъ, воетъ, и стенанія ея замираютъ въ сладкихъ поцѣлуяхъ...

Отецъ и мать садятся за столъ, на тѣ же самыя мѣста, гдѣ сидѣли женихъ съ невѣстой. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Стойко-ко ты, зеленая,
И вѣкъ безъ верху.
Живитъ-ко, живитъ-ко,
Живи, батюшко, вѣкъ безъ меня,
Безъ душечки, Акулины Петровны!

Тутъ опять подносятъ всѣмъ, кромѣ жениха и невѣсты, по стакану пива. Наконецъ, женихъ и невѣста падаютъ въ ноги отцу и матери, принимаютъ ихъ благословеніе, встаютъ и сильная рука жениха невольно увлекаетъ

невѣсту изъ роднаго крова. Всѣ выходятъ на дворъ, женихъ съ невѣстою садится на особую телѣгу, а дружка приказываетъ поѣзду садиться, гдѣ кому слѣдуетъ, и самъ, держа икону, усаживается съ тысяцкимъ, и поѣздъ отправляется въ церковь. Народъ гурьбою стоитъ на дворѣ, у воротъ и на улицѣ,— кто изъ любопытства, кто изъ участія проводитъ прежнюю свою подругу. Поѣздъ двинулся со двора. Отецъ и мать выходятъ за ворота и безмолвно провожаютъ свое любезное дитятко прощальными знаками.

Между тѣмъ, пока въ церкви происходитъ вѣнчаніе, братъ невѣсты, продавшій ея косу, накладываетъ на возъ приданое и везетъ въ домъ женихова отца. Пріѣхавшаго встрѣчаютъ жениховы бояре и, взявъ приданое, съ крякомъ вносятъ его въ сѣни.

По окончаніи бракосочитанія, женихъ съ невѣстой садится въ одну телѣгу. Тысяцкій съ образами отправляется впередъ, за нимъ бояре, далѣе женихъ съ невѣстой, за ними дружка съ плетью и полудружьемъ. Весь поѣздъ ѣдетъ въ домъ жениха. Тутъ новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать жениха съ хлѣбомъ-солью, поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ; новобрачные сначала цѣлуютъ икону, потомъ хлѣбъ и, наконецъ, отца и мать. Тысяцкій вводитъ новобрачныхъ въ избу. Начинается пиръ, какъ говорится, на весь міръ.

Когда новобрачные входятъ въ избу, женщины поютъ пѣсню:

Соколы прилетали,
Съ собой соколицу приносили.
Владѣй, Ѳаддей-соколъ,
Своей соколицей,
Не подавай въ обиду
Своимъ соколятамъ.
Бояра наѣзжали,
Съ собою привозили
Душу красну дѣвицу
Василью Митрофановичу.
Въ руки дали, Митрофановичу вручили:
Владѣй, сударь, своей Акулиной,
Не давай ее въ обиду
Ни свекрамъ, ни деверямъ.

Войдя въ избу, старикъ со старухой (родители жениха) отходятъ въ правую сторону; женихъ же съ невѣстой и со всѣмъ поѣздомъ стоятъ по среди избы. Дружка беретъ жениха и невѣсту за руки, выводитъ ихъ впередъ и, сотворивъ молитву, восклицаетъ:

— Во свѣтлой свѣтлицѣ, во свѣтлой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

— Есть, отвѣчаютъ отецъ и мать.

— Благословите зайти намъ и молодому князю со княгиней за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за питья пьяныя!

— Богъ благословитъ, отвѣчаютъ родители.

Всѣ садятся за столъ, по порядку, кому гдѣ слѣдуетъ. Мать или отецъ жениха начинаютъ подносить вино, сперва жениху и невѣстѣ и, затѣмъ, всему поѣзду. Нужно замѣтить, что невѣста не принимаетъ за столомъ ни вина, ни кушаній, потому что женихъ въ этотъ обѣдъ рюмку вина и всякой кусокъ раздѣляетъ съ невѣстой. Кому бы ни подносили изъ присутствующихъ вино, каждый кланяется въ поясъ и говоритъ: поздравляю васъ, Василій Митрофановичъ и Акулина Петровна, съ законнымъ бракомъ! Дай Богъ вамъ жить и поживать и добра наживать! Молодые кланяются и отвѣчаютъ: спасибо! Такія же поздравленія дѣлаютъ и родителямъ: поздравляю тебя, Митрофанъ Ивановичъ, и тебя, Маланья Семеновна, съ невѣстушкой! Дай Богъ вамъ жить, поживать и добра наживать! Старикъ, кланяясь въ поясъ, отвѣчаетъ: благодарство тебѣ, Иванычъ! Слава Богу, женили; живи только она, сама родимая, хорошенько. Насъ только вотъ я со старухой, тода ихъ будетъ двоёчко. Все ихно, что есть, все ихно будетъ, жить имъ—не прожить будетъ! Пущай поранѣ встаютъ, да попозже ложатся и своего наживутъ! Старуха вмѣшивается въ разговоръ: есть-тѐ, родимые, зачѣмъ встать! Есть чего походить и подѣлать! Слава Богу, есть чего попить и поѣсть! Дочерей-тѐ мнѣ Богъ не далъ, а у меня-то и въ самой приданаго изъ дѣвокъ (тутъ она крестится) есть, слава Богу, еще парочка (т. е. юбка и кофта). Жива, все добро ей достанется.

Когда кончится «подача вина», приносятъ кушанья и ставятъ на столъ. Дружка, исполняя свою обязанность, встаетъ, а съ нимъ и всѣ присутствующіе. Дружка восклицаетъ: есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ, во столовой новой горницѣ, отецъ и мать родимые? Ему отвѣчаютъ: есть.—Благословите хлѣба-соли покушать!—Богъ благословитъ, отвѣчаютъ родители. Тогда дружка вынимаетъ изъ-за пояса складной ножъ и раздробляетъ кушанья; потомъ беретъ на вилку кусокъ мяса и подноситъ жениху, который раздѣляетъ его съ невѣстой. Такимъ же образомъ угощаетъ и другихъ. По совершеніи этого обряда, всѣ начинаютъ ѣсть сами, и вскорѣ все на столѣ съѣдается, за исключеніемъ свиной головы, которую, по обычаю, никогда не трогаютъ; даже по окончаніи свадьбы, ее вѣшаютъ съ лентами на жердь въ сѣняхъ, и хранятъ до другой свадьбы, если только голова не испортится. По окончаніи обѣда, женщины поютъ пѣсню:

За клетью, за границею,
За стѣной бѣлокаменною,
Не бѣла̀-то лебедь скакала—
Акулина восплакала,
Петровна возрыдала
Объ своей дѣвьей красотѣ!
Какъ дѣвья-то красота
Краше краснаго солнышка,
А бабья-то красота —
Она по полу валяется
И трубы ею затыкаются!

Между тѣмъ, свахи, тутъ же за столомъ, распинаютъ противъ молодыхъ шаль, въ родѣ ширмы, и даютъ имъ гребень. Молодой причесываетъ свои волосы и передаетъ гребень женѣ, которая, пригладивъ волосы, отдаетъ его сва-

хамъ. Свахи этимъ не ограничиваются: онѣ, придерживая шаль зубами, такъ чтобы закрыть молодую отъ любопытныхъ взоровъ, разчесываютъ ей волосы, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы и, обернувъ вокругъ головы, повязываютъ голову шелковою косынкой. По исполненіи этого туалета, шаль снимается, и молодая представляется всѣмъ уже женщиною, съ повязанною головой. Дѣвицы поютъ пѣсни, а подкутившія женщины «ревутъ» безпощадно, во все горло. Между тѣмъ, свахи, взявъ молодыхъ за руки, ведутъ въ приготовленную для нихъ спальню. Молодые, опустивъ головы, идутъ медленнымъ шагомъ; за ними идетъ тысяцкій и дружка съ плетью. Вотъ вошли въ опочивальню. Свахи начинаютъ раздѣвать невѣсту, которая краснѣетъ и дрожитъ. Дружка говоритъ невѣстѣ: разуй-ко, Акулина, Василія Митрофановича!—Невѣста безпрекословно беретъ за сапогъ и хочетъ снять; но женихъ удерживаетъ и спрашиваетъ: кого ты разуваешь? Она отвѣчаетъ: разуваю Василья Митрофановича, моего мужа.—То-то, говоритъ мужъ довольно серьезно. Снявъ сапоги, невѣста зажигаетъ свѣчу передъ иконою и, вмѣстѣ съ женихомъ, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, молится Богу, отвѣшивая поклоны въ землю. Помолясь, кланяются свидѣтелямъ въ поясъ. Женихъ ложится на постель; невѣста подходитъ къ нему и говоритъ: пусти, Василій Митрофановичъ, ночку ночевати, съ тобою мнѣ не ночку ночевати, а вѣкъ кортовать? Онъ отвѣчаетъ: милости просимъ! Всѣ свидѣтели выходятъ изъ опочивальни.

Оставшіеся гости въ столовой, чтобы не нарушать спокойствія новобрачныхъ, перестаютъ пѣть пѣсни, и молча, только попиваютъ пивцо. Спустя часъ времени, дружка приглашаетъ сваху и идутъ навѣстить молодыхъ. Подходятъ къ дверямъ и дружка спрашиваетъ: «благополучно ли у насъ, Василій Митрофановичъ»? Всѣ гости съ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстія: что скажетъ дружка, чѣмъ-то потѣшитъ родителей невѣсты. Если женихъ отвѣтитъ: «благополучно», что значитъ, что невѣста сохранила свою невинность, тогда дружка обращается къ гостямъ и объявляетъ о благополучіи родителямъ невѣсты и всѣмъ гостямъ во всеуслышаніе. Всѣ начинаютъ поздравлять мать и отца невѣсты, которые идутъ въ спальню жениха, за ними толпятся всѣ гости, рукоплещутъ и поютъ пѣсни. Дружка несетъ штофъ вина, а кто-нибудь изъ родственниковъ ведро пива. Когда всѣ войдутъ въ спальню, то дружка восклицаетъ: «Вставайте-ко, полно нѣжиться»! Молодые еще не успѣютъ опомниться, какъ дружка открываетъ занавѣсъ и принудительно вытаскиваетъ молодыхъ. Молодые кланяются родителямъ въ ноги. Мать говоритъ: «спасибо, любезная дочка, что ты не ударила насъ и себя лицемъ въ грязь»! Молодые снова кланяются, а дружка, взявъ штофъ съ виномъ и рюмки, подаетъ молодому и молодой, которые потчуютъ родителей и гостей, за что каждый цѣлуетъ сперва молодого, а потомъ молодую. Гости возвращаются въ избу, оставивъ молодыхъ въ покоѣ. Гости долго еще пируютъ въ домѣ родителей новобрачныхъ, и только къ утру начинаютъ расходиться по домамъ.

На другой день, дружка, чуть свѣтъ, бѣжитъ къ опочивальнѣ новобрачныхъ и кричитъ: «Пойдите-ко въ баньку, помойтесь, да попартесь»! Новобрачные встаютъ, берутъ чистое бѣлье, мочалку, вѣникъ и мыло и идутъ въ баню. Какъ только молодые вошли въ баню, дружка бѣжитъ съ полѣномъ, подпираетъ имъ дверь бани и дожидается въ сѣняхъ, пока молодые не будутъ

просить отворить баню. Тутъ начинаются переговоры. Молодая говоритъ: «дружко, отвори, пожалуйста баню, я тебя платкомъ подарю». Дружка спрашиваетъ: «скажи, кто у тебя въ банѣ? Мужъ, такъ-дѐ отворю»! Молодая отвѣчаетъ: «Чаво же тутъ и говорить! Кто больше можетъ быть со мною въ банѣ, если не Василій Митрофановичъ»? Дверь отворяется и молодая даритъ дружкѣ платокъ; всѣ, затѣмъ, отправляются въ горницу.

Войдя въ горницу, молодые здороваются съ родителями и гостями, и потомъ отправляются въ опочивальню, чтобы немного получше одѣться. Въ спальнѣ на столѣ стоитъ штофъ вина и рюмки; молодые благодарятъ родителей за вниманіе и начинаютъ потчивать виномъ сперва родителей, а потомъ гостей. Молодая раздаетъ подарки, начиная со свекра, которому подноситъ на большомъ подносѣ рубаху и порты. Свекоръ кланяется и говоритъ: «покорно благодаримъ за твои большіе дары! Вотъ-тѐ въ честь благодарности отдариваю соловой кобылой»! Сказавъ это, цѣлуетъ сына и молодую. Потомъ молодая даритъ свекру рубахой. Свекра, принявъ ее, благодаритъ, приговаривая: «покорно благодарю за подарокъ! Вотъ тѐ въ честь благодарности красная корова»! Затѣмъ, молодая даритъ всѣхъ домашнихъ и гостей, участвовавшихъ на свадьбѣ, носовыми платками, полотенцами, сергами и другими мелочными вещицами. Всѣ отдариваютъ, въ свою очередь, молодую, кто чѣмъ можетъ. Въ этотъ же день дѣлается родителями обѣдъ, отъ имени молодыхъ. На немъ участвуютъ всѣ родственники и пріятели какъ жениха, такъ и невѣсты. Гостей встрѣчаютъ уже не родители, а молодые, и за столомъ угощаютъ они же.

Музыки на свадьбахъ не бываетъ, и потому она замѣняется пѣснями, а иногда гармоникой или балалайкой.

На другой день дѣлается обѣдъ для дружки, полудружья и стряпокъ. Гулянка продолжается иногда дня четыре и болѣе.

Во время свадьбы, если дружка обнаружитъ, что невѣста оказалась нехорошаго поведенія, и мужъ ей этого не проститъ, то, по приговору мужа, молодая жена наказывается плетью. Впрочемъ, это обычай старинный, и нынѣ мужъ мало обращаетъ на это вниманія. «Лишь бы Богъ далъ дѣтокъ, говоритъ мужъ, да баба бы была работящая»!

Отмѣтимъ нѣкоторые обычаи, повѣрья и предразсудки, наблюдаемые у здѣшнихъ поселянъ.

Въ каждомъ селѣ есть свои повѣрья и предразсудки, которые поддерживаются старухами, отличающимися своимъ искусствомъ лѣчить, нашептывать, прогонять «лѣшихъ» и т. д.

Обыкновенно, когда родится младенецъ, бабушка сперва обмываетъ его холодною водою, приговаривая: «охъ ты, мой голубчикъ, надо-тѐ обмыть холодною водою, чай наскучило-тѐ лежать въ теплотѣ! Это тебѣ будетъ отрада! Да и въ послѣдствіи-то не станешь бояться холоду»! Послѣ того бабушка несетъ ребенка въ баню, обкатываетъ теплою водою и слегка паритъ вѣникомъ.

Дѣтей здѣсь мать питаетъ грудью очень рѣдко. Старики всегда приказываютъ женамъ и невѣсткамъ своимъ пріучать ребятъ сосать рожекъ, говоря: «въ лѣтнее время ты-дѐ устанешь на работѣ, вспотѣешь, какое тутъ будетъ молоко? Лѣшакъ, а не молоко! Если пріучишь къ рожку и приставишь къ

дитяти мальчишку, то и онъ съумѣетъ съ нимъ няньчиться; а ты, голубушка, тогда можешь вольнѣ косить, жать и дѣлать домашнія работы»!

Когда захвораетъ ребенокъ, призываютъ знахарку, которая беретъ горшокъ съ водою, что-то нашептываетъ и. потомъ насильно вливаетъ больному ребенку воду въ ротъ; покричитъ, покричитъ и потомъ, какъ говорятъ крестьяне, выздоравливаетъ. Къ медицинскимъ пособіямъ крестьяне почти никогда не прибѣгаютъ: знахарка исцѣляетъ все и всѣхъ отъ всевозможныхъ недуговъ. «Сила—баба» потрафляетъ лучше какова-нибудь подлекаря», обыкновенно говорятъ здѣшніе крестьяне!

Но и знахарка призывается только въ крайнихъ случаяхъ, потому что это сопряжено съ издержками; большею частью мать лѣчитъ дѣтей сама. Такъ, напр., когда ребенокъ или парнишка захвораетъ, мать, прежде чѣмъ уложить ихъ спать, подводитъ ихъ къ кадушкѣ съ водою и обливаетъ голову. Или, схвативъ немытыя ложки, моетъ ихъ и потомъ обливаетъ голову помоями. Если же ребенка кто-нибудь «сглазилъ», то мать, вымывъ себѣ руки, кладетъ ихъ между ногъ и велитъ стать передъ собою больному, приговаривая: «будь ты, милый, чистъ отъ всѣхъ повѣтрій и худыхъ глазъ»! И потомъ, руками гладитъ ребенку личико, и съ той поры «урокъ» прекращается.

По преданіямъ, начало сѣва хлѣбовъ всегда должно совершаться въ понедѣльникъ и вторникъ; если же въ эти дни у хлѣбопашца случилось какое-либо помѣшательство, то онъ ожидаетъ другого понедѣльника или вторника, и никогда не рѣшится сѣять въ иные дни. Вообще, нужно замѣтить, что посѣвъ хлѣба для крестьянина, живущаго только доходами отъ земледѣлія,—вещь важная, и потому сопровождается довольно набожнымъ обрядомъ: каждый хлѣбопашецъ въ первый день Пасхи, вмѣстѣ съ куличемъ и краснымъ яичкомъ, несетъ на тарелкѣ всѣ роды зерновыхъ хлѣбовъ, разводимыхъ въ здѣшнемъ краѣ. По окончаніи заутрени и обѣдни, служится молебенъ Божьей Матери единственно ради благодатнѣйшаго посѣва и потомъ освящаются зерновые хлѣба. Эти-то зерна крестьянинъ хранитъ до поры посѣва. Вотъ наступилъ день насыпки хлѣба въ мѣшки; крестьянинъ входитъ съ лопатою въ амбаръ, дѣлаетъ знаменіе креста на хлѣбѣ и творитъ молитву: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ»! а другой говоритъ: аминь! Оба крестятся и, сказавъ: благослови, Господи! начинаютъ насыпать зерно для посѣва въ мѣшки. Послѣ того, хозяинъ приказываетъ женѣ отыскать освященныя зерна и всыпаетъ ихъ понемногу въ каждый мѣшокъ. Когда уже запрягли лошадей въ телѣги, все семейство входитъ въ избу и, затепливъ передъ иконами свѣчи, всѣ садятся въ молчаніи; посидѣвъ съ минуту, встаютъ и читаютъ во всеуслышаніе «Отче нашъ»; потомъ дѣлаютъ поклоны передъ иконами и отправляются, кому слѣдуетъ, производить посѣвъ.

Огородныя овощи рѣпу и арбузы здѣсь садятъ и сѣютъ, если не на зарѣ, то въ сумеркахъ, такъ чтобы никто не могъ видѣть. Говорятъ, что это дѣлается потому, что овощи боятся «уроковъ» и отъ того не родятся.

Когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, то богатые приговариваютъ: «отвяжитесь телята, жеребята и ягнята,—привяжитесь ребята»! А бѣдные: «приплодитесь жеребята, телята и ягнята, разойдитесь ребята»!

Скажемъ два слова о примѣтахъ. Каждому извѣстно, какъ важно для сельскаго хозяина знать атмосферическія измѣненія: температуру дня и ночи, видъ неба, количество выпадающаго дождя, время вскрытія и замерзанія рѣкъ, знать среднюю температуру года и т. д. Къ сожалѣнію, наблюденія эти, если и печатаются въ книгахъ, но мало доступны для простого крестьянина. И потому, сельскій житель, по невозможности воспользоваться печатаными наблюденіями, дѣлается самъ наблюдателемъ, прибѣгаетъ къ орудіямъ, созданнымъ природою, и по нимъ выводитъ свои собственныя наблюденія, помогающія ему въ сельскихъ занятіяхъ. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія или примѣты здѣшнихъ сельскихъ жителей:

1. Если зима бываетъ морозливая и малоснѣжная, то знакъ, что будущее лѣто будетъ хлѣбородное; напротивъ, теплая и снѣжная зима предвѣщаетъ необильно хлѣбородное лѣто.

2. Если первый осенній мѣсяцъ будетъ погодой благопріятенъ, то примѣта, что напрокъ, во время посѣва хлѣбовъ, будетъ такая же благопріятная погода.

3. Если весною первый сильный громъ будетъ слышенъ на востокѣ, то замѣчаютъ, что будутъ ядреные и густые хлѣба; на югѣ—урожай будетъ средній; на западѣ—будетъ неурожай.

4. Весною, когда курицы начинаютъ нестись, наблюдаютъ, чтобы сберечь отъ одной курицы, которая ранѣе другихъ стала нестись, три яйца. Каждое яйцо кладутъ особо, такъ чтобы не было ошибки въ томъ, которое изъ нихъ первое. второе и третье. Потомъ посредствомъ вѣсковъ узнаютъ, которое изъ нихъ тяжелѣе: если будетъ тяжелѣе первое, то замѣчаютъ, что первый сѣвъ хлѣба (т. е. 24 апрѣля) будетъ благонадежнѣе противъ прочихъ сѣвовъ; если второе яйцо будетъ тяжелѣе, то благонадежнѣе будетъ второй сѣвъ (т. е. 1 мая) и, наконецъ, если тяжелѣе будетъ третье яйцо, то благонадежнѣе будетъ третій сѣвъ (т. е. 9-го мая).

Такая же существуетъ примѣта въ грому: если весной первый громъ будетъ сильно гремѣть, то знакъ, что урожай хлѣба перваго сѣва будетъ лучше добротой въ отношеніи полноты зерна, чѣмъ остальные два сѣва; тоже наблюдается и для второго и третьяго грома.

5. Въ ночь на Благовѣщеніе, намочивъ тряпицу, кладутъ ее на улицу; если она замерзнетъ, то предполагаютъ скудный урожай, если же не замерзнетъ, то хорошій урожай.

6. Въ хорошую погоду, если свинья визжитъ, ворона каркаетъ, а скотина утуляется подъ крышу, то знакъ, что скоро будетъ перемѣна погоды: лѣтомъ—дождь, зимою—снѣгъ.

7. Урожай хлѣба также замѣчается зимою въ снопахъ, гдѣ мышь дѣлаетъ гнѣздо; если мышь дѣлаетъ гнѣздо около корня, то годъ будетъ урожайный и цѣна на хлѣбъ низка, если по срединѣ, то урожай будетъ средній; если же въ колосѣ, то мало будетъ хлѣба и цѣна его высокая.

8. Если лѣтомъ ходятъ сильно облака и притомъ синяго цвѣта, то замѣчаютъ, что будетъ ненастіе; если продолжается дня два дождь съ вѣтромъ, то значитъ, что скоро народится новый мѣсяцъ; если на небѣ много бѣлыхъ тучъ, и при этомъ начинается гроза, то замѣчаютъ, что будетъ градъ и молнія.

9. Если послѣ дождя становится тепло и земля испускаетъ изъ себя пары, а мелкій дождь съ солнышкомъ крапитъ, то замѣчаютъ, что будетъ ненастье.

10. Если на закатѣ солнца ярко горитъ вечерняя заря, то замѣчаютъ, что будетъ хорошая погода.

11. Если у старика или у старухи заболитъ спина, то говорятъ: это къ ненастью.

12. Если зимою на небѣ темныя и синія тучи, то замѣчаютъ, что будетъ снѣгъ; если небо чистое и немного синеватое, то ожидаютъ тепла; если вечерняя заря горитъ ярко, то ожидаютъ мороза; ясныя и чистыя облака съ маленькими темными тучками предвѣщаютъ, что густой снѣгъ спадетъ въ тайгѣ, и будетъ большой морозъ. Если чисто небо и вечеромъ много на небѣ звѣздъ, то ожидаютъ, что будетъ средній, т. е. въ 20° морозъ.

12. Если мышь станетъ грызть ковригу сверху, то предвѣщаютъ, что недостатокъ будетъ въ хлѣбѣ, и цѣны на хлѣбъ возвысятся, а если снизу, то цѣны будутъ низкія.

13. Если во время первой заутрени, въ Воскресеніе Христово, будутъ лаять собаки, то предвѣщаютъ, что въ томъ году будетъ война.

14. Если пѣтухъ или курица по закатѣ солнца станетъ пѣть, то знакъ, что въ томъ домѣ будетъ неблагополучіе.

15. Если скотина весною съ поля принесетъ во рту траву, то знакъ, что для скота тотъ годъ будетъ голодный.

16. Если зимою воробьи защекочутъ и начнутъ собираться въ кучи, то замѣчаютъ, что будетъ оттепель.

17. Если дикая утка или тетерка сядетъ на крышу дома, то заключаютъ, что этотъ домъ загорится или въ домѣ случится несчастіе.

18. Если сорока въ огородѣ дома щекочетъ, то говорятъ, гости будутъ.

19. Если чайки кучею летаютъ, кричатъ надъ рѣкою и потомъ садятся на воду, то говорятъ—дождь будетъ.

20. Если голуби или другія домашнія птицы купаются, а курицы въ полѣ гнѣздятся, то говорятъ—дождь и ненастье будетъ.

21. Если журавли, въ пролетъ ихъ изъ холодной въ теплую сторону, долго кружатся на одномъ мѣстѣ, то говорятъ, что осень будетъ продолжительная.

22. Когда свиньи визжатъ, то ожидаютъ дождя съ вѣтромъ.

23. Если гусь вскричалъ на дворѣ въ огородѣ, то говорятъ, что кто-то чужой идетъ.

24. Если собака часто въ домѣ воетъ, то замѣчаютъ, что въ этомъ домѣ скоро кто-нибудь умретъ.

25. Если голуби плодятся, то ожидаютъ благополучія; если же они начнутъ перелетать въ другой домъ и тамъ плодиться, то заключаютъ, что это къ разоренію.

26. Если ласточки льнутъ полетомъ къ окну или влетаютъ въ комнату, то замѣчаютъ, что скоро получены будутъ пріятныя вѣсти или письма.

Изъ употребительныхъ здѣсь пословицъ укажемъ:

1. Не слушай старова, а слушай бывалаго.
2. Прямая дорога наведетъ на криву.
3. Великъ верблюдъ—воду возитъ; малъ золотникъ—на рукѣ носятъ.
4. Мѣнятъ да не пенятъ!
5. До славы крѣпись, а въ славѣ держись.
6. На всякомъ подворьѣ свое повѣрье.
7. Чуръ слово молвитъ:—въ добрый часъ сказать, а въ худой помолчать.
8. Шутка—дворка во хлѣвъ не заведетъ.
9. У нашего Якова—трое всякова.
10. Шелъ бы далѣ, лишь бы дали.
11. Каково лукнется, таково и откликнется.
12. Дѣвушка гуляй, а дѣльца своего не забывай.
13. Обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду.
14. На чужой коровай свой ротъ не раззѣвай, а по раньше вставай, да свой приспѣвай.
15. На чужую кучу глаза пучу.
16. У нашего Мартына нѣту ни алтына.
17. Слушалъ бы я не мало, да ума-разума не стало.
18. Занесло же меня и замыкало Ивана Зыкова: поѣхалъ я по дрова, а меня къ мордѣ бросило (морда—плетёный кузовъ, которымъ ловятъ рыбу)!
19. Пошелъ по ягоды—ищи же меня два годы.
20. Сегодня разгуляюся: размѣняю гроша два, куплю пива и вина.
21. Пойдемъ ко мнѣ! Я хоть сотникъ заложу, да праздникъ провожу.
22. Эхъ, братъ, ѣхалъ бы въ Ярославль, такъ чертъ дорогу переслалъ.
23. Что по рѣчкѣ плыветъ, не всё перенять, а кто говоритъ, не всякому препенять.
34. Добрая слава на мѣстѣ лежитъ, а худая слава по дорогѣ бѣжитъ.
25. Чтó и баить про тебя—и собаки не лаятъ!
26. Ланись было—да сплыло.
27. Прежде бывало—живало, а нынче сдерживать стало.
28. Кто пьетъ вино, оно убьетъ его.
29. Худова попа и въ алтарѣ бьютъ.
30. Гдѣ пирогъ съ крупой, тутъ ты съ рукой, а какъ плеть съ узломъ, тутъ нѣтъ тебя съ умомъ.
31. Каково на дому, таково и самому.
32. Что въ лѣсъ гаркнетъ, то и изъ лѣсу откликнется.
33. На лѣченой кобылѣ немного уѣдешь.
34. Сколочена посуда два вѣка живетъ.
35. На кривыхъ колесахъ немного уѣдешь.
36. Ловушка стоитъ: пить и ѣсть не проситъ, а кого-нибудь чортъ броситъ.

37. Доброе слово ребро ломитъ.
38. Худая птица худыя пѣсни поетъ.
39. Умныя рѣчи хорошо и слушать.
40. На чужой ротокъ не накинешь платокъ.
41. Ты говори тому, кто не зналъ Ѳому, я же сродникъ ему.
42. Не было печали, пока черти не качали.
43. Для милова дружка и сережка изъ ушка.
44. Не люби — да почаще взглядывай.
45. Пей-ко, попей-ко,—на днѣ-то капелька, а еще попьешь и грошъ найдешь.
46. Пить до дна — не видать добра.
47. Отцы-то на обухѣ рожь молотили, и то сыты были; а дѣти подоспѣли—отцовъ безъ вѣку доѣли.
48. Хвастливаго съ богатымъ не распознаешь.
49. Это ничево, что пьешь чужое пиво: вари, братъ, свое пиво пьяно, да гляди прямо.
50. Съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тяжись.
51. Не зовутъ бѣднаго пива пить, а зовутъ бѣднаго печи бить.
52. Въ нынѣшній свѣтъ не любятъ богатыхъ, а любятъ тороватыхъ.
53. Это не бѣда, что во ржи лебеда, а то много бѣды, что ни ржи, ни лебеды!
54. Онъ черезъ-чуръ свѣтелъ, да не все смѣтливъ.
55. Не родись красенъ, да родись счастенъ.
56. Ума много, да денегъ нѣтъ.
57. Богачъ ѣдетъ въ каретѣ, а умной ходитъ пѣшкомъ.
58. Понимаю, что твой отецъ любилъ правду, только говоритъ пословица: вѣкъ правдою не проживешь.
59. Сколько ни живи, всего на свѣтѣ не переймешь; сколько ни умничай, а все дуракомъ помрешь.

Изъ загадокъ съ отгадками, здѣсь употребительныхъ, отмѣтимъ:

Мать толста, дочь красна, сынъ хороберъ подъ небеса ушелъ (Печь во время топки).

Сынки хватки, а дочки подлизушки (Молотило и метла).

Часъ я ясенъ, какъ алмазъ, отъ матери родился и самъ ее рожу (Ледъ).

День чельпитъ, ночь чельпитъ—одно утро спитъ (Печная заслонка).

Сидитъ дѣвица въ теремѣ, а коса на улицѣ (Морковь).

Подъ дупломъ завернулася клубкомъ, да и съ хвостикомъ (Рѣпа).

Лысой конь черезъ ворота глядитъ (Мѣсяцъ).

На горѣ-горицѣ зарѣзана телица: ни крови, ни руды—одна утолока (Жнитво отъ хлѣба).

Глядится, глядится, да не сойдется (Полъ съ потолкомъ).

Бѣжитъ свинья изъ Питера, вѣсь бока истыканы (Наперстокъ).

Стоятъ вилы на вилахъ, коробъ на коробѣ, ковало на ковалѣ, лютая щема, въ этой щемѣ лютые звѣри (Вши).

Съ полу взято, на колесницу внято, съ колесницы въ огненное пламя, а изъ огненнаго пламени въ черну ризу оболочено (Горшокъ).

Въ нашей избушкѣ Филатово имя (Огонь).

Ѣду, ѣду, а слѣду нѣтъ (Когда плывешь по водѣ).

Рѣжу, рѣжу, а крови нѣтъ (Коврига).

Сидитъ пѣтухъ на воротахъ: хвостъ до полу, а голосъ до небу (Колоколъ).

Сидитъ баба на грядкѣ—вся въ заплаткахъ, кто на нее взглянетъ, тотъ и заплачетъ (Лукъ).

Двое стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ (Дверь).

Подъ поломъ, поломъ, стоитъ барыня съ коломъ (Помело).

Ни воротъ, ни дверей—полна горница людей (Зубы во рту).

Безъ рукъ, безъ ногъ — на гору ползетъ (Квашня).

На спичку чего не повѣсишь? (Яйцо).

Царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а человѣкъ завсегда (Равнаго себѣ).

Лежитъ на болотѣ доска, не сохнетъ, не мокнетъ и не ржавѣетъ (Языкъ во рту).

Стоитъ столбъ, на столбѣ колпакъ, не шитой, не мытой и не вязанной (Снѣгъ на столбѣ).

Днемъ виситъ, а къ ночи закладывается (Болтъ).

Плеть сплетена, вверхъ сведена, во сто узловъ, въ тысячу рублевъ (Церковь).

Два конца, два кольца, посреди гвоздокъ (Ножницы).

Кругъ города Городчанскаго, много скота литвянскаго—одинъ пастухъ, какъ ягодка (Знакъ мѣсяца).

Четыре приступи, четыре грамотухи, два акмухта и вертюкъ (Корова).

Менѣе Бога, больше царя (Смерть).

Лѣзу, лѣзу по желѣзу на мясную гору (Садиться верхомъ на лошадь).

Стоятъ два брата, однимъ пояскомъ подпоясаны (Два кола одной переплеткой связаны).

Безъ рукъ безъ ногъ Богу молится (Колыбель).

Станетъ выше коня, а слѣзетъ ниже кота (Дуга въ запряжкѣ и безъ запряжки).

Откину стегно, откину и друго и выведу живо (Вывести изъ запряжки лошадь).

Безъ рукъ безъ ногъ на гору ползетъ (Опашка полей).

Вскричала утка на морѣ чутко, сбѣжались дѣтки не одной матки (Благовѣстъ въ колоколъ).

Заюшко, бѣлозаюшка, полежи на мнѣ! Хоть тебѣ трудно, дакъ мнѣ хорошо (Снѣгъ на озимовомъ полѣ осенью).

Бѣгутъ два волка рядомъ и кверху смотрятъ (Сани).

Маленькій, пузатенькой по городу ходитъ—всѣхъ людей перебилъ и озеро напустилъ (Париться вѣникомъ въ банѣ).

Двѣ дырки вмѣстѣ, и обѣ въ тѣстѣ (Двѣ невѣстки и обѣ небрежны).

Синенько, маленько, штучка небольшая, безъ его жить нельзя, сквозь тынъ кишка тянетъ (Игла).

У дѣвушки, у сиротушки, загорѣлось въ серодочкѣ, а у добраго молодца закапало съ конца (Самоваръ).

Пятеро держутъ, да пятеро пихаютъ, двое примѣчаютъ, ладно ли пихаютъ (Въ иглу вдѣть нитку).

Лежитъ брусъ во всю Русь, и на томъ брусу двѣнадцать гнѣздъ, да по четыре яйца (Годъ—12-ть мѣсяцевъ, 4 недѣли).

Пирогъ мясной, а корка деревянная (Мертвое тѣло въ гробу).

На свѣтѣ три кривыхъ (Кривыя: рѣка, дорога и поскотина).

Вѣсится, болтается—настанетъ утро и всякъ притыкается (Рукомойникъ на веревкѣ).

Шолъ, да шолъ—въ землю ушолъ (Шолъ дождь).

Г. Пейзенъ.

29 марта 1857 года.

ОТДѢЛЪ II.

Особенности говора села Ивановскаго, Кубанской области.

Село Ивановское, Кубанской области, Баталпашинскаго отдѣла, расположено на лѣв. берегу рѣки Большой Зеленчукъ, въ семи верстахъ отъ впаденія этой рѣки въ рѣку Кубань. Основано село въ 1868 г. Населеніе—2904 души (осѣдлыхъ, т. е. приписанныхъ къ селу, или «жителей», какъ они здѣсь именуются,—2680 душъ. Временно живущихъ или «иногороднихъ», т. е. не приписанныхъ - 224 души). Нарѣчіе великорусское.

I. Въ фонетикѣ гласныхъ.

1. Вмѣсто а въ ударяемомъ слогѣ часто слышится о: плóтютъ, кóтится, пасóдютъ, вóришь.

2. Вм. о подъ удареніемъ иногда является а: лáвютъ. Дá ста разъ погляди за ими.

3. Вм. а въ слогѣ, предшествующемъ ударному слогу, иногда (вообще рѣдко) слышится у: крухмáлъ.

4. Звукъ, въ которомъ совпали а и о, рѣже въ слогѣ передъ удареніемъ, а чаще въ слогѣ не сосѣднемъ съ ударнымъ (но, во всякомъ случаѣ, предшествующемъ ему), замѣняется звукомъ у: самуáръ, пупáли, пупрáвили тупóръ. У кугó. У тугó. Буяре. Мугарычъ. Бугорóдица. Угурцы. Вулосы (волоса). Курагóдъ (вм. хороводъ).

5. Часто слышится звукъ у вм. о—а въ слогахъ за удареніемъ: спóсубъ, гóлудъ.

6. Звукъ е часто измѣняется то въ и, то въ я: нясý и нисý, вяснá—виснá, плятý—плитý, бярý—бирý, вялúкъ—вилúкъ.

7. Вм. я и ѣ весьма часто слышится и: свитóй, грихú, поплиши́, рикá, мисаѣдъ, іиравóй.

8. Вм. звука ы въ послѣднемъ, но неударномъ слогѣ ясно слышится а: чёрнай, бѣлай, сѣрай, добрай, мокрай.

II. Въ фонетикѣ согласныхъ.

1. В передъ н переходитъ иногда въ м: дамно, самоупрамно.

2. Ф иногда замѣняется звукомъ хв: цыхвра, сарахванъ, Стехванъ, Хвеня.

3. Вмѣсто л, когда этому л предшествуетъ гласная, слышится у (краткое): воўкъ, догўо, пакаяўся, пашоў.—Звукъ л въ сочетаніи ль не всегда сохраняетъ свою мягкость: болше, болной.

4. Тоже замѣчается относительно сочетанія нь: менше, тонше, длинше.

5. Вмѣсто ч передъ н и л часто слышится ш: мéлше, привышнай, тошнай. пшенишнай, станишнай, молошнай.

6. Слово желѣзо произносится: залѣзо и зализо.

7. Звуки ж и ш обычно являются въ произношенiи твердыми.

8. Д передъ согласными произносится какъ т: млатшiй, слатко.

III. Особенности въ склоненiи.

Мѣст. **самъ** склоняется такъ:

и.	самъ.	самú
р.	самóго	самúхъ
д.	самóму	самúмъ.
в.	самóго	самúхъ.
т.	самы́мъ	самúми.
пр.	самóмъ	самúхъ.

Въ склоненiи мѣст. **тотъ**: тв. ед.: тымъ, тóю, тымъ. Мн. число для всѣхъ родовъ одинаково: им. ты, род. тыхъ, дат. тымъ, вин. тыхъ, тв. ты́ми и тымú, предл. тыхъ.

Въ склон. мѣст. **она**: род. ед. ч.: йё и iё; вин. ед. какъ род.; предл.: ей и ней.

Можно отмѣтить еще слѣдующiя формы мѣстоименiй: **сѣхъ** (вм. сихъ); **обѣхъ** (вм. обѣихъ); **обóхъ** (вм. обоихъ); **обѣмъ**, **обóмъ** (вм. обѣимъ, обоимъ); **кѣхъ** (вм. коихъ): съ кѣхъ поръ я тута хожу.

Отъ **вся** тв. п.: всёй.

Род.—вин. ед. ч: **мéне**, **сéбе**, **тéбе**.

Род.—вин. ед. ч.: **мавó**, **твавó**, **свавó**. Дат.: **маму́**, **тваму́**, **сваму**; **маёй**, **тваёй**, **сваёй**.

Въ склоненiи именъ существ. можно отмѣтить слѣд. особенности:

На костылю. Мальчишка ходить на костылю.

На концу́, на коню́, на заты́лку, на стóлику, въ сáдику, въ сарайчику.

Къ мальчишку, при брату, отцу.

Формы имен. множ. ч.: дóмы, лу́ги, пóясы, вóлосы, глáзы, браты́ (вм. братья), сваты́, сыны́.

Сватъ во множ. числѣ склоняется: сваты́, сватóвъ, сватáмъ, сватóвъ, сватáми, сватáхъ.

Хозяинъ во множ. числѣ: хозяины́, хозяинóвъ, хозяинáмъ, хозяинóвъ, хозяинáми, хозяинáхъ.

Сынъ во множ. числѣ: сыны́, сынóвъ, сынáмъ, сынóвъ, сынáми, сынáхъ.

Кумъ во множ. числѣ: кумы́, кумóвъ, кумáмъ, кумóвъ, кумáми, кумáхъ.

Обычны слѣд. формы: род.—вин. п.: аршúновъ, солдáтовъ, мѣстóвъ, рублёвъ.

Въ склоненiя сл. **день**: днёвъ; въ двá дни; въ трú-дни; въ четыри дни; до Петровá-дни,

Вм. дитя́ обычно: дитё, дитю́, дитёй, дитёмъ.

Обычны формы: изъ школѣ; съ той сторонѣ, съ той избѣ; изъ землѣ; отъ доскѣ; съ рабóти; у невѣсти; для скотúни; въ акну́ (вм. окнѣ).

Вм. сл. церковь обычно: цéрква.

Въ им. мн. прилагат. краткой формы вм. окончанiя ы обычно и: пьяни, богáти, виновати, голóдни.

Въ формахъ степеней сравн. прилагательныхъ обычны: длúнше, богатѣй, дешевше, тяжелше, тончѣй и тончáй (также: тончáе).

Имена числительныя: двумá и двомá. Тремú и тремá. Четырмú и четырмá (указанныя формы твор. п.).

Можно еще отмѣтить: род. п. двохъ, дат. двомъ отъ **два**.

IV. Особенности въ глаголѣ.

Вм. дѣепричастн. окончаній: авши, авшись; ивши, ившись; ѣвши, ѣвшись,— обычно: амши, амшись; имши, имшись; ѣмши, ѣмшись. Вм. окончаній: едши, едшись— обычно: очьчи, очьчись. Ушóчьчи.

Вм. оконч. сь (въ неопр. накл.) часто слышится ся. Баюся, лажýся, знáюся.

Оконч. ться произносится обычно какъ тца или цца: собирáцца.

Тоже надо замѣтить и объ окончаніи тся (3-го лица обоихъ чиселъ): она руħаецца.

V.

Замѣчательны слѣдующія нарѣчн. формы: т и́ к о (только): я тико пхнулъ ево. С т и́ к о (столько).

Б и л я́ (около, возлѣ): биля мене короўа прошла. Т а́ м о ч к и (тамъ).

Весьма употребительна частица с ь въ значеніи то: кажись кто-сь (кто-то) въ изби есь (есть).

Изъ собств. именъ можно отмѣтить: Микúтъ, Гарáсь, Петрýха, Митрó.

VI. Ударенія.

Обычно говорятъ: горý, головý, цѣ́ну, сторонý, къ-зимѣ́, ря́бай (рябой), пря́май (прямой), дикóй, широко, вы́соко, случилóсь, годилóсь, гналá, нé-жили, побѣ́гла, перéдалъ перéдали, помëръ, помëрла, запëръ, запëрла, запëртый, найдемъ, прúдемъ, прúдешь, повéрнешь вéрнецца, растéгнецца, никóго, никóму, ничëго, дочкá, съ-двóру подъ·бокóмъ, пóперекъ, кúпятокъ, послúя (послѣ), апосля́ (послѣ), издаля́, здаля́, (издали), бичëва, учëра (вчера), теля́ (теленокъ, тëлка), остáча (остатокъ), хвалкó (тотъ, кто хвалится, хвастунъ), нѣтъ сты́ду, со сты́ду.

Яковъ Науменко.

Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда *).

(*Окончаніе*).

X. Разные обычаи, средства и гаданія.

Въ великій четвергъ до солнышка деньги считаютъ, чтобы онѣ велись; съ серебра умываются, чтобы лице было чистое; окачиваются, чтобы тѣло было чистое, или не чесалось; соли берутъ для лѣченія скота отъ стричища; шерсть прядутъ, чтобы лѣтомъ при жнивѣ пальцы не подрѣзывались и рука не захватывалась; у коровъ хвосты подстригаютъ, чтобы они не завивались; въ рѣшето овецъ брыжжутъ, чтобы въ огородахъ дыры казались имъ меньше; въ трубу коровъ кличутъ, чтобы онѣ домой ходили; яйца перекладываютъ, чтобы курицы болѣе клались; молоко въ большомъ горшкѣ топятъ, также сметану пахтаютъ, чтобы коровы были дойнѣе.

Когда новотельную корову окурятъ, то изъ перваго молока варятъ кашу, для того чтобы верхи на молокѣ были толще.

Въ день Воздвиженія Креста Господня мухъ хороняютъ (въ рѣпяномъ гробу) съ приговоромъ: «муха муху съѣшь, да и сама умирай», для того, чтобы онѣ зимой не велись.

Когда курица снесетъ первое яйцо, то катаютъ его подъ порогомъ, приговаривая: «какъ подъ порогомъ держится шамъ, такъ бы курица держалась своего гнѣзда».

Когда купятъ какую-нибудь скотину, то въ полѣ той деревни, гдѣ ее купятъ, сламываютъ прутокъ и приговариваютъ: «какъ этому прутку на мѣстѣ не бывать, такъ и моей коровѣ (или лошади) не бывать и не живать на старомъ мѣстѣ». Сломленный прутокъ втыкаютъ куда-нибудь у себя во дворѣ.

Молодая, идущая отъ вѣнца, скачетъ съ избяного порога вдругъ обѣими ногами, говоря про себя: «кыштье, овечки, волчекъ идетъ», для того, чтобы боялись ее въ семействѣ.

Когда кончатъ жниву, то приносятъ въ домъ овсяный снопъ, ставятъ въ передній уголъ на два дня и этимъ снопомъ послѣ закармливаютъ скотину.

Въ день великомученика Георгія (23 апрѣля) берутъ ржи или пшеницы въ какую-нибудь посуду и, помолившись, ставятъ на нее икону со свѣчею и потомъ съ вербою (съ которою стоятъ въ церкви въ недѣлю Вайй) обходятъ кругомъ весь скотъ свой,—для того, чтобы Богъ сохранилъ его во время лѣта.

Когда телятъ уносятъ отъ коровъ, то подъ порогъ кладутъ ножъ или топоръ съ приговоромъ: «живи, сивуха, до обуха», для того, чтобы они жили.

Когда весной въ первый разъ выпускаютъ овецъ, то кладутъ подъ порогъ или подъ ворота поясъ, чтобы онѣ не разбѣгались, а всегда были вмѣстѣ.

Когда нечаянно попадаетъ отъ бороны зубъ, то его берутъ и молча несутъ домой и втыкаютъ подъ матицу, чтобы тараканы не велись.

Когда нечаянно попадаетъ обломокъ отъ оси, то его молча приносятъ домой и ставятъ въ передній уголъ. Въ Филиппово заговѣнье объѣзжаютъ кругомъ дома на

---

*) См. «Живая Старина» за 1903 г., вып. I и II, отд. II, 188—224.

клюкѣ и этимъ обломкомъ колотятся подъ окномъ, гдѣ сидитъ хозяинъ, и спрашиваютъ у него: «дома ли, хозяинъ?», который и отвѣчаетъ: «дома»; потомъ спрашиваютъ: «чѣмъ сегодня хозяинъ заговляется»? — хлѣбомъ, да солью, да пирогами.—А тараканы чѣмъ?—тараканъ таракана съѣшь. Послѣ этого, будто бы тараканы не станутъ вестись.

Когда загорится, тогда берутъ хлѣбъ со скатертью и иконою, чтобы ничего не забыть въ домѣ.

Когда услышатъ въ первый разъ кукушку, то берутъ земли изъ-подъ правой ноги и кладутъ подъ свою постелю, чтобы блохъ не было.

Когда бросаются собаки, то про себя говорятъ: «телёнокъ, телёнокъ»! чтобы не укусили.

Если случаются судороги, то мажутъ слюною и трижды говорятъ: «посконь», чтобы онѣ прошли.

Когда болитъ поясница, то трутся ею объ овинъ, говоря: «овинъ, овинъ, возьми мой утинъ, а мнѣ отдай прежнюю мою силу и здоровье»!

Когда скосятъ постать, то точатъ косу, чтобы коровы сытѣе были.

Опускаютъ три березовыхъ угля въ уху, чтобы она не была горька отъ раздавленной въ рыбѣ желчи.

Чтобы у маленькихъ не текли изо рта слюны, то трижды перестригаютъ ихъ ножницами.

Охотники берутъ сорочье и воронье гнѣзда, раздробляютъ ихъ и дымомъ, проходящимъ сквозь нихъ, окуриваютъ ружье; также раскалываютъ сырую осину и сквозь ее трижды продергиваютъ ружье, а когда застрѣлятъ птицу, то трижды утыкаютъ ружьемъ въ рану, для того, чтобы кремень не осѣкался и ружье цѣльно стрѣляло.

Кладутъ подъ копну хлѣба собачьяго калу, чтобы мыши не велись въ ней.

Обдуваютъ руки, чтобы крапива не ожгла.

Соль кладутъ въ новый кузовъ, чтобы она всегда была суха.

Въ таковой же немедленно кладутъ новыя выдѣланныя овчины, чтобы моль не испортила ихъ.

Чтобы крупичатая мука не испортилась, то кладутъ въ нее синій камень.

Чтобы постное масло не испортилось, то кладутъ въ него гороху или ставятъ въ рожь.

Чтобы горохъ разопрѣвалъ, то кладутъ, смотря по вмѣстимости горшка, напр. въ небольшой—щепоть пеплу или—столовую ложку чистаго щелоку.

Чтобы окисшій вареный горохъ можно было ѣсть, то кипятятъ его хорошенько.

Отъ мошки лѣтомъ натираютъ лице и руки скипидаромъ.

Если хочешь приворожить кого къ себѣ, то вспотѣй хорошенько, только не отъ жару, а отъ какого-нибудь дѣла, и съ этимъ пóтомъ накорми того человѣка.

Чтобы рѣдька разстолстѣла, то, когда она повыростетъ немного, черезъ каждую недѣлю шатай ее.

Если случатся въ ногахъ судороги, мажь ихъ слюнами.

Въ Рождественскій сочéльникъ женихи и невѣсты бѣгаютъ на улицу съ кутьей или съ сóчнемъ; кто встрѣтится, въ того имя будутъ звать невѣсту или жениха.

Въ Рождество женихи и невѣсты первый кусокъ тайно выплевываютъ изо рта и послѣ кладутъ къ ночи въ головы,—для того, чтобы суженая или суженый пришли покушать хлѣба-соли.

На другой день Рождества плещутъ къ ночи водою косякъ черезъ лѣвое плечо съ приговоромъ: «суженый, ряженый-ая, приходи бѣлья просить».

На Крещенскій сочельникъ до ужина подметаютъ подъ столомъ, а послѣ ужина ищутъ подъ нимъ зерна, которое кладутъ въ сѣмена для большаго урожая.

О святкахъ у коровы рога опутываютъ поясомъ; если по утру эта корова стоитъ къ дверямъ головой, то выдадутъ замужъ.

Карты кладутъ въ головы ночью — зовутъ жениха въ карты играть.

За окно на ниткѣ гребень опускаютъ къ ночи—зовутъ жениха или невѣсту голову чесать.

Кольце съ руки въ головы къ ночи кладутъ—зовутъ суженаго-ную кольцами мѣняться.

Кладутъ въ головы изъ лучины клѣтку—зовутъ жениха поить лошадь.

Снѣгъ полятъ въ передникѣ съ приговоромъ: «полю, полю бѣлый снѣгъ за батюшкову хлѣбъ-соль, за матушкину добродѣтель. Взлай, собачка, на чужой сторонкѣ»! Потомъ ложатся на снѣгъ и слушаютъ, въ которой сторонѣ собака залаетъ.

Жировку хороняютъ: на четырехъ-угольную доску кладутъ: на 1-й уголъ хлѣба, на 2-й уголь, на 3-й печину, а на 4-й серебряное кольце и закрываютъ скатертью, кругомъ въ избѣ около нея садятся и поютъ: «ужъ я жировку хороню ко святому вечеру, къ святому Васильевскому, жировка малéнька, окошка велики, косящатыё, рѣшещатыё, не могла блоха скочить, коза скочила, рога увезила, хвостъ заломила, вы берите свой уголокъ». Берутъ и открываютъ скатерть: кому хлѣбъ, тому богато жить; кому уголь, тотъ умретъ; кому печина, тому въ печали жить, а кому кольцо, ту замужъ выдадутъ.

Выносятъ вечеромъ пѣтуха, кладутъ кружкомъ грудки овса, каждая дѣвка—свою грудку; пѣтухову голову пригибаютъ подъ правое крыло трижды и опускаютъ въ кружокъ; чью грудку прежде станетъ ѣсть, ту напередъ замужъ отдадутъ.

Когда дѣвки выйдутъ изъ избы, хозяйка кладетъ подъ горшки разныя примѣты. Каждая изъ пришедшихъ дѣвицъ беретъ свой горшокъ, и которой изъ нихъ достанется сборникъ, ту замужъ выдадутъ; которой—гребень, у той женихъ будетъ щеголь; которой — плеть, у той мужъ будетъ грозный; которой — горчéвникъ (тряпка, употребляемая при обрядахъ), та будетъ полной хозяйкой; которой — чайная чашка, та выйдетъ за богатаго; которой—рюмка, у той мужъ будетъ пьяница; которой—пустой горшокъ, та останется въ дѣвкахъ.

Частоколъ мѣряютъ ручными саженями и считаютъ частоколины съ приговоромъ: «вдовецъ, холостецъ». Какая послѣдняя останется (т. е. вдовецъ или холостой), такой будетъ у той мужъ, т. е. холостой или вдовый.

XI. Наставленія на разные случаи и два сказанія.

1. «По водѣ плаваешь, воспомяни Святаго Николая Чудотворца и ангела его хранителя».
2. «Заутра воставъ, воспомяни святаго Архангела Михаила, то весь день веселъ будешь».
3. «Аще когда станешь въ дому или въ рѣкахъ воду пить, воспомяни ангела Агія».
4. «Аще когда станешь спать ложиться, воспомяни святаго архангела Михаила, то есть стража надъ свящимъ человѣкомъ».
5. «Аще когда громъ будетъ, воспомяни ангела Разаила».
6. «Аще чѣмъ тяготиться станешь, воспомяни ангела Препила и великомученицу Екатерину».
7. «Аще когда въ печали будешь, воспомяни ангела Авдоила».
8. «Когда въ заблужденіи будешь, воспомяни святаго ангела Азаила».
9. «Аще когда станешь храмину строить, воспомяни святаго Архангела Михаила».

О двунадесяти пятницахъ.

1.

«Пятница на первой недѣли великаго поста—кто ту пятницу чтитъ, тотъ человѣкъ отъ внезапной смерти сохраненъ будетъ».

2.

«Пятница предъ Благовѣщеніемъ Пресвятыя Богородицы — кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ убійства сохраненъ будетъ».

3.

«Пятница на страстной недѣлѣ — кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ непріятеля сохраненъ будетъ».

4.

«Пятница предъ Вознесеніемъ Господнимъ—кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ потопа сохраненъ будетъ».

5.

«Пятница предъ Сошествіемъ Святаго Духа — кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ меча сохраненъ будетъ».

6.

«Пятница предъ Ильинымъ днемъ—кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ вѣчныя муки сохраненъ будетъ».

7.

«Пятница предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы—кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ великаго грѣха сохраненъ будетъ».

8.

«Пятница предъ Рождествомъ Пресвятыя Богородицы—кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ скудости сохраненъ будетъ».

9.

«Пятница предъ Кузьминымъ днемъ—кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ отъ гнѣва сохраненъ будетъ».

10.

«Пятница предъ Михайловымъ днемъ—кто ту пятницу чтитъ, и имя того человѣкъ написано у Пресвятыя Богородицы».

11.

«Пятница предъ Рождествомъ Христовымъ—кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ при смерти узритъ Пресвятую Богородицу».

12.

«Пятница предъ Богоявленіемъ Господнимъ—кто ту пятницу чтитъ, и тотъ человѣкъ на судѣ Христовѣ на десную страну причтенъ будетъ».

Сонъ Пресвятыя Богородицы.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

«Сонъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, спала Пресвятая Богородица во святѣмъ градѣ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, и сонъ видѣла вельми страшенъ и противенъ о Сынѣ своемъ возлюбленномъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и пріиде къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ и рече ей: о, мати Моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, спала въ святѣмъ градѣ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ и что во снѣ видѣла?—Она же отвѣща Ему: Сыне мой дражайшій, Іисусе Христе и Боже мой! во снѣ видѣла Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ. И рече ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ: аминь, аминь глаголю тебѣ, мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, не

истину рекла еси. Она же отвѣща ему: о, пресладкій и прещедрый Іисусе Христе, Сыне и Боже мой! аще истину реку Тебѣ, утроба моя терзается во мнѣ, очи мои преграждаются, гортань моя ичезаетъ глаголати Тебѣ, во снѣ видѣла Тебя Господа моего Іисуса Христа Сына Божія у жидовъ поимана и приведена къ Понтійскому Пилату Игемону и къ столбу привязана, біена, заушенна, оплевана и на древѣ крестнѣмъ кипарисѣ, певкѣ и кедрѣ распята, руцѣ и нозѣ Твои святыя ко кресту пригвоздиша и терновъ вѣнецъ на главу Твою святую возложиша, желчію и оцтомъ напоиша и единъ отъ воинъ ко кресту приступи и въ ребра Твои святыя копіемъ прободе и отъ ребръ Твоихъ святыхъ изыде кровь и вода на исцѣленіе міру и на спасеніе душамъ христіанскимъ, и тогда солнце померче и луна въ кровь претворися, небо и земля потрясошася, каменіе распадошася, церковная завѣса раздрася на двое съ верхняго краю до нижняго, и тма бысть по всей землѣ отъ шестаго часа до девятаго, и благоразумный Іосифъ съ Никодимомъ испросиша у Пилата пречистое Тѣло Твое, и, со креста снемъ плащаницею чистою вивъ и съ благоуханіемъ во гробѣ новѣ покрывъ положи и въ третій день воскресе, всему міру животъ вѣчный дарова, рукописаніе Адамово раздра, адовы верви желѣзныя сломи и врата мѣдная сокруши и всѣхъ изъ ада изведе и діавола на тысящу лѣтъ связа. И рече ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ: о, мати Моя, возлюбленная Пресвятая Богородица, Дѣво Марія! аминь, аминь глаголю тебѣ: воистинну сонъ твой не ложенъ есть, Богу и Отцу Моему изволившу, на сіе бо пріидохъ въ міръ искупити родъ человѣческій отъ мучительства діаволя своею кровію. Аминь.

«Аще кто сонъ твой Богородиченъ въ дому своемъ держитъ въ чистотѣ, и къ тому дому не прикочнется нечистый духъ, не злый человѣкъ, и скоту приплодъ и хлѣбородіе.

«Аще кто въ пути съ собою въ чистотѣ носитъ, къ тому человѣку не прикочнется не тать, ни разбойникъ, не злый духъ.

«Аще кто при смерти своей сонъ твой Богородиченъ помянетъ, или прочитаетъ съ вѣрою, и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ вѣчныхъ мукъ.

«Аще кто на морѣ и на рѣкахъ и езерахъ сонъ твой Богородиченъ имѣть будетъ въ чистотѣ, и сохраненъ будетъ отъ потопленія предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, заступленіемъ и молитвами ея избавитъ Господь отъ твоихъ бѣдъ и скорби.

«Аще сонъ твой Богородиченъ жена обремененная имѣть будетъ въ чистотѣ и съ вѣрою будетъ прочитывать и слушать съ сокрушеннымъ сердцемъ, и лехко отроча родитъ молитвами Пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи. Аминь».

XII. Припѣвы.

1. Не по столику рюмоцьки брецятъ, не стоканы выговариваютъ: (имя рекъ) ходитъ по терему, она бѣлитцо, румянитцо, у (имя рекъ) въ гости проситцё. (Имя рекъ) мой батюшко, опусти въ гости къ матушкѣ, ко родимому ко батюшку.—Дорогая, цѣсна гостейка, погости-ко у меня въ терему, погляди-ко на меня, молотця, на.. (имя и величанье).

2. Стéлетцё, стелетцё ребинушка цяста, хвáлитцё, хвалитцё (имя рекъ) женою: ỳ меня, у меня (имя рекъ) хороша, ỳ меня, у меня (величанье) пригожа.

3. Тропинка тропитцё, конопельцё ломитцё, идётъ незнамъ незнàмовиць (имя и величанье), свистомъ насвистывавъ, гаркомъ нагаркивавъ: «душа ты, дѣвица, открой окошецькё, прими подароцёкъ—московскёй яблоцёкъ»! - «Душа ты, молодець, теперь мнѣ нé време: мой батюшко въ избѣ сидитъ, моя матушка на рукѣ лежитъ»!

4. Кàты, покàты женихи наши богаты, катъ катышокъ, (имя рекъ) женишокъ; дай, кума, тѣста, (имя рекъ) нивѣста.

5. Какъ по тропкѣ, по тропинкѣ бѣжавъ лёгонькой дитинка, не въ тулупѣ, не

въ кафтанѣ, бѣжавъ въ ванькой сибиркѣ, що у нашова (имя рекъ) не кобылы, не коровы, не покрытыё хоромы, одна пестренькяя собацькя, да и ту звали Орѣшкомъ. Ты продай своево Орѣшка, ты купи овинъ соломы, ты покрой свои хоромы.

6. Не летай голупь высоко́, не маши крыльямъ широко́, ещо много ли бояръ въ Москвѣ, есь побольше хресьянъ на Русѣ. Нѣтъ протифь (имя рекъ) добра моло́тця: онъ на го́рушѣ соболя убивъ, потъ горою лисицю изловивъ, онъ на за̀водѣ утицю, на жовто́мъ песку лебёдушку, въ терему ту красну дѣвушку (имя и величанье).

7. Виноградъ въ саду ро̀стётъ
(каждый стихъ повторяется),
А ягода, а ягода наливаетцё;
Виноградъ—свѣтъ (имя рекъ) господинъ,
А яго̀да, а яго̀да (имя рекъ)—душа.
Имъ же люди дивовалисё,
Що хоро̀шы, що приго̀жы уродилисё.
Дай имъ Бохъ совѣтъ да любофь,
Во совѣтѣ, во любовѣ хорошенькё пожить.
Рыбушка̀ плоть—вицюшка,
По водѣ рыба пловётъ, извиваетцё.
Мнѣ ли, молоденькѣ, мало можытце,
Мнѣ-ка батюшкова хлѣба ѝсь не хоцётцё;
Батюшкофь хлѣпъ полыньёй пахнётъ,
Горегорькёю горцицёй отзываетцё;
Мнѣ-ка милофъ хлѣпъ сахаро̀мъ пахнётъ,
Сла̀ткой сладкою слатѝцей отзываетцё.

XIII. Стихи, поющіеся нищими и слѣпыми.

1. Объ Алексѣѣ—человѣкѣ Божіемъ.

Що во славномъ городѣ было во Римѣ, при царѣ было при Онофріѣ, при царицѣ было при Апра̀ксіѣ, жывъ бывъ князь Ефимья̀не съ супружною своёю княгинёй. Не было у ихъ единова цядя [1]), не было не сына, не доцьки; тутъ онѣ Господу Богу возмолились, молились усердно, со слезами: услыши, Господи, нашо моленьё, со̀здай намъ, Господи, цяда, со̀здай намъ сына, либо доцькю, при младости лѣтъ на потѣшку, при старости лѣтъ на пропитаньё, при смертномъ концѣ на поминъ души. Услышавъ ѝхъ Господи моленьё: со̀здавъ имъ Господи сына, нарекли ему имя Олексіёмъ. Олексій росъ не по годамъ, а по цясами, ставъ жо Олексій ушъ семи лѣтъ, здумавъ ево батюшко въ грамотѣ уцѝти, приневолила ево родная мати. Скоро Олексію грамота дала̀сё, скоро Олексій писать науцѝвсё. Ставъ Олексій ушъ семнатцѐти лѣтъ, здумавъ ево батюшко женити, приневолила ево родная мати. Женитцо Олексію не хотѣлось, женили ево по неволѣ. Засылали жо свата ко нивѣстѣ, высватавъ сватъ ему нивѣсту, ко Божіей ко цѐркви привозили, на единой подножникъ становили и златымъ перснями обруцѝли и златы винцѝ надѣвали и въ княжески палаты отвозили, за бѣлоду̀бовы столы посадили, пѝтья медвяны становили, яства саха̀рны заносили. Що сидитъ Олексій невесёлой, онъ не пьётъ жо питья медвяна, не вкушаётъ онъ яства саха̀рна. Княжески столы отходили, на потклѣтъ молодыхъ отводили, на кровать ихъ спать положыли. Вотъ ушъ первой цясъ на десять ноцѝ ставъ Олексій съ потклѣту подыматцо, ставъ совсѣмъ ись палатъ выбиратцо, подаётъ молодой женѣ поясъ и съ правой руки зла̀той перстень: на-тко тибѣ, жена молодая, съ моёй пра̀вой руки перстень и мой тибѣ шовковой поясъ; ковда перстень этотъ роспаеетцо, ковда поясъ этотъ росплетётцо, ты товда меня увидишь. Ставъ онъ своё цвѣтно платьё прода-

[1]) 1 чада.

вати, золотý казну по нищымъ роздавати и надѣвъ на ся сѣрую серьмягу и пошовъ онъ ко синёму морю, онъ и сѣвъ жо на лёхкую шлюпку и ѣхавъ онъ три дни, три нощй, подъѣжжаётъ онъ къ матушкѣ пустынѣ, возмоливсё онъ ёй со слезами: ушъ ты, свѣтъ моя мати-пустыня, ты пусти меня помолитцо, за младыё лѣта потрудитцо. Отвицяла ему мати-пустыня: повно, Олексій, ты молотъ Господу молитцё, у меня тибѣ не царская трапéза, у меня тибѣ не питья медвяны и не яства тибѣ сахàрны, що на мѣсто тибѣ питей медвяныхъ — одна болотная водиця. що на мѣсто тибѣ яства сахарна—одно быльё да коренье. Олексій со слезами отвицёётъ: мнѣ даромъ вся царская трапеза, стану быльёмъ, кореньёмъ питатцё и болотной водой наслаждатцё, только прими меня, мати-пустыня! Онъ и живъ жо въ ей тритцеть три года, стала говорить ему мати-пустыня: повно, Олексій, отця, матерь прогнѣвляти, молоду жену со слёсъ натсажати. Тутъ взмоливсё Олексій со слезами: ушъ ты, свѣтъ—моя мати-пустыня, пресвятая ты Мать Богородиця! дай ты мнѣ русыё волосы по плеця, дай ты мнѣ бороду до пупа! Дала ему мати-пустыня русыё волосы по плеця и бороду до пупа, и пошовъ жо онъ ко синему морю и сѣвъ онъ на лёхкую шлюпку и ѣхавъ онъ по синему морю три цяса и три минуты, подъѣжжаётъ онъ къ городу Риму и приходивъ онъ ко Божіей ко церкви и становивсё жо онъ на папéртѣ. Що выходитъ наротъ отъ обѣдни, тутъ идётъ жо и князь Ефимьяне, поклонивсё Олексій со слезами: ушъ ты, свѣтъ жо, князь Ефимьяне, сóздай милостину мнѣ святую ты ради сына своево Олексія. Тутъ и князь Ефимьянъ остановивсё и гòресно прослезивсё: ушъ ты какъ моево сына знаёшъ и именемъ ево называёшъ? Ушъ какъ мнѣ не знать твоево сына Олексія, въ одномъ мистѣ съ нимъ въ грамотѣ уцйлись, съ одново плеця платьё носили. Ушъ ты, свѣтъ жо—князь Ефимьяне! ты сострой жо мнѣ килейку нову ты на мѣсто своево сына Олексія у себя ты перетъ переходамъ. Князь пришовъ жо домой прослезивсё и видѣнью тому подививсё, онъ велѣлъ жо склась килейку нову у себя перетъ переходамъ, и жывъ жо Олексій тутъ довгоё время, посылалъ жо князь Олексію пропитаньё со своей онъ царской трапезы, слуги ему пищы не носили, царскіё воли не творили, съ царскіё трапезы посуду мыли, на Олексіеву келью выливали, и на то Олексій не сердивсё. Узнавъ жо Олексій сибѣ скорой цясъ смерти, призывавъ жо къ сибѣ онъ килейника: килейникъ ты мой, да килейникъ, подай ты мнѣ лисъ бумаги, перо ты мнѣ и цёрнила!—Исповнивъ килейникъ ево прошеньё, онъ и ставъ жо писать своё рукописаньё. Какъ списавъ же онъ своё рукописаньё, и пришовъ къ ему цясъ смерти, и пошовъ по городу запахъ, понесло всё ладаномъ—темьяномъ, по городу мовва розвесласё, гдѣ-то открылись жо мощы святыё, пошовъ жо по городу розыскъ, и нашли блись царскіё палаты, у ево потъ переходамъ. Многіё въ килью входили и у ево рукописаньё просили, никому рука не отверзалась. Що пришовъ жо князь Ефимьяне и возмоливсё онъ со слезами: ушъ вы, мощы, вы мощы святыё! пожалуйте мнѣ рукописаньё! Тутъ рука жо князю отверзалась, онъ и взявъ жо къ сибѣ рукописаньё, онъ и ставъ жо ево цитати, онъ и признавъ жо своево сына Олексія, онъ упавъ перетъ нимъ на колини: ушъ ты, свѣтъ, мое цядо милое, ушъ ты для цёво мнѣ во плоти не сказавсё, я состроивъ бы бѣлокаменны палаты. Услышала ево мати родная, упала передъ ймъ со слезами: ушъ ты, свѣтъ, ты, дитятко роднoё, ушъ ты для цёво мнѣ во плоти не сказавсё, я пошла бы съ тобой Богу молитцё. Услышала ево жена молодая, поглядѣла она на примѣты: ево шовковой поясъ росплёвсё, золото кольцё роспаялось, пришла она со слезами, въ горестѣ она повалилась: ушъ ты, свѣтъ, моя Лада милая, ушъ ты для цёво мнѣ товда не сказавсё, я пошла бы съ тобой Господу молитцё, за младые лѣта потрудитцё. Выносили жо мощы исъ пещеры, що несли жо ко Божіей ко цёркви ровно три дни несли и три нощй, по сторонамъ злато, серебро кидали, що нихто на то не бросавсё, всѣ бросались за святымъ за мощами.

2. О двухъ братьяхъ Лазаряхъ.

Жили два брата, два Лазаря. Не ровно ихъ Господи щасьёмъ надиливъ: бòльшому брату бòгацёева тьма, меньшому брату убожесво рай. Заводивъ богатой братъ

цѣсной пиръ, цѣсной, прецѣсной, прерадосной, созвавъ богатой братъ князей и бояръ, князей и бояръ и попофъ и дьякофъ, одново не позвавъ брата своево, брата своево убогово Лазаря. Услышавъ убогой, самъ на домъ пришовъ, закрыцявъ, завопивъ жывымъ голосомъ: братець. ты братець, богатой Лазарь, напой, накорми на севоднишной день! Услышавъ богатой братъ, самъ на дворъ вышовъ, закрыцявъ, завопивъ громкимъ голосомъ: скверной, негодной, отойди проць отъ двора, есь у меня братья полутше тебя, есь у меня друзья, какофъ и я самъ! Были у богатова два лютыё пса; по потстолью ходятъ, крошки обираютъ; крошки обирали, убогому носили. Тутъ-то жо убогой братъ съ цѣсью принимавъ: слава Тибѣ, Господи, сытъ я и пьянъ, сытъ я и пьянъ на севоднишной день. Выходивъ убогой братъ во цисто полё, говоривъ убогой тихимъ голосомъ: Господи, Господи, Спасъ милостивой! Услыши, Господи, молитву мою: создай мнѣ, Господи, двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ немилостивыхъ! Услышавъ жо Господи молитву ево, создавъ ему Господи двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ премилостивыхъ: вынимали душенькю цѣсно изъ нево, положыли душенькю на пелены, понесли жо душенькю на небеса, посадили душенькю во самой во рай. Услышавъ богатой братневу смерть, выходивъ богатой братъ во цисто полё, закрыцявъ, завопивъ громкимъ голосомъ: Господи, Господи, Спасъ милостивой, создай мнѣ, Господи, двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ премилостивыхъ! Создавъ ему Господи двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ немилостивыхъ: вынимали душенькю крюкамъ и гвоздямъ. положыли душенькю на пелены, понесли жо душенькю на небеса, посадили душенькю во самый во адъ.

3. (Начало забыто, а потому и заглавіе не означено).

...Это тутъ-то Христа роспинали, гвозьёмъ руцѣ приковали, святую крофь проливали... Приходила Мати Марія, приносила клюци золотыё; призывала къ сибѣ Петра и Павла: вы идите-ко, Петры и Павлы, вы несите-ко клюци золотыё, отпирайте рай пресвѣтлой, пропускайте души грѣшныё въ рай, ушъ вы всѣ души пропускайте, только трёхъ душъ не пускайте,—тѣ души тяшко согрѣшыли: первая душа тяшко согрѣшила: отця, матерь поматерну бранила, другаа душа тяшко согрѣшыла: мужа съ женой разлуцила, третьяя душа тяшко согрѣшыла: младенця во утробѣ задушыла. Тѣмъ душамъ нѣтъ прощенья, тѣмъ душамъ нѣтъ покаенья, въ пресвѣтломъ раю не бывати, въ оци Христа не видати.

4. О жидахъ, искавшихъ Іисуса Христа.

Іесусъ Христосъ не знаётъ, куда отъ жидофъ утти. Пришовъ къ алилуевой женѣ; алилуева жена пецькю топитъ, на рукахъ младенця держитъ. Подошовъ Іесусъ Христосъ къ алилуевой женѣ: алилуева жена кинь младенця въ пѣшной пламень и возьми меня на бѣлыё руки! Алилуева жена не ослушна была: кинула младенця въ пещной пламень и взяла Ево на бѣлыё на руцьки. Тутъ Пилаты и жыды набѣжали и спрашывали у алилуевой жены: алилуева жена, не видала ли Іесуса Христа?—Іесусъ Христосъ въ пещномъ пламѣ.—Тутъ жыды, Пилаты заскакали, золезныё заслонки приносили, золезными заслонками закрывали и крѣпкими потпорами потпирали. Тутъ всѣ жыды пали и испропадали; крѣпкіе ихъ потпоры отпадали, золезныё заслонки открывались, въ пещномъ въ пламѣ трафка выростала, по этой трафкѣ младенець похажываётъ, Евангельской листикъ въ руцькяхъ подержываётъ, онъ во этомъ во листѣ поцитываётъ: хто эту молитву станётъ кажной день цитать, избавлёнъ будётъ муки вѣцьныё.

5) О дѣвѣ и о жыдахъ.

Ходила, гуляла святая дѣва, искала, искала Іесуса Христа; ёй на встрицю попали три жыда, у жыдовъ она спрашывала: куды вы ходили, али вы куды пошли?— Мы были: есь гора крута и высока; на этой на горѣ кряжы рóнены, изъ этихъ изъ кряжофъ цѣркофь строена, въ эфтой цѣрквѣ стоятъ три гроба: первой гропъ—Іесуса

Христа, другой гропъ—Ивана, третей гропъ—святыя Дѣвы. На Іесусовѣ гробѣ Андили поютъ, на Ивановѣ на гробѣ свицьки горятъ, у святыя у Дѣвы на гробѣ цвѣты росцвѣли.

XIV. Свадебныя пѣсни.

1.

Не отъ вѣтру, не отъ вихоря
Верею́шки пошатнулисё,
(этотъ и слѣдующіе стихи повторяются)
Воротёцькя ростворилисё,
На дворъ гости наѣхали,
Молодёць вошовъ во горницю,
Розудаленькёй—во свитлицю.
Тутъ дѣвиця испугаласё,
Въ бѣломъ лицѣ перепаласё,
Голова съ плець покатиласё.
Рѣзвы ноги подогнулисё,
Бѣлы руки опустилисё,
Изъ гласъ слёзы покатилисё,
Во слезахъ-то слово моввила,
Во горѣ рѣць оконцйла:
Вонъ идётъ погубитель,
Вонъ идётъ розоритель мой,
Вонъ идётъ росплетай косу,
Вонъ идётъ потеряй красу!
Такъ отвѣтъ державъ молодець:
Ты не плаць, не плаць, дѣвиця!
Не плаць, доцй отецькяя!
(или доць безотецькяя)
Що не я погубитель твой,
Що не я разоритель твой
И не я росплетай-косу
И не я потеряй-красу,—
Погубитель твой-батюшко,
Разорительниця—матушка,
Расплетай-косу—свахонькя,
Потеряй-красу—дѣвиця,
Ушъ ты доцй отецькяя.

2.

Не было вѣтро́фъ,
(каждый стихъ дважды)
Вдрукъ навіяло;
Не было гостей,
Вдрукъ наѣхало;
Подло́мили сини
Новыё съ переходами,
Росто́пили
Цяшу золотую,
Выпустили
Соловья исъ саду.
Роскливилй
Свѣтъ (имя невѣсты),
Свѣтъ (величавье).
Що (имя жениха) молодець
Уговариваётъ:
Ты не плаць-ко,
Не плаць (имя невѣсты),
Не плаць (величанье)!
Сострою тибѣ
Сини новыё съ переходами;
Я куплю тибѣ
Цяшу золотую;
Поймаю тибѣ
Соловья во садокъ.
Станётъ тебя
По утру будить,
По зорямъ веселить (однажды).

3.

Вьюнъ на водѣ
(каждый стихъ повторяется)
Извиваетцё:
Зеть у воротъ
Убиваетцё;
Проситъ своё,
Своё суженоё:
— Отдайте моё,
Моё суженоё!—
Вывели ему
Ко́ня въ золотой уздѣ.
— Это ли твоё,
Твоё суженоё?—
— Это не моё
И не суженоё!—
Вьюнъ на водѣ
Извиваетцё;
Зеть у воротъ
Убиваетцё;
Проситъ своё
(и проч. до)
Вынесли ему
Соловья на рукахъ.
— Это ли твоё,
Твоё суженоё?—
— Это не моё
И не суженоё!—

Вьюнъ на водѣ
и проч.
Вывели ему
Свѣтъ (имя невѣсты),
Свѣтъ (величанье).
— Это ли твоё,
Твоё суженоё?—
— Это моё,
Моё суженоё!

4.

Ельникъ, березникъ—то ли не дрова?
(подчеркнутыя слова повторяются)
У (имя рекъ) то ли не жена?
Шовкова нитоцькя къ стинкѣ льнётъ,
(Имя жениха и невѣсты) къ сердецькю жмётъ.
Ушъ ты (имя невѣсты) скажи правду свою,
Скажи правду свою: кто тѣ мивъ на роду.
Мивъ мнѣ, милёшенёкъ батюшко мой,
Всѣхъ помилѣе матушка моя.
(Имя невѣсты) моя, что не правда твоя и неистинная
Не смій говорить, моё серцё гнивить!
Ельникъ, березникъ и проч.
Мила мнѣ, милёшенькя матушка моя,
Всѣхъ помилѣе мнѣ батюшко.
(Имя невѣсты) моя! Это не правда твоя и неистинная.
Не смій говорить, моё серцё гнивить!
Ельникъ, березникъ и проч.
Мивъ мнѣ, милёшенёкъ батюшко мой,
Всѣхъ помилѣе (имя жениха) молодецъ.
(Имя невѣсты) моя! Это правда твоя;
Смій говорить, моё серцё веселить.

5.

Яфантъ красёнъ,
(каждый стихъ по 2-жды)
Яфантъ на золотѣ;
Мисецъ свитёвъ,
Мисецъ въ оболокѣ.
Наш-отъ (имя жениха)
Онъ полутше всѣхъ;
Увивъ кудри́,
Упёсавъ волоса.
Матушка ему
Всё наказывала:
— Пойдёшъ, дитя,
На цюжу̀ сторону;
Поднесутъ тѣ, дитя,
Тибѣ цяру вина;
Не пей-ко, дитя,
Эту цяру вина!
Вылей, дитя,
Ты коню въ копыта́,
Щобы твой конь
Поступистіе шовъ;
Щобы твой конь
Погордистіе вёсъ.

6.

Що не яблоцёкъ по горенкѣ катавсё (каждый 2-ды),
Не злацёнъ перстень на блюдѣ россыпавсё.
Нашъ (имя жениха) женитцё снаряжавсё;
Ему матушка головушку цёсала,
Во три ряда ему кудри завивала;
Мати крѣпко ему наказа́ла:
Ты пойдёшъ, моё дитятко, женитцё
На цюжую, на дальную сторонку;
Тибѣ станутъ тамъ дѣфки писни пити,
Що тебя молотця припѣвати,
Тибѣ (имя невѣсты) душу велицяти;
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по рублинкѣ.
Токо много тибѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по повтинкѣ;
Токо много тибѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по гривнѣ;
Токо много тибѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по два гроша.

7.

Не розливайсё, мой тихо̀й Дунай!
Не пущай руцью по цисту полю!
(этотъ и слѣдующіе стихи повторяются)
Въ томъ цистомъ полѣ шовкова трава,
Въ этой травонькѣ бѣла олень,
Бѣла олень—золотыё рога.
Тутъ не гдѣ взявсё (имя жениха) молодецъ
[при повтореніи этого стиха поется:
Тутъ не гдѣ взявсё (величанье)],
Махнувъ оленюшку плётоцькёй;
Я тя, оленюшка, за́стрилю!
— Не стрилей (имя жениха) молодецъ!
Не въ коё время я тибѣ пригожусь.
Станёшъ женитцё, на сварьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освицю,
Всѣхъ вашихъ го̀стеёкъ ро̀звеселю,
Пуще тово (имя невѣсты) розвеселю,
(при повтореніи поется величанье)
Щобы (имя невѣсты) не плакалась,
(вмѣсто повторенія поется)
Щобы (величанье) не гнѣвалась.

8.

Збо́ры, зборы, свѣтъ (имя невѣсты),
Збирала подружокъ во̀ свой домъ;
(слѣдующіе стихи повторяются)

Садила подружокъ за свой стовъ,
А сама садилась выше всѣхъ,
Клонила голову ниже плець,
Думала думушку крипцё всѣхъ.
Подрушки, мои голубушки!
Вы скажыте мнѣ, присовѣтуйте:
Какъ будётъ назвать свёкра батюшка?
Батюшкомъ назвать не хоцёццё,
Свёкромъ назову—осердитцё.
Какъ будётъ назвать свекрофь матушку?
Матушкой назвать—не хоцёццё,
Свекровью назвать—осердитцё.
Какъ будётъ назвать деверей-братцёй?
Дѣверьямъ назвать—осердятцё,
Братьями назвать не хоцёццё.
Какъ будётъ назвать мнѣ золовушокъ?
Золофкамъ назвать—осердятцё,
Сёстрицямъ назвать не хоцёццё.
Какъ будётъ назвать мнѣ (имя жениха)?
(Имя жениха) назвать—осердитцё,
Душецькёй назвать не хоцёццё.
Убавлю спѣси, гордости,
Прибавлю млада смиренева, скромности.
Свёкра назову я батюшкомъ,
Свёкрофь назову я матушкой,
Деверей-то назову я братцями,
Я золовокъ назову сестрицями;
Я (имя жениха) назову душецькёй.
(Вмѣсто повторенія поется:)
(Величанье жениха) назову я: жись моя!

9.

Ушъ вы, гуси, вы, лебеди,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Вы куды вцёрась летали?
— Ушъ мы летали, летали
На синё морё плавати.
— Ушъ вы що тамо видѣли?
Ушъ мы видѣли, видѣли
Сѣрую утицю на морѣ.
— Ушъ вы що её не взели?
Хоша мы её не взели,
Мы её потсмотрили,
Право крылышко заломили.
— Ушъ вы, молотьцй, молотьцй!
Вы, купцй переѣжжыё!
Вы куды вцёрась йздили?—
— Ушъ мы издили, йздили
Ушъ мы зъ города на горотъ.
— Ушъ вы що тамо видѣли?
— Ушъ мы видѣли, видѣли
Красную дѣвицю въ теремѣ.
— Ушъ вы що её не взели?
— Хоша мы её не взели,
Мы её запросватали,
Косу русу росплётали,
Призакрыли буйну голову.

10.

Роскацяласё грушыця
(слѣдующіе стихи повторяются)
Перетъ яблоньцёй стоюци,
Що росплакась дѣвиця
Перетъ матушкой плакуцй:
— Ушъ ты, свѣтъ моя матушка!
Я опъ цёмъ тѣ побью цёломъ,
Опъ цёмъ я подокуцею,
Я цёво у тя буду спрашывать.
Ты скажы-ко мнѣ, матушка,
Ты скажы-ко правду истинну:
Ты на що жо пиво варишъ,
Ты на що приготовлеессё,—
Скоро празницькя не будётъ у насъ,
Это що у тя заводитцё?
Ты не къ празницькю ли годовому?—
— Ушъ ты, свѣтъ моё дитятко,
Моя доцькя отецькяя (или безотетьцяя)!
У насъ сварепка заводитцё.—
— Ушъ ты, свѣтъ моя матушка!
Вы ково жо отдаете,
Или вы ково жёните?—
— Ушъ ты, свѣтъ моё дитятко!
Мы тебя запросватали,
Въ воскресеньё быть дивишнику,
Въ понидильникъ—ко злату винцю.—
— Ушъ ты, свѣтъ моя матушка!
Я о цёмъ тѣ побью цёломъ,
Я о цёмъ буду кланетцё,
Со слезамъ буду молитисё:
Не остафь-ко ты, матушка,
Моево докуцёньиця,
Слезянова, да горькёва!
Вамъ нельзя ли это слѣлати—
Мою сварепку отложыти?—
— Ушъ ты, свѣтъ моё дитятко,
Моя доцй милая!
У насъ дѣло-то здѣлано,
По рукамъ у насъ ударено
И дарамъ всѣ обдарены.

11.

Много, много у сыра дуба,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Много витья и павитья,
Много листу зелёнова;
Только нѣту у сыра дуба
Золотыё вершынушки.
Много у (имя невѣсты) душы

И роду и племени,
И родныхъ и двоюродныхъ,
Только нѣту у (имя) души,
Нѣтъ родимова батюшка.
Наредить-то къ винцю еѣь кому,
Бласловить-то её не кому,
Нѣтъ родимова батюшка,
Нѣту слёски горюціё.

12.

Изъ-за лѣсу, лѣсу тёмнова,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Изъ-за тёмнова, дремуцёва
Вылетало стадо гусей,
Що другоё лебедей стадо.
Отставала лебёдушка
Отъ стада лебединнова,
Приставала лебёдушка
Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебёдушка
По гусиному крыцѣти —
Нацѣли гуси щыпати,
А лебёдушка—крыцѣти:
— Не щыплите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залётала,
Занесло меня погодою,
Погодою—буйнымъ вѣтромъ.—
Отставала свѣтъ-дѣвиця,
Она отъ роду, отъ племени,
Отъ отця и отъ матери;
Приставала свѣтъ-дѣвиця
Ко цюжымъ, незнамымъ людямъ,
Ко цюжому цюженину,
Къ добру, дородному молотьцю.
Не умѣла свѣтъ-дѣвиця
Съ цюжымъ людямъ обходитисё.
Нацѣли люди бранити,
Красна дѣвиця—плакати;
Не браните, добры люди!
Не сама я къ вамъ залётала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони—молодецькіё.

13.

Тысецькёй!
(каждый стихъ повторяется)
Ты цѣсной цѣловѣкъ!
Слышышъ ли ты.
Розумiёшъ ли ты?
Мы тѣ поёмъ,
Цѣсь, хвалу воздаёмъ.
Надо ли тибѣ
Полонъ дворъ живота?
Тысецькёй!
(и проч. до)
Надо ли тибѣ
Полонъ хлѣба анбаръ?
Тысецькёй!
(и проч. до)
Надо ли тибѣ,
Тѣ изба-та съ верхомъ?
Надо ли тибѣ,
Тибѣ пива съ хохломъ?

XV. Игровыя пѣсни:

а) поющіяся при наборѣ дѣвицъ для хоровода.

1.

Заенькё биленькёй,
Ушки давгонькiё,
Ношки коротенькiё!
Зайко въ сторону скоцивъ,
Много солоду купивъ,
Онъ въ другую скоцивъ,
Тутъ рѣка глубока,
Рѣка тиновата,
Рѣка ребиновата;
Що ребинушка цяста,
Цѣлуй молотьця въ уста.

2.

Вы тиги-тиги-тиги,
Гуси, лебеди мои!
Со ржавцинки,
Со болотинки,
Со Дунаю со рѣки
Набѣжали старики:

Это нашъ, это нашъ,
Это нашъ гостенёкъ!
Я ухажывала,
Ухорашывала
Отъ сѣрова вовка,
Отъ лютова звиря.
Я хово люблю—
За себя возьму;
Хово не́ люблю,
Тово не́ возьму.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и бѣгаётъ у насъ;
Кому не́ тошно,
Итти не по що.
Душа—красная дѣвиця!
Поди, выйди за меня!

3.

Гу́лей, гулей, молодечь,
Пока обѣдаётъ отечь;
Отобѣдаётъ отечь,
Нашой писенькѣ конечь.

4.

Вѣникъ да голикъ
Цѣловатцё велитъ.

5.

Ты сарай, ты сарай!
Въ сарай сѣно валятъ;
Сѣно офчи ӣдятъ
Чѣловатчо велятъ.

6.

Воробей скацётъ по полищу,
Молодой скацётъ по слѣдищу,
Выбираюцӣ своёй братьи.
Ой, брацци, мало насъ!.

7.

Воробей скацётъ и проч.
Ой, брацци, много насъ!.

8.

Скацётъ галоцькя по ельницькю,
Ищетъ мевкова березницькю;
Що наѣхали розбойницьки,
Снели съ галоцьки цёрныё сапоги;
Не въ цёмъ галоцькѣ по городу скакать,
Не въ цёмъ цёрной по новому плясать.

9.

Скацётъ заець по болоту,
Нанимаетцё въ роботу;
Онъ теребитъ сибѣ моху,
Затыкаётъ сибѣ ж—у.

10.

Вы ершы, ершы, ершы,
Ершы маленькіё,
Костоватенькіё!
Хто ерша изловитъ,
Тово три расъ цѣ̂ловать.

11.

Сковородникъ, сковородникъ,
Сковородникъ на пецӣ!
Ты не много хлопоцӣ,
Десятоцькя два блинкофъ испеки!
Двоё ходитъ, двоё бродитъ,
Двое сойдутцо, пріобоймутцо, поцѣлуютцо.
Що во старые-те годы
Не бывало такой моды,
Пришовъ нынѣцӣ укасъ—
Цѣловатцё деветь расъ.
Таки расъ, таки расъ!
Хто подманивать горасъ,
Тому рюмоцькя вина,
На закуску—пирошка,
На забаву—дѣвушка̀.

12.

У попа за дворомъ
Пироги съ тварогомъ;
Кабы было съ кѣмъ,
Розломивъ бы, съѣвъ,
Давъ бы милому серётку,
Постылому—конець,
За то ему—конець,
Що удалой молодець.

13.

Що гугу̀, гугу, гугу,
Потерявъ мужыкъ дугу,
Дугу, то́цёную,
Позоло́цёную.
Цю! ребята-те пищатъ,
Не дугу ту ли тащатъ.
Погляжу я въ рѣшето,
Цѣловатцё хорошо;
Погляжу я въ сито,
Цѣловатцё сыто,
Погляжу въ грохотку,
Цѣловать въ охотку.

б) хороводныя:

1.

Какъ на нашой на сторонкѣ (каждый 2-жды).
Хороша угода,
Що хорошая угода:
Хорошъ хмѣль родивсё;
Що хорошой хмѣль родивсё,
Крукъ колышка вивсё,
Вивсё, вивсё, извивавсё
Въ винцй золотыё.
Золотыё винцй вьютцё—
Серебряноё лисьё.
Що серебряноё лисьё,
Жемцюжныё кисти.
— Пойду, млада, въ сатъ, погулею,
Нащыплю я хмѣлю;
Нащыплю я, млада, хмѣлю,
Хмѣлю садовова,
Наварю я, млада, пива,
Пивушка пьянова.
Созову я въ гости гостя,
Гостя дорогова,
Въ гости—гостя дорогова,
Батюшка роднова.
Мой батюшко пьётъ, пьетъ пиво,
До пьяна не напьётцё.
Онъ до пьяна не напьётцё—
Домой соберётцё.
Со двора долой съѣжжаётъ,
Меня оставляётъ,
Меня, младу, оставляётъ
На цюжой сторонкѣ.
На цюжой, дальной сторонкѣ,
Въ цюжыхъ людяхъ жыти,
Во цюжыхъ-то людяхъ жыти,
Всякому служыти,
Що годéю, негодею,
Каждому цѣловѣку,
Цѣловѣку не простому—
Парню холостому.

2.

Що во улицѣ во швецькёй, (по 2-жды)
Въ слободѣ было нѣмѣцькёй
Молодой ямщыкъ гулеётъ,
За собой онъ дѣфку водитъ,
Дѣфку, дѣфку иноземку.
Дѣфка парню говорила,
Говорила, не стыдилась,
Мила дружка не таилась:
Ушъ ты, друкъ ли мой, дружецйкъ,
Серцю радось, жывотоцйкъ!
Ты пойдёшъ, миленькёй, женитцё—
Приворацйвай проститцё;
Привяжы коня ко кусту,
Къ этому кусту калинѣ;
Ты накушай, моя радось,
Горькой ягоды калины!
Каково кушать калину,
Таково жытьё за старымъ.
Що у старова у мужа
Не грозы нѣту, ни воли,
Отъ людей нѣтъ обороны,
Отъ семейницькёфъ—застои;
Ево люди мало знаютъ,
Господа не поцйтаютъ.—
Що во улицѣ во швецькёй (и проч. до).
Привяжы коня ко кусту,
Къ этому кусту малинѣ,
Ты накушай, моя радось,
Слаткой ягоды малины!
Каково кушать малину,
Таково жытьё за ровнёй;
Що у ровнюшка у мужа
И гроза—та есь и воля,
Отъ людей есь оборона,
Отъ семейницькёфъ застоя.
Ево люди много знаютъ,
Господа всѣ поцитаютъ.

3.

Въ саду дѣфки гулели.
Калина, малина!
Въ саду красны гулели и проч.
Онѣ рвали цвѣтоцьки и проч.
Онѣ вили вѣноцьки и проч.
Онѣ въ рицькю кидали и проч.
Завѣтъ завѣщали и проч.
Хто въ Дунай-рицькю скоцитъ и проч.
Хто вѣнокъ перевернётъ и проч.
За тово замушъ выйду и проч.
Тутъ кидавсё, бросавсё и проч.
Тутъ старой старицйщо и проч.
Старой мушъ мнѣ не ровня и проч.
Мнѣ не пара любая и проч.
Охти, матушка, горе! и проч.
Государони, горё! и проч.
За стара замушъ нейду и проч.
Прикажы розоттисё и проч.
Прикажы развестисё и проч.
Въ саду дѣфки гулели и проч.
Тутъ кидавсё, бросавсё и проч.
Младой мушъ мнѣ и ровня и проч.

Мнѣ и пара милáя и проч.
За ево замушъ выйду и проч.
Охти, матушка, радось! и проч.
Государони, радось! и проч.
Прикажыте пожалуй и проч.
По праву руцькю стати и проч.
За праву руцькю взети и проч.
Во уста цѣловати.

4.

Заенькё, поскаци! Сиренькёй, попляши!
Онъ взявъ себя за бока. (2-жды).
Заенькё младушы! Сиренькёй младушы!
Крўшкомъ, боцькёмъ повернись!
Не куды заенькю выскоцить, не куды сѣрому выпрянути,
А другому заскоцить.

5.

Мы просу ту сіели, сіели.
Ой дида, ладушка!
(послѣ припѣва послѣднія слова повторяются)
А мы просу ту вытопцёмъ и проч.
Ужо вы цёмъ вытопцёте? и проч.
Мы коней выпустимъ и проч.
А мы коней-то въ хлѣфъ запрёмъ и проч.
А мы коней-то выкупимъ и проч.
Ужо вы цёмъ жо выкупите? и проч.
Мы вамъ дадимъ сто рублей и проч.
Намъ не надобно тысеця и проч.
Ужо що жо вамъ надобно? и проч.
Ужо намъ надобно дѣвиця и проч.
Вамъ которая надобно? и проч.
Ушъ намъ надобно крайняя и проч.
У насъ крайняя въ золотѣ и проч.
Отворейтесё, вӧрота! и проч.
Нашова повку-ту прибыло и проч.
Нашова полку-ту убыло и проч.
А мы вецёръ скакали и проч.
А мы вецёръ плакали и проч.
А мы вецёръ цёй пили съ кофеёмъ и проч.
А мы вецёръ цятъ пили съ копотьёй и проч.

6.

Вдоль было по травонькѣ, вдоль по мурафкѣ.
Лёли, лёли, лёлюшки.
(повторяются послѣднія слова и припѣвъ)
Тутъ ходитъ, гулеётъ удалой молотьцйкъ и проч.
Клицётъ, выкликаётъ красную дѣвицю и проч.
Поди, выйди, дѣвиця, за ворота и проч.
Со мной, со молотьцйкомъ, постоети и проч.
Со мной, со удаленькимъ, рицъ говорити и проч.
Що дѣвиця къ молотьцу выходила и проч.
Що дѣвиця съ молотьцёмъ рицъ говорила и проч.
А я тебя, молодець, обесцёщу и проч.
При всёмъ при мірѣ, при народѣ и проч.
При всёмъ дивицьёмъ караводѣ и проч.
Що дѣвиця молотьця оборо́ла и проч.
Пуховую шляпоньκю долой сшыбла и проч.
Русыё кудерецькя ростpепала и проч.
Цистыё пугофки ростегала и проч.
У кафтана бо́рики всѣ примяла и проч.
Зма́зныё сапоженьки въ гресь втоптала и проч.
Со всѣмъ молотьця обругала и проч.
Пӧшовъ, пошовъ молодець, самъ заплакавъ и проч.
На що меня матушка спородила и проч.
Несцѣсливой долюшкой надѣлила и проч.
Меня красна дѣвиця пристыдила и проч.
Вдоль было по травонькѣ, вдоль по мурафкѣ (и проч. до)
Що дѣвиця молотьцю рицъ говорила и проч.
Прости меня, молодець, виновату и проч.
А я тебя, молодець, не узнала и проч.
Пуховую шляпонькю въ руцьки брала и проч.
Русыё кудерёцькя упёсала и проч.
Пуховую шляпонькю надѣвала и проч.
Цястыё пугофки застега́ла и проч.
У кафтана борики поправляла и проч.
Змазныё сапоженьки вытирала и проч.
Совсѣмъ добра молотьця снаредила и проч.
Пошовъ,пошовъ молодець,взвеселивсё и проч.
Во всѣ цётыре стороны поклонивсё и проч.
Спасибо, що матушка спородила и проч.
Пресцёсливой долюшкой надилила и проч.
Меня красна дѣвиця снаредила.

7.

Груня, Груня, Груня, Груня, Груня, Груня ягода моя! (2 жды).
Лёли, лёли, лёли, лёли, лёли.
Росповадилась Груняша цясто по воду ходить и проч.
Цясто по воду ходить, по задворью воду лить и проч.
По задворьямъ воду лить, къ Олексію заходить и проч.
Къ Олексію заходить, Олексіюшка будить и проч.
Ветань, Олёша, пробудись, на меня, младу, не сердись и проч.
А я, млада, не сердита, Олексія люблю свѣтъ и проч.
Я заплацю, зарыдаю, всё Олёшу вспоминаю и проч.

Какъ у Груниныхъ воротъ стоитъ озеро воды и проч.
Стóитъ озеро воды, молодець коня поивъ и проч.
Молодець коня поивъ, къ верею́шкѣ становивъ и проч.
Къ верею́шкѣ становивъ, къ колецю́шку привязавъ и проч.
Къ колецю́шку привязавъ, самъ Груняшѣ наказавъ и проч.
Ушъ ты, Груню́ша, Груня̀, збереги моево коня и проч.
Збереги моево коня, не порвавъ бы повода̀ и проч.
Повода̀ шовковыё, стремяна золóцёны и проч.
Стремена золоцёны, верею́шки тоцёны и проч.
Напишу я грамотку по бѣло́му бархату и проч.
Отошлю я грамотку въ Сибирь горотъ батю́шку и проч.
Въ Сибирь горотъ батю́шку, ко родимой матушкѣ и проч.
Родимáя моя мать, позволь доцёрѣ гулять! и проч.
Гу́лей, гулей, дитятко, гулей, цядо милоё, и проч.
Пока волю́шка своя, не росплетена коса, и проч.
Не росплетена коса, не покрыты волоса! и проч.
Покроéтцё голова, минуётцё вся гульба и проч.
Минуётцё вся гульба, всѣ отступятцё друзья и проч.
Вотъ какъ Груню́ша идётъ, ровно павушка плывётъ и проч.
Какъ на Груню́шѣ перо шесьдесять рублей дано и проч.
Що фтороё-то перо семитысешноё и проч.
Какъ на Грунѣ сарафанъ повтораста ру́блей данъ и проч.
Що третьеё-то перо исъ Парижа везено и проч.
Исъ Парижа везено, милымъ дру́шкомъ дарено и проч.
Милымъ друшкомъ дарено, цѣловатцё велѣнò.

Дороженьки не тори, худой славы не клади.
Худа славушка пройдётъ, нихто замушъ не возьмётъ:
Що не баринъ, не купець, не удалой молодець;
Ётцю, матерѣ бесцёсьё, роду племени юкоръ,
Роду племени юкоръ, стытъ, головушку долой.
Стытъ, головушку долой, мнѣ нельзя притти домой.
Мнѣ нельзя притти домой, сказать матушкѣ родной;
Скажу такъ, скажу сякъ, скажу эдакъ и вотъ—такъ.
Скажу: въ садикѣ была, во зелёномъ гуляла̀,
Слатки яблоцьки щыпала всё налифцятыё,
Всё налифцятыё, слатки россыпцятыё,
На бѣлоё блюдо клала, на серебряной подносъ,
Къ милу друшку отсылала во высокой во терёмъ.
Милой яблоцькёфъ не принявъ, ницёво не говоритъ:
Не отказываётъ, не приказываётъ.
Ушъ я топнула ногой, сама съ терема долой,
Сама съ терема долой, оставайсё, цёртъ съ тобой!
Оставайсё, цёртъ съ тобой, не ломайсё надо мной!
Не ломайсё надо мной, надъ дѣвицьёй красотой!
На перву ступень ступила—призадумаласё,
На фторую-ту ступила—вороцюсь, млада, назать,
Друшку выговорю, въ глаза выругаю:
Ты послушай-ко, невѣжа, погадай, негодей!
Я за що тебя люблю, за що жаловать хоцю?
Я за то тебя люблю, що на ноженькю легокъ,
Що на ноженькю легокъ, на босу ногу сапокъ,
На босу ногу сапокъ, во повноць гулеть готофъ.
По уму-ту ты—невѣжа, по разу́му—простота.

8.

Веселáя голова, не ходи мимо сада,
Не ходи мимо сада, не прокладывай слѣда,
(этотъ и слѣдующіе стихи повторяются)

9.

Въ лѣсъ пошли, въ лѣсъ пошли, въ лѣсъ за ягодами.
Сѣю—вѣю, вѣю вью.

Онѣ яготъ не набрали, подрушку потеряли и проч.
(Послѣ припѣва послѣднія слова стиха повторяются).
Потеряли жо подрушку Катеринушку и проч.
Ты, ау, ау, Катюша, ау, милая моя! и проч.
Не въ лѣсу ли заблудилась, не въ травѣ ли заплелась? и проч.
Кабы въ лисѣ заблудилась, лѣсъ ко землѣ приклонивсё и проч,
Кабы въ тра́вѣ заплелась, трава шовкова свилась и проч.
Кабы въ водѣ потонула, свѣжа вода возмутилась и проч.
Я пойду ли по тропинкѣ, я найду ли деревинку и проч.
Потъ Ели́ною кровать, кравать новенькяя и проч.
Кровать новенькяя, ростесовенькяя и проч.
На кроватѣ перина пуховенькяя и проч.
На перинѣ—Катерина, перетъ нёй стоитъ дитина и проч.
Перетъ нёй стоитъ дитина — Ивану́шкосиротина и проч.
Катю спрашываётъ, уговариваётъ и проч.
Роскатюшецькя моя, скажи: любишъ ли меня? и проч.
—Я любитъли не люблю, нагледитцё не могу.

10.

Дѣвушки въ садикѣ гулели, забавныё цьвѣты рвали,
Цвѣты рвали, сорывали, вѣнки вили, совивали (каждый стихъ 2-жды).
Вѣнки вили, совивали, на голофку надѣвали,
На голофку надѣвали, сами себя украшали,
Украшали, наряжали, итти домой опоздали,
Опоздали, пріуетали, потъ кустоцькёмъ отдыхали,
Потъ кустоцькёмъ отдыхали, гдѣ охотники гулели.
Гдѣ охотники гулели, злы собаки набѣжали,
Злы собаки набѣжали, меня, младу, испугали.
На ту пору, на тотъ цясъ мой милéнькёй наѣжжавъ.
Мой милéнькёй наѣжжавъ, со добра коня слазавъ,
Со добра коня слазавъ, коня къ яблонѣ вязавъ,
Коня къ яблонѣ вязавъ, ко дѣвушкѣ потбѣжавъ.
Ко дѣвушкѣ потбѣжавъ, слово дѣвушкѣ сказавъ.
Дѣфка парню говорила: одново тебя любила,
Одново тебя любила, лицё бѣлоё открыла;
Лицё бѣло, припотѣло, розгулетцё захотѣла.
Пойду зъ горя въ гореньку, сяду я на лавоцькю,
Сяду я на лавоцькю, возьму я гитароцькю,
Стану, буду я играть, буду дру̂шка припѣвать.
Хорошо нашымъ рѳбятамъ въ Москвѣ пожылосё,
Въ Москвѣ пожылосё, прибогатилосё;
По торгамъ цясто гулели, серебро на мить минели,
Серебро на мить минели, муку, солотъ закупали,
Муку, солотъ закупали, брагу пьяную варили,
Брагу пьяную варили, въ погребахъ довго томили.
Що Ивану нѣтъ талану, скоро осень подошла,
Скоро осень подошла, зима холодная пришла,
Зима вьюжыстая, зима метялистая;
Зима вьётъ и метётъ вдоль по городу идётъ,
Вдоль по городу идётъ, ко дѣвицѣ во садокъ;
Що у дѣвушкѣ въ садоцькѣ повызнобило,
У красавицй сердéцюшко повысушыло.

Слѣдующія пѣсни поютъ, ходя кругами по деревнѣ. Ихъ же поютъ на вечеринкахъ сидя.

11.

За годоцикъ моё серцё слы, моё серцё слы, серцё слышало,
За нидилюшку оно повѣ, серцё роспов, мнѣ повѣдало.
Собирастцё миленькёй въ доро, миленькёй въ доро, во дороженькю.
Не во дальнюю миленькёй, тошнё, мнѣ тошнёшенькё.
Провожала я ли друшка ми, я ли друшка ми, друшка милова,

Я до городу ли ево до Дани, ево до Дани, до Данилова,
До заставушки ли ево до моско,ево до моско,ево до московскіё.
На заставѣ съ милымъ расстава, съ милымъ расстава, съ милымъ расставалисё.
Всѣ-те намъ люди удивле, люди удивле, люди удивлелисё:
Это що стоитъ за па, що стоитъ за па, що за пароцькя,
Що не мужъ съ женой стоитъ, не братъ, не мушъ съ женой, не братъ съ сестрой;
Али молодець стоитъ со дѣ, молодець со дѣ, молодець со дѣвицёй.
Говоривъ-то миленькёй, нака, миленькёй нака, онъ наказывавъ;
Цёсью, лесью милой угова, милой угова, милой уговаривавъ:
Посмирнѣе жыви, моя лю, моя лю, моя любушка;
По смирнѣе жыви, постепе, жыви постепе, жыви постепеннѣе.
Я наказу милова не слу, милова не слу, не послушала.
Съ ынымъ съ милымъ дѣфка поводи, дѣфка поводи, дѣфка поводиласё,
Поводяфшы скоро розбрани, скоро розбрани, скоро розбраниласё.

12.

Эко серцё, эко бѣдноё моё!
Тибѣ повно-ко, серцё, ныть и изнывать!
(Этотъ и слѣдующіе стихи повторяются).
Моему-то серцю въ покоѣ не жывать,
Въ беспокойцику приключцёетцё болѣсь.
Що болитъ-то, болитъ розбуйная голова,
Не гледятъ то ли на свѣтъ розвесёлыё глаза;
Що не видятъ жо съ неба совнешныхъ луцёй.
Изъ луцёй-то ли, луцёй подымаетцё туманъ,
Исъ туманику цястой дожжыцёкъ идётъ;
Дошъ прибивъ, дошъ примоцивъ въ полѣ шовкову траву—
Не берётъ травы славна риская коса.
Сѣнокосила красна дѣвица-душа;
Красной дѣвицѣ сѣнокосъ на умъ нейдётъ,
Миткалинова рубашка къ тѣлу льнётъ.
Красна дѣвица сѣнокоситъ, слёзы льётъ—
По прокосиву доброй молодець идётъ.

13.

Весной дѣвушки гулели въ караводикѣ на лушку;
(Послѣднія слова каждаго стиха повторяются).
Онѣ писеньку запили, милой жалосно внимавъ,
Милой жалосно внимаётъ, рицъ забавную говоривъ.
Рицъ забавную такую, деревенькю всё бранивъ:
— Ты, проклятая деревня, за цёмъ сушышъ кажной цясъ?
За цёмъ сушышъ, за цёмъ крушышъ удалова молотьця,
Удалова, молодова, Ярославскова купця?—
Не деревня парня сушытъ, сушытъ дѣвушка-душа;
Сушытъ дѣвиця милая, уродилась хороша:
Ростомъ средня, лицёмъ бѣла, розвесёлыё глаза.
— Нѣтъ на свитѣ горя болѣ: жыть со миленькимъ въ роздоръ.
Роздоръ въ люди не явлю я, у судьбы щасья прошу:
Ты, судьба ли моя премилая, здѣлай милось для меня!
Здѣлай милось, такую радось: выйди замушъ за меня!
— Ушъ я рада бы за тя вытти, топерь воля не моя.
Въ эфтой волѣ есь и болѣ: родной батюшко у меня.
Я у батюшка спрошуся, у матушки доложусь;
Ежели батюшко меня позволитъ, родна матушка за мушъ отдасъ.
Позволеньё мать дала мнѣ, друшка въ гости я позвала.

14.

Вы прощайте-ко, дѣфки, бабы, намъ топерецй, дѣвушки, не до васъ;
(Послѣднія слова каждаго стиха повторяются).
Намъ топерецй, дѣвушки, не до васъ: во салдатушки нынѣци ладятъ насъ.
Это що жо въ году за мисець—ноцьёй свититъ, а днёмъ и нѣтъ?
Это що жо такой за милой—лѣтомъ любитъ, а зимой и нѣтъ?
Для тово-то зимой онъ меня не любитъ, що зимушка-то кажотцё холодна,
Зимушка студёная, ему холодно стало ходить.
Ему холодно стало ходить, ему нецёво стало носить:

Одна синяя, синяя сибирцёнько, всю по пбсёткамъ истаскавъ;
Шуба рваная, рваная бесъ кармана, бесъ подошофъ сапоги.
Ты купи-ко сибѣ, милбй, сапошки, мнѣ — сафьянныё красныё башмаки.
Ты ко мнѣ-то ходи, милбй, въ сапошкахъ все на утренней на зорѣ.
Що на то-то милой осердивсё—ко мнѣ въ гости-те не бывавъ.

15.

Захотѣлосё провѣдать, гдѣ любезная ж ы в е т ъ.
(Въ стихѣ послѣднее слово повторяется).
Гдѣ жывётъ, гдѣ жывётъ моя милая, тамъ весёла сторона.
Тамъ весёла, тамъ весёла и гуллива розливаласё вода,
Розливалась, ростекалась, съ крутымъ берешкомъ ровна.
Я на эту пбльнь-воду, польнь-воду лёхку лотоцькю куплю,
Лёхкую лотку бѣлозёрку, перѣду за рѣку,
Перѣду, перѣду, жыть уѣду, тамъ повыстрою теремъ.
Тамъ построю, тамъ построю, весь покрою со шырокимъ со дворцёмъ,
Со шырокимъ со дворцёмъ, съ государевымъ крыльцёмъ.
По крыльцю ноги не ходятъ, глаза на свѣтъ не гледятъ.
Я не вирила подрушкамъ, поцёму милова жаль.
Я сама стала гулеть, — стала милова жалѣть.
Съ пецяли, сожалѣнья серцё сохнётъ, со пецёли груть болитъ.
Нѣтъ на свитѣ тово хуже—со женатыми гулеть:
Що женатой—воръ проклятой, ево жись оцёнь бѣдна.
Ево жись оцёнь бѣдна, у ево жена вольна.
У ево жена вольна, съ первыхъ дёнъ съ мужа волюшку сняла,
Съ мужа волюшку сняла, не опуститъ не куда.
Не опуститъ жена мужа на улицю погулеть;)
Хоть опуститъ, зъ глазъ не спуститъ, всё во слѣтъ за нимъ гледитъ.
Она во слѣтъ, всё во слѣтъ за нимъ гледитъ, и ругаётъ и бранитъ,
И ругаётъ и бранитъ, мною, дѣвушкой, коритъ:
Ты, молоденькя дифцёнко, за цёмъ мужа отняла?—
— Ты, бабёнка—курва-плёха. обесцёстила дѣвушку меня!
Стану друшку говорить, сво-ётъ умъ переминить:
Ушъ ты, друкъ-ли мой любезной, уними свою жену!
Ты не станёшъ унимать, я отстану отъ тебя;
Ты не станёшъ жены быть, перестану тя любить.
Я отстану, перестану, холостова полюблю.
Холосто-ётъ—парень бравой, какъ соковъ въ полѣ летавъ.
Политѣвъ соковъ домой съ полуноцй на покой,
Съ полуноцй на покой, нѣтъ заботы у парня никакой.
Есь у мблотьця забота, красна дѣвиця сушытъ;
Красна дѣвиця сушытъ, она женитцё не велитъ.
Нѣтъ на свитѣ тово лутше: холостова полюбить,
Холостова полюбить, за любофь съ парнёмъ пожыть.

16.

Цюю, миленькёй крушытцё жавкимъ с е р ц ё м ъ о б о м н ѣ;
(Въ стихѣ послѣднія слова повторяются)
Тибѣ пора, яснбй, открытцё. скажу, миленькёй, тибѣ:
Не теряй красы понапрасну, не томись, пріятель мой!
Время важноё проходитъ, всё пройдутъ драгіё дни,
Всѣ денёцьки на проходѣ, быстрыё рицьки протекутъ.
Протекали быстры рицьки со мевкими руцейкамъ,
Съ мевкими не съ большыми во темныё во лѣса.
Во лѣсу красы не стало, съ древофъ лисьё опадётъ;
Опадутъ съ древофъ листоцьки, съ милымъ нѣжнось отойдётъ,
Отойдутъ съ милымъ гуленья,—не видатцё никовда.
Мы увидимся съ любезнымъ у сусѣда въ вецёру.
У сусѣда въ бесидѣ примицёютъ и гледятъ,
Примицёютъ, люди баютъ, и ругаютъ и бранятъ.

И ругають и бранять во глаза друшкомъ корятъ;
Во глаза друшкомъ корятъ, любить друшка не велятъ.
Не отстану, я любить стану до цюжыё стороны.
До цюжыё, до дальныё, до замужья своево,
До замужья своево, до злодія мужыка.
Погулею топерь въ дѣфкахъ, пока волюшка своя,
Пока волюшка своя, не покрыта голова.
Покроётцё голова,— минуётцё вся гульба,
Вся минуетцё гульба, всѣ отступятцё друзья.
На цюжой, дальнёй сторонкѣ веселѣе съ милымъ жыть,
Веселѣе, посмилѣе съ йимъ по празницькямъ гулеть,
Съ йимъ по празницькямъ гулеть, сибѣ обновы закупать.
Слышу вѣеку про милова — мивъ сердитой на меня.
Проторивъ милой дорошку, переставъ ко мнѣ ходить.
Пропуставъ худую славу, переставъ меня любить.
Онъ купивъ на грошъ гостинця — стало жавко подарить.

17.

Вецёръ, лапушка, бывъ я въ гостяхъ у тебя,
(каждый стихъ дважды);
Не узнала жо поздо, лапушка, друшка,
Отсылала жо парня проць отъ себя:
Ты поди, парень, поди, душецькя, проць!
Я—топерецй богатова купця доць!
Простоявъ бы я у калитки день и ноць,
Полюбивъ бы я богатова купця доць.
Со тыё поры, какъ дуютъ вѣтры со горы,
Со тыё горы въ бѣлокаменной Москвы,
Ушъ какъ вдоль Москвы шла Машенька хороша,
За собой вела Маша ворона коня.
Що вороной конь разманѣжывсё, нейдётъ,
Перетъ Машенькёй конь копытамъ землю бьётъ;
Землю бить не бьётъ, онъ на Машѣ платьё рвётъ;
Платьё рвать не рвётъ, только страсъ Машѣ даётъ.
Не боюсь, Маша, я воронова коня,
Боюсь, дѣвушка, я любезнова друшка.
Не боюсь друшка, боюсь, бы слава не прошла.
Пройдётъ славушка,— вся минуётцё гульба:
Догадаетцё родна матушка моя,—
Не опуститъ меня дѣфку никуды.

18.

Гулю, гулю ты, мой голубоцйкъ!
Гулю сизой ты, мой воркуноцйкъ!
(этотъ и слѣд. стихи по 2 раза)
Не летай-ко ко мнѣ, голупь, въ садоцйкъ,
Не садись-ко ты на мой кустоцйкъ,
Ты не пой-ко ли въ садикѣ писенъ!
Мнѣ-то бесъ писенъ дѣвушкѣ тошно,
Позабыть-то горюшка не можно.
Кабы мнѣ-то, дѣфкѣ, прежня воля,
Прежняя воля, лехко крыльё,
По поткрылью-ту мелкоё перьё,—
Я снялась бы, дѣфка, политѣла,
Политѣла бы въ цйстоё полё,
Въ цйсто полюшко, на свою на волю.
Находитцё бы милому за мною,
За моёй-то косой за русою,
За дѣвицьёй моёй красотою.

19.

Роскрасавиця ли ты моя!
Изволь вывѣдать у молотьця ума;
(Послѣднія слова каждаго стиха повторяются).
Какофъ умъ, разумъ, есь обыцяй у друшка.
Я по перво-ётъ годокъ во любвѣ съ нимъ пожыла.
На друго-ётъ годокъ много славы приняла.
На третьёй годокъ сиротинушкой слыла.
Сиротинка-та вдоль берешку гуляла,
Моётъ миленькёй по другой шолъ сторонѣ;
Милой проситцё цёресъ рицёнькю ко мнѣ.
Ушъ какъ я ли. молода, не присвоила къ сибѣ,
Не присвоила друшка, рознегодным назвала.
Ты—такой мальцйкъ рознегодной цёловѣкъ!
Отъ такіё ты отъ красавицй отставъ,
Ты какую жо негодейку любить ставъ!
— Ушъ я шовъ жо, прошовъ всѣ-те уѣзны ґорода,
Не нашовъ хуже савдатскова жытья.
— Я за то-то друшка въ савдаты отдала,
Во савдатушки друшка во рекрутской вонаборъ;
Во савдатушкахъ даютъ жалованья,
По три денёшки на сутоцьки придётъ,
По семи жо гривенъ на мисець выдаютъ.
Ты хоть пѣй, гулей, хоть обновы заводи,
Хоть ты любушкѣ своёй гостинцйки неси.

20.

Слышно было исъ деревни про рекрутской про наборъ

Пишотъ, пишотъ намъ родитель, штобы ѣхали домой (каждый 2-жды).
Насъ три братця ли собралисё на поцьтовоётъ новой дворъ.
Дѣлать нецёво, робята, нанелй тройку лихихъ;
Тройка кони ли вороныё со нещасным сѣдокомъ.
Молодой куцяръ, Ванюша, шевельни тройку вожжамъ!
Блиско къ дому подъѣжжали, серцё выныло изъ насъ
Мы въ избушку вобралисё, поздоровались со всѣмъ.
Наша матушка родная на пецѣ замертво лежытъ;
Сестрицй однокровны у порошку всѣ ревятъ;
Нашы жоны молодыё всѣ по лавоцькамъ сидятъ;
Нашы милыё подрушки всѣ изъ горенокъ гледятъ.
Нашъ родитель, старикъ старой, во слезахъ рицъ говоривъ:
Ушъ вы, дити мои, дити, однокровныё мои!
Заутрà васъ, мои дити, во савдатушки вести.
Дѣлать нецёво, робята, давай жеребей сей цясъ!
Наша оцѐреть рекрутство — меньше станёмъ горевать!

21.

Ты не плацъ-ко, дѣвушка милая!
Не плацъ, лапушка, дѣвушка м о я!
(Черезъ стихъ въ стихахъ послѣднее слово повторяется).
Отъ цёво-то моё серцё страдаётъ,
Отъ цёво жо пылаётъ въ лицѣ крофь!
Крофь пылаётъ, въ лицѣ розгораётъ, розожжотъ
Прежестокая съ миленькимъ любофь;
Злая скука, съ миленькимъ розлука тяжола,—
Всю волюшку, волю отняла,
Всю волюшку, волю дорогую.
Нагулетцё съ миленькимъ не дала,
Нагулетцё, съ милымъ наигратцё,
Во любвѣ-то со миленькимъ пожыть.
Нищо дѣвушку не удержытъ,
Нищо красную гулеть неуймётъ:
Не погоды, зимой не морозы,
Не осенніё цястыё дожжы.
Развѣ это дѣвушку удержытъ:
Розольютцё быстрыё рѣки,
Розольютцё всѣ рики, озёра,
Принаповнятцё крутыё берегà.
Промежу тѣмъ крутымъ бережецькамъ
Луговинка зелена;
Що на этой луговинкѣ
Зелёнъ садикъ выростаётъ;
Що въ этомъ было во садецькѣ
Алы цвѣтики, цвѣты росцвѣли.
Цвѣли цвѣтики, цвѣтоцьки росцвѣтали,
Насъ съ миленькимъ друшкомъ розвели.

22.

Що болитъ-то, болитъ сердецюшко,
Болитъ больно р е т и в о̀.
(Черезъ стихъ въ стихахъ послѣднее слово повторяется).
Любивъ-то, любивъ мальцйкъ дѣвушку,
Самъ спокаявсё злодій.
Спокаяфшысь, доброй молодецъ
Съ дѣвушкой рицй говоривъ:
— Скажы, дѣфка, скажы, красная,
Скажы: любишъ, али нѣтъ?—
— Я любить тя не люблю,
Нагледитцё не могу,
Нагледитцё, насмотритцё
На твоё бѣло лицё.
Що твоё-то ли лицё бѣлоё
Ровно биленькёй снѣжокъ;
Що твои-те щоки алы
Ровно розовой цьвѣтокъ.
— Що твои-то ли брови цѐрныё.
Розвесёлыё глаза,
Розвесёлыё глаза
Приманили молотьця.
Ты гледи-ко ли, примицёй, любезная,
Пока я у тя въ глазахъ.
Я исъ гласъ-то выйду вонъ у дѣвушки,—
Не видатцё никовда,
Не токмя видать любезнова,
Голосоцькю-ту не слыхать.—
Въ цистомъ полѣ при долинушкѣ
Луговинка зеленà.
Що на этой луговинушкѣ
Ребинýшка стоялà.
Що на этой на ребинушкѣ
Соловей громко поётъ.
Ты не пой, не пой, соловушко,
Жалобнёшенькё въ саду!
Не давай тоски, назóлушки
Сердецюшку моему!
Що и такъ моё ретивоё
Принатеѣлосё съ тоски,
Принатеѣлось, изболѣло,
Безъ милóва жывуцй.

23.

Сѣсти было на лавоцькю подъ окошецькё,
(Въ стихѣ послѣднія слова повторяются).
Погляжу въ окошецькё на улицѣ дошъ,
На улицѣ цистой дошъ, во полѣ туманъ,
Во полѣ большой туманъ, затуманилось,
Сидитъ красная дѣвиця, запецялилась.
Сказали мнѣ, дѣвушкѣ, весь нерадошну,
Не радошну вѣстоцькю про любезнова.
Сказали про милова — мивъ побитъ лежытъ.
За що мивъ побитъ лежытъ, знать у дѣвокъ бывъ,
У дѣвушокъ, у голубушокъ, у подрукъ своихъ.
Говорила я милому, наказывала:
Отстань, отстань, миленькёй, процъ отъ дѣвушокъ,
Отъ дѣвушокъ, отъ голубошокъ, отъ подрукъ своихъ.
Развѣ я тибѣ, миленькёй, не въ любвѣ пришла,
Не въ любвѣ любезному, знать не поправилась.
Спомни, здумай, миленькёй, про свыканьицё!
Свыкалисё съ миленькимъ во цистомъ полѣ,
Во цистомъ во полюшкѣ при всёй волюшкѣ,
При всёй волѣ вольною потъ берёзою.
Потъ бѣлой берёзою цястъ ровитофъ кустъ;
Що во этомъ кустикѣ кокушка сидитъ.
Не кокуй, кокушецькя, жалобнёшенькё!
Не плаць, не плаць, дѣвушка, мнѣ жыть тошнёшенькё.

24.

Сторона, моя сторонка, незнакомая моя!
На тибѣ, моя сторонка, нѣтъ не матери, отця (2-жды каждый);
Во вторыхъ на тѣ, сторонка, нѣту милова друшка.
Во слезахъ я засыпала, друшка видѣла во снѣ;
Какъ прочнулась, воздохнула, закипѣла крофь во мнѣ...
Я милому говорила, любезному своему:
Если я вамъ не по нраву — сошли съ своёй стороны!
Сходи, милой, въ кабинетикъ, возьми въ руцьки пищалетъ;
Возьми въ руцьки пищалетикъ, прострилико груть мою,
Груть, сердецькё ретивоё, — я на вѣки буду спать,
Буду спать, опоцйвати отъ любви твоіё.
Ты прили на гропъ проститцё, пожалій хоть обо мнѣ!
Напишы на гробѣ натпись, що любила однову;
Я любила и жалѣла любезнова своево.
Я топерицй узнала, що смѣёссё надо мной, —
Смѣйсё, смѣйсё, злодій, варваръ, смѣйсё совѣсти своёй!
Смѣйсё совѣсью своёю надъ Дуняшой вдовиною!
А Дуняша вдовиная уродилась въ горькёй цясъ.

25.

Всё гуленьё миновалось, нѣтъ радости съ миленькимъ нацясъ;
(Черезъ стихъ послѣдня слова въ стихахъ повторяются)
Нѣтъ радости въ едномъ цясѣ, вышовъ миленькёй изъ гласъ.
Кой я день друшка не вижу, я мѣшаюсё, глупая, въ умѣ;
Я мѣшаюсь, сокрушаюсь по любезномъ по своёмъ друшкѣ;
На тѣхъ мысляхъ спать ложылась, очкнуласё я въ горѣ, во тоскѣ...
Пойду съ горюшка въ долинку, сама сяду я, Маша, въ руцёёкъ,
Сама сяду въ руцёёцйкъ на крутенькёй бережокъ.
Я сама сибѣ дивлюся, куды бѣгу я скоро, тороплюсь.
Прещасливой Машынъ выхотъ: мивъ стоитъ передо мной!
Мивъ стоитъ передо мною, говоривъ-то милой рицй со мной.
Спомни, злодій, варваръ, какъ во первой расъ ко мнѣ пришовъ; —
Клявсё совѣсью, божывсё, хотѣвъ вѣцьно дѣвушку любить!
Ты топерецй оставлеёшъ на проклятой здѣшной сторонѣ;
Здись проклятая сторонка, пересудливой такой наротъ;
Що россудятъ, розлуцёютъ насъ съ любезнымъ-то, съ миленькимъ друшкомъ.

26.

Ходивъ, гулявъ Ваня при долинѣ,
Любивъ Ваня трехъ подружокъ:
(Каждый второй стихъ повторяется весь).
Первую — Сашу, другую — Парашу,

Третьюю душецькю Дуняшу.
Ку́плю я Сашѣ въ косу ленту,
Я Парашѣ—злацёнъ перстень,
Своёй душецькѣ Дуняшѣ—
Шаль терновую съ цвѣтами.
Носи, Дунюшка, наряжайсё,
Мной, Ванюшой, выхваляйсё!
Ковда станёшъ Ванёй выхвалятцё,
Намъ съ тобою не растатцё.
Подлѣ бок-отъ было у сусѣда,
Собиралаcё бесѣда;
Много молотьцёфъ было хорошыхъ,
Одинъ Ваня кудреватой,
Съ ноги на ногу ступаётъ,
Изъ ума меня пытаетъ:
Выйди, Дуня, на крылецькё,
Промовви со мной словецькё!
Я принёсъ тѣ прениць кёфъ, рожецькёфъ,—
Позабавимсё съ дружецькёмъ!
Про насъ люди говорили,
Тебя мнѣ любить не велили.

27.

Вы, премилые подруженьки, придите ко
 ко мнѣ!
(Послѣднія слова каждаго стиха повторяются).
Вы придите, посидите, подумайте обо мнѣ!
Подумайте, погадайте объ несчасной дѣвушкѣ,
Объ несчасной опъ такой, какъ мнѣ лѣто
 жыть одной,
Какъ мнѣ лѣто жыть одной, мнѣ безъ милова безъ друшка,
Безъ милóва, безъ яснова одолеётъ грусьтоска,
Одолеётъ грусь-тоска, круцйнушка велика.
Всю круцйну на пецъ кину, пецяль, горё
 отложу;
Пецяль, горюшко отложу, постоянно буду
 жыть,
Постоянно, безъ обмана, одново буду любить.
Одново тебя любить—на билила не нажыть;
Семерыхъ друшкофъ любить, мнѣ самой
 жывой не быть.
Одново тебя любить мнѣ неволюшка велитъ.
Мнѣ неволя, неохота—цюжа дальна сторона.
На цюжой дальнёй сторонкѣ на меня милой сердитъ,
На меня милой сердитъ, мимо ходитъ—
 не гледитъ;
Мивъ на встрѣцю попадаетъ, мнѣ «здорово» не сказавъ.
Сама за то сердита: далекó милóй жывётъ.
Далеко милой живётъ, не порятки мивъ
 ведётъ,
Онъ—такіё непорятки: зеленоё вино пьётъ,
Зеленоё, не простоё, съ кабака долой нейдётъ.

28.

Шла Машéнькя бережоцькёмъ,
А я, мла́дой—берешкомъ;
Машотъ биленькимъ Маша платоцькёмъ,
А я—правою рукой:
Воротись-ко, милой, ко мнѣ назать,
Позабыла тибѣ що-то сказать!
Я забыть-то не забыла;
Прошло лѣто и весна;
Наступаётъ злоё-то на насъ времё—
Зла-холодная на насъ зима.
Опадутъ съ древофъ мевки листоцьки,
Руцёецьки не текутъ;
На рокитовыхъ кустоцькяхъ,
Птицьки, пташки не поютъ.
Одна пташка—кинарейка.—
Она жалосно поётъ;
Она жалосно—больно поётъ,
Мнѣ тоски, горя предаётъ.
Я съ этой тоски, пецёли
Во зелёной сатъ гулеть пошла;
Ушъ я рыла, да копала
Зло кореньё про друшка.
Я нарыла, накопала,
На Неву я мыть пошла;
Ушъ я мыла, вымывала
Бѣло на-бѣло ево;
Я сушыла зло коренье
Сухо, на-сухо ево.
Я товкла жо зло коренье
Мевко, на мевко ево.
Заварила зло коренье
На меду, на патокѣ;
Созвала я въ гости гостя
Любезнова своево;
Напоила, накормила,—
Стала спрашывать ево:
Ты скажы, скажы, любезной,
Каково на жывотѣ?—
— У моéво у сердецькя
Ровно камешокъ лежытъ.
Давела меня, злодійка!
Отъ тебя въ землю пойду!

в. Парныя.

1.

Я бѣгу, бѣгу по поженкѣ,
Добѣгаю до цясовенки;
На цясовенкѣ два голубя сидятъ;
Одинъ голубь ницёво не говоритъ,
Другой голупь поговариваетъ:
Зафтра празницёкъ Иванофъ день;
Мо-ётъ миленькёй гулеть пойдётъ,
Меня, дѣвушку, съ собой возьмётъ,
На гуленьѣ поцѣлуётъ, обоймётъ.

2.

Ушъ ты, Васенькя, Васильюшко!
За цёмъ, Вася, упиваессё,
По торгамъ ходишъ, валеессё?—
— Шо до Васи цѣловальники добры,
Що бесъ денёкъ зеленымъ виномъ поятъ,
Безъ росчету золотой казной дарятъ.
Сняли съ Васи гранетуровой кушакъ,
Съ рѣзвыхъ поженёкъ—козловы сапоги,
Нельзя Васенькѣ домой притти—
На пути ево сударушка жывётъ:
Завсегда Васю въ гости зовётъ.
— Поди, Вася, погостишъ у меня!
У меня ли про тя пиво варено,
У меня ли пиво марковскоё;
Зелено вино макарьевскоё,
Слатка вотоцькя анисовая,
Тесова кроват росписанная,
Красна дѣвиця наряженая,
Цѣловатцё излаженая

3.

Вышла Дуня въ огоротъ,
(Въ стихѣ послѣднія слова повторяются).
Нарвёмъ Дунѣ лапушокъ,
Сошьёмъ Дунѣ сарафанъ,
Сарафанцикъ со перомъ,
Со шырокимъ кружевомъ.
Коробейкю запирай,
По празницькямъ надѣвай,
Для милово зберегай!

4.

Я не думала севодни угорить;
Пришовъ вецёръ, голова стала болить.
Всѣ югары зашумили въ головѣ,
Самовары закипѣли на столѣ,
Цёйны цяшки забрецёли во шкапахъ.
Цёйны цяшки наливаютцё—
Молотьцй всѣ спотѣшаютцё.
Мо-ётъ миленькёй по улицѣ прошовъ,
Цясто зглядывавъ на домикъ дорогой.
Въ ефтомъ домикѣ любезная жывётъ;
Я осмилюсь ёй словецюшко сказать:
Не изволитъ ли въ гостинной рятъ гулеть,
Ситцю моднова, товару закупать.
— Ушъ мнѣ всѣ ситцй не мравятцё,
Всѣ скорёшенькё мараютцё.
Ситцйкъ аленькёй отъ совнышка горитъ,
Бѣлорозовой совсѣмъ полинявъ;
Масаковой цвѣтъ къ лицю не подстаётъ,
Голубо-ётъ темноту лицю даётъ;
Ситцйкъ бланжовой не мравитцё,
Помаранжовой мараетцё.
— Купи, миленькёй, цёрныё парцй!—
— Не хоцю я тебя цёрною водить:
Въ церно платьицё нарѣдиссё,—
Старой старицёй покажессё.
Въ цвѣтно платьицё наредиссё,
Тоцько барошни покажессё.
Я послиднюю корову заложу,
Тебя, душецькя, бральянтамъ усажу.

5.

Какъ кутить, такъ кутить —
Я женюсь, такъ и быть;
Я при старости лѣтъ
Роспотѣшу бѣлой свѣтъ.
Гулей, гулей, молодечъ,
Пока обѣдаётъ отечъ!
Отобѣдаётъ отечъ —
Нашой писенкѣ конечъ.

6.

На стулѣ сидѣвъ,
Я въ трупку куривъ;
Нецяянно съ повки
Графинъ уронивъ.
Прекрасна настойка
Руцьёмъ истекла,
Осталось въ графинѣ
Двѣ рюмки на днѣ.
Я рюмоцькю выпивъ,
Икрой закусивъ;
Я другую-ту выпивъ,
Не помню себя.
Я, взяфшы гитару,
И сѣвъ на диванъ.

Николай Поповъ.

С. Замоша. (Изъ архива. И. Р. Г. Общества. Рукопись доставлена въ 1857 году).

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Notiţe istorice asupra lui Iosif (Ioasaf) I Muşat, mitropolitul Moldovei, de Ioan A. Grigoriu. Bucureşci, 1901, 8°, pp. 1—122.

Древняя исторія молдавскаго господарства до сихъ поръ очень слабо разработана. Труды Хыждеу, Ксенопола, Мелхиседека, Богдана, Ончюла и другихъ румынскихъ историковъ въ извѣстной только степени выяснили характеръ основанія новаго княжества въ предѣлахъ сѣверной Молдавіи, относящагося къ половинѣ XIV вѣка. Книга, заглавіе которой мы выписали выше, представляетъ собой диссертацію на степень лиценціата молодого студента богословскаго факультета Бухарештскаго университета. Авторъ избралъ очень интересный и чрезвычайно темный періодъ изъ исторіи румынской церкви, періодъ начала самостоятельной жизни молдавской митрополіи, время перваго митрополита Іосифа, правившаго въ промежуткѣ между 1373 и 1410-мъ годами. Свое изслѣдованіе И. Григоріу начинаетъ съ времени появленія христіанства на сѣверномъ берегу Дуная, въ Трояновой Дакіи; затѣмъ, онъ говоритъ о зависимости молдавской митрополіи отъ архіепископа первой Юстиніаны, т. е. Охрида и позднѣе отъ галицкой митрополіи. Въ румынской исторіографіи существуетъ нѣсколько старинныхъ Помянниковъ, настолько между собою несогласныхъ, что уяснить себѣ правильную послѣдовательность молдавскихъ іерарховъ представляется затруднительнымъ. Авторъ разбираетъ всѣ древнѣйшіе Помянники: монастырей Быстрицы (стр. 35), Нямецкаго (стр. 39), молдавской митрополіи—средины XVIII вѣка (стр. 41) и монастыря Боиштя, и полемизируетъ съ историками румынской церкви, доказывая, что Іосифъ Мушатъ, родственникъ нѣкоторыхъ изъ первыхъ по времени господарей молдавскихъ, былъ первымъ митрополитомъ Сочавскимъ. Согласно нѣкоторымъ славяно-молдавскимъ лѣтописямъ, митр. Ѳеоктистъ былъ посвященъ сербскимъ архіеп. Никодимомъ въ 1453-мъ году. Авторъ смущается этимъ извѣстіемъ и старается примирить его съ другими извѣстіями, согласно которымъ молдавская митрополія была въ зависимости отъ Охрида. На это мы можемъ указать только, что въ XIV—XV вѣкѣ Охридъ подпалъ подъ власть сербскихъ царей и извѣстіе лѣтописи не должно возбуждать колебаній. Къ 1401 году относится примиреніе молдавскаго господаря Александра I съ константинопольскимъ патріархомъ Матѳеемъ; въ этомъ примиреніи активную роль игралъ митр. Іосифъ и іеромонахъ Григорій, въ которомъ уже и прежніе историки справедливо видятъ извѣстнаго церковнаго писателя Цамблака. Въ знакъ примиренія патріахъ прислалъ митр. Іосифу митру, саккосъ и чудотворную икону Божіей Матери, впослѣдствіи Нямецкую; а императоръ Мануилъ Палеологъ прислалъ господарю Александру корону и порфиру.

Впрочемъ, послѣднее извѣстіе не заслуживаетъ довѣрія, и по нашему мнѣнію, составлено подъ вліяніемъ русской «Повѣсти о бѣломъ клобукѣ», цикла сказаній «о князьяхъ владимирскихъ» и мономаховомъ вѣнцѣ. Изъ внутреннихъ преобразованій митр. Іосифа авторъ указываетъ на устройство имъ митрополіи въ г. Сочавѣ и епископій въ г. Романѣ и Радауцахъ. При немъ же былъ введенъ церковный славянскій языкъ въ богослуженіе взамѣнъ (sic) прежняго латинскаго. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ той ошибкой многихъ румынскихъ ученыхъ, которые безъ всякой критики повторяютъ извѣстіе Димитрія Кантемира о существованіи у румынъ латинскихъ буквъ до флорентійскаго собора. То же слѣдуетъ сказать и о предвзятомъ мнѣніи И. Григоріу относительно славянской письменности (стр. 88—91). Митр. Іосифомъ были введены въ Молдавіи и церковные законы, существовавшіе въ то время на практикѣ въ византійской церкви (стр. 91—94). Затѣмъ, авторъ говоритъ объ основаніи монастырей: Боиштя (стр. 95), Быстрицы (стр. 98) и Нямецкаго (стр. 99), причемъ ссылается на завѣдомо подложныя грамоты, которыя ему показывалъ въ переводѣ на румынскій языкъ еписк. Нарцисъ Крецулеску; по этимъ грамотамъ, монастыри существовали уже въ XIV вѣкѣ. Сказавъ вкратцѣ о перенесеніи мощей св. влмч. Іоанна Сочавскаго изъ Бѣлграда въ Сочаву, авторъ переходитъ къ крайне шаткому вопросу объ учрежденіи митр. Іосифомъ школъ для образованія церковныхъ служителей (стр. 108—115), причемъ оставляетъ въ концѣ концовъ читателя въ недоумѣніи.

Какъ видимъ, авторомъ избрана тема чрезвычайно интересная и для слависта. Но полное незнаніе славянскаго языка, желаніе во всемъ провести латинизирующую тенденцію и взглядъ на славянскую культуру, какъ на какое-то насиліе румынскаго народа, сдѣлали изслѣдованіе молодого ученаго во многихъ пунктахъ слабымъ. Пользованіе авторомъ источниками безъ разбора также ослабляетъ цѣнность книги. Большую услугу оказало бы автору знакомство съ трудами русскихъ историковъ церкви, которыхъ авторъ не знаетъ.

А. И. Яцимирскій.

Народна Метеорология. Сбирка отъ български народни поговорки, пословици, правила и предсказания за врѣмето. Стъкмилъ *Спасъ Вацовъ*. София. Държавна Печатница. 1900, стр. X+79.

Авторъ «Народной Метеорологіи»—директоръ центральной метеорологической станціи въ Болгаріи. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ указываетъ на огромную и тѣсную зависимость растительнаго и животнаго міра отъ свѣта, теплоты, влаги и вообще отъ атмосферныхъ явленій. Разнообразіе фауны и флоры въ теплыхъ, умѣренныхъ и холодныхъ странахъ, у подножія горъ и на вершинахъ ихъ, въ пустыни, степи и т. д.,—все это обязано климатическимъ условіямъ. Наконецъ, нравы, обычаи, наклонности, душевныя и тѣлесныя свойства разныхъ народовъ являются результатомъ тѣхъ же условій. Отъ климата и времени зависитъ пища, одежда, жилище, работы и т. д. Затѣмъ г. Вацовъ говоритъ о значеніи метеорологическихъ изысканій для земледѣлія и, мимоходомъ, отмѣчаетъ этнографическій интересъ народныхъ примѣтъ о погодѣ. Использовавъ книжный матерьялъ, изслѣдователь обратился къ своимъ корреспондентамъ съ просьбою доставлять ему изъ разныхъ мѣстностей Болгаріи свѣдѣнія о состояніи народной метеорологіи. Въ результатѣ получилось огромное количество карточекъ съ отвѣтами.

Народныя примѣты распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: времена года (стр. 3—5), мѣсяцы и связанныя съ ними примѣты о погодѣ (стр. 5—26), подвижные праздники (стр. 26), дни недѣли (стр. 27—28). Вторая часть посвящена народнымъ наблюденіямъ надъ животными, которые живутъ очень близко къ природѣ, а потому очень чутки къ ея перемѣнамъ: крупный рогатый скотъ (стр. 28—29), лошади и ослы (стр. 29—30), овцы и козы (стр. 30—32), свиньи, собаки, кошки, мыши, полевые и лѣсные звѣри (стр. 32—34); изъ царства пернатыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ

пѣтухи (стр. 35—36) и домашняя птица, за которой слѣдуютъ воробьи, галки, вороны, сороки, ласточки, стрижи и лѣсныя птицы; совѣ, кукушкѣ и орлу авторъ удѣляетъ больше мѣста, чѣмъ остальнымъ птицамъ. Отъ рыбъ, змѣй, жабъ и насѣкомыхъ г. Вацовъ переходитъ къ растеніямъ (стр. 50—53) и, затѣмъ, сообщаетъ очень интересныя данныя о предсказываніи погоды крестьянами. Большое вліяніе на погоду имѣетъ луна (стр. 59—63).

Сравнивая болгарскія примѣты о погодѣ по формѣ луны съ русскими, нетрудно убѣдиться, что и тѣ, и другія имѣютъ очень много схожихъ чертъ: если новый мѣсяцъ въ три дня обглядится, то весь будетъ ведрый; а когда первые три дня дожди, то весь ненастный; когда мѣсяцъ родится рогами внизъ, т. е. на югъ, то зимой будетъ теплый, а лѣтомъ—жаркій; если роги у новаго мѣсяца будутъ вверхъ, т. е. на сѣверъ, то зимой — холодный, лѣтомъ—вѣтряный; рога луны остры и ярки — къ ведру, круты—къ морозу; круты рога мѣсяца—къ ведру, пологи—къ ненастью; тусклый мѣсяцъ—къ мокротѣ, ясный — къ суху, въ синевѣ—къ дождю, въ краснѣ — къ вѣтру, съ ушами — къ морозу; ясная и кругловатая луна, зимой—къ стужѣ, лѣтомъ—къ ведру; кольца вокругъ луны — къ вѣтру и т. д. Замѣтимъ, между прочимъ, что недавно указано было въ печати на значеніе русскихъ простонародныхъ примѣтъ о погодѣ по измѣненіямъ луны (К. Носиловъ въ № 9681 «Новаго Времени»), а книга министра земледѣлія А. С. Ермолова «Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ» даетъ массу параллелей къ болгарскимъ метеорологическимъ наблюденіямъ. Жаль, конечно, что г. Вацовъ не этнографъ, и на всемъ пространствѣ его книги чувствуется только естествоиспытатель.

А. И. Яцимирскій.

А. Кузнецовъ. Свадебные приговоры дружки, по рукописи половины XIX столѣтія. Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ. Т. LXXII.

Русскіе похоронные обряды и заплачки извѣстны гораздо лучше, чѣмъ пѣсни и приговоры, сопровождающіе свадьбу. Поэтому огромный интересъ представляютъ «приговоры дружки», сообщенные А. Кузнецовымъ. Чисто-эпическими чертами вѣетъ отъ приглашеній нашего доморощеннаго церемоніймейстера, который не пропускаетъ ни одного шага безъ словоохотливыхъ и красивыхъ по внѣшности прибаутокъ. Снаряжая молодыхъ къ вѣнцу, онъ говоритъ: «Ходилъ я въ стоила стоялые, во дворы конюшны, смотрелъ я добрыхъ команей, въ белые руки бралъ, по крутымъ бедрамъ стегалъ, по уму по разуму выбиралъ, накладывалъ я уздечку тесьмаyую, седелышко черкаское, хомутикъ астраханской, шлейки строченые, гужики шелъковые, вожечьки гарусные, (съ) етихъ стойловъ стоялыхъ, дворовъ, конюшенъ, зъдергивалъ, санъки скочки пошавеночки, запрягалъ я добрыхъ команей, ставилъ я на путь дорогу, какъ сесь да ехать».

Затѣмъ, слѣдуетъ обращеніе къ жениху предъ благословеніемъ: «Я хочу спросить у вашей милости, князь молодой новобрачной, — говоритъ дружка, — чево вы будите у своихъ родителей, чево вы будите просить: куницы или лисицы, или злата ли серебра, или скатнова жемчуга, или хлеба-соли, или святые иконы». Когда женихъ и невѣста уже готовы ѣхать въ церковь, онъ приглашаетъ ихъ садиться въ телѣгу: «Извольте, извольте выходить изъ высокова терема на широкую улицу, извольте садитца на своихъ добрыхъ команей, все по конямъ, все по местамъ, все по чинамъ, какъ соловьи по гнездамъ». Народное остроуміе балаганнаго характера льется у него широкимъ потокомъ. Приводимые ниже приговоры напоминаютъ подписи къ забавнымъ листкамъ нашего стариннаго лубочнаго рынка. «Есть-ли у васъ умницы певицы, сизые голубицы, красные девицы, аленькие платочки, сизые волосочки, кудреватые височки, брови щипаные, рожи мазаные, носы тянуты, походочки молодецкие, говори лебединые». Или въ другомъ мѣстѣ: «Миръ-наротъ, стары, малы, усаты, бородаты, холосты не женаты, белы кудреваты, молотцы вожеваты, стрельцы борцы, кулашные

бойцы, удалые добрые молотцы, кутяна, полатяна, запечана, умницы молодые молодицы, сизые голубицы, белые лебедицы, красные девицы, брови щипаны, рожи мазаны. косы тянуты, походъки молодецъкие, говори лебединые, Старые старухи, маненьки ребята, все гости полюбовные! Благословляйте меня, предъежева друшку, съ молодымъ подружиемъ въ путь дорогу ехать». Сказочными пріемами проникнуто пространное обращеніе дружки къ невѣстѣ. Здѣсь повторяются тѣ же загадки, которыя обычны въ предложеніяхъ сватовъ: «Голосъ я вашъ слышу, а въ очи не вижу, не знаю я васъ, какъ зовутъ и какъ величаютъ,—говоритъ дружка. Я к вамъ приехалъ не самъ собой, пе насильно, не навально, не нахвально, не самовольно, я приехалъ по при казанию князя мо(лодого) но(вобрачнаго). Нашъ князь молодой новобрачной выходилъ изъ высокова терема на широкую улицу; я, предъежій друшка, съ молодымъ подружиемъ выходилъ изъ высокова терема на широкую улицу, я запрягалъ своего добраго команя и оседлалъ, и овожалъ, шелковой плеткой стегалъ; мой добрый конь осердился, отъ сырой земли отделился, скакалъ мой добрый команъ съ горы на гору, съ холмы на холму; горы, долы хвостомъ устилалъ, мелки речки перескакивалъ; доскакивалъ мой добрый команъ до синева моря; на томъ синемъ море, на беломъ озере плавали гуси серые, лебеди белые, соколы ясные. Спрошу я гусей и лебедей: где етотъ домъ, где стоитъ теремъ нашіе к(нягини) м(олодой) н(овобрачной)? На то мне гуси отъвечали: «поежай к синему морю въ восточную сторону, тутъ стоитъ дубъ о двенацети корней». Я поехалъ восточную сторону, доехалъ до тово дуба; выскочила куника, не та куника, котора по лесу ходитъ, а та куника, которая сидитъ въ высокомъ тереме, сидитъ на решесчатомъ стуле, шьетъ ширинку нашему (князю) м(олодому но(вобрачному). Я, предъежей дружка, с молодымъ подружиемъ поехалъ по куньему следу, доехалъ до высокова терема на широкую улицу ко княгине м(олодой) новобрачной) къ высокому терему; слетъ куней по подворотнице ушелъ, а назать дворомъ не вышелъ; слетъ куней отъведи или двери отопри». Ему отпираютъ первыя двери, и затѣмъ дружка продолжаетъ задавать всѣмъ понятныя, но въ то же время очень занимательныя и приличныя свадебному ритуалу загадки: «Нашъ к(нязь м(олодой) н(овобрачный) ездилъ къ синему морю, нанималъ рыбачевъ удальцевъ, добрыхъ молотцевъ; оне кидали шелковой невотъ, изловили белую рыбицу, в той белой рыбицѣ нашли златые ключи отъ высокова терема. Слетъ куней отъведи или ворота отопри». Или немного послѣ перваго обращенія: «Нашъ к(нязь) м(олодой) н(овобрачный) ездилъ къ кузнецамъ къ молотцамъ, оне ковали топоры булатные, нанималъ работничковъ удалыхъ, оне чащу лесъ вырубали, ворота отворяли Слетъ куней отведи или ворота отопри»! Съ отпираніемъ воротъ связано очень много приговоровъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переживаніемъ очень древнихъ формъ брака. Дружку долго не пускаютъ въ домъ, и это даетъ ему обильный матерьялъ для шутливыхъ приговоровъ: «У вашие к(нягини) м(олодой) но(вобрачной) есь которые стоятъ у дверей притворнички, у воротъ приворотнички! Отъпирайте замки висячие, вынимаите запоры булатные, отворяите ворота широкие, пропущаите меня, предъежева дружку, съ молодымъ подружиемъ всехъ напереть. Хочу я спросить у вашие милости: нетли у васъ на мостахъ калиновыхъ столбовъ блиско, перекладовъ ниско, чтобы мнѣ, дружке, ступить да головы не продомить»?

Такого же характера слѣдующіе, затѣмъ, два приговора, по счету 43 и 44: «У ваше кня(гини) м(олодой н(овобрачной), есть которые стоятъ у дверей притворнички, у воротъ приворотнички! Не имеетца ли въ вашемъ доме благодатномъ, у кня(гини) м(олодой) н(овобрачной), нетъ ли потъ столами собакъ ярыхъ, в куте старухъ старыхъ, ребятъ ревуновъ, цетуховъ клевуновъ, знатковъ знатливыхъ, колдуновъ колдуливыхъ, чтобы на етомъ чесномъ браке нечево скверкова слова не было; чтобы н(ашему) к(нязю) м(олодому) н(овобрачному) зати ко княгине м(олодой) н(овобрачной) въ высокъ теремъ, чтобы его старухи не обругали, собаки не искусали, ребята не осмеяли, петухи не поклевали. Извольте вы собакъ вонъ выгнать, молодыхъ людей на чесь, старухъ на печь, маленькихъ ребятъ въ колыбель, чтобы на семъ браке чесно и хорошо».

Приведемъ также забавное приглашеніе всѣхъ гостей къ столу. Кромѣ эпическихъ чертъ, здѣсь находимъ нѣсколько этнографическихъ подробностей: «Я не знаю васъ по святому имени звать, по отчеству величать; прошу я всехъ вообще къ нашему князю молодому новобрачному пиво пить да меду есть. У нашево князя молодого новобрачнаго, пиво варено, медомъ наживлено: солотъ вятской, хлѣтъ казанской, пивоваръ ярославской. Ахъ! пивце, какъ суслице; изъ чашечки три бочечки, въ устохъ примочки; губы слепаютца, ноги подъ гибаютца, на землю кружитъ, очень спать велитъ; кто пивца изопьетъ, того снегъ сшибетъ». На каждомъ шагу здѣсь встрѣчаются тѣ же самые постоянные эпитеты, которые обычны въ эпосѣ: домъ благодатный, теремъ высокій, мостъ калиновый, гости честные или полюбовные, ноги рѣзвы, улица широкая, лебедь бѣлая, шубка соболья, шаль шелковая, жемчугъ скатный, занавѣска перебраная, походка молодецкая, дѣвица красная, голубица сизая, звѣрь заморскій, соболь черный, руки бѣлыя, ступеньки кленовыя, овесъ ядреный, сѣно зеленое, ества сахарныя, питія медвяныя, свѣчи воскуяровыя, и т. д. Вообще рѣчь дружки отличается образностью и пластичностью. «Приговоры» эти записаны, повидимому, въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, откуда ведетъ свое происхожденіе и сама рукопись, изданная съ соблюденіемъ правописанія. Какъ видно изъ приведенныхъ выше выписокъ, «приговоры дружки» даютъ богатый матерьялъ для этнографіи и для исторіи народной литературы.

А. И. Яцимирскій.

Карскій, Е. Ѳ. Бѣлоруссы. Введеніе въ изученіе языка и народной поэзіи бѣлоруссовъ. «Виленскій Временникъ». Изданіе Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Книга I и отдѣльно. I - X+1—466. Вильна. 1904.

Въ г. Вильнѣ мѣстною администраціею края предпринято изданіе «Виленскій Временникъ», въ видѣ сборниковъ трудовъ научнаго содержанія, поставившее себѣ цѣлью — содѣйствовать всестороннему изученію Сѣверо-западнаго края. Редакціи изданія посчастливилось начать его помѣщеніемъ въ I-ой книгѣ обширнаго труда изслѣдователя бѣлорусскаго племени, составляющаго главную массу населенія края, проф. Е. Ѳ. Карскаго. Это трудъ — плодъ его многолѣтнихъ наблюденій и изученія и представляетъ весьма выдающееся научное явленіе въ области нашей этнографіи. Во время недавней (1903 г.) командировки г. Карскаго Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, онъ освѣжилъ и пополнилъ имѣвшійся у него этнографическій матеріалъ, причемъ наряду съ изслѣдованіемъ быта бѣлоруссовъ, нашъ изслѣдователь, въ частности, изучалъ рѣчь въ видахъ установленія ея особенностей и опредѣленія ея границъ.

Настоящее «Введеніе» служитъ первымъ томомъ задуманнаго авторомъ изслѣдованія по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія (фонетика, морфологія и синтаксисъ). Ближайшею цѣлью у автора труда было, между прочимъ, — дать указатель матеріаловъ для крайне необходимыхъ словарей по бѣлорусскому нарѣчію.

«Бытъ бѣлоруссовъ, замѣчаетъ авторъ, при всей его несложности, представляетъ массу пережитковъ глубокой старины не только общерусской, но и общеславянской. И историкъ народной жизни, и юристъ найдетъ здѣсь для себя много цѣнныхъ и интересныхъ особенностей. Знакомясь съ ними, иногда невольно забываешь, что дѣло происходитъ въ XX в: передъ вами выступаетъ жизнь доисторическихъ обитателей верхняго Днѣпра, Зап. Двины и Нѣмана». Благодаря ли этому интересу или географическому положенію Бѣлоруссіи на рубежѣ двухъ большихъ народностей—русской и польской, надъ изученіемъ этнографіи бѣлорусскаго племени уже потрудилось немало работниковъ: обнародованы памятники народной словесности, печатались многочисленныя—частныя и по мѣстнымъ вопросамъ—изслѣдованія. Но эти богатые матеріалы, оставаясь необъединенными общимъ освѣщеніемъ, не давали возможности построить обобщенія и выводы. Проф. Карскій съ рѣдкимъ усердіемъ и особенною тщательностью

впервые прослѣдилъ всю предшествовавшую литературу, систематически сгруппировалъ ее и критически оцѣнилъ имѣющійся лингвистическій матеріалъ, попытался установить этнографическій типъ бѣлорусскаго племени, опредѣлилъ его основные язычные элементы и, такимъ образомъ, расчистилъ поле для будущихъ изслѣдователей, въ качествѣ первоначальной оріентировки по соотвѣтствующимъ вопросамъ, въ области бѣлорусской этнографіи.

Богатое и разнообразное содержаніе изслѣдованія распредѣлено авторомъ по слѣдующимъ группамъ: Территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ. Границы и общій характеръ страны. Этнографическая карта бѣлорусскаго племени (гл. I). Древнѣйшіе обитатели бѣлорусской территоріи (гл. II). Языкъ русскихъ племенъ, населявшихъ бѣлорусскую территорію въ древнѣйшее время. Зарожденіе бѣлорусскихъ особенностей. Старѣйшія словарныя заимствованія у финновъ и иранцевъ (гл. III). Объединеніе всѣхъ бѣлорусскихъ племенъ подъ властью Литвы и окончательная выработка «бѣлорусской народности» и «бѣлорусскаго языка». Заимствованія изъ литовскаго и латышскаго языковъ (гл. IV). Бѣлоруссы вмѣстѣ съ литовцами подъ властью Польши. Наплывъ разныхъ иностранныхъ словъ въ бѣлорусское нарѣчіе (гл. V). Возсоединеніе Бѣлоруссіи съ общерусскою жизнью. Количество бѣлоруссовъ въ настоящее время и ихъ народные говоры. Карта бѣлорусскихъ говоровъ (гл. VI). Очеркъ изученія живого бѣлорусскаго языка и народной поэзіи (гл. VII). Очеркъ постепеннаго ознакомленія ученыхъ съ памятниками стараго западно-русскаго языка (гл. VIII). Ненародныя произведенія на современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи (гл. IX). *Я. З.*

Кизеветтеръ, А. А. Посадская Община Россіи XVIII столѣтія. I—VI+ +—810 стр. М. 1903.

На фонѣ соціальной исторіи Россіи XVIII в. выступили, во время ломки уклада старой московской государственности, два общественныхъ свободно самоуправляющихся соединенія новаго типа: союзъ привиллегированныхъ землевладѣльцевъ — «дворянское общество» и всесословное «общество градское». Жалованныя грамоты (1785 г.) Екатерины II завершили собой организацію этихъ союзовъ, но какъ возникли эти новыя для того времени общественныя формы, въ какое отношеніе стали провозглашенныя въ Екатерининскихъ грамотахъ начала къ русской действительности того времени,— эти и др. вопросы могутъ быть разрѣшены лишь на основаніи изученія нашей исторіи XVIII в., для которой, въ противоположность богатству изслѣдованій по московскому періоду, въ нашей научно-исторической литературѣ сдѣлано еще немного. Притомъ, до сихъ поръ болѣе изучался административный механизмъ имперіи, чѣмъ ея соціальный строй. Научное изученіе этой эпохи походитъ на проведеніе первыхъ бороздъ на дѣвственной нови. Такова магистерская диссертація г. Кизеветтера Въ ней онъ предпринялъ изученіе—и что особенно важно на основаніи подавляющаго по богатству архивнаго матеріала—еще не затронутаго въ нашей исторіографіи фактическаго состоянія русской посадской общины, или общинную организацію тогдашняго посада, за время, протекшее между двумя крупными реформами городского устройства: учрежденіемъ Петровскихъ магистратовъ и введеніемъ Городового Положенія Екатерины II. Избранный авторомъ моментъ представляетъ несомнѣнно глубокій научный интересъ въ исторіи городского самоуправленія въ старой и новой Россіи: то была пора перекрестнаго взаимодѣйствія и столкновенія глубоко архаическихъ корней городской жизни съ идущими сверху законодательными экспериментами. Авторъ пришелъ къ заключенію, что посадская община, съ одной стороны, втеченіе всего этого періода остается такой же общиною торговопромышленныхъ тяглецовъ, какою она была и въ старомъ московскомъ царствѣ. Съ другой стороны, начиная съ Петра I, правительство пытается влить въ эти старые мѣхи новое вино заграничнаго привоза. Въ Петровскомъ регламентѣ главному магистрату, въ инструкціи городовымъ магистратамъ ясно проводится стремленіе создать изъ русскаго тяглого города центръ промышленности и

культуры и заложить въ рамкахъ городской жизни основаніе общественнаго самоуправленія. Послѣ кратковременной реакціи противъ муниципальной реформы Петра Великаго Елисавета возстановляетъ Петровскія магистратскія учрежденія. Екатерина II еще настойчивѣе выдвигаетъ проблему возрожденія русскаго города къ новой жизни. Она мечтаетъ о заведеніи въ городахъ — притомъ тогдашней крѣпостной — Россіи «третьяго сословія» на западно-европейскій манеръ. Она хотѣла возвысить русскій городъ на степень его западнаго собрата. Въ какой мѣрѣ эти эксперименты оправдывались разложеніемъ строя, который подлежалъ реформированію и, наоборотъ, въ какой мѣрѣ ихъ осуществленіе, въ свою очередь, содѣйствовало этому разложенію? Предъ нашимъ изслѣдователемъ архивныхъ источниковъ раскрывалась жизненная картина общихъ условій нашей государственности и общественности въ то время, когда, по выраженію одного новѣйшаго историка, «цѣною разоренія страны Россія возводилась въ рангъ великой европейской державы». Глубокая бездна отдѣляла Россію регламентовъ и т. п. актовъ — плодовъ модной тогда политической идеологіи отъ сѣрой и будничной дѣйствительности подлинной Россіи того времени. Предъ нимъ раскрывалась трагическая двойственность русской жизни XVIII в.: изъ-подъ внѣшней оболочки европеизированной Россіи на изслѣдователя глядѣла старая московская Русь. Всѣ преобразовательныя начинанія XVIII в. не отличались логической послѣдовательностью и сами были проникнуты отголоскомъ той старины, которую они старались реформировать.

Въ своей книгѣ авторъ разсмотрѣлъ составъ, тяглую организацію и строй самоуправленія типичной посадской общины XVIII в. Ее составляли небольшая кучка богатыхъ купцовъ — «первостатейныхъ», «лучшихъ» людей и многочисленной малотяглой массы мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, чернорабочихъ и хлѣбопашцевъ. Послѣдняя находилась въ сильнѣйшей экономической зависимости отъ первой группы мѣстнаго посада. На этомъ составѣ была основана стройная схема посадско общинной круговой поруки при отправленіи государственныхъ повинностей и службъ, возложенныхъ на посадскую общину, при чемъ «первостатейные» члены ея являлись главными отвѣтчиками передъ государствомъ за тяглоспособность всей общины. Службы отправлялись мірскими очередями. Падавшіе на общину прямые налоги распредѣлялись между общинниками по животамъ и промысламъ. Сборы таможенные, кабацкіе и канцелярскіе взимались по опредѣленнымъ окладамъ. Финансовая отвѣтственность «первостатейныхъ» предъ государствомъ за общину выдвинула ихъ на первый планъ въ посадскомъ самоуправленіи, получившемъ, въ силу этого, рѣзко выраженную олигархическую окраску. Главные плательщики за міръ становились и полновластными распорядителями на мірскомъ сходѣ. Къ тому, мірское самоуправленіе издавна разсматривалось прежде всего, какъ орудіе осуществленія фискальныхъ задачъ. Формы общинной жизни всетаки представляли нѣкоторую почву для появленія здѣсь стремленія къ истинной автономіи, но крѣпостной характеръ общины задерживалъ развитіе ихъ. Новыя условія жизни городовъ вызвали изданіе Городского Положенія 1785 г., создавшее всесословное «общество градское». Z.

Поповъ, Т., д-ръ м-ны. Русская народно-бытовая медицина. По матеріаламъ Этнографическаго Бюро кн. В. Н. Тенишева. 1 — VIII + 4 — 404 стр. Спб. 1903.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что многолѣтними трудами (нынѣ покойнаго) князя В. Н. Тенишева, по его мысли и по выработанной имъ программѣ, собранъ обширный и цѣнный этнографическій матеріалъ, имѣющій задачею всестороннее изслѣдованіе жизни и быта крестьянъ великорусскихъ губерній. Матеріалъ этотъ составлялся сельскими священниками, учителями, учительницами, землевладѣльцами, з. начальниками, фельдшерами и, отчасти, самими крестьянами. Число такихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, имѣющихъ самое тѣсное и близкое отношеніе къ народной

жизни, достигло по 23 губ. до 350. Содержаніемъ матеріала явились, гл. обр., личныя наблюденія сотрудниковъ и, отчасти, мѣстные печатные источники.

Настоящая книга представляетъ попытку со стороны автора разобраться въ той части этого бытового матеріала, которая связана съ вопросами народной медицины. Слѣд. не входило въ кругъ задачъ автора привлеченіе къ дѣлу всей литературы предмета (довольно вспомнить труды доктора Змѣева).

Г. Поповъ выпустилъ въ свѣтъ прекрасную книгу: въ ней тщательно обработанъ богатый этнографическій матеріалъ, перомъ просвѣщеннаго врача освѣщена цѣлая область въ народной жизни, даны авторитетныя указанія для будущихъ собирателей такого же этнографическаго матеріала,— однимъ словомъ, сдѣлалъ весьма цѣнный вкладъ въ народно-бытовую литературу.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что у насъ очень мало источниковъ изъ которыхъ мы могли бы черпать свои свѣдѣнія о народѣ въ его цѣломъ. Довольно обычны отзывы: народъ бѣденъ, грубъ, невѣжественъ и даже дикъ. Но ими еще мало обрисовывается физіономія народа; они ничего не говорятъ объ его привлекательныхъ и положительныхъ чертахъ; не всегда вѣрно опредѣляютъ отрицательныя черты и, чаще всего, односторонне указываютъ на тѣ причины и условія, которыя лежатъ въ основѣ бѣдности и невѣжества народа. Однимъ словомъ, мало у насъ знанія народа, которое столь необходимо всѣмъ и каждому въ видахъ улучшенія благосостоянія того же народа.

Что касается врачебной стороны народной жизни, то еще Даль указывалъ на важность изученія народной медицины въ чисто-этнографическомъ отношеніи и на полезность многихъ народныхъ врачебныхъ средствъ. Даль особенное вниманіе обращалъ на необходимость изученія суевѣрій народа, «сражаться съ которыми на каждомъ шагу составляетъ долгъ и необходимость врача въ деревнѣ».

Нашъ крестьянинъ, въ массѣ, до сихъ поръ сохраняетъ свои особенныя представленія о происхожденіи болѣзней, почти не придаетъ никакого значенія въ этомъ отношеніи ни чистотѣ, ни пищѣ, ни водѣ, лѣчится очень нерѣдко суевѣрными или знахарскими средствами, обращаетъ мало вниманія на уходъ за больными и діэту, и на самую земскую медицину, съ ея лѣчебными пріемами, санитарными требованіями и мѣрами, имѣетъ нерѣдко совершенно особенные взгляды.

Знаніе врачемъ условій деревенской обстановки и быта увеличиваетъ воспитательное значеніе его (врача) среди народа и благотворное вліяніе его.

Въ книгѣ попадаются и весьма невеселыя страницы. Среди лѣчебныхъ пріемовъ и средствъ есть такіе, употребленіе которыхъ въ состояніи возбудить отвращеніе и претитъ нравственному чувству человѣка. Но есть въ воззрѣніяхъ нашего народа и нѣчто такое, что можетъ и должно быть сохранено, не только какъ дорогое достояніе старины, но и какъ совокупность началъ, на которыхъ должно основаться будущее развитіе нашего народа.

Весь свой разнообразный матеріалъ авторъ изложилъ въ слѣд. 12-и группахъ: Причины болѣзней у народа. Знахарство. Научная медицина (старая и новая Русь. Земскіе врачи и отношеніе къ нимъ народа). Заразныя болѣзни и санитарныя мѣры. Діэта и уходъ за больными. Классификація и симптомы болѣзней. Суевѣрныя средства лѣченія и лѣчебные заговоры. Религіозныя средства. Грубо-эмпирическія, нелѣпыя и и вредныя средства. Эмпирическая медицина. Роды. Сумасшедшіе и кликуши.

З.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXXII. Тифлисъ. 1903.

Предпринятое Кавказскимъ учебнымъ округомъ прекрасное научное предпріятіе — собираніе и печатаніе въ особыхъ сборникахъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа продолжается съ неослабнымъ усердіемъ и съ заботливымъ стара-

ніемъ. Для изученія этой нашей окраины въ Сборникахъ собрано много интересныхъ и важныхъ данныхъ.

Богатъ интересными и разнообразными матеріалами и вновь вышедшій XXXII выпускъ. Въ немъ помѣщены статьи: Н. Караулова: «Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Адербейджанѣ»; А. Туманова: «Письмо Пилата къ рим. имп. Тиверію» и «Судьба Пилата» — два древне-христіанскихъ апокрифа; Е. Такайшвили: «Описаніе рукописей библіотеки «Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія»; Рашидъ-бекъ-Эфендіева: «Кабалинскій магалъ» знакомитъ насъ съ этимъ уголкомъ Елисаветпольской губ., о которомъ упоминается уже у Плинія и др.; С. Шульгина «Разсказъ очевидца о Шамилѣ и его современникахъ»; Г. Дарадова «Нѣкоторыя подробности путешествія мусульманъ Закатальскаго округа въ Мекку». II отд. составленъ преимущественно изъ образцовъ словесности а) обитателей Сѣв. Кавказа: 4 сказки горскихъ татаръ, 3 ингушскихъ сказки, 3 кабардинскихъ преданія и легенды, 6 чеченскихъ сказокъ и 14 легендъ и сказокъ, записанныхъ среди терскихъ казаковъ, и б) обитателей Закавказья: 6 греческихъ сказокъ и 1 преданіе, 6 ингилойскихъ сказокъ, 5 преданій сванскихъ, имеретинскихъ и грузинскихъ объ Амиранѣ, которыя дополняютъ довольно большой циклъ кавк. былинъ, относящихся къ этому миѳическому герою. Большинство этихъ образцовъ отличается новизною и многія изъ сказокъ дышатъ остроуміемъ и непосредственностью народнаго творчества. III отд. заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей этнограф. содержанія, относящихся къ грузинамъ и мингрельцамъ Кутаисской губ. и абхазцамъ Сухум. округа, какъ: М. Глушакова: «Памятники нар. творчества Кут. губ. (примѣты, суевѣрія, преданія, заговоры, молитвословія, скороговорки, загадки и пословицы); М. Мишурка «Изъ области народной фантазіи и быта»; І. Кобаліи «Изъ миѳической Колхиды» — преданія космогоническія и связанныя съ нѣк. святыми и праздниками. Мингрельцы, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ отжившаго свой вѣкъ язычества и, отчасти, даже магометанства, сохранили еще память о др. божествахъ. Обряды въ память божества Галенишаши Орта имѣютъ всѣ характерныя черты глубокой старины, неприкрытой даже поверхностнымъ налетомъ христіанства. Любопытно празднество хехунтоба, соблюдаемое кузнецами и слесарями. Кузнецы еще и теперь въ Мингреліи уважаются наравнѣ съ духовенствомъ, а занятіе кузнечнымъ ремесломъ такъ же почетно, какъ и въ Осетіи. Интересна ст. І. Степанова «Народн. примѣты, разные способы гаданія и нѣк. повѣрья мингрельцевъ» (особенно относ. празднованія Н. года). Еще отмѣтимъ статьи: М. Кордзахіи «Встрѣча Нов. года у мингрельцевъ» и И. Храмелова «Кое-что изъ абхазскихъ повѣрій» (повѣрье о блужданіи души утопленника). Выпускъ заканчивается помѣщеніемъ адыгскихъ текстовъ, записанныхъ П. Тамбіевымъ, на бжедухскомъ говорѣ кяхскаго нарѣчія (три сказки).

Гр. Павелъ Шереметевъ. **Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край.** М. 1902. I—II+144.

Это роскошное изданіе, украшенное 20-ю рисунками и фотографіями, представляетъ результатъ поѣздки гр. П. Шереметева и А. А. Бобринскаго къ предѣламъ Бѣлаго озера, между прочимъ, для обозрѣнія тамошней старины. Изъ д. Устья путешественники осматривали близлежащія достопримѣчательности. Болѣе подробно авторъ останавливается на исторіи и современномъ состояніи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ которомъ находятся могилы цѣлыхъ поколѣній Шереметевыхъ, также могилы кн. Телятевскихъ и кн. Воротынскихъ. Авторъ коснулся и Ѳерапонтова монастыря, который процвѣталъ въ XV в., былъ, затѣмъ, мѣстомъ заточенія патріарха Никона, а позднѣе Ростовскаго митрополита Арсенія Маціевича; въ концѣ XVIII в. монастырь обращенъ въ прих. церковь.

Издатель собралъ въ этой мѣстности немало этнографическаго матеріала, а именно: заговоры (отъ «зайцей», на лисицу, противъ невладѣнія, отъ змѣй, противъ крови, отъ муравьевъ, суда, отъ недоброжелательныхъ людей, отъ скотскихъ болѣзней; заго-

воръ — «Святое письмо»; «Сонъ Пресв. Богородицы»; «Свитокъ Іерусалимскій»; «Слово скверное, слово матерное»; «Молитва на всякую немощь»; «Слово святое Іоанна Златоуста о 12 пятницахъ». Кромѣ того записаны: рядъ свадебныхъ пѣсенъ, поющихся «исконь-вѣку» и другого содержанія; двѣ историческія: «Ай съ Дону казаки наѣзжали»... и «По морю, по морю по Веревскому»... такъ наз. «женскія» пѣсни и др., а также басня (о ТюхменѣАдехментьевичѣ—былина, извѣстная въ нашей литературѣ подъ другимъ именемъ, но здѣсь приводимая съ новыми варіантами; къ ней оказалась присоединенною другая былина о Василисѣ Никулишнѣ и сказка (о ворѣ Кононѣ). Кромѣ пѣтыхъ и записанныхъ пѣсней, издателю были доставлены пѣсни учителями и учениками народныхъ училищъ. Въ концѣ книги напечатаны узоры полотенецъ и утиральниковъ, собранныхъ въ волостяхъ Петропавловской и Пречистенской, Кирил. у., Новгородск. губ. Въ Приложеніи помѣщены списки съ грамотъ и отписокъ царя Алексѣя Михайловича.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы.

1) Гдѣ въ русскомъ народѣ торжественно празднуется память преподобнаго Модеста (Медоста, Недоста—такъ называемый «Медостовъ день»)? Къ какому дню приурочено это празднество? Какими обрядами сопровождается? Не празднуется ли одновременно и священномученику Власію?

2) Какъ давно существуетъ въ г. Боровичахъ крестный ходъ 18 декабря? По какому поводу онъ установленъ? Собираются ли на этотъ ходъ и иноуѣздные крестьяне? если да, то издалека ли?

3) Гдѣ (кромѣ Вятской губ.) сохранился еще обычай «троецыплятницы», т. е. обрядовые обѣды, на которыхъ потребляются курицы, трижды высидѣвшія цыплятъ? Какими обрядами сопровождаются эти обѣды? Какъ они называются (шипшика, мольба̀, курячья братчина и проч.).

Отвѣты покорнѣйше просятъ направлять или въ Редакцію «Живой Старины» или въ г. Юрьевъ-Лифляндскій, Маріенгофская, 10. Дм. К. Зеленину.

При изученіи этнографическихъ особенностей различныхъ народностей слѣдуетъ обращать вниманіе на:

1) Густоту населенія.
2) Относительное количество городского и сельскаго населенія.
3) Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ сельскомъ населеніи.
4) Частоту и людность поселковъ (способы разселенія).
5) Средній ростъ населенія (хотя бы мужского).
6) Среднюю величину семьи въ сельскомъ населеніи.
7) Среднюю брачность, рождаемость, смертность за извѣстный періодъ времени.
9) Грамотность сельскаго населенія.

В. П. Семеновъ.

ОТДѢЛЪ V.

СМѢСЬ.

Характеристика общественныхъ классовъ по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ.

Народныя пословицы представляютъ богатый матеріалъ для каждаго изслѣдователя народной жизни, народнаго міросозерцанія. Онѣ представляютъ намъ въ яркихъ чертахъ мудрость народа, его задушевный взглядъ на добро и зло, правду и кривду, на общественные вопросы, отношеніе крестьянина къ другимъ классамъ общества, словомъ, нѣтъ ни одного житейскаго явленія, котораго бы не захватывала въ свой кругъ наблюденій пословица.

«Пословица не мимо молвится», а если она не мимо молвится, то стоитъ надъ ней остановиться. *

Касаясь темы объ общественныхъ классахъ въ народномъ пониманіи, слѣдуетъ оговориться. Понятіе о кастовыхъ, сословныхъ группахъ еще непрочно проникло въ сознаніе народа. Народъ до сихъ поръ представляетъ различіе слоевъ общественныхъ на основаніи различія служебнаго положенія извѣстнаго лица въ государствѣ и на основаніи экономическаго неравенства. Такъ, мужикъ живетъ и служитъ для того, чтобы пахать, косить, платить подати и всѣхъ кормить; баринъ—чтобы смотрѣть за нравственностью мужика, выколачивать недоимки и получать жалованье; священникъ—чтобы вѣнчать, крестить, хоронить, пѣть молебны и т. д. Въ мужицкомъ міровоззрѣніи представляется, что онъ есть центръ святорусской земли, что онъ есть единственный поилецъ, кормилецъ, остальные же общественные классы только живутъ на его счетъ. Отсюда враждебное отношеніе мужика къ барину, къ попу и т. д. словомъ, ко всему тому, что, по его мнѣнію, сидитъ «на его горбѣ».

Но въ баринѣ мужикъ уже научился различать разновидности типовъ барина: помѣщика въ эпоху крѣпостного права, дворянина послѣ крѣпостного права и чи-

* Источники и пособія: Собраніе 4291 древнихъ россійскихъ пословицъ. 1770 года. Снегиревъ, И.: Русскіе въ своихъ пословицахъ. Даль: Пословицы русскаго народа. Богдановичъ: Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. 1848. Буслаевъ: Русскія пословицы и поговорки. Архивъ Н. В. Калачева за 1854 г., стр. 9—176. Ластовка, народныя пословицы. Стр. 318—331. Олѣсовъ, В.: Собрникъ пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ камышловскомъ уѣздѣ. Екатеринбургъ. 1884. Носовичъ, И. И.: Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, Спб. 1874 г. Воскресенскій: Русская народная поэзія. Мери-Хови. Отшельникъ. Сборникъ пословицъ, поговорокъ. Стр. 1—252. Спб. 1882. Шишацкій-Имчичъ. Пословицы. М. Олишевка. Черниг. губ. Вѣд. за 1854 г., №№ 25 и 29. Закревскій: Малорос. пословицы. Стр. 141—244. М. 1860. Каравеловъ, Л.: Памятники народ. быта. Болгарскія пословицы. I, 1—158. М. 1861. Čelakovský, Fr.: Mudroslovi Národu Slovanského ve přislovich. Стр. 1—644.

чиновника. Первый, всего ближе соприкасавшійся съ мужикомъ, успѣлъ высказать предъ послѣднимъ много своихъ хорошихъ и несимпатичныхъ сторонъ. Всѣ эти слабости крѣпостника-помѣщика подмѣчены и выражены пословицами въ довольно образной формѣ. Второй и третій типы еще только намѣчаются пословицами новаго происхожденія.

Мужикъ не считалъ помѣщиковъ кастою, сословіемъ. Онъ видѣлъ, какъ въ помѣщики пролѣзалъ и ихъ братъ, мужикъ, дѣлавшійся для него «хамомъ». Онъ думалъ, что типъ крѣпостника-помѣщика умретъ вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права, что землю всю отдадутъ мужикамъ. Только съ освобожденіемъ своимъ изъ-подъ помѣщичьяго ига мужикъ съ ужасомъ увидѣлъ, что помѣщикъ все еще живетъ... Невольное чувство боязливости за свою свободу снова закрадывается въ душѣ мужика. Тутъ только мужикъ начинаетъ разубѣждаться и уяснять себѣ такое абстрактное понятіе о помѣщикѣ-дворянинѣ, какъ цѣломъ сословіи со всѣми привилегіями, принадлежащими дворянину.

Чиновникъ, по народному воззрѣнію, еще не вышелъ изъ стадіи кормленія на счетъ мужика (способъ, практиковавшійся въ эпоху московскаго государства). Каждый чиновникъ стремится что-нибудь сорвать съ мужика, поживиться на его счетъ, а то и прямо попитаться. Правда, всѣ такія имена, какъ воевода, подьячій, приказный, указываютъ на историческое происхожденіе пословицъ изъ эпохи кормленія служилыхъ людей, но то обстоятельство, что эти пословицы не вымираютъ, а держатся среди народа съ замѣною старыхъ названій новыми именами чиновниковъ, ясно указываютъ, какой типъ чиновника соприкасается съ народною жизнью.

Обратимся къ пословицамъ.

Прежде всего мужикъ прекрасно помнитъ свою многострадальную, крѣпостную жизнь, помнитъ самодуровъ-помѣщиковъ. Большинству помѣщиковъ съ понятіемъ о сермягѣ представлялось что-то забитое, тупое. Между тѣмъ, помѣщикъ и не подозрѣвалъ, что «у мужика кафтанъ хоть и сѣръ, да умъ у него не чертъ съѣлъ». Правда, у мужика «сыромятная душа» и «дехтемъ пахнетъ», но все-жъ таки мужикъ хорошо знаетъ, что лощеный баринъ-крѣпостникъ всецѣло отъ него зависѣлъ, сидѣлъ на его спинѣ и питался мужичьимъ тукомъ.

Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника [1].

Мужичьими мозолями бары сыты живутъ [2].

Какъ заживетъ крестьянинъ и дворянину доходъ [3].

Я—вашецъ, ты—вашецъ, а кто намъ хлѣба напашетъ (насмѣшка надъ тѣми мѣстами, гдѣ много дворянъ и мало крестьянъ, и такъ вездѣ въ такихъ случаяхъ) [4].

Кабы не было у мужика ни крохи, всѣ дворяне бы подохли [5].

Якъ будешь паномъ, то все будешь маты даромъ [6].

Якъ не буде Ивана, то не буде и пана [7].

Гэто, мужикъ, атласъ? Отъ насъ, паночекъ, отъ насъ! [8].

Мужикъ былъ вполнѣ безправенъ, закономъ для мужика была прихоть барина, его приказы.

Новый панъ, новое и право [9].

Казенный крестьянинъ живетъ, какъ Богъ велитъ, а барскій, какъ баринъ разсудитъ [10].

Душа божья, голова царская, а спина барская [11].

Господская воля мужицкую нудитъ, а сильную руку лишь Богъ дескать судитъ [12].

У нашихъ господей по сту затѣй [13].

Несмотря на свое безправіе, мужикъ сознавалъ, что благосостояніе помѣщика въ мужикѣ, поэтому зло смѣялся мужикъ надъ тѣми помѣщиками, которые не берегли своей даровой силы, продавали мужиковъ направо и налѣво.

[1] Богдановичъ. [2] Мери-Хови. [3] Тамъ же. [4] Даль; чешская: Když se páni množí, lidstvo ubožì. [5] Hal. Всѣ пани, а хто буде свинѣ пасти. [6] Закревскій. [7] Тамъ же. [8] Носовичъ. [9] Закревскій. Чешская: Nový pan, nové prava. [10] Мери-Хови. [11] Мери-Хови. [12] Богдановичъ. [13] Носовичъ.

Поздоровъ, Боже, пановъ, што у насъ ни коней, ни коровъ, цеперь-то намъ и погуляци [14].

Шляхциць, махциць, кунделевъ сынъ [15].

Шляхциць ты кобылянскій, одна нога въ чобоцѣ, а другая въ лапцѣ [16].

Хоромы кривы, сѣни лубяны, слуги босые, собаки борзыя да безъ индѣйскаго пѣтуха баринъ не баринъ [17].

О раззорившихся помѣщикахъ-дворянахъ пословицы такъ отзываются:

Паны по трое въ штаны [18].

Бывъ колисъ дворянинъ, да чортъ имя перемѣнивъ [19].

По неволѣ панъ въ жупанѣ, бо свитки нема [20].

Панъ гайнымъ напханъ [21].

Панство ихъ конопельками перебудземъ [22].

Панъ хорошъ, да нема грошей [23].

Проматавшихся помѣщиковъ ко дню освобожденія крестьянъ стало много.

Пановъ много такихъ—не перевѣшать и до Москвы [24].

Признаки промотавшагося или захудалаго дворянина-крѣпостника:

Ковнеръ широкій, а пяты голы [25].

Познаци пана по холявамъ (голенищамъ) [26].

Якій панъ, такій его и жупанъ [27].

По неволѣ панъ въ жупанѣ, бо свитки нема [28].

Панокъ бездушный: панъ надъ самимъ собою и надъ своей душей [29].

Пуговки золочены, а три дни не ѣлъ [30].

Три дни не ѣлъ, а тоже въ зубахъ ковыряетъ [31].

По чемъ познаць ляха? По томъ, что на черевѣ бляха [32].

Недобросовѣстность дворянина-крѣпостника по отношенію къ мужику была дѣломъ обыденнымъ. Обидѣть, обмануть, прижать мужика дворянинъ-крѣпостникъ не считалъ большимъ грѣхомъ: это, по его понятіямъ, не входило въ кругъ дворянской чести. Зато какими ѣдкими пословицами отмѣтилъ въ своемъ сознаніи мужикъ такихъ помѣщиковъ.

Казавъ панъ, кожухъ дамъ, инъ слово его тепле [33].

Не такъ трудно отъ пановъ, якъ отъ панятъ [34].

Не кричи дюже, панскій доворъ недалеко, въ пастухи возмуць [35].

Не шей дубленой шубы, оброку прибавятъ [36].

Одна была рубашонка, повѣсилъ на колъ, и тоё тянутъ за оброкъ [37].

Всякій дворянинъ свою милость хвалитъ, а наши услуги ни во что не ставитъ [38].

Отсюда выводъ и совѣтъ.

Што панъ, то собака [39].

Съ панами знаться, ума не набраться [40].

Съ панами рѣдко, а въ дурнями николи не приставай [41].

Съ боярами вишенъ не ѣшь, костьми закидаютъ [42].

---

[14]—[16] Носовичъ. [17] Мери-Хови. [18] Носовичъ. [19] Тамъ же. [20] Носовичъ; Закревскій; Ластовка. [21] Носовичъ. [22] Тамъ же. [23] Закревскій. [24] Мери-Хови. [25] Носовичъ. [26] Тамъ же. [27] Носовичъ; Закревскій; Ластовка; Шишацкій. [28] Мери-Хови. [29] Носовичъ. [30] Мери-Хови. [31] Тамъ же. [32] Носовичъ. [33] Носовичъ; Ластовка; Закревскій; Шишацкій. [34] Носовичъ; Закревскій; Челяковскій. [35] Носовичъ. [36] Буслаевъ. [37] ibid. [38] Челяковскій. [39] Закревскій; Челяковскій. [40] Носовичъ. [41] Закревскій. [42] Челяковскій. Сербская: Није добро с великом господомъ из једног чанка трешнѣ ѣсти.

Николи съ панами не мирайся руками: бо якъ довги—выдрижуть, а коротки—вытягнуть [43].

Хвали рожь въ стогу, а барина въ гробу [44].

Цысь, Ивасю, пановъ не переслушаешь [45].

Иго крѣпостного права на столько было тяжело, а гнетъ помѣщика на столько былъ ненавистенъ, что—мужику казалось иногда—этому гнету не будетъ и конца. Оставалась одна надежда на религію и на будущую загробную жизнь, но и тамъ она отравлялась сознаніемъ о непріятной встрѣчѣ мужика съ помѣщикомъ.

Мы и въ аду будемъ служить на баръ: они будутъ въ котлахъ кипѣть, а мы дрова подкладывать [46].

Невыносимый гнетъ мужикъ иногда пытался сбросить силой.

Были, были, и бояре волкомъ выли [47].

Будетъ то, что и намъ не помѣшаетъ никто [48].

Што вкладзець хамъ, не выймець и панъ [49].

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости мужикъ думалъ, что дворянинъ долженъ изчезнуть, какъ слабое существо, не привыкшее безъ мужика къ трудовой жизни, но, къ ужасу своему, видитъ онъ, что дворянинъ живетъ, что его всячески поддерживаютъ. Тутъ только мужикъ убѣждается, что понятіе дворянинъ не соединяется теперь больше съ владѣніемъ крестьянъ, что дворянинъ—правящій классъ, который оставленъ для надзора за мужикомъ.

Нынче дворянамъ честь, послужилъ, да и на печь: ѣсть принесутъ и мѣсто найдутъ [50].

Нынче дворянинъ около казны, что муха у патоки—боекъ [51].

Хоть лыкомъ шитъ, да дворянинъ [52].

Хоть не стоитъ лыка, да ставь за дворянина [53].

Дворянская кровь и въ Петровки зябнетъ (все денегъ проситъ) [54].

Былъ мочальникъ (торговалъ мочаломъ), а теперь земскій начальникъ [55].

Подмѣтилъ также мужикъ одну слабость современнаго дворянина—это искусство должать.

Брать въ долгъ—дѣло дворянское, платить долги—дѣло крестьянское [56].

У богатаго мужика всѣ въ долгу, у дворянина все въ долгу [57].

Дворянъ съ долгами стало такъ много, что безъ долгу дворянинъ заслужилъ о себѣ нелестную поговорку.

Безъ долгу не дворянинъ, а жидовинъ [58].

Почему? Да потому,
Что ни больше баринъ, то хуже долги платитъ [59].

Изъ правящихъ классовъ народъ выдѣлилъ классъ служилыхъ людей. Въ народной памяти осталось ясное воспоминаніе о воеводахъ, подьячихъ.

Воевода характеризуется, какъ типъ деспота, маленькаго царька, похожаго по складу его прерогативъ на помѣщика-крѣпостника.

На воеводу просить, что въ тюрьму идти [60].

Помути Богъ народъ, накорми воеводъ [61].

---

[43] Челяковскій Hal. Съ панскимъ своего языка не ривнай: коли довги, то прикорочають, коли короткый, вытягнуть. Еще смотри Челяковскій. [44] Мери-Хови. [45] Носовичъ. [46] Мери-Хови. [47] ibid. [48] Челяковскій. [49]—[51] Носовичъ. Угроза крестьянъ жестокому помѣщику. Русская: что вложитъ хамъ, не поможетъ и царь. [52] Воскресенскій. [53] ibid. [54] ibid. [55] ibid. [56] Даль. [57] Мери-Хови. [58] ibid. [59] ibid. [60] ibid. [61] ibid.

Воеводой быть, безъ меду не жить [62].

Воевода пріѣдетъ, и калачи принесутъ [63].

Лошадь любитъ овесъ, земля навозъ, а воевода приносъ [64].

Дьякъ, подьячій и весь составъ стариннаго суда характеризуется крайне несимпатичными чертами.

Приказный за перо возьмется, у мужика мошна и борода трясется [65].

Подьячимъ и на томъ свѣтѣ хорошо: умрутъ—прямо въ дьяволы произведутъ [66].

Подьячаго бойся и спящаго: притворяется [67].

Козелъ да приказный—бѣсова родня [68].

Богъ сотворилъ два зла: приказнаго и козла [69].

Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста: а какъ дьякъ на площади, то, Господи, прости! [70].

Всякъ подьячій любитъ приносъ горячій [71].

Воръ виноватъ, а подьячій мошнѣ его радъ [72].

Утинова зоба не накормишь, а подъяческаго кармана не наполнишь [73].

Жаль писцу бумажки, не нажить ему рубашки [74].

Приказный—приказливъ, что не сдеретъ, то все проживетъ [75].

Судьямъ то и полезно, что имъ въ карманъ полѣзло [76].

Брюхо, что неправедный судья, и молча проситъ [77].

Скорѣе дѣло вершишь, коли судью подаришь [78].

Когда судью подаришь, то всѣхъ побѣдишь [79].

Дари судью, такъ не посадятъ въ тюрьму [80].

Мздою, что уздою, обратишь судью въ твою волю [81].

Съ кого судья взялъ, тотъ и правъ сталъ [82].

Судьи за деньги страхъ Божій забыли—стараются, чтобы виноватые правы были [83].

Узнавай купца по обману, а судью по карману [84].

Недалеко ушелъ въ народномъ представленіи и современный чиновникъ, соприкасающійся съ мужикомъ. Ему видится то же взяточничество, то же кормленіе, какъ и въ до-реформенной Россіи въ широкихъ размѣрахъ практиковалось.

Бойся худого локтя, да свѣтлой пуговицы [85].

Рѣдко на свѣтлой пуговицѣ душа живетъ [86].

Лошадь любитъ овесъ, земля навозъ, а становой приносъ [87].

Становымъ жить, безъ меду не быть [88].

Становой пріѣдетъ, и рубли принесутъ [89].

Въ лѣсу сучки, въ городѣ полицейскіе крючки, всего обдерутъ [90].

Близкое соприкосновеніе съ народомъ послѣ помѣщика-крѣпостника и чиновника имѣетъ духовный классъ. За все время существованія у насъ духовенства мужикъ могъ изучить его лучше, чѣмъ самого себя. Больше всего, конечно, останавливали мужичье вниманіе на себя попъ и монахъ.

И въ сказкахъ, и въ пѣсняхъ и въ пословицахъ попъ почему-то представляется неумнымъ и жаднымъ человѣкомъ, и брать всѣмъ во всякое время за всякую требу оскорбляетъ религіозное чувство мужика.

Попъ не лѣшій, а на глаза не вѣшай [91].

Поповы глаза завидущи [92].

---

[62] ibid. [63] ibid. [64] Даль; Снегиревъ: Не ходи къ воеводѣ съ однимъ носомъ, а ходи къ нему съ приносомъ. 1770; 1822; Снегиревъ; Даль. [65] Мери Хови. [66] ibid. [67]. ibid. [68] Даль. [69] Мери Хови. [70] ibid. [71] Даль. [72] 1770; 1822; Снегиревъ. [73] 1700; Снегиревъ; Даль. [74] Снегиревъ. [75] Даль. [76] 1770; 1822; Снегиревъ. Даль. [77] Снегиревъ. [78] 1770; 1822; Снегиревъ и Даль. [79] 1770; 1882; Снегиревъ и Даль. [80] 1770; 1882; Снегиревъ и Даль. [81] Снегиревъ. [82] 1770. [83] 1770; 1822; Снегиревъ. [84] Снегиревъ. [85] Мери-Хови. [86] ibid. [87] Олѣсовъ. [88] ibid. [89] ibid. [90] ibid. [91] Олѣсовъ. У Даля: хорошо жениться, да страшно къ попу приступиться. [92] ibid.

Адъ да м...да, да поповы глаза всего на свѣтѣ жаднѣе [93].
Попъ съ живого и съ мертваго деретъ [94].
Накажетъ дѣдъ, какъ умретъ, безъ рубля попъ не схоронитъ [95].
Попъ хочетъ большого приходу, а самъ ждетъ, когда кто умретъ [96].
И роди плати, и хорони плати [97].
Родись, крестись, женись, умирай, за все денежки подай [98].
Кому убытокъ, а попу доходъ: съ живого и съ мертваго деретъ [99].
Первую мерлушку попу на опушку [100].
Попови иде и печене и варене, изъ живого и вмернаго [101].
Богу слава, а попу коровай сала [102].
Попъ живе съ алтаря, а писарь съ колонаря [103].
Попивъ мѣхъ, жебракинъ кинь — николи не сыти [104].

Недальновидность попа отмѣчена слѣдующимъ образомъ.

Смѣлаго ищи въ тюрьмѣ, глупаго въ попахъ [105].
Въ суткахъ (подъ образами въ крестьянской избѣ) сидятъ одни попы да дураки [106].

Между тѣмъ, нравственное воздѣйствіе духовенства на народъ громадное.

Каковъ попъ, таковъ и приходъ [107].
Каковъ попъ, таково его и благословеніе [108].
Якый пипъ, такэ его благословенство [109].

За свою иногда обнаруженную неряшливость въ поведеніи попъ заслужилъ много некрасивыхъ прозвищъ.

Жеребячья порода, завидные глаза [110].
Съ благоутробіемъ твоимъ [111].
У бѣлоруссовъ: Паки, паки дай попъ тобаки. Sursum corda, нюхай, сабачья морда [112].
У болгаръ: сиромахъ хаджиа, дрипавъ попъ да грьчва свиня юдно ю [113].

Насколько велико уваженіе народа къ монастырямъ и лицамъ монашествующимъ, которые прославились своими благочестивыми подвигами, на столько же велико его презрѣніе къ монахамъ-ханжамъ, развратникамъ, пьяницамъ, которые иногда попадаютъ въ мужскіе монастыри.

---

[93] ibid. [94] ibid. [95] ibid. [96] ibid. [97] Даль. [98] ibid. [99] ibid. [100] Hal.; чешская: První spratek knězi pod kožich. [101] Челяковскій. [102] ibid. [103] Носовичъ. [104] Hal; Челяковскій. Сербская: поповска вреħа никак напулнити се не може. [105] Даль. [106] Даль. Попъ пьяница выведенъ въ болгарскихъ пословицахъ. Нарѣзалъ са, като попъ на задушница (нарѣзался—напился). Вся поповская порода не пользуется симпатіей у болгарскаго народа. Попски синъ дяволська унука. Сирамахъ жаджиа, дрипавъ попъ и грьчва свиня юдно ю. Перчиса, жемаписа, като сельскій попъ.

Сербскія пословицы учатъ глядѣть не на то, что попъ говоритъ въ церкви, а на то, какъ попъ живетъ. Выше се смотри на то, како поп живи, него како учи. Не чини оно, што поп чини, и не твори, што учи.

У чеховъ духовенство зарекомендовало себя крайне съ плохой стороны.

Кзендзъ да пастухи содержатся народомъ лишь отъ чертей да отъ волковъ. Не будь тѣхъ и другихъ, ксендзы и пастухи, не поддерживаемые больше народомъ, давно бы всѣ съ голоду померли. (Челяковскій).

Жадность ксендза извѣстна и чеху (см. Челяковскій). Лучше быть поэтому добрымъ хлопомъ, якъ злымъ ксендзомъ, какъ говоритъ галичанинъ или чехъ: (см. Челяковскій).

[107] Даль. [108] Даль. [109] Носовичъ. [110], [111] Носовичъ. [112] Носовичъ. [113] Каравеловъ.

Монахъ молока не хлебнетъ въ пятницу, а молочницѣ и въ страстную недѣлю не спуститъ [114].

У честныхъ отцовъ не найдешь концовъ [115].

Игуменъ за чарки, братья за ковши [116].

Монахъ праздный есть тать лестный [117].

На черта только слава, а монахъ поросенка съѣлъ [118].

Монахъ не котъ, молока не пьетъ, а вина только подавай [119].

Въ монастыри нынче идутъ нѣкоторые православные не для подвиговъ, не спасаться, а прокормиться на чужой счетъ или же вслѣдствіе большого горя.

Кто ничѣмъ прожить не можетъ, тотъ побѣжитъ либо въ монастырь, либо на войну [120].

Нѣсколько отдѣльно отъ другихъ сословій стоитъ классъ военныхъ людей. Здѣсь та или другая спеціальность въ военномъ искусствѣ накладываетъ свою печать на личность человѣка. Такъ:

Пьяница во флотѣ, щеголь въ пѣхотѣ, умница въ артиллеріи, а дуракъ въ кавалеріи [121].

Интересно поглядѣть, какъ пословицы отзываются о самомъ мужикѣ. Прежде всего пословица признаетъ за мужикомъ умъ и хитрость.

На мужикѣ кафтанъ хоть и сѣръ, да умъ у него не чертъ съѣлъ [122].

И мужикъ знаетъ, кто на кого лаетъ [123].

Мужикъ глупъ, какъ ворона, а хитеръ, какъ чертъ [124].

Мужикъ глядзиць, якъ ворона, а хитеръ, якъ чертъ [125].

Мужикъ глядзиць въ землю, а на семь саженъ видзиць [126].

У мужика много природныхъ способностей, нужно только заинтересовать его, дать ему волю, а если лѣнивъ—понудить его.

Бей русскаго мужика—часы сдѣлаетъ [127].

Кабы мужикъ на печи не лежалъ, корабли бы за море пускалъ [128].

Мужикъ терпѣливъ до зола (задора ждетъ) [129].

Нравственныя убѣжденія у мужика, вслѣдствіе его неразвитости, неустойчивы. Съ перемѣною мѣста и обстановки мѣняются и убѣжденія. Часто эгоизмъ беретъ перевѣсъ надъ всѣми качествами души, разъ мужикъ сознаетъ свою силу.

Мужикъ богатый, что быкъ рогатый [130].

Назови мужика братомъ, а онъ скажетъ: я-де большой [131].

Въ мужикѣ широкая натура: въ бѣдѣ или въ радости онъ не знаетъ полумѣръ. Умѣренность и аккуратность—качества, требующіяся отъ средняго человѣчка, ему не по душѣ.

Мужикъ годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ чертъ прорветъ, такъ и все пропьетъ [132].

У русскаго мужика душа на распашку [133].

У мужика натура крѣпкая, потому что

Въ мужицкомъ брюхѣ и долото сгніетъ [134].

Безъ каши мужика не накормишь [135].

Но въ эпоху крѣпостного права мужика задавили почти совсѣмъ три бѣды: рекрутчина, подати, да паньщина.

Въ нашей волости три болести: некрутчина, подати да паньщина [136].

Въ настоящее время, въ виду непосильныхъ поборовъ и повинностей, мужику при-

114 Мери-Хови. 115 ibid. 116 ibid. 117 ibid. 118 ibid. 119 ibid. 120 Челяковскій. Сербская: Изъ одчаяня или войник или калуђер. Чешская: Před nouzí do klástera. Отъ бѣды во черницы. 121 Мери-Хови. 122 Даль 123 Даль. 124 Носовичъ; Шишацкій. 125 Носовичъ. 126 Носовичъ. 127 Мери-Хови. 128 ibid. 129 ibid. 130—133 Даль. 134 Мери-Хови. 135 ibid. 136 ibid.

ходится чрезъ силу работать и добывать деньгу другимъ путемъ, а не надѣяться лишь на свое земледѣльческое искусство.

Нашъ народъ по буднямъ затасканъ, шутливо оговаривается мужикъ о себѣ [137].

Мужикъ ясно сознаетъ, что при современномъ положеніи дѣлъ отъ земледѣлія ему не поправиться.

Межъ сохи да бороны не укроешься [138].

Отъ крестьянской работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ [139].

Соха да борона разорила мужика, скрипка да гудокъ построили домокъ [140].

Мужикъ чувствуетъ, что ему воли нѣтъ, что и послѣ уничтоженія крѣпостного права надъ нимъ стоитъ слишкомъ большая тягота въ видѣ разныхъ повинностей и административной опеки. Съ этой стороны онъ похожъ на пчелу или кобылу, которыя никогда на себя не работаютъ.

Сколько бы кобыла ни рожала, а все въ хомутѣ умретъ [141].

Мужикъ, что пчела, на себя не работаетъ [142].

Административная опека надъ міромъ стѣснила свободу мысли. Въ эпоху крѣпостного права міръ уважалъ даже самъ помѣщикъ.

Что міръ скажетъ, то и панъ не поможетъ [143].

Що громада скаже, то й панъ не поможе [144].

Теперь же, хотя

Міръ и великъ человѣкъ, но и міру урядника дали [145].

Что міръ посудитъ, то земскій разсудитъ [146].

Говоря объ общественныхъ классахъ съ народной точки зрѣнія, не лишне здѣсь упомянуть о міровоззрѣніи крестьянина, его политическихъ убѣжденіяхъ, неразрывно связанныхъ съ характеристикою общественныхъ классовъ.

Нельзя быть землѣ русской безъ царя, вотъ что говоритъ мужикъ [146].

Безъ царя Русь вдова [147].

Лучше грозный царь, чѣмъ семибоярщина [148].

Царь, по народному взгляду, одному только Богу отвѣчаетъ [149].

Обязанности царя сводятся къ заботамъ о народѣ.

Коли царь свой народъ почтитъ, народъ его въ бѣдѣ защититъ [150].

Не честь царю радоваться, коли народъ печалится (напр. голодаетъ) [151].

Но царю трудно управлять и заботиться о народѣ. Часто царя окружаютъ любимцы, временщики, которые и давятъ народъ и разоряютъ его. Впрочемъ, временщики, по народному предсказанію, недолговѣчны.

Жалуетъ царь, да не милуетъ псарь [152].

Не отъ царей угнетенье, а отъ царскихъ любимцевъ [153].

Сильны временщики, да недолговѣчны [154].

Временщику срокъ — 7 или 9 лѣтъ, а больше нѣтъ [155].

Управленіе царя должно быть не жестокое и не противное свободѣ, потому что

Строгій законъ виноватыхъ творитъ, и разумный тогда по неволѣ дуритъ [156].

Жестокая власть не корыстна и людямъ всегда ненавистна [157].

Добрая же власть не противна свободѣ и ею хранится выгода въ народѣ [158].

Управлять должно не все бичемъ да хлыстомъ, иное можно и свистомъ или добрымъ словомъ [159].

Съ другой стороны,

Тотъ казнь не заслужилъ, кто въ мысляхъ заблуждаетъ, и многіе на свѣтѣ родятся заблуждать, кто можетъ, тотъ свой путь скорѣе исправляетъ, и казнію людей не можно исправлять [160].

---

[137] ibid. [138] Даль; [139] Даль. [140] Даль. [141] Мери-Хови. [142] Даль. [143] Мери-Хови. [144] Носовичъ. [145] Даль. [146] Даль; Челяковскій. [147] Даль. [148] Снегиревъ. Даль. [149] Даль. [150] Богдановъ. [151] ibid. [152] Даль. Челяковскій. [153] Даль. [154] Богдановъ; Даль. [155] Богдановъ. [156]—[160] ibid.

Въ заключеніе нужно сказать, что у мужика много наблюдательности и ума, иначе мужикъ не могъ бы сказать такой истины, что сила—уму могила, что умъ любитъ просторъ, что умъ ни конемъ не объѣдешь, ни городьбой не огородишь. Выводъ прямой: до такихъ думъ надо додуматься путемъ наблюденій надъ жизнью и ея явленіями.

Не все, значитъ, мужикъ на печи спалъ: печальная исторія многому научила его. Доработался онъ мыслью до того убѣжденія, что дума, что борода—одна лишняя тягота. Истина святая—чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. Можно додуматься, Богъ знаетъ, до какихъ премудростей, которымъ и самъ нерадъ будешь.

Впрочемъ, надо полагать, ума на святую Русь отпущено Господомъ Богомъ не особенно много: дураковъ у насъ на сто лѣтъ припасено, слѣдовательно, нѣтъ основаній бояться бѣдъ отъ ума [161].

Дураковъ у насъ не сѣютъ, не жнутъ, а сами родятся, говоритъ пословица [162].

Вѣрно и то, что съ умомъ жить—мучиться, а безъ ума жить—тѣшиться [163].

Это выраженіе какъ нельзя лучше опредѣляетъ настоящее положеніе мужика въ общественной жизни.

Я. Кузнецовъ.

Г. Судогда.

Сказка о неправомъ судѣ.

Во время своихъ экскурсій по Вятской губерніи (лѣтомъ 1901 и 1902 г.г.) я чрезвычайно рѣдко встрѣчалъ сказочниковъ, которые пользовались бы въ этомъ отношеніи извѣстностью въ околоткѣ. Хорошихъ пѣсенниковъ, знающихъ «старинныя» пѣсни, мнѣ называли почти въ каждомъ селѣ. Напротивъ, о сказочникахъ почти не было помину.

Объясняю я это обстоятельство прежде всего тѣмъ, что сказка, въ полную противоположность съ пѣснею, живетъ домашнею, келейною жизнью. Сказки слушаются почти исключительно въ тѣсномъ семейномъ кругу, чаще всего одними дѣтьми отъ бабушки. На мѣстныхъ «бесѣдкахъ» теперь сказокъ не разсказываютъ. Хорошему сказочнику, такимъ образомъ, негдѣ получить извѣстность. Но рядомъ приходится констатировать и упадокъ, постепенное вымираніе сказки въ народѣ. Въ этомъ отношеніи съ особенно характернымъ фактомъ я встрѣтился въ селѣ Ломъ (Яранскаго у.). Здѣсь крестьяне сильно нахвалили мнѣ одного «сказочника», молодого парня (чтó мнѣ показалось особенно интереснымъ, такъ какъ прежде я записывалъ сказки исключительно отъ стариковъ и старухъ) изъ сосѣдней деревни. Я постарался разыскать хваленаго сказочника, и какъ разъ засталъ его (дѣло было въ праздникъ) въ кругу мужичковъ и парней, которые, расположившись на зеленой лужайкѣ двора, внимательно слушали «сказку». Я безшумно подсѣлъ. Оказалось, что нашъ «сказочникъ» разсказывалъ своимъ слушателямъ извѣстный историческій романъ Алексѣя Толстого «Князь Серебрянный»,—разсказываетъ со всѣми подробностями и эпизодами, не перевирая и не перемѣшивая именъ. Можно было только удивляться замѣчательной памяти парня, который, какъ оказалось, начитался «хорошихъ книжекъ» въ городѣ. Точно такимъ же образомъ онъ разсказывалъ «сказку о принцѣ и нищемъ» (Марка Твена) и нѣкоторыя другія повѣсти и романы.—Вотъ чтó идетъ на смѣну народной сказки, подумалъ я.

[161] Бѣлова. Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ. Историч. Вѣстн. 1885, кн. 2.

Отмѣченный фактъ—единичный. Вообще же, народная сказка остается прежнею. Встрѣчаются еще и миѳологическія сказки, хотя—правда—сравнительно рѣдко. Въ народѣ на счетъ этихъ сказокъ говорятъ, что ихъ пристало слушать однимъ ребятамъ. Мнѣ удалось записать миѳологическихъ сказокъ крайне мало, и то все очень извѣстные варіанты. Сравнительно болѣе оригинальна сказка о глиныш кѣ (с. Верхотулье, Котельническаго у.). У старика со старухой не было дѣтей; они и сдѣлали «глинышка изъ глины». Бойкій глинышекъ любилъ ловить рыбу, для чего и уѣзжалъ на лодкѣ по рѣкѣ. Мать носила ему обѣдать и, стоя на берегу, кричала:

Глй-иньшокъ, глй-иньшокъ! Къ бéрежку!
Вотъ тебѣ кашка маслена,
Вотъ тебѣ ложка красная,
Вотъ пирогъ пшенисьниинькой!

Поделушала баба-яга, стала кричать также. Въ первый разъ неудачно, а во второй ей удалось обмануть глинышка и увести его къ себѣ. Яга хочетъ изжарить глинышка и съѣсть его, но огонь не дѣйствуетъ на него, и вмѣсто него погибаютъ три дочери самой бабы-яги (Варіанты см. у Аѳанасьева, Нар. рус. сказки. I, № 62, по изд. 1897 г.).

Сказка о томъ, какъ мужикъ чертей удилъ (с. Юрьево, Котельническаго у.) миѳологична только по заглавію, содержаніе же ея чисто бытовое. Мотивъ широко распространенный: «проучка» навязчиваго волокиты. «Повадился одинъ попъ къ бабѣ ходить, за пазуху лазить. Та и жалуется мужику: измаялъ онъ меня совсѣмъ, вяжется.—Дакъ штó, говоритъ, давай, я его проучу! Наклади-ка въ сундукъ сажи!—Мужикъ уѣхалъ. Приходитъ попъ. Мужикъ, какъ бы неожиданно, ворочается. Баба говоритъ попу: полѣзай въ сундукъ! Она заперла его тамъ. Ухнулъ попъ въ сажу; сидитъ, не пикнётъ. Приходитъ мужикъ въ избу: я, говоритъ, уѣхалъ, а и забылъ: сундук'отъ надо продать. Взялъ сундукъ, привязалъ его на телѣгу и поѣхалъ. Доѣхалъ до рѣки, поставилъ сундукъ на берегъ, а самъ рядомъ сидитъ, камень въ рѣку на веревкѣ забросилъ: какъ будто рыбу удитъ. Ѣхалъ мимо баринъ.—Что дѣлаешь?—Да вотъ отвѣчалъ мужикъ, чертей ужу; одново ужо выудилъ, въ сундукѣ сидитъ...—Какъ такъ? покажи!—А што дашь?—Сошлись на двѣсти рублей. Убѣжитъ вѣдь только онъ, говоритъ мужикъ, открывая сундукъ.—Попъ оттуда выскочилъ, да и дрáло по берегу. Рубаха-та бѣлая была, вся вымаралась въ сажѣ: настоящщой чортъ! Получилъ мужикъ 200 рублей, и баба не стала больше жаловаться».

Подобнаго рода бытовыя сказки пользуются теперь въ народѣ наибольшею популярностью. Для примѣра приведу еще одну (с. Ломъ, Яранскаго у.). «Жилъ одинъ благочестивый человѣкъ. Поѣдетъ куда, увидитъ гдѣ косточку,—сейчасъ ее захоронитъ: завернетъ въ холстъ и зароетъ въ землю. Увидѣлъ онъ разъ человѣческій черепъ. Оторвалъ аршинъ холста, завернулъ, хочетъ закопать, а черепъ во всѣ глаза на него глядитъ. Оторвалъ два аршина—опять тоже, три—не лучше... По близости какъ разъ тутъ былъ цыганскій таборъ. Пришелъ цыганъ, да и говоритъ: что это ты думаешь холстомъ глаза завязать черепу? Не видишь развѣ, что это голова-та поповская? Поповскіе глаза завидýшшіе! А ты возьми сухой соломы, либо травы гнилой, да заткни глаза-та, тогда и однимъ аршиномъ завяжешь!—Послушался мужикъ, и вѣрно».

Сказки изъ міра животныхъ пользуются также широкимъ распространеніемъ. Къ этой группѣ принадлежитъ и наиболѣе интересная изъ записанныхъ мною сказокъ—о неправомъ судѣ. Разсказчикъ, ослѣпшій недавно старикъ въ сел. Юрьевѣ (Котельнич. у.), Кузьма Михѣевъ, выслушалъ ее еще въ молодости, въ г. Котельничѣ, отъ какого-то человѣка, съ которымъ они вмѣстѣ «кройли жито» у купца. Выслушавъ, сразу «пóнялъ», и прекрасно помнитъ до сихъ поръ. Самъ онъ называетъ свой «рóзсказъ»—«ворóна». Содержаніе изъ птичьяго міра. Я приведу его сначала въ самыхъ краткихъ чертахъ, а затѣмъ уже съ буквальною точностью и съ возможно точною передачею своеобразнаго мѣстнаго говора.

Кукушка свила гнѣздо въ бору на соснѣ и вывела дѣтей. Сова разорила гнѣздо. Кукушка въ судъ. Судъ (въ немъ участвовала и сова) призналъ виновною ворону. Послѣднюю наказываютъ. Она оправдывается и указываетъ трехъ свидѣтелей: воробья, жолну и дятла. Но судъ признаетъ всѣхъ этихъ свидѣтелей незаслуживающими довѣрія. Уже наказанная, ворона свалила вину на кукушку. И судъ сослалъ кукушку въ лѣсъ, а ворону почтилъ.

«Жилъ да былъ старикъ съ мужомъ. Поѣхалъ объ Ѳеонáсьевѣ дни въ гости со старухой. Сѣли ря́домъ, стали говорить лáдомъ. Ѣхали-попоѣхали, по ногáмъ доро́гой. Хлебе́сь кобылу бичёмъ троу́злымъ. Угнáлъ, начéю, вёрсть петь-шесть, огляну́лса: тутъ есь (ещó и съ мѣста не подалсá). Доро́га худая, гора крутая, телѣга немáзанная [1].

Ѣхалъ попоѣхалъ, дó бору доѣхалъ. Въ бору стоитъ семь берёсъ, восьмая со́сна, ви́ловата [2]. На той со́снѣ ви́ловатой коку́шечѐ-горю́щечё [3] гнѣздо свила и дѣтей свелá. Негдѣ взелась скоробогáтая [4] птíчя, погумённая сова-сѣры бока, голубы́ё глаза, портенóё подоплéчьё, суко́нной зáворотникъ [5], носъ крючькомъ, глаза по ло́шкѣ, какъ у сердитой кошки. Гнѣздо розорíла и дѣтей спогубила и въ землю схоронила.

Пошла коку́шечё, пошла горю́шечё съ про́зьбой къ Зу́ю прáведному. Зуй прáведной по песочку гуля́ётъ, чюло́чьки обувáэтъ, сыромя́тные коты́ [6]. Наряжáэтъ си́ночку-россы́лочьку [7], воро́бушка-десятника къ царю-лебедю, къ гусю-губернатору, павúну-архирéю [8], ко́ршуну-исправнику, грачю-становóму, къ éстребу-уряднику [9], къ тéтереву польскѐму-старостѣ мíрьскѐму.

Собралúсь фсѣ чиновники и начя́льники: царь-лебедь, гусь-губернаторъ, павúнъ-архирей, коршунъ-исправникъ, грачь-становóй, éстрепъ-урядникъ, тéтеревъ польскѐй—староста мíрьскѐй, си́ночька-россы́лочька, воробéй-десятникъ, и изъ уѣзднова суда тайна полúчія: сычь и сова, орёлъ и скопá,—што́ есь на бѣломъ свѣтѣ за скоробогáтая птíчя, погумённая сова, бѣлы бокá, голубы́е глаза, портенóё подоплéчье, суко́нной зáворотникъ? - И добралúсь, што ворона [10].

И присудили ворону наказать: стрехну́ли ко гря́ткѣ ногáмъ и зáчяли сѣкчи по мя́ккимъ мѣстáмъ, по ледвея́мъ. И ворона возмолúлася: каръ-каратáитё, моё тѣло таратáйтё, никакихъ вы свидѣтелей не спрощáйтё! —Хто у тя есь свидѣтель?—У меня есь свидѣтель воробéй.—Знáёмъ мы твоёва воробья, я́бедника и кля́ветника и потакóфшыка. Хресья́нинъ поставилъ нóву и́збу,—воробей прилетитъ, дыръ навертúтъ; хресья́нинъ избу затопля́этъ, тепло въ избу пропушшáэтъ, а воробей на у́личю выпушшáетъ [11]. Непрáвильнова свидѣтеля сказала ворона! И ворону наказываютъ пу́шшэ и товó.

---

[1] «Зачи́новъ» (началъ) у сказочника было нѣсколько; онъ выбралъ «который посмѣшнѣе». Остроуміе, какъ видимъ, самое элементарное.—Аѳонасьевъ день—5 іюля (зимній 18 января).—Н а ч é ю—думаю, полагаю.

[2] В и́ л о в а т ы й растущій въ видѣ вилы, на два ствола.

[3] Фонетически изъ: кокушица-горюшица.

[4] Скоро разбогатѣвшая? Срв. Кузьма Скоробогатой (въ сказкахъ Аѳанасьева: I, № 99) и мрусск. скоробогатьки (пыжики тожъ) «мелочные торговцы».

[5] Воротникъ.

[6] Зуй въ народныхъ пѣсняхъ—аристократъ и щеголь (см. Соболевскій, Вусск. нар. пѣсни, VII, стр. 665 и 406—408).

[7] С и́ н о ч к а, С и́ н к а—синица.

[8] Разсказчикъ сообщилъ мнѣ, что онъ самъ поставилъ здѣсь п а в и́ н а (т. е. павлина), вмѣсто ф и л и н а прежней редакціи.

[9] Фонетически изъ ястребъ.

[10] Примѣты обвиняемой совы, какъ видимъ, слишкомъ очевидны; но сова аристократка (въ народной пѣснѣ она говоритъ про себя воробью: «Я роду не простаго, не простаго я, княжескаго, я - майорская дочь, генеральская сноха, я, сова, офицерская жена»! Соболевскій: VII, № 454, стр. 400), да она и присутствуетъ на судѣ въ качествѣ члена тайной полиціи,—и аристократическій судъ не думаетъ обвинять сову, а обвиняетъ ни въ чемъ неповинную демократическую ворону.

[11] Судъ, повидимому, горячо защищаетъ интересы крестьянства, но жизнь послѣдняго знаетъ, кажется, очень плохо: воробей едвали много «дыръ навертитъ» въ избѣ; воробей—воръ, онъ воруетъ зерно.

И ворона возмолилася: каръ-каратаитё, моё тѣло таратаитё, никакихъ вы свидѣтелей не спрошаитё.

— Хто у тя есь свидѣтель?

— У меня есь свидѣтель—жолна!

— Знаёмъ мы твою жолну,—ябедничю, кляветничю и потакофшичю! Стоитъ въ раменьё липа, годицца на божей ликъ и на коностасъ. Жолна прилетитъ, дыръ навертитъ; дошъ пошолъ, липа изгнила, не годицца на коностасъ; послѣ тово и лопаты изъ неё не здѣлати [12]. Неправильнова свидѣтеля опѣть сказала!

И пушшэ тово ворону стегаютъ по ледвеямъ и по перетку.

Опѣть ворона возмолилась. Каръ-каратаитё, моё тѣло таратаитё, никакихъ вы свидѣтелей не спрошаитё!

— Хто у тя есь свидѣтель?

— У меня еесь свидѣтель послѣднёй,—дѣтель.

— Знаёмъ мы твоево дѣтеля—ябедника, кляветника и потакофшика! Хресьянинъ загородилъ новой огоротъ; и дѣтель прилетѣлъ, жерть передолбилъ, и двѣ передолбилъ, и три передолбилъ: дошъ пошолъ, огоротъ россѣлся и розвалился: хресьянинъ скота на уличю выпушшаетъ, дѣтель ф полё пропушшаетъ.

И ворону наказали, отъ грятки отвезали. Ворона крылышка разбросала, лапочьки роскидала... Изъ-за кокушечи—изъ-за горюшечи, изъ-за ябедничи я, вороно-праведничя [13]... Нечѣмъ хресьянина не обиждаю: по утру рано на гумнёшкё вылетаю, крылышкамъ розметаю, лапочкамъ розгребаю, тѣмъ себѣ и пишшу добываю!—Она кокушечя, она горюшечя, она ябедничя, она кляветничя! Хресьянинъ нажалъ одинъ суслонъ,—кокушечя прилетитъ, и тотъ одолбитъ! большэ тово подъ ноги спуститъ!..

И выслушали (судъ) воронины слова. И ворону подхватили, въ красной стулъ [14] посадили. Кокушечю-горюшечю, въ наказаніе ёй, ф тёмной лѣсъ отправили на триччѣть лѣтъ, поглёнеччя,—живи весь вѣкъ! И топере кокушка въ лѣсу проживаетъ, и гнѣзда не знаетъ».

Въ приведенной сказкѣ мы находимъ, такимъ образомъ, и своеобразный отвѣтъ на вопросъ о томъ, почему кукушка своего «гнѣзда не знаетъ»? Однако видѣть въ этомъ отвѣтѣ ядро, основной мотивъ сказки нѣтъ никакихъ основаній. Что сказка выросла не изъ этого мотива, а послѣдній былъ приплетенъ къ основѣ сказки лишь кстати, объ этомъ ясно говоритъ уже одно то, что судъ происходитъ въ сравнительно очень новое время, во времена губернаторовъ и уѣзднаго суда. Если и допустить, что эти учрежденія явились въ сказкѣ на смѣну какихъ-либо иныхъ, болѣе древнихъ, такъ и тогда совсѣмъ невѣроятно, чтобы приговоръ суда человѣческаго распространялся на вольную птицу «божью». Наконецъ, по вопросу о томъ, почему кукушка «своего гнѣзда не знаетъ», въ народѣ существуютъ особыя повѣрья и легенды, ничего общаго съ нашей сказкой не имѣющія. По очень широко распространенному повѣрью, отмѣченному мною, между прочимъ, въ томъ же самомъ селѣ Юрьевѣ, кукушка—«оборотень изъ дѣвокъ», а у дѣвушки своего гнѣзда, конечно, быть не можетъ. Повѣрье это очень близко къ мнѣнію, выраженному въ одномъ малорусскомъ апокрифѣ (Чубинскій. I, 59), по которому кукушка, вмѣстѣ съ чайкой, произошли отъ дѣвушекъ, которыя вздумали испугать Спасителя [15]. Есть и еще повѣрье: кукушка за то безъ гнѣзда, что завила его на Благовѣщенье.

Кукушка нашей сказки, подобно всѣмъ другимъ, фигурирующимъ въ ней птицамъ,—явная аллегорія. Символическое значеніе кукушки въ русской народной сло-

[12] Здѣсь возраженіе суда удачнѣе; относительно желны срв. народную поговорку: кто дятла прозвалъ дровосѣкомъ, желну бортникомъ? (Даль, Пословицы, 546). - Раменьё—лѣсъ.

[13] Здѣсь, кажется, небольшой пропускъ. Возможно однако, что эта отрывочная рѣчь, безъ сказуемаго, объясняется состояніемъ вороны (въ аффектѣ).

[14] Признакъ особой чести (срв. красный уголъ - передній въ избѣ, куда садятъ самыхъ почетныхъ гостей).

[15] Срв. также сербское повѣрье (Вукъ, Стефановић, Српски рјечник, 1818, стр. 350), по которому кукавица «била жена» и потомъ только «се претворила у тицу».

весности извѣстно. Кукушка—символъ горюющей, плачущей женщины,—сироты, вдовы, жены, тоскующей въ одиночествѣ и т. п. (см. Потебня въ Русск. Филог. Вѣстникѣ, XVI, 272). Въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости разумѣть подъ кукушкой непремѣнно женщину. Мы думаемъ, что здѣсь олицетворенъ несчастный, безправный крестьянинъ стараго времени. Въ томъ обстоятельствѣ, что судьи на словахъ защищають какъ бы интересы крестьянства (см. мотивы, по которымъ судъ отвергаетъ свидѣтелей вороны), нужно видѣть указаніе на характерное лицемѣріе судей-аристократовъ или же на полное незнаніе ими крестьянской жизни (см. прим. 11).

Невинно пострадавшая ворона—типъ зѣваки [16], которая, однако, потомъ съумѣла подольститься къ судьямъ и оправдаться, сваливъ вину на несчастную кукушку.

Самую сказку нужно поставить въ параллель съ извѣстными сказками о Шемякиномъ судѣ и объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ (Аѳанасьевъ, I, № 41). Главная разница въ томъ, что здѣсь дѣйствіе происходитъ въ мірѣ птицъ и въ позднѣйшее время, именно—въ періодъ уѣздныхъ судовъ.

Чтобы покончить съ сказками изъ животнаго міра, я упомяну еще объ одной (с. Люкъ, Сарапульск. у.), на очень извѣстную тему о волкѣ и лисѣ. Волкъ постепенно выманиваетъ у домохозяина его немногочисленную скотину, для чего поетъ слѣдующую пѣсню:

Кулы́—кулы́ желе́цъ!
Соло́менной крыле́цъ,
Старичо́къ да бабушка,
Паренёкъ да дѣвушка.
Пять—пять овецъ,
Шестой жеребе́цъ,
Собачка—пустола́ечка,
Кошечка—блюдоли́зочка.

Пѣсня эта, какъ и вся сказка, по существу, очень близка къ такой же тамбовской пѣснѣ и сказкѣ (Аѳанасьевъ, I, № 21). Заслуживаетъ вниманія лишь слово кулы́. Едвали можетъ быть сомнѣніе, что это финское слово (эстонское ку́ле—слушай! Эй ты!). Но какимъ образомъ оно сюда попало? Возможны два отвѣта. Въ уста волку очень естественно было вложить чужое, не русское слово: срв. съ этимъ былинный эпитетъ татарскаго языка «телячій языкъ», тогда какъ русскій языкъ представляется попреимуществу человѣческимъ (Кирѣевскій, IV, 39). Но не исключена и возможность того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ какой-либо финской пѣсни, начинающейся словомъ: куле.

Д. Зеленинъ.

7 августа 1903.
Юрьевъ.

16 Обычное народное представленіе о воронѣ; срв. крыловскую ворону въ баснѣ «Ворона и Лисица».

ЖИВАЯ СТАРИНА

періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1904 г., по примѣру прежнихъ 13 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за границею—**6** р. Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40** к. съ экземпляра.

Цѣна отдѣльной книжки «Живой Старины» **1** р. **50** к., двойной (въ два выпуска)—**3** рубля. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—5 к.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р. въ Имперіи за **3½** р. и за границу за **4** р., за 1898 по 1901 включительно—по **4** р., **4½** р. и по **5** р.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1903

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

I.

По Иньвѣ и Косѣ [1]

(у пермяковъ).

Этнографическій очеркъ.

I.

Области небольшихъ притоковъ Камы—Иньвы и Косы, населенныя пермяками, интересны во многихъ отношеніяхъ. Проѣзжая съ Усть-Пожвы до Верхъ-Иньвы (160 верстъ, во всю длину р. Иньвы), можно видѣть характерныя особенности жизни па малой рѣкѣ, населенной финскими инородцами, которые имѣютъ свои порядки, свою исторію.

Переходя отъ большой рѣки (Камы), оживляемой пароходами и огромными плотами деревъ, сплавляемыхъ къ морю, на небольшую рѣку, гдѣ можно встрѣтить еще парусныя суда и небольшіе плоты, и далѣе углубляясь въ малую рѣчку, вы видите на ней уже отдѣльныя сосны, сплавляемыя отъ верховьевъ къ устью. Такой рѣчкой является Иньва. По ней сплавляется лѣсъ двойниками, тройниками, десятками и даже по одиночкѣ. Бревна тянутся на протяженіи многихъ верстъ, а позади нихъ ѣдетъ кошевой въ двухскатной избушкѣ.

Невелико, должно быть, торговое и промышленное движеніе въ области такой рѣки, какъ Иньва, гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, а земская только еще строится. Печать неподвижности лежитъ здѣсь на всемъ. Пассивность, неподвижность—одинъ изъ признаковъ здѣшней жизни. Тысячами нитей идутъ слѣдствія ея въ подробностяхъ быта народа, отражаясь и на характерѣ пермяка и на его міровоззрѣніи.

Второе, что̀ бросается въ глаза въ этой мѣстности при общемъ обзорѣ,— это большія села и еще бо̀льшія волости.

Переѣзжая съ Усть-Пожвы (деревня на берегу Камы, при впаденіи въ нее р. Пожвы) въ Майкоръ, въ первое село по Иньвѣ, вы видите передъ со-

[1] Читано въ засѣданіи Этнографіи И. Р. Географическаго Общества 20 декабря 1902 г.

бою огромную деревню, разбросанную по холмамъ [1]; она населена русскими; по окрестнымъ деревнямъ живутъ пермяки. Безпорядочность строеній, отсутствіе всякаго плана въ ихъ расположеніи, рѣдко прорубленныя окна въ избахъ— все это придаетъ селу Майкоръ мрачный, непривѣтливый видъ. Рѣдкія окна въ домахъ — явленіе характерное для Иньвы. На пространствѣ, гдѣ въ домѣ бойкаго села по р. Ветлугѣ, найдется 10 оконъ, въ Майкорѣ — два, три окна. Не останавливаясь на буйныхъ нравахъ жителей этого села, нужно замѣтить однако, что майкорцы совсѣмъ утратили патріархальные деревенскіе порядки, не выработавъ въ замѣнъ ничего иного, кромѣ полной распущенности, дикаго произвола и любви къ попойкамъ.

Говоря вообще о селахъ и деревняхъ по Иньвѣ, нельзя, однако, не замѣтить очень неравномѣрнаго распредѣленія благъ культуры между тѣми и другими. Села благоустроены: въ нихъ двуклассныя школы, врачи, фельдшера, потребительскіе магазины, красивыя, богатыя церкви, а въ окружности ихъ (не менѣе 30 верстъ радіусомъ)—крайняя бѣднота, курныя избы, безлѣсица, отсутствіе всякой медицины; тамъ всякія болѣзни и сплошная безграмотность. При чрезвычайной неподвижности здѣшней жизни, ничто благотворное не распространяется на деревню.

Еще три явленія поражаютъ наблюдателя въ этой мѣстности при первомъ его знакомствѣ съ нею. У иньвенскихъ пермяковъ отсутствуютъ передѣлы земель, между тѣмъ надѣлы распредѣлены очень неравномѣрно. Такъ, въ дер. Федоровѣ приходится зачастую на одну душу 30 десятинъ, а на 4 души у другого крестьянина 5 десятинъ. Земскіе начальники и богатые мужики стоятъ за старые порядки. Какъ были надѣлены крестьяне при ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, такъ это и остается до сихъ поръ, не взирая на то, что семейное положеніе каждаго сильно измѣнилось.

Второе, интересное для наблюдателя явленіе, это—отношеніе къ пермякамъ интеллигенціи. Прежде всего, еще на пути къ пермякамъ, когда спрашиваешь о нихъ кого-либо изъ мѣстныхъ интеллигентовъ, то встрѣчаемъ неизмѣнно такой отвѣтъ: «пермяковъ въ селахъ вовсе нѣтъ, они живутъ только по деревнямъ». Это, оказывается, совершенно невѣрно. Затѣмъ, вамъ сообщаютъ свѣдѣнія малообъяснимыя, откуда они взялись. Такъ, одинъ изъ мѣстныхъ интеллигентовъ передаетъ вамъ мнѣніе о пермякахъ дорожнаго инженера, съ которымъ онъ, конечно, вполнѣ согласенъ: «пермяки—идіоты, просятъ за возку куб. сажени земли 6 руб., а послѣ, когда на работы были приглашены нижегородцы, тѣ же пермяки стали работать у нихъ за 1 р. 50 к.» Однако, причина нежеланія крестьянъ-пермяковъ взяться за перевозку земли оказалась не въ идіотизмѣ ихъ, а въ устройствѣ телѣгъ, неудобныхъ для земляныхъ работъ (или же просто въ отсутствіи всякихъ телѣгъ), а съ другой стороны, предложеніе работъ совпало съ близостью страдной поры, которая для пермяка, живущаго только земледѣліемъ, важнѣе, чѣмъ, напр., для нижегородца.

Единственно, что́ нѣсколько оживляетъ этотъ печальный край, богатый лѣсами, которые, впрочемъ, не принадлежатъ крестьянамъ, это заводы пожев-

---

[1] Здѣсь находится большой желѣзодѣлательный заводъ Демидова.

ской, майкорскій и кувинскій (сталелитейный). Въ какой степени эти заводы помогаютъ экономическому состоянію края, скажемъ позднѣе. Пока, отмѣтимъ еще одно явленіе, именно обрусеніе края.

Обрусеніе идетъ отъ центровъ администраціи, отъ селъ, и радіусами распространяется по деревнямъ; отъ села передается селу, а деревни остаются мало тронутыми новыми вѣяніями. Школы, солдатчина, промыслы—вотъ факторы обрусенія, но они встрѣчаютъ реакціонное движеніе въ лицѣ пермяцкихъ женщинъ, которыя по-русски не говорятъ и дѣтей своихъ учатъ говорить только по-пермяцки; онѣ и въ обрусѣвшія села переносятъ свой языкъ и тамъ распространяютъ и сохраняютъ его.

Нужно замѣтить однако, что въ пермяцкомъ языкѣ гораздо больше русскихъ словъ и оборотовъ, чѣмъ, напр., въ родственномъ ему зырянскомъ. Немало пермяковъ, говорящихъ смѣшанною рѣчью. Поэтому говоръ пермяковъ и вообще язычныя явленія въ этой мѣстности могутъ представлять большой интересъ для лингвиста.

II.

Когда ѣдешь по большой дорогѣ отъ села къ селу по берегу Иньвы, встрѣчаешь много печальнаго; если отъѣхать въ сторону отъ дороги, углубиться въ деревни, тамъ лѣса болѣе дремучи, и жизнь еще болѣе уныла и бѣдна. Такъ точно, чѣмъ въ бо́льшія подробности мы будемъ входить, рисуя жизнь пермяка, тѣмъ больше увидимъ и первобытной наивности и, рядомъ съ тѣмъ, черты печальной его обстановки. Гдѣ живетъ пермякъ? Чѣмъ онъ занимается? Пермяцкія деревни окружены лѣсами. Однако избы ихъ не отличаются ни величиной, ни чистотой. Даже въ селахъ сохранились курныя избы. Въ деревняхъ полуразвалившихся избъ больше, чѣмъ благоустроенныхъ. Дворы ихъ нечего и сравнивать, напр., съ вотяцкими. У вотяковъ—ихъ соплеменниковъ—въ хозяйствѣ—цѣлая поэзія, у пермяка все бѣдно и убого. У пермяковъ нѣтъ такихъ старыхъ остатковъ, какъ куала, существуетъ лишь какой-то намекъ на это. Около избы строится обыкновенно еще маленькая избушка (такъ называемая русская «зимница»); въ ней и сами хозяева живутъ по зимамъ, и ее отдаютъ подъ квартиру во время ярмарокъ. Вмѣсто погреба (ледника) устраивается простая яма для харчей. Свою избу пермякъ называетъ керку; у зырянъ керка. (Это слово невольно наводитъ на сопоставленіе. Куа или куала—древневотяцкое слово, обозначающее постройку, керку;—постройка изъ бревенъ (кер—бревно; быть можетъ, отъ керкуа произошло керку). Другія пристройки, какъ бани, овины и т. п., какъ и у русскихъ. Овины безъ каменки. Огонь раскладывается прямо на землѣ. У зырянъ то и другое арханичѣе (печка сложена изъ крупныхъ камней полусферой). Изъ двухъ родовъ мельницъ (наливныхъ и почвенныхъ) здѣсь почвенныя, что объясняется маловодностью рѣчекъ.

У пермяковъ по деревнямъ нѣтъ телѣгъ (не умѣютъ дѣлать ихъ); они во всякую пору ѣздятъ и все возятъ на саняхъ или верхомъ; только въ послѣднее время заводятся одноколки. Дорогъ устроенныхъ тоже нѣтъ. Соху везутъ, положивши на нярицзь (срубленную съ корнемъ жердь съ кривулиною). Было бы слишкомъ односторонне и несправедливо объяснять все это бездар-

ностью пермяка; причина такой отсталости его въ хозяйственномъ отношеніи лежитъ въ условіяхъ экономическихъ, историческихъ. Телѣги въ селахъ выписываются съ воткинскаго завода; поставляются онѣ обыкновенно въ богатое село Кудымкоръ, Соликамскаго уѣзда, которое служитъ центральнымъ пунктомъ этой мѣстности, гдѣ жили и теперь живутъ главные лѣсничіе имѣній гр. Строгоновыхъ.

Главное занятіе пермяковъ—земледѣліе. Бывшіе крѣпостные гр. Строгоновыхъ ничего иного дѣлать не умѣютъ, какъ только обработывать землю Правда, неискусны они и въ земледѣліи, но и земля ихъ не балуетъ. Почва здѣсь глинистая, урожай бываетъ самъ 5. Въ трехпольномъ хозяйствѣ сѣются рожь, ячмень, овесъ, горохъ. У иньвенскихъ пермяковъ мало хлѣба, но чердынскіе молотятъ свой хлѣбъ до ноября. Пожни у нихъ при малости рѣкъ очень плохія. Трава скашивается горбушами, какъ у зырянъ и у сибирскихъ инородцевъ (якутовъ), а не косой (литовкой). Домашній скотъ комолый, мелкій и малочисленный.

Рубить дрова въ куреняхъ для заводовъ—вотъ главный промыселъ пермяка. Курени имѣются по рр. Пожвѣ (талича), Исылу Вакина, по Быстрой и Вежай. Всю зиму, стоя чуть не по колѣна въ глубокомъ снѣгу, рубятъ пермяки лѣсъ изъ «баронской» чащи для «графскаго» завода. Ночи проводятъ въ землянкахъ изъ еловой коры. Изъ куреней вырубленный лѣсъ сплавляется по рѣчкамъ на заводъ. Вотъ промыселъ пермяка, получающаго за свою работу 50 коп. въ день. Мужики и подростки поступаютъ на заводъ чернорабочими. За работы въ рудникахъ имъ платятъ 30 коп., за дрова 40 коп. съ сажени. Экономическія слѣдствія такихъ работъ видны уже по заработной платѣ, а на другія указываютъ сами пермяки, говоря о себѣ: «народъ въ Бѣлоевѣ ослабѣлъ — то въ рудникахъ работаютъ, то въ куреняхъ съ малыхъ лѣтъ, ушибаются, простужаются».

Относительно другихъ занятій нужно сказать, что рыболовства, напр., нѣтъ по Иньвѣ; другое дѣло по Косѣ (Ветель, Сакъ, Кулöмъ). Кое-кто занимается извозомъ; возятъ кладь съ кувинскаго завода черезъ Нердву, Ильинское въ заводъ добрянскій (Верхиньва).

Хотя въ Майкорѣ можно замѣтить плотниковъ, пильщиковъ и другихъ рабочихъ изъ пермяковъ, все же, въ общемъ, среди нихъ (особенно у иньвенскихъ пермяковъ) ремеслъ мало. Косы, серпы и т. п. все покупается; нѣтъ между ними ни хорошихъ кузнецовъ, ни хорошихъ плотниковъ. Зимнюю обувь (пимы безъ голенищъ), валянки (съ голенищами) дѣлаютъ для чердынскихъ пермяковъ по р. Косѣ зыряне. Эти послѣдніе являются здѣсь и шерстобитами, и коновалами и портными.

На Косѣ пермяки охотничаютъ на бѣлокъ, на лося. Между пермяками изрѣдка встрѣчаются и умѣющіе заговаривать ружье и собаку. Въ стоверстномъ волоку около Кайгорода водятся еще олени. Иньвенскій пермякъ охотой не занимается. Ружье его заржавѣло на гвоздѣ. Соплеменникъ поэту лѣса—зырянину, пермякъ въ этомъ отношеніи неузнаваемъ. Вы будете удивлены слушая жалобы пермяка на медвѣдя, на его проказы. Медвѣди затравляли коровъ по нѣскольку штукъ въ годъ; крестьяне плачутъ, а медвѣдь гуляетъ въ лѣсу, довольный положеніемъ вещей. Это нѣчто удивительное для человѣка,

знающаго зырянъ, которые ищутъ медвѣдя, а пермяки, т. е. пермскіе зыряне плачутъ отъ него. Это весьма характерный фактъ, показывающій, какъ велико вліяніе исторіи и условій мѣстности на человѣка. Лѣса и люди принадлежали гр. Строгоновымъ. Нужно думать, что они цѣнили въ пермякахъ не отважныхъ охотниковъ, а мирныхъ работниковъ земли, куреней и заводовъ. Другая причина, которая не даетъ здѣсь развиться отважности человѣка—малыя рѣчки, небольшіе лѣса. Вліяніе этого видно на тѣхъ же пермякахъ, живущихъ по Косѣ, изъ государственныхъ крестьянъ, сосѣдей казенныхъ лѣсовъ — у нихъ другое дѣло, чѣмъ у иньвенскихъ.

Нѣтъ охоты у пермяковъ, нѣтъ и охотничьей поэзіи, что украшаетъ нѣсколько сумрачную жизнь зырянъ. Конечно, въ иньвенскомъ краѣ очень мало и торговаго движенія. Ярмарки—признакъ неподвижности жизни. Совершенно не то наблюдаемъ мы, напр., по Ветлугѣ. Въ с. Бакахъ каждую пятницу собирается народъ со всѣхъ деревень для торговыхъ оборотовъ.

Выше было сказано, что деревни пермяцкія окружены лѣсами. Что же извлекается крестьянами изъ этихъ лѣсовъ? Здѣсь ахиллесова пята иньвенской жизни. Всѣ лѣса—гр. Строганова; крестьянамъ не принадлежитъ ни одинъ кустъ, ни одна вѣточка. Управленіе лѣсами, простирающимися на сотни верстъ въ длину и ширину, ввѣрено сложной организаціи чиновниковъ, получающихъ большое жалованье и пользующихся пенсіей. Отношенія между графскимъ лѣсничествомъ и народомъ далеко не нормальныя. Начиная съ устьевъ Иньвы и кончая ея верховьями, также и по ея притокамъ, всюду раздается недовольство и ропотъ народа на состояніе лѣсного вопроса. Со стороны крестьянъ раздаются жалобы: «За скотскій выгонъ 30 коп. съ души, 50 к. охотничій билетъ»... Раньше урожаи были, лѣсъ былъ дешевле, теперь житье невозможное (въ дер. Федоровѣ). Цѣна деревьямъ 5 вершк. въ діаметрѣ 3 саж. длины—26 к., кубич. саж. дровъ 2 р. 16 к. (въ с. Купросѣ). За право пойти въ лѣсъ съ топоромъ 10 к., если его отнимутъ 20 коп. выкупа»—вотъ рѣчи, которыя слышатся повсюду. Лѣсникъ села Захарова разсказываетъ самъ, какихъ правилъ держится онъ, сторожа господскіе лѣса. «Если кто дрова возитъ тайно или грибы собираетъ безъ билета, подкрадешься къ нему, поставишь къ груди револьверъ и отнимаешь топоръ, потомъ ударишь его въ грудь... легко справляюсь».

— Это же, вѣдь, не по-евангельски, это не хорошо, замѣчаешь ему. — Ой, иначе нельзя; и жаль, да бьешь. Велѣно всякому билетъ брать. Я нарочно живу около самаго лѣса, слѣжу ежесекундно и доношу. У меня сучокъ не пропадетъ [1].

«Мы живемъ въ кулигѣ, ограненные кругомъ, какъ евреи въ Египтѣ», говорятъ вамъ крестьяне, живущіе въ жалкихъ лачужкахъ около этихъ сторожей, обитающихъ въ чистенькихъ, уютныхъ домикахъ. Возражаютъ, что крестьяне, напр., Баковской волости (Костромской губ.), находясь въ такомъ же отношеніи къ лѣсу, однако не такъ бѣдны и даже удивятъ васъ чистотою

[1] Пятивершковое дерево 24 коп. (въ с. Бѣлоевѣ); въ Кудымкорской волости—вдвое дороже; 1 р. 8 к.—валежникъ. Въ Верхъ-Иньвенск. волости валежникъ 2 р., жердь 5 к., десят. аренд. 4 руб.; десятина пара—2 руб. Въ Тиминѣ за право собиранія грибовъ 10 к., за вѣники 20 копѣекъ.

и обширностью своихъ построекъ. Причина ясна: въ Ваковской волости народъ живетъ на большой рѣкѣ Ветлугѣ, гдѣ много казенныхъ лѣсовъ по среднему теченію и у верховьевъ, потому что эта волость не далеко отъ Нижняго-Новгорода. Иньва же въ совершенно другихъ условіяхъ. Здѣсь ни торговли, ни промысловъ, ни чернозема. Удрученное состояніе духа здѣшняго поселянина—естественное слѣдствіе подобнаго порядка вещей. Взимаются штрафы и происходятъ постоянныя тяжбы; нелюбовь графскаго начальства къ народу и недовѣріе къ нему народа—явленіе обычное. То тамъ, то тутъ возникаютъ ложные слухи, что лѣса будутъ казенные и что сдѣлаютъ вырѣзки для крестьянъ. Отсюда новыя непріятности, недоумѣнія и преслѣдованія. Иное положеніе вещей у чердынскихъ пермяковъ, которые хлѣбъ молотятъ до ноября, съ лѣсами держатся вольнѣй (лѣса казенные), рыба, водящаяся въ рѣчкахъ, принадлежитъ имъ, и, конечно, народъ живетъ и чувствуетъ себя несравненно спокойнѣе и благодушнѣе.

Такимъ образомъ, три причины—малыя рѣчки, стѣсненная жизнь, бывшее крѣпостное состояніе у помѣщиковъ, теперешнее состояніе лѣсныхъ отношеній создали то, что пермякъ такъ глубоко отличается отъ зырянина, что онъ, любя лѣсъ, давая ему разныя названія (дзиб—ельникъ, шойна-керос—грива, ляг-бадья—водянистое мѣсто, рас—мелкій лѣсъ, грись —длинный, высокій лѣсъ, райна—зыбкое мѣсто, ягъ—высокое мѣсто, покрытое лѣсомъ, яушникъ—маленькій лѣсокъ и т. д.), повѣсилъ, однако, на гвоздь свое старое ружье и сталъ трусомъ [1].

III.

Жизнь кипитъ около морей; по большимъ рѣкамъ она течетъ широкими волнами; по малымъ рѣчкамъ и ручьямъ—тишь и глушь непроходимая. Эта мысль врѣзывается въ воображеніе того, кто побывалъ на рѣчкахъ, подобныхъ Иньвѣ и ея притокамъ. И малосложно здѣсь колесо жизни, и медленно оно движется. Какого человѣка создала эта обстановка? Каковъ типъ пермяка, каковы его антропологическія особенности?

Зыряне, живя на большихъ рѣкахъ, среди дремучихъ, почти безпредѣльныхъ лѣсовъ, не зная крѣпостного права, развили въ себѣ предпріимчивость, удальство, энергію [2]. Вотяки, хотя оттѣснены на мелкія рѣчки, все же имѣютъ свои лѣса, свою свободу, въ дебряхъ своихъ сохранили свою религію и стали образцовыми земледѣльцами. Пермяки не выразили своихъ индивидуальныхъ чертъ такъ свободно, какъ ихъ одноплеменники. Недовѣріе, упрямство, пессимизмъ—вотъ что характеризуетъ пермяка. Видъ его унылый, черты лица выражаютъ мрачность и неподвижность. У нихъ нѣтъ интеллигенціи, имъ сочувствующей; начальство, какъ бы оно ни было многочисленно, настроено не въ пользу пермяка. Онъ слышитъ, что надъ нимъ и надъ его рѣчью смѣются, учителя изъ пермяковъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія интеллигенція, убѣ-

[1] Названія птицъ и звѣрей у пермяковъ свои, пермяцкія, а названія грибовъ—русскія (клестъ—жонь, рябчикъ-сева, тетеревъ—тар, лебедь—юсь, гусь—дзодзегъ, воробей—сырчикъ, и т. д.).

[2] Условія эти у зырянъ теперь, конечно, значительно ухудшились; въ настоящее время и они стѣснены лѣсами, но воспоминаніе о лучшемъ прошломъ все же сохранилось въ ихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

ждены, что цѣль школы—уничтожать пермяцкій языкъ. Пермякъ такъ грустенъ и угрюмъ, что почти совсѣмъ не поетъ: у него нѣтъ своихъ пѣсенъ (онъ ихъ забылъ) и заимствованныхъ русскихъ мало. Даже сказокъ нѣтъ у иньвенскихъ пермяковъ; это указываетъ, въ свою очередь, на то, что у него совсѣмъ нѣтъ времени и веселаго досуга ни зимой, ни лѣтомъ для бесѣдъ. У чердынскихъ пермяковъ существуетъ хотя небогатый сказочный матеріалъ. Кое-какіе языческіе остатки сохранились въ жизни пермяка и въ его міровоззрѣніи, но эти пережитки очень скудны, и пермяки теперь усердные христіане. Когда подъѣзжаете къ пермяцкой деревнѣ, вы видите среди убогихъ, почернѣлыхъ лачужекъ съ рѣдкими окнами большую, тщательно устроенную часовню, которая издали похожа на церковь. Вообще къ церкви и вѣрѣ пермякъ очень усерденъ; должно быть, религія—его единственное утѣшеніе въ горестной и скудной жизни. Между ними нѣтъ ни колдуновъ, ни отважныхъ охотниковъ. Это—сельскіе обыватели, христіане.

Что касается физическаго типа пермяка, то ростомъ онъ ниже русскаго и ниже зырянина. Между пермяками меньше разнообразія въ типахъ, чѣмъ между зырянами и, тѣмъ болѣе, русскими. Это, конечно, признакъ меньшаго развитія народа, но это есть слѣдствіе историческихъ и географическихъ условій, а не причина. Измѣренія показываютъ, что у пермяцкихъ женщинъ ростъ ниже, чѣмъ у русскихъ. Размѣры головы въ общемъ меньше, лбы небольшіе. Бросаются въ глаза роскошные волосы у женщинъ, мало сѣдѣющіе. Здоровыхъ и сильныхъ между пермяками мало; много истощенныхъ и малокровныхъ, потому что они питаются кыдз'ва-пиканою, шома турунъ, много больныхъ глазами, по причинѣ скудости жилищнаго свѣта. Чаще всего повторяющійся типъ пермяка имѣетъ такія черты: широкія скулы (шире, чѣмъ у русскихъ), рыжая бородка, каріе или сѣрые глаза, лицо короткое. Выраженіе лица болѣе томное и неподвижное, чѣмъ у русскаго. Чувствуется, да это можно и доказать, что русскіе несравненно подвижнѣе, быстрѣе, а пермяки—настойчивѣе. Эти черты нужно, конечно, объяснять вліяніемъ условій историческихъ и географическихъ. Понятіе расы—понятіе ускользающее, трудно опредѣлимое.

Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько цифръ изъ таблицъ.

Ростъ мужчинъ с. Юма (Чердынскаго уѣзда):

177—175	сант.	37%	русскіе.
172	»	12%	
162	»	50%	

Ростъ мужчинъ с. Кочева (того же уѣзда):

176—171	сант.	12%	пермяки.
169—164	»	50%	
161—156	»	38%	

Ростъ женщинъ с. Юма:

175	сант.	8%	
166	»	16%	русскія.
163	»	16%	
152	»	32%	
147	»	24%	

Ростъ женщинъ с. Кочева.

162	5%	пермячки.
158—155	30%	
153—151	33%	
149—145	25%	

Или цифры зырянъ с. Вишеры (Усть-Сысольскаго уѣзда):

173, 171, 173, 174, 170, 165, 181.

Цифры роста пермяковъ въ с. Тиминѣ (Соликамскаго уѣзда):

161, 172, 162, 149, 160, 161, 155½, 155.

Ростъ пермяковъ въ с. Захаровѣ (Соликамскаго уѣзда):

162, 174, 170, 171, 165, 164, 172.

Ширина скулъ жителей с. Юма (русскіе):		Ширина скулъ жителей с. Кочева (пермяки):	
130 миллим.	1 (12%)	149	1 (10%)
138 »	2 (24%)	144	1 (10%)
142 »	3 (36%)	140	4 (40%)
127 »	2 (24%)	131	1 (17%)
		137	1 (10%)
		126	1 (10%)

Ясно изъ этихъ данныхъ, что пермякъ ниже зырянина и—тѣмъ болѣе—ниже русскаго.

IV.

Жизнь пермяковъ приходится описывать мелкими чертами, потому что и самая здѣшняя природа ничего крупнаго въ себѣ не заключаетъ, кромѣ грусти пермяка, которая неисчерпаема. На существованіе кое-какихъ пережитковъ старины, остатковъ былого національнаго можно еще указать у чердынскихъ пермяковъ; иньвенскіе, повидимому, ничего не съумѣли сохранить изъ минувшаго прошлаго. Такъ, въ д. Кочѣ (Черд. у.) 18 августа, въ день Флора и Лавра, около часовни ежегодно собираются пермяки. Передъ праздникомъ убиваютъ быковъ. Въ самый праздникъ при огромномъ стеченіи народа мясо варится и съѣдается. Въ послѣднее время это народное торжество уменьшается въ своихъ размѣрахъ подъ вліяніемъ преслѣдованія его, съ одной стороны, и укрѣпляющихся христіанскихъ обычаевъ—съ другой. Въ сс. Купроссѣ и Майкорѣ на день св. Власія приносятъ въ часовню телячьи головы и ноги (у зырянъ Ильинъ день). Нѣкоторые пережитки сохраняются благодаря самой инертности жизни. Такъ, напр., у пермяковъ нѣтъ телѣгъ во многихъ деревняхъ (потому что дорогъ не было до послѣдняго времени), и вотъ они возятъ покойниковъ въ саняхъ. Эти сани иногда оставляютъ на кладбищѣ, такъ что, проѣзжая мимо сельскаго кладбища, вы видите своеобразную картину: рядомъ съ могильнымъ крестомъ лежатъ полозьями кверху сани или даже воткнуты рядомъ съ крестомъ. Несомнѣнно, сани имѣютъ какую-то тайную связь съ прежнимъ религіознымъ культомъ пермяковъ, но удержались сани до сихъ поръ среди ихъ христіанскихъ обычаевъ, кажется, въ значительной мѣрѣ именно благодаря инертности жизни. Нужно упомянуть, что въ селахъ льютъ брагу на могилы и поминаютъ покойниковъ празднествомъ вродѣ тризны (напр., въ сс. Юмѣ, Кочево). Къ этому же нужно отнести обычай молиться разнымъ покойникамъ

и наблюдать, при какой молитвѣ пройдетъ болѣзнь; вѣшаютъ еще топоръ къ кресту и перечисляютъ всѣхъ святыхъ, и при имени котораго изъ святыхъ покачнется топоръ, тому служатъ молебенъ. Въ общемъ, все же нужно сказать, что среди пермяковъ замѣчается языческихъ остатковъ мало и не больше, чѣмъ среди русскихъ. Мало сохранилось у нихъ и національнаго. Женскіе головные уборы болѣе или менѣе характерны: такъ называемыя шамшуры у иньвонскихъ пермячекъ и кокошники у чердынскихъ. Шамшуры покроемъ своимъ напоминаютъ русскій повойникъ, съ тою разницею, что задняя его половина дѣлается изъ тугой толстой ткани въ видѣ прямоугольника, причемъ сверху два прямыхъ угла оставляютъ рѣзко торчащими, а въ основаніи стягиваютъ (какъ у повойника) тесемками. Шамшура всегда дѣлается изъ краснаго кумача и часть его, покрывающая затылокъ, вышивается бѣлыми нитками. Кокошникъ почти то же самое, что великорусская старинная кичка.

Обыкновенно этнографы интересуются пермяцкими вышивками и узорами на полотенцахъ и рубашкахъ и, наблюдая рисунки этихъ узоровъ въ видѣ геометрическихъ фигуръ, иногда утверждаютъ, что геометрическія фигуры — особенность финскихъ племенъ, а круглыя — славянъ. Но очень легко увлечься понятіемъ расы въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ случаяхъ. Можно думать, что геометрическая фигура на узорахъ есть просто слѣдствіе степени культуры. Прямолинейныя фигуры можно объяснить тѣмъ, что узоры пермяцкіе ткутся, а не вышиваются, тогда какъ у русскихъ распространено въ значительной мѣрѣ и вышиваніе.

Суевѣрія, сохранившіяся въ жизни коми (зырянъ и пермяковъ) даютъ намеки на прежнее поэтическое и величавое язычество. Вуншериха (Луншериха) ходитъ по ржи (до сихъ поръ) и роститъ колосъ (Вуншеръ — полдень). Дѣтей пугаютъ: «Вуншериха тебя съѣстъ». Енöшка ва јувö (радуга воду пьетъ) — повѣрье обще восточно-финское. Каленикъ раздѣляетъ птенцовъ рябчика, тетерева, чтобы они жили по парѣ. Ящерица имѣетъ удивительныя свойства. Слѣпая дѣвушка взяла, сварила ящерицу вмѣсто рыбы, плеснула той водой себѣ въ глаза и стала видѣть. Зыряне изъ головы ящерицы дѣлаютъ «шеву» (порчу). Въ рѣкахъ до сихъ поръ живутъ куль — піјанјас (дѣти Куля), которые хватаютъ людей. У древнихъ зырянъ Куль — подземный богъ (Кальма финское). Ойпель — часть животнаго, которая не съѣдается. Ойпелемъ или Войпелемъ зыряне называли одного изъ своихъ боговъ, вѣроятно, бога лѣса — лѣсного вихря, сына сѣвера. Какое отношеніе имѣетъ несъѣдаемая часть животнаго (ойпель) съ богомъ Ойпелемъ остается тайною для современной финской миѳологіи... Млечный путь — гусиная дорога. Глядя на него, птицы летятъ въ дальній саридзь (море). Летучая мышь (кушборд) вредитъ овцамъ. Дождь по-пермяцки Ен зерö — богъ дождитъ. Такіе боги, какъ богъ воды и богъ лѣса не могутъ быть забыты племенами, живущими по берегамъ рѣкъ въ дремучихъ лѣсахъ. Пермяки помнятъ водяного и лѣсного; но здѣсь рѣка маленькая, и водяному негдѣ было развернуть свои силы. Говорится въ народѣ, что онъ съ бѣлыми волосами иногда показывается изъ воды и смѣется, глядя на молнію, смѣется надъ новымъ богомъ. Иногда онъ сидитъ на берегу въ видѣ ребенка съ длинными волосами и при приближеніи къ нему человѣка падаетъ обратно въ глубину рѣки. Богъ лѣса до сихъ поръ мститъ

пермякамъ за перемѣну ихъ вѣры (хотя христіанство они приняли еще въ началѣ XV в.). Онъ особенно любитъ держать въ лѣсныхъ дебряхъ пермяцкій скотъ—коровъ и лошадей. Выручить скотъ изъ его плѣна можно, только написавъ прошеніе лѣсному царю въ извѣстной формѣ. Въ Ошибской волости еще встрѣчаются люди, умѣющіе писать прошеніе лѣсному. «Кабала», или прошеніе всегда пишется особыми знахарями, которые на кускѣ бересты чертятъ лѣсныя дороги и слова, имѣющія значеніе заговора.

Прежнее имя лѣсного Вихоръ Вихоревичъ и означаетъ то, что онъ былъ богъ лѣсного вихря, вѣтра. «Кабалу» нужно писать умѣючи (только въ Ошибской волости умѣютъ); если напишутъ неумѣло, лѣсной жестоко наказываетъ. Обиліе въ лѣсу волковъ, медвѣдей, бѣлокъ, зайцевъ зависитъ отъ того, что лѣсной гонитъ свои стада; иные годы совсѣмъ мало звѣрей, и все это—дѣло лѣсного. Видали его и въ деревнѣ; захаживаетъ иногда въ корчму и пьетъ сразу по ведру водки. Онъ живетъ въ лѣсу, въ своей избушкѣ. Говорятъ, что у него есть и дѣти. (Разсказы мужиковъ с. Кочева).

V.

Рочь (русскіе) даровитѣе пермяковъ; первые были организованнѣе, лучше вооружены, когда пришли и оттѣснили племя коми за Косу рѣку, за болота. Чердынскихъ пермяковъ покорили (при Иванѣ III, когда еще были пермскіе князья), часть ихъ осталась доселѣ по Вильвѣ у Пармы; иньвенскихъ пермяковъ закрѣпостили гр. Строгоновы. Такова коротенькая историческая страница этой малой страны. Отъ покоренія спаслась одна небольшая часть ихъ у верховьевъ Камы. Сохранились ли какія-либо легенды или историческія сказанія о далекомъ прошломъ этого народца?

Рѣка Коса (притокъ Камы) является границей между чердынскими пермяками и русскими. Многоверстныя, труднопроходимыя болота раздѣляютъ однихъ отъ другихъ (если ѣхать, напр., отъ Юма до Кочева). Въ углу Пермской губ. между верховьями Камы и Косы чердынскіе пермяки укрылись отъ русскихъ, отъ которыхъ отдѣлены болотами и лѣсами непроходимыми. Народъ создалъ по поводу этихъ границъ маленькій суевѣрный разсказъ. «Рѣка Коса, разсказываютъ въ народѣ, есть граница змѣй. По эту сторону, гдѣ пермяки, змѣи водятся, напр., по берегамъ р. Еншöра, по ту сторону Косы змѣй нѣтъ. Одинъ святой старецъ, который былъ здѣсь, воспретилъ имъ переплывать рѣку Косу. И дѣйствительно, какъ только змѣя поплыветъ до середины (рѣчка не широка) сейчасъ же околѣваетъ».

Подобный же разсказъ существуетъ и у зырянъ. Только у послѣднихъ онъ имѣетъ обратное значеніе, что рѣчка не пускаетъ змѣй въ мѣстность, населенную зырянами, потому что Стефанъ Пермскій (объ Іонѣ нѣтъ преданій) воспретилъ имъ.

Сказаній о богатыряхъ мало у пермяковъ (меньше чѣмъ у вотяковъ). Между прочимъ, извѣстенъ одинъ пермскій герой, именно Пера-Богатырь. «Жилъ былъ Пера-Богатырь въ д. Лупья (Юмской волости); онъ спорилъ съ лѣснымъ царемъ; на палкѣ они тянулись. Лѣсной сталъ Перу перетягивать, а Пера раньше привязалъ себя къ пню (къ дереву). Вотъ пень затрещалъ. Лѣсной

спрашиваетъ;—это что трещитъ? — Это у меня сила прибываетъ, — отвѣчаетъ Пера.—Если твоя сила прибываетъ, ты владѣй всѣмъ, и звѣремъ и птицей, смирился лѣсной.—Пера-Богатырь жилъ одинъ на берегу рѣки (Юдорынъ). Разъ онъ взялъ семь паръ (семь саней) на себя и несъ. Усталъ очень и съѣлъ семь паръ рукавицъ, взявши со стола вмѣсто хлѣба. Онъ ходилъ на войну. Крестный отецъ его выхвасталъ царю, что онъ весьма силенъ. Была война. Одинъ богатырь на колесахъ воевалъ и нашихъ сильно билъ. Царь призвалъ Перу-Богатыря. Его дядя на лошадяхъ, а Пера на лыжахъ отправились къ царю. Пера раньше прибылъ и въ шалашѣ изъ ели на берегу остановился. Богатырь на колесахъ опять выѣхалъ. Пера бросился на него: трухъ-трахъ— разбилъ его колесо и его самого. Царь спрашиваетъ, какую дать ему награду. — Шелковыя тенета дай мнѣ,—говоритъ Пера. Тотъ далъ и отпустилъ его домой. И жилъ долго Пера-Богатырь, быстрѣе птицы на лыжахъ онъ ходилъ, ловилъ лисицъ и зайцевъ и рыбъ озерныхъ шелковыми тенетами».

Но если мало историческихъ преданій въ устахъ пермяковъ, зато въ ихъ краѣ имѣется обиліе остатковъ древней жизни: чудскихъ могилъ, городищъ. Въ этомъ отношеніи пермяцкій край—страна чудесъ. Народъ правильно относится къ своимъ, такъ называемымъ, городищамъ. Пермяки говорятъ: «раньше въ городищахъ жили чудаки, они—первые жители, вторые—мы, третій народъ будетъ послѣ насъ». Далѣе разсказываютъ, что когда родился Христосъ и сталъ крестить людей, жители сѣвера стали рыть ямы, спустились въ эти ямы, срубили столбы, на которыхъ были укрѣплены крыши, и погибли въ нѣдрахъ земли. Теперь дремучій лѣсъ ростетъ надъ этими могилами (подобный разсказъ циркулируетъ по всему сѣверу и у зырянъ). Въ этихъ могилахъ находятъ серебряныя тарелки, фигуры въ видѣ человѣка, въ видѣ жеребца и т. п.

Относительно городища, находящагося въ трехъ верстахъ отъ Пыстогъ Курӧг-Карӧг говорится, что въ немъ среброкованныя ворота; деньги въ сороковой бочкѣ на телѣгѣ лежатъ. Если кто разроетъ эти богатства, самъ будетъ нерадъ,—произойдетъ великая драка: всякій пожелаетъ все взять себѣ.

Всѣ чудскія городища расположены около теперешнихъ пермяцкихъ селъ и деревень. Мѣстонахожденій чудскихъ вещей особенно много въ волостяхъ Юксѣевской, Косинской, Гаинской.

Могильники около чудскихъ городищъ не разъ бывали мѣстомъ археологическихъ изысканій. На Чаньвѣ имѣются пещеры. Тамъ найдены вещи вогульскія, очень похожія на чудскія, слѣд. угорскія.

Существуетъ масса названій рѣчекъ на сѣверѣ Россіи, пока еще совершенно не уясненныхъ изъ финскихъ корней; и можно предполагать, что они— угорскія (напр. Ижма, Вычегда, Вымь, Сысола; Ижма встрѣчается въ двухъ мѣстахъ: въ Архангельской губ. и другая, маленькая рѣчка того же имени, въ Костромской губ., Варнавинскаго уѣзда; Пижма—въ нѣсколькихъ, Вишера въ двухъ).

Надъ вопросомъ о чудскихъ городищахъ все еще пребываетъ какой-то мракъ. Несомнѣнно, что это остатки финно-угорской культуры; но финскія ли это городища или угорскія—до сего времени открытый вопросъ. Данныя, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ [1], повидимому, говорятъ, что городища принад-

[1] Теплоуховъ, Ѳ. А.: Древности, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго уѣзда

лежать вогуламъ. Предметы Чаньвенской пещеры—вогульскіе, съ другой стороны онѣ тожественны съ чудскими вещами, ergo — чудскія вещи, вогульскія (угорскія). При этомъ встрѣчаемъ еще удивительный фактъ: въ мѣстности, населенной теперь зырянами, сохранились угорскія названія наряду съ зырянскими (Ивва, Эжва, Енва — Ижма, Вычегда, Вымь). Между тѣмъ городищъ у нихъ очень мало (Кар-мылькъ—чуд. могила около Вишеры и деревни Эжолъ). Здѣсь мы имѣемъ дѣло вообще съ интереснымъ явленіемъ: именитые люди Строгоновы и ихъ ставленникъ Кадаулъ утверждали, что мѣста эти, т. е. берега Иньвы, Яйвы, Обвы пустые, ненаселенные; теперешніе археологи стараются доказать, что городища всѣ угорскія. Спрашивается, откуда же пермяцкія названія рѣкъ, распространенныя въ сѣв. половинѣ Пермской губ. (притокъ Чусовой—Вильва, сѣвернѣе—Яйва и т. д.)?

По Косѣ же и Иньвѣ масса городищъ и совсѣмъ почти нѣтъ угорскихъ названій (хотя бы въ устахъ русскихъ, а не пермяковъ). Всѣ названія рѣкъ и рѣчекъ половины Пермской губ. — пермяцкія. Пермскую мѣстность зыряне зовутъ ком-му (земля коми). Съ другой стороны, городища обозначаются словомъ кар- (городъ)—словомъ общепермскимъ. Села пермяковъ расположены всѣ около городищъ. Что это должно значить? Наконецъ, если чудскія городища всѣ угорскія въ губерніяхъ Вятской, Пермской, Вологодской, то гдѣ же остатки прапермяцкихъ поселеній? гдѣ же они жили? На слогъ кор оканчиваются названія и теперешнихъ центровъ — Пыскоръ, Майкоръ, Кудымкоръ, Дойкоръ, Мечкоръ.

Затѣмъ, лингвистическія данныя проливаютъ кое-какой свѣтъ на этотъ вопросъ. Говоръ чердынскихъ пермяковъ сходенъ съ сысольскимъ и печерскимъ такъ же, какъ и старый верх-иньвенскій говоръ. А потому можно думать, что эти пермяки пришли съ Сысолы; но говоръ иньвенскихъ пермяковъ совершенно отличенъ отъ извѣстныхъ зырянскихъ говоровъ. Это особое нарѣчіе; на немъ, быть можетъ, говорили тѣ пермяки, которые имѣли нѣкогда чердынскаго князя Михаила и князьковъ Бурморта, Мичмана. Такъ или иначе, а чаньвенскія находки говорятъ о родствѣ культуры пермской и угорской, относительно же происхожденія чудскихъ городищъ нужно подождать новыхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія.

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на понятіе расы. Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ ее, какъ нѣчто опредѣленное. Такъ, проф. И. Н. Смирновъ говоритъ слѣдующее о пермякахъ: «Онъ (т. е. пермякъ) остался рабомъ природы, и въ этомъ мѣрка его творческихъ силъ... Египтяне своими первыми идеями въ области архитектурнаго орнамента обязаны природѣ Нильскаго бассейна, но богатство ихъ творческихъ силъ сказалось... въ обиліи видоизмѣненій, въ разнообразіи сочетаній». Сравнивается Пермь и Египетъ, и различіе объясняется различіемъ расъ. А культура? а положеніе географическое? Если теперь астрономія процвѣтаетъ въ Америкѣ и мало замѣтна въ Россіи, если нѣмцы создали философію, а у насъ нѣтъ философской школы, значитъ ли это, что русскіе и не астрономы и не философы? Разумѣется, не значитъ. Въ Америкѣ купцы, вообще богатые люди жертвуютъ милліоны на обсерваторіи—таково настроеніе умовъ, у насъ дѣло обстоитъ иначе.

Понятіе расы—понятіе, все болѣе и болѣе уступающее, съуживающееся;

все большее и большее количество фактовъ находитъ свое объясненіе въ причинахъ историческихъ, географическихъ, соціальныхъ.

Пермяки—почти исключительно земледѣльцы; они не способны къ промысламъ, къ ремесламъ, они не искусные охотники. Зыряне, ихъ соплеменники, ближайшіе по языку, не особенно отдаленные по мѣсту,—они прекрасные охотники, способные къ промысламъ и ремесламъ. Даже болѣе глубокія и общія свойства тѣхъ и другихъ, какъ, напр., упрямство, настойчивость и то приходится объяснять не расовыми, а историческими причинами. Вѣка созидаютъ расу, вѣка же и измѣняютъ ее. Если нѣтъ расы устойчивой, то потому, что нѣтъ и формъ жизни абсолютно устойчивыхъ.

Наблюдая жизнь нашихъ финскихъ инородцевъ (зырянъ, вотяковъ, пермяковъ [1], я полагалъ, что раса—ступень въ эволюціи человѣка, что малая измѣняемость нѣкоторыхъ свойствъ въ сравненіи съ другими (напр., настойчивость, упрямство, неподвижность вотяка) есть указаніе именно на расу. Но вмѣсто того, чтобы сказать: «расовыя особенности очень мало измѣняются», можно выразиться и такъ: тѣ свойства, которыя связаны съ природой мѣстности и основными условіями данной среды -- тѣ, конечно, мало измѣнчивы. Общее положеніе должно быть таково: раса есть нѣчто производное, и свойства народа постольку оригинальны, поскольку оригинальна природа ихъ страны и условія ихъ культуры.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пермскій край—страна чудесъ. Здѣсь много обильнаго матеріала для антрополога, лингвиста, археолога, историка и т. д. Этотъ край важенъ также для всякаго, интересующагося положеніемъ вещей въ Россіи. Музей въ г. Перми, археологическое ученое общество, отношеніе къ нему мѣстной интеллигенціи—на всемъ видна печать какой-то семейственности и любви къ своему краю. Еслибы здѣсь существовала еще любовь къ инородцамъ, тогда и желать болѣе, повидимому, было бы нечего.

Языкъ—истинное выраженіе духа народа. Слушая рѣчи пермяковъ, записывая съ его словъ его мечты, его сказки, чувствуешь себя удрученнымъ. Слаба рѣчь пермяка, нѣтъ силы и красокъ въ его сказкахъ, нѣтъ здѣсь ни смѣлости, ни отваги,—все говоритъ о томъ, что забита душа народа! Между тѣмъ, сколько красокъ должно бы быть въ языкѣ пермскомъ (зырянскомъ), картинности, близости къ природѣ (обиліе въ языкѣ зырянскомъ звукоподражательныхъ словъ)! Сколько красоты въ ихъ послѣположеніяхъ, выражающихъ пространственныя и прочія отношенія предметовъ, какая гармонія въ обиліи открытыхъ и глухихъ звуковъ (ö), краткость и сила предложеній, обиліе твердыхъ гласныхъ (музыка сѣвера)—вотъ какія особенности присущи финскимъ языкамъ пермской группы, вотъ что должно бы подмѣтить въ языкѣ пермяковъ, но все поблекло вмѣстѣ съ грустной душой народа!

Каллистратъ Жаковъ.

---

[1] См. «Зыряне». Этнологич. очеркъ. «Живая Старина» 1901 годъ. «Вотяки». Этнографическій очеркъ. «Научное Обозрѣніе», ноябрь 1902 года.

Ляшскій вопросъ.

На первомъ засѣданіи этнографической секціи III-го Съѣзда польскихъ историковъ въ Краковѣ въ 1900 году профессоръ Млынэкъ прочелъ рефератъ «O dzisiejszej nazwie «lach» i jej znaczeniu dla badań etnograficznych» [1].

Въ немъ референтъ доказываетъ, что имя «ляхъ», употребляющееся въ настоящее время въ горальскомъ, ляхоцкомъ, русинскомъ говорахъ Западной Галиціи, означаетъ человѣка особаго польскаго племени. Послѣднее обитаетъ между рѣками Бѣлой и Саномъ съ одной стороны. и Вислой и Карпатами—съ другой; граничитъ на югѣ съ горалями, на сѣверѣ съ мазурами, на востокѣ съ русинами, на западѣ съ сленцками. Называть его мазурами, какъ это обыкновенно дѣлаютъ,—нельзя, такъ какъ оно отличается отъ мазуровъ типомъ, бытомъ и языкомъ. Поэтому необходимо ввести въ этнографію названіе «ляхъ».

Одна часть присутствующихъ была несогласна съ указанными проф. Млынкомъ границами употребленія названія «ляхъ». Г. Завилинскій утверждалъ, что оно употребляется только клисцаками и горалями; Кленовскій говорилъ, что оно слышится у русиновъ; Парчевскій прибавлялъ, что, сверхъ того, оно извѣстно въ Тѣшинскомъ княжествѣ.

Другая группа оппонентовъ высказалась противъ признанія имени «ляхъ» названіемъ особаго польскаго племени. Сикорскій признавалъ нѣкоторыя отличія между такъ называемыми «ляхами» и ихъ сосѣдями въ языкѣ; между Сончемъ и Марцинковомъ онъ подмѣтилъ нѣкоторыя лингвистическія особенности, но не считалъ ихъ достаточными для того, чтобы принять мнѣніе Млынка.

Здзярскій и Бодуэнъ-де-Куртенэ мотивировали свое несогласіе съ мнѣніемъ референта отсутствіемъ какихъ бы то ни было отличій между такъ называемыми ляхами и ихъ сосѣдями.

Калина, Свентекъ, Крчекъ не признавали справедливымъ мнѣніе Млынка, такъ какъ имя «ляхъ», по ихъ мнѣнію, не туземное, а распространяется горалями.

Радзиковскій считалъ имя «ляхъ» не названіемъ особаго племени, а только прозвищемъ, даваемымъ горалями жителямъ равнинъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ ссылался на слѣдующее: 1) имя «ляхъ» встрѣчается только тамъ, гдѣ сталкиваются горали съ ляхами; 2) оно въ исторіи—синонимъ или поляковъ, или вообще западныхъ славянъ; 3) предки ляховъ и горалей—одни и тѣже, именно такъ называемые краковяне, висляне, сандомиряне.

Мнѣніе Радзиковскаго, что «ляхъ»—прозвище, раздѣляли всѣ оппоненты, кромѣ Бадуэна-де-Куртенэ. Послѣдній, исходя изъ того, что племенныя названія нерѣдко употребляются въ качествѣ прозвищъ, не считалъ невозможнымъ

[1] Напечатанъ въ Pamiętnik III Zjiazdu histor. pol., II, 109—112.

признать и «ляхъ» названіемъ особой части польскаго народа, но онъ высказывался противъ выдѣленія «ляховъ» въ особое польское племя.

Въ заключеніе изложенія возраженій, сдѣланныхъ Млынку, нельзя не остановиться на мнѣніи Крчка. Послѣдній счелъ изслѣдованіе вопроса о «ляхахъ» пустою, безполезною тратою времени.

Несмотря на всѣ эти возраженія, Млынэкъ остался при своемъ мнѣніи, увѣряя, что имѣетъ за него рядъ вѣскихъ доказательствъ, которыя за недостаткомъ времени изложить не можетъ.

Рѣшеніе секціи было слѣдующее. Она признала важность затронутаго Млынкомъ вопроса и выразила желаніе относительно дальнѣйшаго его изслѣдованія.

Спустя два года послѣ Съѣзда въ журналѣ «Lud» (т. VIII) появилась замѣтка Буяка, касающаяся вопроса о ляхахъ: Przyczynek do kwestyi «Lachów» i «Górali». Въ ней мы находимъ краткій отзывъ о рефератѣ Млынка. Буякъ считаетъ недостаткомъ этого реферата отсутствіе научныхъ доказательствъ; но онъ несогласенъ и съ мнѣніемъ оппонентовъ, будто нѣтъ никакой разницы между ляхами и ихъ сосѣдями. Различіе между ними и ихъ западными сосѣдями указано въ сборникѣ «Oesterreich in Wort und Bild». Оппоненты безъ сомнѣнія находились подъ сильнымъ вліяніемъ труда Потканскаго «Pierwsi mieszkańcy Podhala (въ Rocznik Tatrzański 1897 г.); въ немъ авторъ доказывалъ, что горали – потомки колонистовъ, прибывшихъ съ береговъ Вислы. Упомянувъ о мнѣніи Талько-Гринцевича, считающаго горалей чистыми поляками, онъ переходитъ къ изложенію своихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ лѣтомъ 1901 г. въ Лимановскомъ уѣздѣ. Оказывается, ляхи не считаютъ горалей своими, называютъ себя также свояками, наскими, ровняками, рѣже мазурами, такъ какъ послѣднее названіе подвергается насмѣшкамъ. Мало того, они даже нѣкоторыхъ горцевъ называютъ ровняками, когда ихъ считаютъ за своихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что ляхами они называютъ себя сами; но отсюда еще не вытекаетъ, что это названіе не заимствовано у сосѣдей. Точную границу между горалями и ляхами провести нельзя: есть деревни съ смѣшаннымъ населеніемъ, какъ Слопница, Млунчискъ, Грушовецъ. Вообще сѣверная и восточная часть Лимановскаго уѣзда населена ляхами, юго-западная — горалями. Буякъ подмѣтилъ рядъ различій между горалями и ляхами. Болѣе всего бросается въ глаза разница въ обуви: горали носятъ kгурсie и kiегрсе (т. е. лапти), ляхи— сапоги съ подковами. Въ одеждѣ тоже замѣчается большая разница: брюки горалей ўже, чѣмъ у ляховъ, и чаще суконныя, а не полотняныя, какъ у ляховъ. Сукманы (сермяги) горалей короче, чѣмъ у ляховъ, изукрашены шитьемъ, безъ подкладки, между тѣмъ у ляховъ они и длиннѣе, и всегда на подкладкѣ. Поясъ горалей гораздо шире, чѣмъ у ляховъ. Вмѣсто т. н. сердаковъ ляхи носятъ бѣлые суконные кафтаны. Не меньше различій можно указать и въ жилищѣ. У жителей равнинъ изба и конюшня находятся подъ одной крышей, у горалей же каждая отдѣльно. Словарный матерьялъ языка горалей находится подъ вліяніемъ языка румынскаго, чего нельзя сказать объ языкѣ ляховъ; языкъ горалей пѣвучій. Горали болѣе развиты, чѣмъ жители равнинъ. Наконецъ, между горалями мужчины красивѣе горалекъ.

Таковы отличія, подмѣченныя авторомъ между горалями и ляхами. Авторъ признаетъ, что почти каждую изъ указанныхъ имъ выше чертъ, отличія можно

объяснить вообще вліяніемъ горной природы, а не различіемъ племеннымъ. Но совокупность всѣхъ ихъ, по его мнѣнію, дастъ право утверждать послѣднее, именно, онъ сближаетъ гоjралей со словаками.

Подводя итогъ, Буякъ повторяетъ, что по крайней мѣрѣ въ Лимановскомъ уѣздѣ употребляется названіе «ляхъ», но доказать, что оно обозначаетъ особое племя—нельзя. Вотъ въ какомъ положеніи находится ляшскій вопросъ въ настоящее время.

Какъ этнографическая секція III Съѣзда польскихъ историковъ, такъ и Буякъ признаютъ важность и интересъ поставленнаго Млынкомъ вопроса. Съ этимъ нельзя не согласиться. Въ противоположность прежнимъ изслѣдователямъ, разсматривавшимъ «ляшскій» вопросъ съ исторической точки зрѣнія (см. Потканскій: «Lachowie i Lechici»), онъ постарался доказать существованіе въ настоящее время особаго населенія, носящаго названіе «ляхъ». Доводы его были неубѣдительны; поэтому понятно несогласіе съ его мнѣніемъ его оппонентовъ. Съ своей стороны, послѣдніе были неправы, отрицая существованіе какихъ бы то ни было отличій между ляхами и ихъ сосѣдями. Такія отличія есть, какъ показываетъ Буякъ, и ихъ не такъ мало, какъ думали нѣкоторые. Вопросъ только въ томъ, даютъ ли указанныя Буякомъ отличія право считать «ляховъ» за особое польское племя. По крайней мѣрѣ относительно Лимановскаго уѣзда мы можемъ сказать, что часть его населенія называетъ себя ляхами; но можно ли утверждать, что это названіе не заимствовано имъ у сосѣдей? Буякъ на оба эти вопроса отвѣчаетъ отрицательно. Такимъ образомъ онъ, самъ того не высказывая, придерживается мнѣнія Бодуэна-де-Куртенэ, который считалъ возможнымъ, что часть польскаго народа носитъ особое названіе «ляхи», но отнюдь не составляетъ особаго племени, какъ это думалъ Млынэкъ. Разница между Буякомъ и Бодуэномъ-де-Куртенэ только въ томъ, что первый считаетъ недоказаннымъ противоположное мнѣніе, т. е. утвержденіе Млынка, а второй прямо считаетъ невозможнымъ положеніе Млынка. Если принять во вниманіе, что есть отличія между ляхами и горалями, чего, какъ думалъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, нѣтъ, то самымъ вѣрнымъ является выводъ Буяка, т. е. что есть народъ (именно—часть населенія Лимановскаго уѣзда), который называетъ себя ляхами, и что онъ рѣзко отличается отъ своихъ южныхъ сосѣдей горалей.

В. Колашевскій.

Примѣчаніе. Мѣстность, населенная теперь польскими горалями, нѣкогда принадлежала галицкимъ князьямъ и входила въ составъ Галицкой области. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ покойный Барсовъ («Очерки русской исторической географіи», изд. 2-ое, 1885 г., стр. 109—110), что Перемышльская земля простиралась гораздо далѣе на сѣверъ, за Любачевъ, Ярославль, Перевореськъ (Przeworsk), галицкіе города, извѣстные уже съ XIII вѣка, и отдѣлялась отъ лядскихъ владѣній болотистыми низинами Сана и Лонки...

Западная граница съ ляхами шла, кажется, по водораздѣлу между двумя Вислоками, Саноцкимъ и Вислянскимъ, и захватывая верховья послѣдняго и верхнія теченія притоковъ его Яслы и Ропы, спускалась въ юго-зап. напра-

вленія къ Карпатамъ, къ истокамъ Бѣлой, Попрада и Дунайца въ сосѣдство Кракова, который въ одной изъ грамотъ X вѣка, указывается на русскихъ границахъ. Здѣсь (къ сѣв.-востоку отъ Дукли, въ одной милѣ) находится сел. Роги, которое еще въ XIV вѣкѣ считалось въ Русской землѣ». Въ виду этого польскихъ гоналей можно считать потомками русскихъ горцевъ, усвоившихъ польскую рѣчь подъ вліяніемъ сосѣднихъ жителей равнины поляковъ, но сохранившихъ особенности и въ типѣ, и въ одеждѣ, и вообще въ бытѣ. Такъ какъ русскіе горцы называли всѣхъ поляковъ обычнымъ для послѣднихъ названіемъ «ляхи», не заключавшимъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, то, понятно, это названіе было принято (по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ съ русскими) ихъ сосѣдями, поляками, и за ними осталось. Отсюда и употребленіе нынѣшними поляками горалями названія «ляхи» для поляковъ равнины, и пользованіе, впрочемъ относительно слабое, тѣмъ названіемъ у самихъ поляковъ равнины, болѣе или менѣе близкихъ къ горалямъ.

А. Соболевскій.

II.

Свадебные обычаи, пѣсни и приговоры.

Записаны въ Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ. въ 1903 году.

Почти всѣ свадьбы у крестьянъ Рябинской волости совершаются зимой во время мясоѣда, приблизительно между Крещеньемъ и маслявицей. Браки весною и лѣтомъ крайне рѣдки и вызываются обыкновнно случаями неотложной необходимости, какъ, напримѣръ, смерть у многодѣтнаго крестьянина единственной работницы—жены, нравственное паденіе дѣвушки и т. п. Такія свадьбы не отличаются излишествомъ въ угощеніяхъ и совершаются очень скромно. Не то бываетъ зимой, когда вь крестьянской семьѣ есть почти все необходимое, есть деньги и есть свободное относительно время отъ крестьянскихъ работъ. Свадьбы эти празднуются по нѣскольку дней (отъ 3 до 9) и отличаются богатствомъ и изобиліемъ угощеній.

Главные мотивы брака—забота объ увеличеніи числа рабочихъ рукъ въ крестьянской семьѣ, отчасти боязнь за нравственное паденіе молодежи и—въ рѣдкихъ случаяхъ—любовь. Замужъ выходятъ начиная съ 16 лѣтъ и преимущественно до 23-хъ. Послѣ этого возраста рѣдко вступаютъ въ бракъ, и такихъ случаевъ немного; называютъ ихъ въ деревняхъ «вѣкоушами». А женятся съ 18 лѣтъ, и бываютъ случаи вступленія въ бракъ и ранѣе, но это рѣдкое исключеніе. Въ возрастѣ 24-хъ лѣтъ и болѣе въ деревняхъ рѣдкость встрѣтить холостого парня. Старыхъ холостяковъ среди крестьянъ или пожилыхъ и незамужныхъ женщинъ почти нѣтъ, такъ какъ женщина въ крестьянствѣ не служитъ обузой, а представляетъ изъ себя рабочую силу.

Главныя заботы и участіе въ организаціи сватовства и свадьбы выпадаютъ на долю родителей. Когда отецъ или мать видятъ, что надо сына женить, то обыкновенно говорятъ ему объ этомъ, причемъ указываютъ на тѣ причины, какія вызываютъ женитьбу. Въ настоящее время, какъ и въ старину, въ большинствѣ случаевъ сами родители подыскиваютъ невѣсту и рѣдко самъ сынъ заявляетъ, что невѣсту себѣ уже присмотрѣлъ. Начинается сватовство. Обычно сватами бываютъ ближайшіе родственники жениха, не исключая и отца. Мать-вдова ѣздитъ рѣдко, хотя подобные случаи бываютъ. Сваты одѣваются въ праздничныя одежды, надѣваютъ хорошую сбрую на лошадей и ѣдутъ, помолившись, уже по намѣченному пути свататься. Пріѣхавъ въ желаемую семью, сваты входятъ въ избу, крестятся, здороваются и одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Пришли къ вамъ не кумиться, не брататься, а пришли посвататься; у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ.

Если все сватамъ благопріятствуетъ и женихъ желательный, то ихъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ чаемъ, виномъ и яичницей. Чай обыкновенно разливаетъ невѣста, причемъ ее тутъ же спрашиваютъ о согласіи. Если невѣста согласна, то приступаютъ къ рядѣ приданаго, которое бываетъ отъ 3 р. до 50 и болѣе. Бывали случаи, что сватовство разстроивалось, напр., изъ-за жилетки, которую родные невѣсты не соглашались дать жениху. Во многихъ случаяхъ пишутъ рядную приданому, въ которой все приданое перечисляютъ и указываютъ стоимость каждой вещи. Въ этотъ же разъ назначаютъ день рукобитья, когда окончательно должны рѣшить дѣло. При удачномъ выполненіи своей миссіи сваты получаютъ залогъ отъ невѣсты жениху въ видѣ платка, шарфа,

и т. п. При неудачѣ, послѣ объявленія сватами о цѣли пріѣзда, ихъ не угощаютъ и даже иногда, не слѣзая съ печи, отвѣчаютъ, что такихъ жениховъ не желаютъ или что еще не думаютъ отдавать дочь въ замужество и т. п.

Рукобитье заключается въ томъ, что приходятъ снова сваты въ домъ къ невѣстѣ, куда на этотъ разъ собирается много народу и приходятъ подруги невѣсты. Сваты садятся за накрытые столы, на которые хозяева ставятъ яичницу, блины, вино и хлѣбъ. Когда все это поставлено, сваты поднимаются съ мѣстъ, заворачиваютъ въ правыя полы своихъ поддевокъ правыя руки и ударяютъ нѣсколько разъ по рукамъ, такъ же завернутымъ въ поддевки у сватовъ со стороны невѣсты, которыми въ большинствѣ случаевъ бываютъ отецъ или дядя, а иногда и братъ невѣсты. Послѣ этого молятся, цѣлуются и садятся за угощеніе. Начинаютъ раздавать дары: жениху—полотенце, кисетъ съ придаными деньгами, свекру полотенце, свекрови посылаютъ рукава и повойникъ или сборникъ (головной уборъ замужнихъ женщинъ) и сватамъ дарятъ тоже по полотенцу. Получивши дары, сваты тутъ же отдариваютъ деньгами невѣсту и даютъ отъ 1 р. до 10 р. и болѣе, смотря по достатку жениха, а подаренными полотенцами опоясываются, какъ кушаками и черезъ плечо, что тоже дѣлаютъ и въ дни брачныхъ торжествъ въ доказательство домовитости и рукодѣльности невѣсты. Невѣста въ это время садится около печки и начинаетъ голосить или вопить.

Запоручилъ кормилецъ-батюшка,
За поруки за крѣпкія,
За крѣпкія—вѣковѣчныя.
Не гніютъ эти поруки, не ржавѣютъ,
А живутъ до гробовой доски...

Собравшіяся дѣвушки на рукобитьѣ, послѣ раздачи подарковъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

Ты измѣнъ—наша измѣнщица,
Измѣнила краснымъ дѣвушкамъ,
Говорила: замужъ не пойду,
Говорила:—не подумаю
Ни за князя, ни за барина,
А сама пошла—задумала
За Алексѣя Ивановича (имя жениха).
Не кладу я, млада, жалобу,
Ни на батюшку, ни на матушку,
А кладу я, млада, жалобу,
Я на свата,—приговорщика.
Какъ ходилъ онъ къ намъ частехонько,
Говорилъ рѣчи гладехонько;
Онъ хвалилъ чужую сторону,
Какъ чужая-то сторонушка
Она сахаромъ усѣяна,
Медовой сотой поливана.
Не жила млада, не вѣдала,
Пожила млада, спровѣдала.
Чужая-то сторонушка
Она горемъ усѣяна,
Горючими слезами усыпана
И кручиной огорожена.

Послѣ этой пѣсни сваты и народъ расходятся по домамъ.

Начиная съ этого дня, невѣста утромъ и вечеромъ каждый день до свадьбы вопитъ или голоситъ такъ:

Ахъ, я сяду подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косящато,
Ты, заря ли моя, зоренька,
Ты, заря ли моя утренняя!
Ты зачѣмъ рано загораешься?
Не даешь ты мнѣ, зоренька, повыспаться,
У сново родима батюшки,
У своей родимой матушки.

Если у невѣсты нѣтъ отца и матери, то она перечисляетъ тѣхъ родныхъ, у которыхъ живетъ.

Вечеромъ невѣста голоситъ такъ:

Ахъ, какъ сяду я подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косящато.
Ты, заря ли моя, зоренька,
Ты, зоря-ль моя вечерняя,
Зачѣмъ рано занимаешься?
Не даешь ты мнѣ, зоренька
Посидѣть у родна батюшки,
У родимой своей матушки..

Сирота-невѣта добавляетъ:

Запою я, сиротинушка,
Звонкимъ голосотъ серебрянымъ:
Ты раздайся, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты возстань, родимый батюшка,
Ты возстань, родима матушка.
Благословите дитятко,
Дочку-горьку, сиротинушку,
Спасомъ образомъ пресвѣтлыимъ,
Богородицей матушкой.

Во время дня невѣста каждую посѣтительницу изъ подругъ встрѣчаетъ, здоро вается и, кладя голову ей на плечо, такъ голоситъ:

Здравствуй, милая подруженька!
А ты знаешь ли про мое горе крѣпкое?
Запоручилъ меня родимый батюшка,
Запоручила родна матушка
Въ чужу дальнюю сторонушку,
За поруки вѣковѣчныя.

Или такъ:

Ахъ, скажи, жаланна тетушка,
Каково жить во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ за порукою
У чужого отца—матери?
Каково, моя голубушка,
Угождать имъ да услуживать?..

Посѣтительница отвѣчаетъ и тоже голоситъ:

Тяжко, тяжко, другъ мой миленькій,
Тяжко жить намъ во чужихъ людяхъ.

Во чужихъ людяхъ незнакомыхъ,
У чужого отца съ матерью.
Насидишься во чужихъ людяхъ
На концѣ стола дубоваго,
Понаплачешь ясны оченьки
Горючьми слезами горькими.

Всѣ дни до свадьбы, какъ семья невѣсты, такъ и семья жениха усиленно занимаются приготовленіями къ вѣнцу и работой приданаго. Женихъ выправляетъ необходимые письменные документы, на что тратится немало времени и денегъ.

Вь зимній свадебный сезонъ, т. е. мясоѣдомъ до масляницы, въ деревняхъ по вечерамъ устраиваются такъ называемыя «посѣдки» или «святки». Нанимается молодежью изба, собираются въ ней дѣвицы и парни и проводятъ время въ пѣсняхъ, пляскахъ, угощеніи; разсказываютъ сказки и прибаутки. Дѣвицы обыкновенно являются на посѣдки съ работой, напр. съ прялкой, шитьемъ и т. п. Угощеніе—наливку, орѣхи, конфеты, пряники и заѣдки покупаютъ парни. Всѣ одѣваются въ праздничныя платья и сарафаны, которые еще по сіе время въ деревняхъ сохранились, хотя измѣнили нѣсколько свой старинный покрой. Невѣста почти всегда бываетъ на посѣдкахъ, гдѣ и имѣетъ свиданіе съ женихомъ, который обыкновенно привозитъ угощеніе дѣвицамъ и невѣстѣ.

Такъ проходитъ время до дѣвичника, устраиваемаго въ домѣ невѣсты, и парничника—въ домѣ жениха. Дѣвичникъ и парничникъ—это дни прощанія жениха и невѣсты съ своей холостой и дѣвической жизнью. Невѣста въ день дѣвичника съ своими подругами отправляется въ баню, которую въ этотъ разъ топитъ или самая любимая подруга ея или родная сестра. Невѣсту моютъ или парятъ подруги, за что она ихъ вечеромъ угощаетъ чаемъ, ужиномъ, сусломъ и разными заѣдками.

Въ этотъ же день подруги заплетаютъ невѣстѣ косу, вплетая въ волосы яркія ленты и тряпки, а вечеромъ въ банѣ расплетаютъ ее, и каждая дѣвица получаетъ въ подарокъ по лентѣ или коспику. Невѣста при этомъ причитаетъ такъ:

Ты поди-ка, поди, Марьюшка,
Ты поди ка, свѣтъ-Захаровна,
Расплети-ка ты мою косу
Во остаточки въ послѣдочки.

Лѣтъ 15—20 назадъ дѣвичникъ во многихъ семьяхъ справлялся нѣсколько иначе. Когда баня была готова, одна изъ подругъ шла къ невѣстѣ въ избу и, отворяя дверь, приговаривала на распѣвъ:

Отворю я, млада, двери на пяту,
Положу я, млада, руку на скобу,
Ты пожалуй-ко, сестрица моя,
Ты пожалуй-ко, желанная,
Во паровую во баенку,
Ко зеленому ко вѣничку.
Смою я твою слезипочку
Съ ретива сердца горивочку.

Невѣста отвѣчала на это:

Ахъ, спасибо тебѣ, сестринька,
За привѣтливое, ласково словцо,
За паровую за баенку.

Послѣ этого пришедшія подруги расплетали невѣстѣ косу, а невѣста должна была, плача, приговаривать:

Ахъ, вы душеньки-подруженьки,
Вы, голубушки сердечныя!

Не треплите мою русую косу;
Вы не рвите волю дѣвичью!..

Съ расплетеной косой невѣста подходила къ отцу и матери или къ ближайшему родственнику и голосила:

Ты, родимый соколъ—батюшка,
Голубынька, моя матушка,
Поглядите вы на доченьку:
Растрепали косу ейную,
Разорвали волю дѣвичью!

Послѣ этого невѣста кланялась родителямъ въ ноги и приговаривала:

Благословите меня—горькую,
Во паровую во баенку,
Ко зеленому ко вѣнчику.

Родители благословляли невѣсту, и она шла съ подругами въ баню, причемъ дорогой пѣлись разныя свадебныя пѣсни. Отдохнувъ послѣ бани, невѣста съ роднымъ братомъ или съ другимъ ближайшимъ родственникомъ шла приглашать къ себѣ на дѣвичникъ гостей: въ каждомъ домѣ кланялась въ ноги и приговаривала:

Милости прошу на дѣвичникъ мой,
Милости прошу за почестенъ столъ.

А сопровождавшій невѣсту приговаривалъ такъ:

Милости просимъ къ нашей невѣстѣ,
Къ Марьѣ Петровнѣ,
Хлѣбъ-соль откушать,
Вечерокъ прокоротать.

Когда всѣ гости собрались, выходитъ невѣста, въ праздничномъ нарядѣ и иногда съ цвѣтами на головѣ, кланяется всѣмъ въ поясъ, благодаритъ гостей и усаживается за столъ подъ образа, а на столѣ передъ ней ставятъ чашку деревянную, пустую, въ которую приходящіе гости кладутъ деньги—серебряные пятачки и гривенники.

Рядомъ съ невѣстой по правую руку садится родная сестра или ближайшая подруга, а по лѣвую остальныя подруги, а потомъ гости. Когда всѣ соберутся, начинаютъ пѣть пѣсни подруги невѣсты.

При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было времячкѣ,
Какъ у Марьи на дѣвишничкѣ,
Прилеталъ тутъ младъ ясенъ соколъ.
Онъ садился на окошечко,
На серебряну причеленку,
На золотую закроинку.
Увидѣла, узрѣла Марьюшкина матушка:
Ты, родимое дитятко,
Привѣчай къ себѣ сокола,
Ясна-сокола залетнаго,
Добра-молодца пріѣзжаго,
Алексѣя, свѣтъ, Ивановича.
Ужъ я рада бы привѣтить сокола
Языкъ мой не ворочается,
Уста не отверзаются,
Сердце кровью обливается...

Иногда поютъ такой варіантъ той же пѣсни:

Какъ при вечерѣ, было вечерѣ,
Какъ у Марьи на дѣвишничкѣ,
У Петровны на веселыемъ,
Прилеталъ туда ясенъ соколъ.
Онъ садился на окошечко,
На рѣшоточку серебряну.
Что никто-то сокола не видалъ,
Что никто-то ясного не высмотрѣлъ.
Высмотрѣла Марьина матушка:
Мое милое ты —дитятко,
Приголубь ты ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго! —
—Ахъ, родимая ты матушка,
Мой языкъ съ нимъ не воротится,
Сердце камнемъ оборотится.

Дальше поютъ пѣсни гостямъ, каждому отдѣльно, и въ пѣсняхъ требуютъ золотой казны. Сначала поютъ невѣстѣ:

Нареченная княгиня, послушай,
Отецка дочь, догадайся,
За мошоночку принимайся!

Гостю холостому поютъ такъ:

Пора тебѣ, Алексѣюшка, жениться,
Твоя-то сужена повыросла,
Широки платочки повышила,
Скатерти браны по выбрала.

Если гости долго не расплачиваются съ дѣвицами, то, какъ бы задабривая ихъ, онѣ поютъ:

Сергѣй ходитъ по двору,
Захарычь по широку.
Люди скажутъ: чей такой?
Степанида (жена) скажетъ: мой дворянинъ.
Петровна молвитъ: мой господинъ.

Поютъ и такую пѣсню:

Ты, Митряшка (или другое имя), кудрява голова,
Не садись-ка ты возлѣ меня,
Что ни возлѣ, ни подлѣ, ни супротивъ меня.
А то всѣ скажутъ, что любишь меня.
—Я тебя, Митряшка, не любливала,
Съ тобой въ лѣсъ по малину не хаживала,
Мужа своево малинкой не потчивала.
Какъ пойду я, молода,
На широкій дворъ,
Я съ нашести возьму пѣтушка,
Пѣтушка за право крылышко.
Вотъ тебѣ, пѣтушокъ,
За ночной грѣшокъ;
Ты зачѣмъ рано встаешь,
Громкимъ голосомъ поешь,
Съ милымъ спать не даешь.

На дѣвичникъ иногда пріѣзжаетъ женихъ, хотя это бываетъ рѣдко. Невѣста его встрѣчаетъ молча, низко кланяется и онъ, въ свою очередь кланяясь низко, садится рядомъ съ ней. Обычно женихъ привозитъ разныя угощенія невѣстѣ и угощаетъ ими ее и подругъ, которыя ему за это поютъ пѣсни:

Ужъ вы соколы, соколы,
Далеко ли вы летали?
А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.
Чего же вы тамъ видѣли?
Мы видѣли, слышали
Сѣру утицу на заводьѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взяти,
Сизы перья разбити,
Горючу кровь пролити.
Ахъ, вы, бояре, бояре,
Далеко ли вы ѣздили?
Съ городу на городъ мы ѣздили.
Чего же вы тамъ видѣли?
Красну дѣвицу во теремѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взяти,
Русу косу расплести,
Горючу слезу пролити..,

Поютъ и такую пѣсню:

Ты, голубушка, мила сестра Марья Петровна,
Мнѣ сегодняшняя ночь не спалося,
Не спалося, все снилося,
Будто летитъ гусей стадо;
Напередъ-то летитъ ясенъ соколъ.
Ты, голубушка мила сестра,
Ты, Марія Петровна-свѣтъ,
Я твой сонъ розберу, раскажу,
Разгадаю его, раскажу.
Это не гусей стадо летитъ,
И на передъ-то не ясенъ соколъ.
Это--Алексѣй-то ѣдетъ съ поѣздомъ,
Сергѣевичъ со краснымъ по тебѣ,
По тебѣ-ль, моя голубушка,
По твою ли косу русую;
Ко вѣнчанью поведутъ тебя,
Косу на двѣ расплетутъ тебѣ,
И снохою назовутъ тебя,
Какъ женою Алексѣевой.

Послѣ ужина гости и женихъ разъѣзжаются по домамъ, а невѣста, оставшись одна съ своими, начинаетъ голосить:

Ахъ, ты, батюшка родимый мой,
Ахъ, ты, матушка родимая,
Благословите вы меня, молоду,
Отдать свою дѣвичью красоту!

Кончая этотъ приговоръ, невѣста кланяется родителямъ въ ноги, а тѣ ее благословляютъ.

Парничникъ или мальчишникъ справляется женихомъ такъ. Въ этотъ день женихъ съ товарищами идетъ въ баню, куда захватываютъ съ собой водки, пива и закусокъ. Пѣсенъ и причитаній никакихъ нѣтъ. Придя въ баню, пьютъ водку, пиво и закусываютъ; на каменку льютъ пиво; жениха моетъ одинъ изъ товарищей. По возвращеніи жениха изъ бани его немного подстригаютъ. Женихъ вмѣстѣ съ однимъ или дружекъ или шаферовъ отправляется по сосѣдямъ и знакомымъ звать къ себѣ на парничникъ, причемъ, войдя въ домъ сосѣда, шаферъ приглашаетъ:

Милости прошу къ нашему жениху,
Алексѣю Ивановичу, хлѣба-соли откушать,
Вечерокъ посидѣть!

Пригласивъ сосѣдей и гостей, женихъ одѣваетъ праздничную одежду, въ которой будетъ вѣнчаться, и подходитъ къ отцу и матери подъ благословеніе. Отецъ беретъ хлѣбъ съ солью и, образомъ благословивъ сына, передаетъ ихъ матери, которая—обыкновенно со слезами—тоже благословляетъ и передаетъ ихъ крестному отцу жениха и, такимъ образомъ, образъ переходитъ изъ рукъ въ руки всей собравшейся родни, которая и благословляетъ жениха, высказывая ему различныя пожеланія. Послѣ этого жениха усаживаютъ подъ образа за столъ; по правую сторону его садится крестный, а по лѣвую братъ или лучшій товарищъ, а потомъ остальная родня и почетные гости. Передъ женихомъ ставятъ пустую деревянную чашку, въ которую каждый изъ гостей, поздравляя жениха, кладетъ, по достатку, отъ 10 к. и болѣе, а женихъ каждому гостю, вставая, кланяется три раза въ поясъ. Подаютъ угощенія: водку пиво, пироги—начинается пиръ, во время котораго собравшіяся женщины (а иногда и дѣвицы) съ товарищами поютъ пѣсни. Поютъ уже приведенную выше пѣсню: «Ужъ вы, соколы, соколы», потомъ поютъ:

Алексѣева-то матушка
Въ воскресенье вспородила,
Въ воскресную заутреню снаряжала;
Снаряжала его матушка жениться,
Говорила ему, наказывала:
Ты пойдешь, мое дитятко, жениться,
Ты прійдешь на тестевъ дворъ:
Не пускай-ка коня по двору,
Ты отдай-ка коня конюхамъ,
Чтобы свелъ онъ на конюшенку.
Ты взойдешь во высокъ теремъ,
Ты недолго Богу молися,
Не низко тестю кланяйся;
Примѣчай-ка свою сужену,
Свою сужену-ряжену.
Что твоя-то ли сужена,
Сидитъ она невесела,
Буйну голову повѣсила,
Руса косынька расчесана,
По плечамъ ея разбросана.

Поютъ и такую пѣсню:

Воску ярова свѣчи теплются,
Алексѣй-то Богу молится,
Со слезами низко кланяется.
Увидала, узрѣла Алексѣева матушка:
Ты, родимое дитятко,
Ты о чемъ же Богу молишься,
Со слезами низко кланяешься?

—Ужъ и какъ же мнѣ не плакати.
Мнѣ дорóга будетъ дальняя,
Поѣзжане будутъ пьяные,
А кони будутъ игривые,
Игривые, вертливые;
Потеряютъ мою суженую
По ухабамъ по глыбокіимъ,
По раскатамъ по широкіимъ.

Если женихъ—сирота, то поютъ:

Ты рѣка ли, наша рѣченька,
Ты рѣка ли наша быстрая,
Ты течешь не колыхнешься,
Со желтымъ пескомъ не возмутишься.
Во тебѣ ли, моя рѣченька,
Много каменья жемчужнаго,
Одного нѣтъ дорога камня.
У Алексѣя гостей много,
Всѣ бояре со боярынями,
Все князья-то со княгинями,
Одного нѣтъ дорга гостя [1],
Дорга гостя—батюшки.
Погодите, люди добрые,
Подвигать столы дубовые:
Подъ окошкомъ, чтó-то стукнуло,
У калитки кольцо брякнуло.
Не кормилецъ ли – батюшка,
Не несетъ ли Спаса óбраза—
Благословеніе великое. .

Поютъ еще пѣсню:

Среди-то было горницы столовой,
Алексѣй играетъ во цимбалы,
Ивановичъ во звончаты.
Подошедши, Марьюшка выслушивала,
Подошедши, Петровна выдумывала,
Что это цимбалушки возговорили?
Говорили цимбалушки звончатые:
Свекра-то велятъ звать батюшкой,
Свекровь-то велятъ звать матушкой.
Деверьевъ-то велятъ звать милыми братцами,
Золововъ-то велятъ звать милыми сестрицами,
Алексѣя-то велятъ звать милымъ дружкомъ:
Онъ мнѣ милѣе роду-племени.

Кромѣ этихъ пѣсенъ поютъ еще плясовыя, подъ которыя собравшаяся молодежь пляшетъ. Чаще можно слышать изъ плясовыхъ такія.

Я по жерздочкѣ шла,
Я по тоненькой, по еловенькой.
Только жердочка гнется, не ломится,
Хорошо съ милымъ водиться,
Ночки темны коротать.
Ахъ, ты, Ванюшка, мой разлапушка,
Позвала бы тя на ночку, —
Повадишься ходить.
Положила бы на ручку,
Разоспишься, не проснишься.

---

[1] В. М. дорога.

Или:

Ахъ, несырой ли то дубъ разгорается,
Ай люли, ай люли, разгорается.
Ужъ не мой ли то мужъ размогается,
Ай люли, ай люли, размогается.
Я пойду, молода, ко милу дружку,
Ай люли, ай люли, ко милу дружку.
Ко милу дружку, ко Иванушкѣ,
Ай люли, ай люли, ко Иванушкѣ.
Ты, Иванушка-дружокъ, чего хочется?
Ай люли, ай люли чего хочется.
Сладкой водочки ли, чаю или кофею?
Ай люли, ай люли, или кофею.
Я хочу, я прошу студеной воды,
Ай люли, ай люли, студеной воды.
Студеной воды со Дунай-рѣки.
Ай люли, ай люли, со Дунай-рѣки.

Еще поютъ плясовую пѣсню:

Ахъ, во лузяхъ, ахъ, во лузяхъ,
Какъ во лузяхъ зеленыхъ лузяхъ.
Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Я во тѣхъ лузяхъ выкормлю коня.
Ужъ я выкормлю, выгляжу его.
Я надѣну золотые удѣла,
Подведу коня я къ батюшкѣ.
Ужъ ты, батюка родимый мой,
Гдѣ вскормить мнѣ свово ворона коня.
Ужъ я выкормлю, выгляжу его.
Ахъ, какъ во лузяхъ, зеленыхъ лузяхъ.
(И опять начинаестя съ начала).

Подъ пѣсни пляшутъ, въ послѣднее время, вврочемъ рѣдко, и чаще подъ гармонію, которая есть въ каждой деревнѣ. Послѣ ужина, продолжающагося довольно долго и сопровождаемаго довольно значительнымъ угощеніемъ водкой, гости часовъ около 11 вечера разъѣзжаются по домамъ.

День свадьбы въ семьяхъ какъ у жениха, такъ и у невѣсты полонъ приготовленій и хлопотъ, которыя заканчиваются часамъ къ 9 или 10 утра. Тутъ приготовляются и кушанья и закуски, разливается водка и пиво, прибираются въ избѣ и приготовляются къ поѣзду, т. е. къ поѣзду жениха и невѣсты къ вѣнцу. Въ этотъ день назначаютъ, кому быть дружкой, поддружьемъ, тысяцкимъ и т. д. принять участіе въ свадебномъ поѣздѣ. Одинъ изъ дружекъ, назначается старшимъ еще наканунѣ (старшій шаферъ). Въ этотъ день старшій дружка, прійдя въ домъ жениха, начинаетъ приговаривать такъ: «Иванъ Ивановичъ (крестное имя жениха), повыйдите, повыступите, по свѣтлицѣ пройдите, платочкомъ махните. Вашу честь нареченный князь проситъ быть тысяцкимъ честнымъ.» На этотъ вызовъ выходитъ крестный, моетъ руки, крестится и садится за столъ. Потомъ дружка почти въ такихъ же словахъ выкликаетъ большого боярина, меньшаго боярина, дружекъ и поддружей; всѣ перечисленные выходятъ, кланяются, моютъ руки и садятся за столъ закусыватъ. Женихъ до вѣнца ничего не ѣстъ и не пьетъ. Собравшіяся дѣвицы поютъ пѣсни и одну спеціально для старшаго дружка, который принимаетъ на себя обязанность угощать собравшихся пивомъ и водкой.

А кто у насъ удалой, а кто у насъ пригожій?
Павелъ (имя дружки)—соколъ удалой,
Ивановичъ пригожій.
Онъ и добръ и пригожъ,
Красныхъ дѣвицъ любитъ.
Дружкой звать. величать
Старшимъ по прозванью.
Ахъ, ты, друженька хорошій.
Ахъ, ты, друженька пригожій,
Сахарны уста твои.
Вокругъ тебя поютъ дѣвицы,
До пѣсенъ большія мастерицы,
Подарочка ждутъ.

Дружка беретъ кружку съ пивомъ и опускаетъ туда гривенникъ, то же дѣлаютъ и тѣ изъ гостей, которымъ дѣвицы поютъ пѣсни, а потомъ эти деньги идутъ на подарки дѣвицамъ за пѣсни. Закусивъ, гости встаютъ. Дружка обращается къ присутствующимъ и говоритъ: «Обернемся, оглянемся по новой горницѣ, по свѣтлой свѣтлицѣ, братцы. Молодые, усатые. бородатые, благословляйте нашего князя нареченнаго, вашего князя—сосѣда любезнаго ѣхать намъ, добрымъ молодцамъ, во путь, во дорогу, мѣрными верстами, точеными столбами, пріѣзжать намъ въ деревню Заручье (гдѣ невѣста живетъ). Стоятъ наши кони въ чистомъ полѣ, коврами пріодѣты ѣдятъ траву шелковую, пьютъ воду ключевую: брать намъ сужену-ряжену у Петра у Ивановича». Въ дорогу укладываютъ свадебные запасы, водку, пироги, пиво и берутъ образъ, свѣчи, скатерть и солонку. Все это забираютъ большой и меньшой бояре. Запрягаютъ лошадей, надѣваютъ самую лучшую сбрую, бубеньчики, колокольчики и въ гривы и въ хвосты вплетаютъ цвѣтныя тряпки и ленты. Когда все готово, дружка зоветъ всѣхъ—благословить князя нареченнаго во путь, во дорогу, послѣ чего отецъ, мать и вся родня благословляютъ жениха, высказываютъ ему лучшія пожеланія и поѣздъ отправляется въ такомъ порядкѣ: впереди на одиночкѣ ѣдетъ дружка съ подружьемъ, за ними на парѣ женихъ съ тысяцкимъ и провожатымъ, потомъ на одиночкѣ бояринъ большой и меньшой съ свадебными припасами. Пріѣхавъ къ невѣстѣ, выходятъ и стоятъ у сѣней. Дружка кнутомъ ударяетъ по двери со словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа». Изъ дверей, которую отворяетъ дружка невѣсты, отвѣчаютъ: «аминь». Поѣзжане всѣ входятъ. Дружка, войдя, начинаетъ такъ: «Прислалъ нашъ князь нареченный про ваше здоровье узнать, про свое разсказать, какъ вы живете, здоровы, а мы все-слава Богу». Столъ бываетъ занятъ подругами невѣсты и потому вошедшимъ приходится стоять нѣсколько времени у дверей. Дѣвицы начинаютъ требовать съ пріѣхавшихъ подорожную. Дружка на это показываетъ полотенце, на что дѣвицы отвѣчаютъ, что полотенце знакомое и шито при нихъ. Потомъ требуютъ отъ дружки, чтобы онъ показалъ, что̀ бываетъ краснѣе краснаго солнышка и свѣтлѣе яснаго мѣсяца? Дружка на это подаетъ образъ, который ставятъ на божницу. На вопросъ: «Чего у отца съ матерью въ домѣ не осталось»? дружка указываетъ на жениха. На вопросъ—показать самую крутую гору и синее море, дружка подаетъ имъ хлѣбъ и пиво. Послѣ этого съ дружки начинаютъ требовать золотой казны Дружка вынимаетъ мелкія деньги и одѣляетъ каждую дѣвицу, и только послѣ этого дѣвицы выходятъ изъ-за стола. За столомъ остается братъ невѣсты и требуетъ съ дружки выкупа за косу сестры. Когда дружка уплачиваетъ выкупъ, всѣ пріѣхавшіе поѣзжане съ женихомъ садятся за столъ, причемъ жениха садятъ съ невѣстой рядомъ, и дружка начинаетъ угощать присутствующихъ маленикомъ (пирогъ), водкой и пивомъ. Угощая подругъ невѣсты, онъ говоритъ: «дѣвицы-пѣвицы, пирожны мастерицы, горшечны пагубницы, угощайтесь въ честь нашего нареченнаго князя съ княгиней». Обращаясь къ ребятишкамъ, безъ которыхъ ни одно деревенское событіе не обойдется и которые почти всегда забираются на печку, чтобы не мѣшать взрослымъ, дружка говоритъ: «запечнички, запа-

латнички, гороховы разбойнички, угощайтесь въ честь нареченнаго князя съ княгиней». Дѣвицы въ это время поютъ пѣсни».

Отвалилася вѣточка
Отъ сахарна древичка,
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго.
Приставала лебедушка,
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
Ее стали гуси щипати,
А бѣла лебедушка кликати:
Не щиплите, гуси сѣрые.
Не сама я къ вамъ залетѣла—
Занесли меня вѣтры буйные.

Потомъ поютъ:

Ахъ, посадили молодца
Возлѣ нашего золотца.
Ахъ, какъ нашъ-то молодецъ
Ни однажды не золоченъ,
А наша-то дѣвица,
Она вдвое, втрое золочена.

Потомъ поютъ опять предыдущую пѣсню съ такимъ измѣненіемъ:

Отвалилася вѣточка,
Отъ сахарна древичка,
Отставала Марья-душа свѣтъ-Петровна
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала ко толпѣ-то мужицкой,
Ее стали люди хаяти,
А она стала плакати:
Вы не хайте, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезъ меня добрый конь и добрый молодецъ,
Алексѣемъ звать свѣтъ-Ивановичемъ.

Потомъ поютъ пѣсню:

Ахъ, не этотъ ли нашъ князь молодой,
Что не этотъ ли нашъ тысяцкой большой,
Онъ сидитъ да во честномъ мѣстѣ,
Во честномъ мѣстѣ, на лавочкѣ.
Что вокругъ не соловьи поютъ,
А поютъ вокругъ пѣвицы, души красныя дѣвицы.

Потомъ поютъ:

Нареченный князь, послушай,
Ты, отецкій сынъ, догадайся,
За мошоночку принимайся,
Золота гривня вынимайся.
Насъ пора, дѣвицъ, подарить,
Намъ на бѣлы на бѣлила,
Намъ на красны на румяна,
Мы, дѣвушки, новгородски,
Мы живемъ здѣсь при погостѣ.
За водой пойдемъ—набѣлимся,
Со воды прійдемъ—нарумянимся.

Передъ окончаніемъ закуски поютъ пѣсню:

Ахъ, родимый батюшка съ родной матушкой,
Умѣли вы дѣтище выростить,
Умѣйте же въ путь-дорожку благословить,—
Ѣхать намъ путемъ широкіимъ,
Чистымъ полямъ, зеленымъ лугамъ,
Темнымъ лѣсамъ, по мѣрнымъ верстамъ.
По темнымъ лѣсамъ, по точенымъ столбамъ,
Ко сіянію церковному, что ко звону колокольному.
Благословите златъ вѣнецъ принять.
И животворящій крестъ цѣловать

Послѣ этого всѣ встаютъ. Родные каждый особо—благословляютъ невѣсту по три раза образомъ, всѣ молятся, высказываютъ невѣстѣ и жениху лучшія пожеланія и ѣдутъ въ церковь. На первой лошади дружка съ подружьемъ, на вторыхъ саняхъ женихъ съ тысяцкимъ, на третьихъ невѣста со свахой, на четвертыхъ большой и меньшой бояре и на остальныхъ прочая родня и гости. Мать и отецъ невѣсты и жениха въ церковь не ѣдутъ. Поѣзжанъ въ деревняхъ никто не останавливаетъ, такъ какъ остановить свадьбу считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Женихъ и невѣста кланяются на обѣ стороны встрѣчнымъ при проѣздѣ по деревнямъ. Невѣста ѣдетъ закрытая платкомъ. Подъѣхавъ къ селу или погосту, поѣзжане всѣ идутъ въ сторожку церковную; здѣсь пишется свадебный обыскъ и производится плата за вѣнчаніе. Когда всѣ формальности окончены, жениха и невѣсту ведутъ въ церковь, куда идутъ и всѣ пріѣхавшіе поѣзжане. Обыкновенно передъ ·аналоемъ разстилаютъ полотенце или платокъ, на который и становится женихъ съ невѣстой, причемъ женихъ становится съ правой, а невѣста съ лѣвой стороны и снимаетъ съ своего лица платокъ. Происходитъ вѣнчаніе, потомъ почти всегда молебенъ. Во время вѣнчанія на головы жениха и невѣсты надѣваютъ вѣнцы и шафера ихъ не поддерживаютъ. Изъ церкви всѣ идутъ въ сторожку, гдѣ надѣваютъ молодой повойникъ, т. е. головной уборъ замужней женщины, и молодая кланяется первый разъ своему мужу въ ноги, что̀ означаетъ повиновеніе ему и любовь. Послѣ переодѣванія, свадебная публика опять немного закусываетъ, выпиваетъ и потомъ всѣ ѣдутъ въ домъ жениха, причемъ молодые ѣдутъ вмѣстѣ въ саняхъ жениха. Въ сѣняхъ дома собравшіяся дѣвицы встрѣчаютъ молодыхъ и поютъ:

Ворота-то отворялися,
Вода подливалася,
Три кораблика приплыли:
Первый корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Алексѣю мать говоритъ:
— Ты, родимо мое дитятко,
За который корабль приниматися?
— Мнѣ не надо злата-серебра,
А мнѣ надо красна дѣвица.

Дружка первый входитъ въ избу и, обращаясь къ отцу и матери молодого, говоритъ: «Нашъ князь удалой проситъ встрѣтитъ его съ княгиней молодой. Чего желали, то и случилось». Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ и солью и осыпаютъ ихъ житомъ, причемъ отецъ надѣваетъ на себя для встрѣчи овчинную шубу мѣхомъ къ верху. Новобрачныхъ тотчасъ же усаживаютъ за столъ, причемъ лицо молодой уже не закрываютъ. Дѣвицы начинаютъ пѣть пѣсню:

Не тошно ли тебѣ, Марьюшка,
Не грустно ли тебѣ, Петровна?
По всѣ стороны обсѣла чужая сторона:

По правую сторону князь молодой,
По лѣвую сторону свашенька,
Супротивъ на скамейкѣ—бояре.
Сваха съ боярами говорила:
Вы поѣдете, бояре, въ Новый-городъ,
Вы купите, бояре, соловейку,
Привяжете соловейку ко кроваткѣ,
Чтобы наша соловейка распѣвала,
Чтобы нашихъ молодыхъ разбужала.

Потомъ поютъ пѣсню:

Какъ изъ лѣса, лѣса темнаго,
Вылетало стадо сѣрыхъ гусей;
А изъ-за горъ крутыхъ, высокіихъ,
Вылетало стадо лебедей.
Отставала лебедушка
Какъ отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
Ее стали гуси обижати
А лебедушка громко причитати:
— Не обижайте меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Занесло дождемъ, бурею.
Какъ по улицѣ, улицѣ,
Идетъ веселый табунъ молодушекъ,
А другой-то красныхъ дѣвушекъ.
Отставала Марья-душа
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Марья-душа
Къ молодымъ-то молодушкамъ.
Стали надъ ней люди смѣятися.
— Вы не смѣйтесь, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Зевезли меня удалы кони,
Что удалы кони Алексѣевы.

Происходитъ обѣдъ, за которымъ принимаютъ участіе всѣ собравшіеся родные и знакомые. Много ѣдятъ, а еще болѣе пьютъ. Гости приговариваютъ, кричатъ: «горько»! послѣ чего молодые должны цѣловаться. При выпиваніи, все время бываютъ различные приговоры, какъ напр., дружка, обращаясь къ крестному, говоритъ: «Батюшка тысяцкій, нутетко крякните, въ рюмочку брякните»! На это крестный, взявъ рюмку, смотритъ въ нее и говоритъ: «Въ водкѣ-то тараканъ съ ушамъ». Послѣ этого молодая беретъ мужа за уши и цѣлуетъ его три раза. Другой кто-нибудь, принимая рюмку, говоритъ: «Что это, въ водкѣ видна плѣшка». Молодая, слыша это, должна поцѣловать мужа въ маковку. На замѣчаніе, что въ водкѣ видна рожь, молодая отвѣчаетъ: «мой мужъ хорошъ»! На замѣчаніе, что видна дуга, молодая отвѣчаетъ: «я—Алексѣя Ивановича слуга». На замѣчаніе, что надо бы въ водку подбавить шлена, молодой отвѣчаетъ: «Марья Петровна—моя жена». Послѣ обильнаго обѣда, молодыхъ ведутъ изъ-за стола въ особую комнату и, накормивъ ихъ, укладываютъ спать. Гости обыкновенно остаются и продолжаютъ пировать иногда до утра.

На другой день молодыхъ поднимаетъ дружка, а иногда и сваха. Начинается закуска, послѣ которой молодая подаетъ умывать руки свекру и свекрови, причемъ кланяется имъ въ ноги. Послѣ этого молодая даритъ родныхъ мужа полотенцами, платками,

сборниками, шарфами и т. п. Послѣ раздачи, снова садятся за столъ и начинаютъ опять пить и закусывать, причемъ дружка, наливая рюмку водки, выкликаетъ такъ (обращается сначала къ отцу и матери, а потомъ и къ остальной роднѣ): «Встаньте на лыжи, подвиньтесь поближе, винцо выпивайте, а нашихъ молодыхъ серебромъ надѣляйте». Каждый изъ присутствующихъ, выпивъ рюмку, кладетъ на деревянное блюдо на столѣ деньги, смотря по достатку. Потомъ молодая подметаетъ полъ, заваленный нарочно передъ этимъ соломой. Ей бросаютъ присутствующіе деньги и она за это каждому кланяется въ ноги.

Въ этотъ же день къ молодой ѣдутъ въ гости на о т в о д и н ы, причемъ съ молодыми ѣдутъ свекоръ со свекровью и прочіе родственники мужа. Молодые остаются гостить у родныхъ молодой дня 2 или 3. Пріѣхавъ, молодой обращается къ родителямъ жены, кланяется имъ въ ноги и говоритъ: «Благодарю васъ на всемъ, ваша дочь какъ была въ купели, такъ осталась и теперя». Начинается опять угощеніе, чай, закуска, водка, пиво и сласти. Пируютъ иногда долго за полночь, поютъ пѣсни и пляшутъ. Послѣ ужина, молодыхъ укладываютъ спать отдѣльно въ другой избѣ. На другой день или черезъ два молодые возвращаются домой и этимъ заканчиваются свадебныя пиршества. Возвращаясь съ отводинъ, молодые обыкновенно захватываютъ съ собой и приданое, которое везетъ дружка.

Въ первую субботу молодая топитъ у себя баню и зоветъ сюда мыться всю родню своего мужа, причемъ каждому кланяется въ ноги. Этимъ и заканчивается свадьба у крестьянъ Рыбинской волости. Затѣмъ, для молодой наступаетъ обыкновенная, будничная жизнь.

15 іюля 1903.
С. Рыбинское.

Собралъ членъ-сотрудникъ С.-Петербургскаго
Археологическаго Института *В. Н. Мальковскій.*

I.

Нѣсколько замѣчаній

объ особенностяхъ говора въ Устюжинскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи.

Буква *ч* замѣняется буквой *ц*, напр.: цай (чай). яйцко (яичко), дощецка (дощечка). Въ нѣкоторыхъ словахъ буквы *ч* и *ж* замѣняются буквой *ш*, напр.: пошто (почто), мошно (можно): нѣшто мошно эвто дѣлать? т. е. развѣ можно это дѣлать?

Говорятъ «слободно» вм. свободно. Звукъ *о* въ нѣкоторыхъ словахъ слышится, какъ *у*, напр.: упять (опять), усвѣтить (освѣтить). Въ концѣ словъ часто употребляется членъ *отъ*, *то те*, напр: эвтотъ человѣкъ-отъ изъ чьихъ будётъ, т. е. кто этотъ человѣкъ? (Смотри Частушки, №№ 95, 105, 146, 148...). Въ повелительномъ наклоненіи употребляются частицы *ко* и *кось*, напр.: мотрико (смотри), глянь-ко (взгляни), огляни-кось, нат-ко, подь-ко (подойди). Въ творительномъ падежѣ употребляется окончаніе дательнаго падежа, напр.: подёма за грибамъ (за грибами), рыбу ловимъ неводамъ. Эта особенность встрѣчается не только среди простонародья, но даже среди мѣстной интеллигенціи. Въ личныхъ мѣстоименіяхъ замѣчаются слѣдующія особенности: дат. падежъ, напр. минѣ (мнѣ), тибѣ и те (тебѣ), говорятъ, напр., ужо-ко я те дамъ; винит. падежъ тя (тебя): за эвто я тя (тебя) такъ свисну (ударю). Личное мѣстоименіе 3-го л. употребляется ёнъ, ёна, ено, род. и винит. п. её (см. Частушки, № 213), им. мн. ч. оны. *Е* замѣняется звукомъ *и* не только въ личныхъ мѣстоименіяхъ, но также въ нѣкоторыхъ существительныхъ, напр., миня высушилъ милёночекъ въ эти двѣ нидѣлюшки (см. Частушки, № 92).

Указательное мѣстоименіе этотъ слышится въ разговорѣ со вставкой буквы *в* эвтотъ.

Въ творительномъ и предложномъ падежахъ нѣкоторыхъ мѣстоименій и прилагательныхъ вставляются гласныя *е* или *и*, напр.: другіимъ, въ другоёмъ, вейкіимъ, во вейкоёмъ дѣлѣ, въ кажинноёмъ (каждомъ) (см. частушки, № 121, 166). Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ выдѣляется окончаніе ьской, напр., какоськой (какой), такоськой, Дуброськой (Дубровскій).

Въ 3-мъ лицѣ ед. ч. наст. вр. вспомог. гл. быть употребительна форма есте (есть), напр.: есте ли грибы-те увасъ? Въ 1 лицѣ множ. ч. въ глаголахъ встрѣчается окончаніе ма, напр.: мы туды не ходима; или: нонѣ хлѣбъ-отъ рано покупаема. Во 2-мъ лицѣ ед. ч. употребляется окончаніе ша: помниша, знаеша, напр.: помниша, я тибѣ вчерасинько о ёмъ сказывалъ; будета вм. будетъ.

Удивленіе выражается словомъ нюшто (неужели). Слово очень постоянно замѣняется словами: горазно и больно, напр.: ёнъ горазно просилъ миня (заходить) къ сибѣ. Вмѣсто словъ: почему, зачѣмъ употребляютъ: дляче или пошто.

Вотъ часто въ рѣчи замѣняется ишь, напр.: ишь ты какой — на грошъ амуниціи, а на рубль амбиціи.

Наконецъ, нужно замѣтить, что мѣстное произношеніе отличается протяжностью, тягучестью.

Къ числу мѣстныхъ словъ относятся слѣдующія:

1) Балахрыстничать — бездѣльничать, даромъ время проводить.

2) Балу́нъ—шалу́нъ
3) Безструнная балалайка—кто много пустого болтаетъ.
4) Болѣсть—болѣзнь.
5) Вечёръ, вчера́сь, вчера́синька—вчера.
6) Во̀льница—шалу́нъ, напр.: по̀лно ли те, во̀льница, дура̀читься-то?
7) Втѣпоры, вту́порь—въ то время.
8) Гло̀бка—тро̀пка.
9) Городить—изгородь ставить; въ переносн. см. говорить не кстати.
10) Да́веча—недавно.
11) Деревённой—односельча́нинъ: то мой, деревённой, т. е. изъ одной деревни со мной.
12) Заку́кры—плечи. Часто маленькихъ ребятъ носятъ на заку́крахъ, т. е. на плечахъ.
13) Заку́тать, откутать—затворять, отворять: отку́тай-ко мнѣ воро̀та-те (см. частушки, № 205).
14) Заку́таться—тепло одѣться.
15) За́всё—постоянно.
16) Зиму́сь—зимой.
17) Зна́мо дѣло—извѣстное дѣло.
18) Идтить—итти.
19) Казачи́ха—работница, прислуга.
20) Калабро̀диться—водиться за кѣмъ-нибудь.
21) Калитка—ржаная лепёшка съ творогомъ; есть и другія названія «ватрушка», «рогушка».
22) Кля́нчить—попроша́йничать.
23) Кря́ду—сра̀зу.
24) Конъ—черта, граница, кругъ.
25) Кура́житься—ломаться, сразу не соглашаться на что-нибудь.
26) Ло̀даря ко̀рчить—бездѣльничать.
27) Лѣтось—лѣтомъ.
28) Молынья̀—молнія.
29) Мотрѝ!—смотри.
30) Надоу́мить—напомнить: хошь бы ты, братъ, надоумилъ миня объ этомъ.
31) Не пиу́ть—дорога такая скверная, что не пиу́ть, т. е. нѣтъ возможности итти или ѣхать.
32) Несуря̀ха—неряшливая.
33) Нейть—не осилить: въ гору-то, вѣдь, ему съ такимъ во̀зомъ нейть будётъ.
34) Обогну́ться—прикрыться, одѣться.
35) Обормо́тъ—бранное слово.
36) Одёръ—телѣга, на которой перевозятъ съ поля снопы ржи, овса, а также и сѣно.
37) Ономе́дни—не давно.
38) Опрѝчь—кромѣ.
39) Отбу́чить, отбутитéнить—бить, ударять.
40) Осерёдъ—среди.
41) Ра́жій—важный, хорошій.
42) Сторонни̕къ—уродъ.
43) Сторо́нникъ—странникъ,—со стороны пришедшій.
44) Та́мо—тамъ.
45) Тверёзный—трезвый.
46) Топе́речка—теперь.
47) Упаки—тяжелые крестьянскіе сапоги.
48) Учалъ—началъ.

49) Хлёско—сильно, хорошо.
50) Шантропа́—всякая мелочь, сбродь, дрянь.
51) Шишикаться—шептаться.
52) Фря̀—изысканно наряжёная, хорошо одѣтая, форсистая.

II.

Частушки [1].

1.

Поѣдёшь миленькій во путь,
Меня дѣвченку не забудь,
Сядёшь въ Ры́бинскомъ за чай,
За каждой чашкой величай.

2.

Поѣдешь миленькій жениться,
Встану на запяточки,
Послѣдне словечко скажу:
Отдай кольцо, перчаточки.

3.

Неужели ты завянешь,
На горѣ зеленый садъ,
Неужели не дождешься
Меня, ми́лка, изъ солдатъ.

4.

Милёночекъ часы у васъ,
Покажи, который часъ.
Это, милка, не часы,
Двѣ цѣпочки для баcы́ [2].

5.

Гдѣ я спать буду ложиться,
Тамъ окошко отворю,
Поѣдётъ миленькій жениться—
Догоню да сговорю.

6.

Пришелъ милёнокъ съ ярмарки
И постоялъ у яблоньки;
Сѣлъ на доску тонкую
И развёлъ гармошку звонкую.

7.

Распашу я, распашу
На горѣ поляночку.
Люблю одного за часы,
Другого за тальяночку [3].

8.

Хотѣла съ мосту утопиться—
Жалко жизнь свою рѣшить,
Мой-то миленькій останется,
Кого будетъ любить.

9.

Мнѣ сказали на вокзалѣ,
Что желанненькій убитъ,
Въ высокомъ домѣ на балконѣ
Кисеей бѣлой покрытъ.

10.

Во своей деревнѣ милой
Надо съ бпасомъ ходить,
У насъ бабы молодыя
Любятъ очень посудить.

11.

Не горюйте вы, родители,
Теперя обо мнѣ,
Обгорюю своё горюшко
Одна на—единѣ.

12.

Мой миленокъ въ кабакѣ,
Мое колечко на рукѣ,
Отдавала - хохотала,
Получала—плакала.

13.

Дорогой-то, дорожи́ночка [4].
Вчера съума сошелъ.
Со веселой со бесѣдушки,
Ранёхонько ушелъ.

14.

Раньше было намѣренье
Посидѣть въ своей деревнѣ,
А теперя наплевать,
О немъ не стоитъ горевать.

---

[1] О частушкѣ вообще и литературу о ней см. Д. Зеленина: Пѣснь деревенской молодежи. Вятка. 1903. А также «Биржевыя Вѣд.» за 1903 г. № 379.
[2] Т. е. для красы.
[3] Тальянка—гармоника.
[4] Отъ слова «дорогой».

15.

По дороженькѣ считала
Телеграфные столбы,
Раньше былъ дружочекъ—Ваня,
А теперя Петя—ты.

16.

Нѣтъ цвѣточка веселѣе,
Какъ земляночки цвѣтутъ,
Нѣту имячка милѣе,
Кое Петенькой зовутъ.

17.

Попросила я у батюшка
Суконного пальта;
Посулилъ родимый батюшко
Ременнаго кнута.

18.

Мой милой мастеровой,
Въ трактирѣ первый половой.
Чашки, чайники брянчатъ,
Въ трактирѣ милого кричатъ.

19.

Дома ужинать садятся,
Сомнѣваются о насъ,
Гдѣ отчаянны головушки
Шатаются у насъ.

20.

Вы подуйте вѣтры буйны,
Съ четырехъ сторонъ въ одну,
Унесите съ горъ песочки,
Еще думушку мою.

21.

Всѣ милёнковы родители
Сердиты на меня,
Не хожу, не набиваюся,
Не берите вы меня.

22.

Желаютъ ли желанненькій
Родители меня?
— Желаю я, моя сударушка,
Желаетъ вся семья.

23.

Не пойду въ большую семью,
Гдѣ двѣнадцать душъ семьи;
Пойду за парня одинокаго,
Большухой [1] буду я.

24.

Я любила жито жать,
Любила семью уважать,
Свекра и свекровушку,
Дѣверя, золовушку.

25.

Бѣлый фартучекъ кроила,
Оставляла на мысы,
Я того дружка любила,
У котораго часы.

26.

Не летай-ко сизый голубь,
Не ломай зеленый лѣсъ,
Не форси ты, мой желанный,
Много лучше тебя есть.

27.

У милёночка въ дому
Лампа разгорается—
Мой милой мастеровой
Машиной занимается.

28.

Дайте гербовой бумаги,
Напишу милому листъ—
Пущай узнаетъ, прочитаетъ,
Какова въ разлукѣ жизнь.

29.

Поживи милой въ разлукѣ,
Поищи лучше меня.
Красотой лучше найдешь,
Характеромъ не подберешь.

30.

На заводъ люблю ходить—
Любимая дорожка,
Сепаратъ [2] люблю вертѣть
У самаго окошка.

31.

Всю я ночку провертѣла
Визговатый сепаратъ,
Отдала вертѣть крестовой, [3]
А милой того и радъ.

32.

Не заводи, милой, гулянья
У окошекъ у своихъ—
Я большая супротивница
Родителямъ твоимъ.

---

[1] Т. е. старшой – главной въ семьѣ.
[2] Искаженное: аппаратъ.
[3] «Крестовой» называютъ подругу и вобще это слово служитъ обращеніемъ ко всякой вообще женщинѣ.

33.

Я гуляла въ Раменѣ
Въ сарафанѣ маминѣ,
Зацѣпила за дрова—
И сарафанъ изорвала.

34.

Бѣло платьице одѣну,
Опояшу ремешокъ,
Во своей деревнѣ милой—
Только мнѣ не женишокъ.

35.

Шила я, кроила я
Рубашку коленкорову;
Думала, гадала я—
Выходитъ не по моему.

36.

Ѣла рыбу, ѣла бѣлу,
Ѣла бѣлые снѣтки.
Недождавшись мясоѣда,
Вышла за мужъ во святки.

37.

Тебѣ спасибо, куманёкъ,
Что хорошо меня зовёшь:
При народѣ кумушкой,
А безъ народа любушкой.

38.

Меня дома карау́лятъ,
Караульте за одно:
У меня и у милёночка
Задумано одно.

39.

Что̀ родители глядите,
Маленьку не учите,
А большая выросту,
Съ милёнкомъ не разлучите.

40.

Я живу на бережку,
Два окошка въ воду;
Расхорошенькій ты мой,
Любовь-то слаще мёду.

41.

Заиграю, разведу
Двѣнадцати-боровую,[1]
Коли спитъ, такъ разбужу
Милашку чернобровую.

42.

Ты играй, играй тальяночка
Разорваны мѣхи,
Возьму я замужъ старовѣрочку
Замолитъ за грѣхи.

43.

Чрезъ рѣчку, чрезъ мостъ,
Милой тальяночку пронесъ,
О ту́ пору пьянъ онъ былъ,
Тальянку съ зеркаломъ разбилъ.

44.

Какъ Никольски дѣвки модны,
По три дня сидятъ голодны;
На четвертый поѣдятъ,
Никого знать не хотятъ.

45.

Гдѣ любушка пройдетъ,
Тамъ земелька гнется,
Правой рученькой махнетъ—
Сердце завернется.

46.

По половни́чинкѣ иду,
Другая нагибается;
Одного дружка люблю,
А двое набиваются.

47.

Ты, сударушка моя,
Какая ты, бѣдовая,
Съ головы до самыхъ пятъ
Сладкая, медовая.

48.

На высокіе хоромы
Не гляди, родитель мой,
Былъ бы парень-то хорошъ,
Въ хоромахъ счастья не найдешь.

49.

Тятенька и маменька,
Счастье отнимаете,
Кого люблю я всей душой,
За того ругаете.

50.

Думала, что успокоила
Ретивое свое,
А еще больше растревожила—
Увидѣла его.

---

[1] Т. е. гармонику двѣнадцати-рядовую.

51.

Думала, что не разстаться,
А разсталася легко:
Сердце замерло моё,
Теперь не надо никого.

52.

Все бы пѣсни пѣла,
Все бы веселилася,
Какъ бы прежняя любовь
Назадъ бы воротилася.

53.

Мы, крестовая, съ тобой
Буйныя головушки,
Попадай ко мнѣ въ снохи,
А я къ тебѣ въ золовушки.

54.

Пѣсни пой, пока поется,
Замужъ выйдешь, не придется;
Не придется пѣсенъ пѣть,
Придется горюшко терпѣть.

55.

Сударушка, изсохъ я весь,
Не позабыла ли ты ѣсть?
Гдѣ же, гдѣ же позабыть,
Какъ обѣщалась я любить.

56.

Говорила я Ивану,
Не садись со мной при мамѣ,
Сядь къ крестовой, не ко мнѣ—
Крестова скажетъ послѣ мнѣ.

57.

Кому велю ходить почаще,
Тотъ жалѣетъ сапоговъ;
Кого душа не принимаетъ,
Тотъ навязываетъ любовь.

58.

Не ходи, милашка, тутъ,
Ты утонешь: берегъ крутъ.
Ягоди́ночка [1], ты мой,
Рада я тонуть съ тобой.

59.

Суда́рушка, купи вина,
Изюмина, [2] напой меня;
Купи болѣ, люби долѣ
Завсегда будешь моя.

60.

Напишу царю прошенье
На гербовомъ на листу,
Чтобы вышло разрѣше́нье
Сватать дѣвокъ во посту́.

61.

Попросила я у батюшки
Пяти рублей на шаль,
Какъ бы была дочка милая
И десяти рублей не жаль.

62.

Я любила и люблю
Одного человѣчка,
За него роди́мая
Не скажетъ ни словечка.

63.

Я у Конъ рѣки стояла,
Грудью въ Конъ рѣку па́дала.
Я стою и говорю:
Изъ-за тебя, милой, тону.

64.

Милый, женишься—покаешься,
Не во́змешь ты меня,
Во́змешь дальнюю, хвале́ную,
Подмёточка моя.

65.

Сядь-ко, сядь со мной рядо́мъ,
Земляничинка моя,
Чтобы скука отлетѣла
Отъ тебя и отъ меня.

66.

Тальяночка—зеленый мѣхъ,
Куманька любить не грѣхъ,
Куманька и сватушка
Не заругаетъ матушка.

67.

Я къ обѣденкѣ ходила,
Становилась напередъ,
Не мое ли красно солнышко
На клиросѣ поетъ.

68.

Меня мамаша берегла,—
Каждый день блинки пекла,
Варила рыбу окуньки,
Чтобы любили пареньки.

---

[1] Ласкательное слово.
[2] Ласкательное слово.

69.

У насъ семейка велика,
Не похлебаешь молока;
Не успѣешь ложку взять,
У чашки донышко видать.

70.

Я пойду, пораскачаю
Во полюшкѣ рябинушку,
Вотъ еще позавлекаю
Нонѣшнюю зимушку.

71.

Во гуменникѣ [1] косила,
Уткѣ ноги подкосила,
Думала утеночку —
Своему милёночку.

72.

Миленькій милёночекъ
Купи-ко пять иголочекъ,
Шестую-то булавочку
Сяду шить на лавочку.

73.

Милый осѣкъ осѣкалъ [2],
Соломой перевязывалъ,
Не съ надёжны имъ людямъ
Поклончики наказывалъ.

74.

Косила я, косила я,
Подъ кустикъ косу бросила,
Лопаточку подъ ёлочку,
Сама пошла къ милёночку.

75.

Дѣвица—лебедь бѣлая,
Куда съ ведеркомъ бѣгала?
Милый мой, не за тобой,
На колодецъ за водой.

76.

То ли милую не тѣшилъ,
То ли я не уважалъ,
Каждый вечеръ со бесѣдушки
До дому провожалъ.

77.

Пташечки, воробушки
Летите по занебышку [3],
Скажите дружку моему,
Что низко кланяюсь ему [4].

78.

Сударушка — не Вѣра
Самовара не загрѣла,
Не сама поставила,
Свою сестру заставила.

79.

Пущай — говорятъ,
Славушку наносятъ.
Погоди, родимая,
Поговорятъ да бросятъ.

80.

Не чуть и не играётъ
Дорогова моево,
Сижу ни съ кѣмъ не занимаюсь,
Дожидаюся ево.

81.

Сдали милова въ солдаты,
Мамѣ горя не скажу,
Вышитоё полотенцо
На дорогу положу.

82.

Въ пріёмѣ ножницамъ забрякали,
Мой миленькой упалъ:
Умолила ты, хорошая,
Въ солдаты не попалъ.

83.

Пряла лёнъ не пачеси,
Милой глядѣлъ на часы —
Послѣ первова второй,
Пойдёмъ, сударушка, домой.

84.

Погодите, не валитесь
Бѣлиньки градиночки,
Дайте полё перейти
Моёму ягодиночкѣ.

---

[1] Мѣсто около гумна.
[2] Городилъ огородъ.
[3] Отъ слова «небо».
[4] Частушки съ 1—по 77 записаны мною въ д. Сычево и селѣ Никола—Громово, Расторопoвской волости, Устюжн. уѣзда. Новгородской губерніи.

85.

Не мои ли бѣлы ручиньки
На солнышкѣ горятъ,
Не про миня ли, молодёшеньку,
Напрасно говорятъ.

86.

Бѣло платьё одёвала,
Становилась подъ вѣнецъ,
Погляди, родима матушка,
Красѣ моей конецъ.

87.

Дѣдушко любитъ баушку.
Синокосъ придетъ,
Онъ — сударушку.

88.

Возьму я двѣ кудѣлёнки,
Пойду я вдоль дерёвёнки,
Вдоль деревни въ тотъ конецъ
Прямо къ милёнку на крылецъ.

89.

Не дай, Господи, крестова,
Трехъ тальянщиковъ любить,
Хоть какой морозъ и стужа
Надо слушать выходить.

90.

У насъ тальянщиковъ-то много,
А гармонщичёкъ одинъ,
Ужъ мы этому гармонщику
По поясу дадимъ.

91.

Я ребинушку ломала,
Вѣточки кидала внизъ,
Я милёночку кричала:
Приходи ребину несь.

92.

Надоѣли бѣлы бусы,
Розвяжу я съ шеюшки,
Миня высушилъ милёнокъ
Въ эти двѣ нидѣлюшки.

93.

Красно солнушко стаетъ,
На обѣдъ сворачиватъ [1],
У мия [2] миленькой идетъ,
Сапожки околачиватъ [3].

94.

Подъ окошечкомъ сидѣла,
Пряла бѣлинькой лёнокъ,
Туѐ дороженьку глядѣла,
Откуда милёночка ждать.

95.

Посылаютъ рожь-то жать—
Рожь-то вся зелёная,
На Тимонинѣ гулять —
Деревёнка веселая.

96.

Я косила, поумаялась,
Лёгла на бережокъ.
Мнѣ хорошой сонъ приснился,
Розбудилъ миня дружокъ.

97.

Я дѣвчонка не впорѣ,
Жито жала на горѣ,
На милёнкову построечку
Я глядѣла отдалѣ [4].

98.

Дерёвёнка весёлая,
Виноградомъ обнесёна,
Ещё садомъ обнесу,
Съ милёнкомъ дѣло порѣшу—

99.

Нашё полюшко широко—
Девяносто десятинъ,
Мöетъ миленькой здоровой
Обработыватъ одинъ.

100.

Восотѝнеско [5] полё мало,
Тамъ я вѣники ломала,
На кажѝнной [6] вѣточкѣ
Милёнковы примѣточки.

101.

Дома корочёкъ поѣла,
На робóтѣ пѣсни пѣла;
Въ людяхъ чаю напилась,
Пошла слёзами облилась.

102.

Я купила много мыла,
Мытцы не охотница.
Росчитай миня, хозяйка,
Я те [7]—не работница.

[1] Вм. сворачивает. [2] Вм. у меня. [3] Вм. околачивает. [4] Т. е. издали. [5] Отъ деревни Восотино. [6] Вм. каждой. [7] Вм. тебѣ.

103.

Тимбнинскихъ робя́тъ
Не спущаютъ [1] погулять.
Онѣ дома-то солгутъ,
Будто за́ делгомъ пойдутъ.

104.

Увѣряла, увѣряла,
Увѣряхнулась,
По дорожкѣ шла,
Чуборахнулась [2].

105.

Восоти́нски-то идутъ,
Пущай онѣ воротятцы,
На ихъ глазы не глядятъ,
Говорить не хочётцы.

106.

На Обухово [3] ходить
Баёнки [4] мѣшаютъ;
Намъ съ Обуховскимъ ходить—
Да бабы осужаютъ [5].

107.

На рѣкѣ широка лава,
Про миня—худая слава,
Лёдъ пройдетъ, воды убудётъ,
Про миня славы не будётъ.

108.

На го́ркѣ на крутой,
Прихихе́ня [6] пить лютой,
На крутой, раскатистой —
Пьяной да ухватистой.

109.

Я стояла у чуланчика,
Дожидала новобранчика,
Я стояла у новинькова
Дожидала чернобровинькова.

110.

У правленья милой тёсъ дорожилъ [7].
Но сказали, что миня приворожилъ,
Милой тёсу не дора́живалъ,
Онъ миня́ не привора́живалъ.

111.

Ты шкатулка, шкатулка моя,
Шкатулка не окованная,
Я давно въ тибя не хаживала,
Цвѣтнова платья не гляживала.

112.

Не сулите, бабоньки,
Мы васъ не боимся:
Мы за вашихъ сыновей
За́мужъ наровимся.

113.

Ужъ я пѣть не мастерица,
Заставляетъ дорогой,
На полу стоитъ, играетъ—
Дорогая, пѣсни пой.

114.

Ты, сударушка, не тужи —
Мнѣ въ солдатахъ не бывать,
За миня за́мужъ готовьси,
Мнѣ тибя не миноватъ.

115.

У милёнка завтра помочь;
Позовётъ, дакъ буду жать;
Не напьюсь, дакъ поприкинусь,
Какъ онъ бу́дётъ уважать.

116.

А моя, родима матушка,
Съ милёнкомъ за одно,—
Пропила мою головушку
За рюмку за вина!

117.

Я коровушку доила,
А корова не стоитъ;
Я корову кулакомъ —
Богъ съ тобой и съ молокомъ!

118.

На горушкѣ была,
Я волнушекъ брала,
Тятя ухъ, мама ухъ,
Не хочу вашихъ волнухъ!

119.

Моётъ милой рыбку удитъ,
По бере́жку ходитъ—блу́дитъ.

120.

Тятя шёлковы сулитъ [8],
Отстать отъ милова велитъ.
Безъ шёлковыхъ останусь,
Съ милёнкомъ не разстанусь.

[1] Т. е. отпускаютъ. [2] Т. е. упала. [3] Деревня. [4] Т. е. бани. [5] Вм. осуждаютъ. [6] Сударчикъ-любовникъ. [7] Отъ глаг. дорожить, т. е. дѣлать дорожки на тёсу. [8] Т. е. обѣщаетъ.

121.

Ка́жнёй праздникъ фартукъ разной,
Сарафану смѣны нѣтъ,
Не любы́имъ парнемъ дразнятъ,
Мнѣ, дѣвчонкѣ, нужды нѣтъ.

122.

Ой, по морю по синёму
Плыла лебадь сизая,
За лебедью лебядинъ плывётъ.

123.

Ой, дѣушки, ой, дѣушки,
Молодёхоньки,
Хоть у миня нѣтъ дружка,
Я радёхонька.

124.

На колодцѣ сидитъ утка,
Воду черпаётъ Анютка,
Божья помочь—Аннушка,
Спасибо, милой Ванюшка,

125.

На Тимонинѣ деревнѣ
Лампа съ абажу́рикомъ,
Мнѣ не велѣно ходить
Съ эдакимъ мазурикомъ.

126.

Мо-ётъ милой на конáвѣ,
На роботѣ земляной —
Землю роётъ, сердце ноётъ
По сударушкѣ своёй.

127.

Брала ягодку морошку
Во казенноёмъ лѣсу,
Изорвалася подцѣпочка
Несу на поясу.

128.

Неужели лѣсу нѣту
На мою на прялочку;
Не меня милёнокъ любитъ,
А мою товарочку.

129.

Намъ не надо свѣчка сальна,
У насъ пáльмова горитъ;
Намъ не надо чужо-дальнихъ,
У насъ ближніе сидятъ,

130.

На улицѣ морозъ,
Подъ окошкомъ лѣто;
Всѣ робятушка пришли,
Моево-то нѣту.

131.

У миня милёнка два
Въ томъ краю и этомъ:
Одного дружка люблю зимой,
А другого—лѣтомъ.

132.

Шелъ я узенькой дорожкой,
Стало тёмно не видать,
Подошёлъ къ зелёной рощѣ,
Сталъ въ тальяночку играть.

133.

По полу по бѣлому
Плясать пойду, разудѣлаю [1].
Кругъ бесѣды парень ходитъ,
На бесѣду хочетъ,
Онъ робятъ-те не боитцы,
Дѣушёкъ стыдитцы,
Которой стыдился,
Возлѣ той садилсы.

134.

У насъ стрёпуха—несуря́ха [2]
Не попахана [3] изба,
Подпашите угольки,
Замараю башмачки.

135.

Ужъ я въ гору шла,
Тяжело несла,
Коромы́сёлъ да валёкъ,
Еще съ милова платокъ,
Я забыла—назолила,
Плоточикъ полинялъ,
Милой въ глáзы напенялъ.

136.

Боронила я на парѣ,
Моётъ милой на одной,
По милёнковой полосынкѣ
Проѣду разъ-другой.

137.

Въ томъ краю на улицѣ
Гуляли бѣлы курицы,

[1] Вм. раздѣлаю. [2] Не суряха, т. е. неряшливая. [3] Не подметена.

Самой главной пѣтушокъ
Записанъ миленькой дружокъ

138.

А моя родима матушка
Лёжитъ и не стаётъ,
На миня, на молодёхоньку,
Всю бо́льшину [1] сдаётъ.

139.

У тяти новыи хоромы,
Не обдѣланной нарядъ,
Послушай-ко, кормилецъ батюшко,
Что люди говорятъ.

140.

На дорогѣ снѣгу нѣту,
Вѣрно кони выбили,
Всѣ пришли, милашки нѣту—
Вѣрно за́мужъ выдали.

141.

Тѣ счастливыи подружки,
Ко́и съ ма́тушкамъ живутъ,
Онѣ не болѣ насъ работаютъ,
Ихъ бойкінмъ зовутъ.

142.

До чего ты, милой, допилъ,
До чего, ты догулялъ,
Осерёдъ широкой улицы [2],
Колоши потерялъ.

143.

Ужъ ты вспомни, дорогой,
Старую старинушку,
Занимались мы съ тобой
Прошлого́дню зимушку.

144.

На сараѣ стоятъ саночки,
Зелёны съ тормазамъ,
Я невѣрнаго милёночка
Узнала по глазамъ.

145.

Неужели насъ не парочка
Съ тобой, мой дорогой,
Изъ деревни,—я съ другой—
Занятцы некогда съ тобой.

146.

Восоти́нски [3] то идутъ,
Напоимъ наливочкой,
Проводимъ съ карасиночкой [4].

147.

Гдѣ ты, Ванька, замаралсы?
— Я картошку въ рыгѣ [5] пёкъ,
Свою отча́янну берёгъ.

148.

На окошкѣ сидитъ кошка,
Бѣлолапинькой котокъ,
Что-те, матушка, за дѣло—
Отдала дружку платокъ.

149.

Гдѣ окошка растворны,
Тутъ робята озарныи.
Гдѣ окошка въ самый разъ,
Тутъ робята любятъ насъ.

150.

Ты сарай ли, мой сарай,
Соло́менная крыша,
По тебѣ ли, мой сарай,
Пробѣжала крыса [6].

151.

Кто солдатиковъ не любитъ,
А я стала бы любить.
Образованные люди,
Знаютъ, что поговорить.

152.

Солдатки—не люди,
Ихъ и дѣушки не любятъ,
Про ихъ слава и почётъ,
Всякій скажётъ—бритой чортъ.

153.

Полно, полно пофорсила,
Бѣлы бусы поносила;
Бѣлы бусы, какъ горохъ,
Мой милёнокъ нездоровъ.

154.

Шёлъ тропинкой лѣсовой,
Нашёлъ платочикъ носовой;
Развернулъ каёмочки,
Платокъ моёй милёночки.

155.

Шёлъ деревнёй—дѣвки спали,
Заигралъ въ тальянку—встали;
Для миня, для молодца,
Стояла дѣвка у крыльца.

---

[1] Всякую работу. [2] Вм. среди. [3] Разумѣется дер. Высотино. [4] Т. е. лампа. [5] Вм. ригѣ.
[6] Эта частушка служитъ припѣвомъ, когда ходятъ со вьюномъ.

156.

Дѣвушки,—эко горюшко!
Завела дружка чрезъ полюшко.

157.

Не пиши, милёнокъ, писемъ,
Не клади печальныхъ словъ,
Не порти бѣлинькой бумажки,
На концахъ съ тобой любовь.

158.

Сидѣла я у камушка,
Видѣла Иванушка;
Сидѣла у синяго,
Видѣла Васильева.

159.

Кáбы [1] ты, моя Анютинька,
Не къ дýшинькѣ была,
Не прогуливалъ бы ночиньки,
Поздыи вечорки́.

160.

Ужъ ты, тётушка, откуда,
Разжелáнная, куда?
Не подёшь ли въ ту деревню,
Посылай робятъ сюда.

161.

На Тимонинѣ въ деревнѣ
Нѣтъ зелёнова ложкá [2],
Завлекательнова нѣту—
Вѣрно я не дѣушка.

162.

Милой полюшкомъ идетъ,
Тросью уперáетцы:
Дѣвчонку горюшко беретъ,
Никто не сдогадаетцы.

163.

Не пиши, милёнокъ, писёмъ,
Не подамъ тибѣ отвѣтъ;
Сама писать я не умѣю,
Писарёвъ знакомыхъ нѣтъ.

164.

Если стóснётцы, [3] мой милинькой,
Пришли-ко письмецо,
Сресую русое волосьицомъ
Бѣлое лицо.

165.

До чего дозавлекала
Молодова паринька,
Нечего его не держитъ—
Не болото, не рѣка.

166.

Нелюбой сидитъ на лавочкѣ,
Любóётъ на полу,
Не съ любыимъ говорю,
Любому голосъ подаю.

167 [4].

Потеряла я колечко,
Потеряла и любовь,
Я по э́томъ по колéчкѣ
Буду плакать день и нóчь.

168.

Ужъ я по полу хожу,
Пола не хватаю;
Не изъ солдатъ милóва жду,
Въ солдаты провожаю.

169.

Пѣсни пѣть, душа моя,
За пѣсёнки бранятъ меня;
Бранятъ меня за тó,
Пѣсни я пою лютó.

170.

Изъ прiёму вышелъ я,
Вся обрита голова,
Чернобровая сударушка,
Узнала ли меня?

171.

Полъ нерóвёнъ,
Половнúцы гладки,
Моётъ милой неумёнъ,
Да знаётъ всѣ порядки.

172.

Мóётъ миленькой хорошъ,
Хорошъ, да сиротиночка;
Надѣнётъ бѣлиньку рубашку,
Выйдетъ, какъ картиночка.

173.

Бабы судятъ за дверямъ,
Низко глядочка глазамъ,
Дѣвчонка низкоглядочка
Люблю парнишка яблочка.

174.

Не пойду я по дорожкѣ,
Пойду по заканáушкѣ,

[1] Вм. какъ бы. [2] Вм. лужка. [3] Отъ слова «тосковать». [4] Съ 78 по 167 записаны въ деревнѣ Тимонинѣ, Устюжинскаго уѣзда.

Изъ-за тея, милёночёкъ,
Пропада́ю во сла́ушкѣ.

175.

До своёво до овина
Проводила Михайла,
Проводила за овинъ
Иди Ивановичъ одинъ.

176.

Ѣхалъ Ваня изъ Казани,
Полтараста рублей сани,
Опалёная дуга,
Ему Паланюшка люба́.

177.

Розсохсы—потёкъ,
Не розсохсы - потёкъ;
Розсыпался бочёночёкъ,
Вытёкъ дёготёкъ.

178.

Моётъ милинькой тонулъ,
Два разочка вынурнулъ,
На-спомйнъ [1] сударушкѣ
Два колечка выкинулъ.

179.

Эка, эка, эка я,
Экая привычка,
Руку су́ну во карманъ
Прямо за колечко.

180.

Яму рыли, яму рыли,
Въ яму сыпался песокъ,
Дала милёночку на память
Двоёсловный поесокъ.

181.

На горѣ я жито жала,
Платъ на выпуску держала,
Ку́ды вѣтеръ, ту́ды платъ,
Мо́ётъ милинькой солдатъ.

182.

Ку́ды вѣтеръ не задуётъ,
Всё берёзку шевелитъ;
Куды милой не поѣдетъ,
Ме́нѣ плакать не велитъ.

183.

Какъ у нашёй у бесѣды
Бугорки́ да я́мки,
Не проѣхать, ни пройти
Мило́му безъ тальянки.

184.

Не вино меня шатаётъ,
Миня горюшко берётъ,
У милки скоро праздникъ—
Милка въ гости не зовётъ.

185.

Моётъ милинькой хорошъ,
Хоть въ запазуху положь.

186.

Миня хаютъ и ругаютъ,
Не росхаять будетъ вѣкъ:
Не хоромы завлекаютъ,
Завлекаетъ человѣкъ.

187.

Какъ во нашёмъ-те приходѣ
Колокольня на боку;
Ужъ какъ наши-те робята
Почернѣли съ табаку.

188.

Пойдемъ-те, дѣушки, во рощу,
Во малиновой лѣсокъ;
Услышу Ванину тальяночку,
Марьинъ голосокъ.

189.

Въ полѣ травынька завяла,
Ровно подкошёная;
За милёночкомъ гоняюсь,
Какъ приворожёная.

190.

Въ полѣ камышокъ бѣлѣетъ,
Бѣлѣе ево нѣтъ;
Придётъ милой на бесѣдушку,
Милѣе ево нѣту.

191.

Дѣушки, вы милыи,
Какъ мнѣ вѣкъ-отъ жить-то:
Отдали дружка въ солдаты
Какъ ево забыть-то!

192.

Дѣушка я розвесёла,
Горюшка не скажу,
Хоть какоё бы мнѣ горюшко—
На радость положу.

193.

Дѣушки, вы, милыи,
Я поразстрёпалася,

[1] Т. е. на память.

Мння пьяну напоили,
Я поразгулялася.

194.

На рѣкѣ на Талицѣ
Кунаютцы красавицы,
Косы завиты назадъ,
Не могъ красавицъ я узнать.

195.

Дѣвки, бабы, я вамъ дядя:
Заплатите мнѣ оброкъ—
Ка́жнёй день по три копѣйки,
Въ воскресеньё пятачёкъ.

196.

Износилсы ремышёкъ [1],
Опояшу нитку;
Полюблю я, полюблю,
Ми́лова я Мишку.

197.

Дѣвки, тише возлѣ крыши,
Вижу домикъ голубой,
Раскрасивый Ваня Слезарёвъ
Миннѣ, дѣушки, любой.

198.

На рѣкѣ я платье мыла,
На берегу вѣсила;
Я милова не любила,
Только словомъ тѣшила.

199.

Картошку копалъ,
Въ несчастьё попалъ;
Корзинку—ногой,
Прощай, дорогой!

200.

Я въ полюшкѣ картошку рыла,
Милой ѣхалъ за снопамъ,
Я объ ёмъ горазно вы́ла—
Милинькой фуражку снялъ.

201.

На рѣкѣ я платьё мыла,
На камышкѣ колотила;
Я увидѣла дружка́,
Чуть не пала съ камушка.

202.

У милёнка домъ нера́жъ [2],
Хоть соломенной шалашъ;
Нечево́, что въ шалашѣ—
Былъ бы парень по душѣ.

203.

Ужъ какъ наши-то, дѣвки-те,
Чайницы-самоварницы,
Самовары оловянны,
Чашки деревянны.

204.

Всѣ вы, дѣушки, крѣпитесь,
Какъ въ рѣкѣ осенней лёдъ—
Развесёлое гуляньцо
До славы доведетъ.

205.

Откутай [3], матушка, окошечко—
Голубушка болитъ.
— Врёшь, обманываш, мерзавка,
Ты къ себѣ па́рня мани́шь.

206.

Мо́ётъ милой хитёръ, хитёръ,
На машину да и въ Питёръ.
Я къ вагону подошла,
Машина свиснула, пошла.

207.

Какъ на нашей на бесѣдѣ
Розведёной карасинъ,
Ты гори семи-линейная,
Пока не угаси́мъ.

208.

Какъ на нашей на рѣкѣ
Прутиковъ рѣде́нько;
Походилъ милёночекъ
Съ осени маленько.

209.

Пожила у мамы зиму,
Похлёбала кислыхъ щей;
Я попала на чаёкъ,
Каждой плачу вечёрокъ.

210.

Неужели насъ не парочка
Съ тобой, мой дорогой.
Ты въ деревнѣ, я—въ другой—
Свиданье рѣдкоё съ тобой.

211.

До чево до завлека́ла
Я любова паренька;
Нечево его не дёржитъ
Не дорога, не рѣка.

---

[1] Т. е. ремень. [2] Т. е. неважный. [3] Откутать—отворять.

212.

Неужели не сольетца,
Съ горъ не скатитца вода,
Неужели насмѣетца,
Когда милому люба́.

213.

Кото́ра ху́динька, да малинька
Сударушка моя,
Всѣ нё робята любять,
Не одинъ — мальчишко я.

214.

Милая моя,
Какую пулю вылила —
Съ богатымъ связалася,
Со мной не росчиталася.

215.

Какъ по нашёй по деревёнкѣ
Проѣхалъ становой,
Подалъ старостѣ записочку —
Записанъ милой мой.

216.

Капуска моя
Въ калушёчкѣ;
Не сыпа́ла я три недѣли
На подушечкѣ.

217.

Я стояла у пріёма,
У стекла розбитова;
Дожидаюсь ми́лова
Изъ Істюжны забритова.

218.

Миня мама рано бу́дитъ,
Я не знаю и куда:
Ты ставай, мое рожёное,
Просватали тибя.

219.

Ужъ ты, милинькой, ты мой,
Отстаёшь —такъ Богъ съ тобой,
Отстаёшь—такъ наплёвать!
У миня любыихъ пять,
Неужели изъ пяти —
Любова дружка не найти.

220.

Изъ конца въ конецъ идётъ
Собака бѣлолапая;
Не нашто́ я не гляжу,
Што милка не богатая.

221.

Нашё полё съ вашимъ рядомъ,
Нашё—колосистѣе.
Моётъ милой твоево
Го́разно пофорсистѣе.

222.

Липа листикомъ красива,
А черёмуха—корешкомъ.—
При такой большой кампаньѣ
Укоряютъ женишкомъ.

223.

Какъ надъ рѣчкой, надъ рѣкой
Нагнута вѣточка дугой,
Мнѣ дѣвчонкѣ бѣдкова́то [1],
Мой милой пошёлъ съ другой.

224.

Дѣушки, какоё горё,
Въ кабакѣ вино худоё,
Розведёное водой,
Всѣ робятушки сердиты —
Розведутъ насъ, милъ, съ тобой.

225.

Я у батюшки косила,
Кофту драпову просила.
Роботай, дочка, люблю,
Кофту драпову куплю.

226.

Вспомни, вздумай, милой мой,
Какъ ходила за тобой:
Хоть какой морозъ и стужа
А я въ кофточкѣ одной.

227.

Ты, миляшка-потеря́шка,
По субботамъ мыла полъ,
Перепачкала подолъ.

228.

Я любила семь поповъ,
Молодчиковъ до-триста.
Говорите, что хотите,
Моя душа чиста.
— Врёшь, росподлая душа,
Любишь трубочиста.

229.

На печѣ я молотилъ,
На ошёсткѣ вѣялъ,
Дома мѣру позабылъ—
Голенищёмъ мѣрялъ.

---

[1] Т. е. обидно, досадно.

230.

Въ людяхъ худо, въ людяхъ худо,
Въ людяхъ худо привыкать,
Съ половницы на другую
Не даютъ переступать.

231.

По дорожкѣ грязно, грязно,
Подъ березкой нѣтъ лужка,
Забрили милова дружка.!

232.

Милой пей, милой пей,
Пьяной не напейся.
На миня, на дѣушку,
Горазно не надѣйся.

233.

Ты, сударушка, Варварушка,
Конфетница моя,
Конфекты ѣла —говорила
Пойду замужъ за тибя.

234.

Я милёнка на обманъ
Руку сунула въ карманъ:
Всѣ гостинцы обралà.
Ротозеёмъ назвала.

235.

Милой въ Рыбинско [1] поѣхалъ,
Я бы, дѣушка, туда,—
Не побоялась бы стыда!

236.

На горушкѣ на кругой
Стоитъ кадушечка съ водой.
Дѣвки были, ноги мыли,
А робята воду пили.

237.

Не умѣю молотить,
Надо поучитца.
Не за любова отдаютъ,
Надо воротѝтцы.

238.

Гдѣ ты, милая моя,
Вся перемочилася?
Я у дяди во полѣ
Сѣно гресть училася.

239.

Милой пьяной не напейся
И тверёзной [2] не гуляй;
Выпей рюмочку для смѣлости—
Къ сударушкѣ ступай.

240.

Ты, сударушка, не вой—
Мальчикъ бѣлинькой не твой;
Мальчикъ бѣленькой-румянинькой—
Солдатикъ рядовой.

241.

Всѣ вы, дѣушки, сидите,
Не глядите на миня.
У миня милова нѣту
Наживать не буду я.

242.

Завлекательныи пѣсёнки
Для милова пою.
Коль не дуракъ, такъ догадаетцы -
На вѣсточку даю.

243.

Ты ни смѣйся, ягодка—
Мнѣ не двадцать-два годка.
Мнѣ всево семнадцать лѣтъ,
Отъ робятъ отбою нѣтъ.

344.

Вы, родители, я въ Питёрѣ
Сударушку завёлъ.
Изъ-за сударушки я въ Питерѣ
Всѣ денёжки провёлъ.

245.

Поставлю новую часовёнку,
Я Богу помолюсь,
За свою судьбу несчастную
Пониже поклонюсь.

246.

Шуботòвскіихъ [3] робятъ
Надо въ рѣчкѣ покупать;
Вынять да поколотить—
Характеръ вызнать да любить.

247.

По дорожкѣ узинькой
Шла я съ парнёмъ Кузинькой;

---

[1] Разумѣется г. Рыбинскъ. [2] Т. е. трезвый. [3] Разумѣется деревня Шуботово.

Нечевó, что узинька—
Хорошой парень Кузинька.

248.

Ужъ какъ къ Устюжну дорожка
Солнышкомъ не усвѣтить [1]
Отчево не усвѣтить—
Што тамъ высокiй лѣсъ стоитъ.

249.

Милка платьё полоскала,
А я вѣники мочилъ;
Милка въ воду потонула,
А я по пазухи скочилъ.

250

Давай, крестовая, упять [2]
По одинáкимъ [3] покупать,
По буровымъ съ лапочкамъ
Останёси солдаточкамъ.

251.

У миня умокъ качаетцы,
Что лодка на водѣ:
Больше горя прибавляетцы —
Милой на черёдѣ [4].

252.

Какi тяжёлыи дрова,
Станóветцы лошадки
Настоишьси, миленькой,
Предо мной безъ шапки.

253.

Не было у меня горюшка
До нынѣшней зимы.
А нонѣшнюю зимушку
Хоть съ горюшка помри.

254.

Ты не ѣзди, милой, въ Питёръ,
Тамъ чужая сторона;
Тамъ полюбишь Питенбурочку
Забудёшь и миня.

255.

Попляши, моя сударшка,
На новоёмъ полу.
Самъ въ тальяночку играю,
Тибѣ волюшку даю.

256.

Миня тятинька просваталъ,
Засѣвáвши въ полѣ рожь:
Постройка нова, хлѣба вного [5],
Только парень нехорошъ.

257.

Я у батюшки жила,
Была какая рѣзва,
Подоставила скамельку,
На палати взлѣзла.

258.

У мня сударушка богата,
Носитъ въ талiю пальто;
Денёгъ дасъ, виномъ напóитъ—
Я люблю нё за то.

259.

Все бы дѣушка плясала
У крашёныихъ воротъ.
То и дѣлала на совѣсть,
Чтобы хаяли народъ.

260.

Черноброва вышла дама
На колодецъ за водой.
Милка, модничай, не модничай—
Приду на перебой!

261.

Изъ деревни изъ одной
Ходили двá братá къ одной.
Я осмѣлюсь—да скажу:
Меньшóму брату откажу.

262.

Остаётца тятѣ бóльшина,
Соха и борона
А мнѣ несчастному мальчишёчкѣ,
Чужая сторона.

263.

Пѣсни пѣть я не умѣю,
И во школѣ не была.
Вѣрно ты, родима матушка,
Весёлу родилá.

264.

Купи, тятинька, икону,
Я гуляю по закону.
Нечево, что—бѣдная:
Изъ бесѣды первая.

265.

Изъ-за тибя, моя сударушка,
И свѣтъ-отъ былъ немилъ:

---

[1] Вмѣсто освѣтить. [2] Вм. опять. [3] Сокращенное—одинаковый. [4] Т. е. на очереди. [5] Вм. много.

Ты зачѣмъ приворожила—
Я и такъ тибя любилъ.

266.

Прйслалъ милой пйсьмецо́,
Не износила ли кольцо?
Я милому отпишу:
Кольцо по праздникамъ ношу.

267.

Ужъ ты, милка ягодка,
Я любилъ тя два годка;
Два годочка—девять лѣтъ
Отъ родныхъ совѣту нѣтъ.

268.

Я по улоцѣ иду
Въ ко́жаной обу́вкѣ.
Дѣвки дуры, я не къ вамъ—
Ко своей Анюткѣ.

269.

Сыроварочки—дѣвчёнки
Не умѣютъ работа́ть;
Только знаютъ, сыроварочки,
Свои рожи намывать.

270.

Шуботовскую деревёнку
Пройду напоперёкъ.
Про миня милашка судитъ,
Про сибя не разберётъ.

271.

По деревёнкѣ иду,
Деревня колыбаетцы;
Съ одной сударушкой сижу,
Другая набива́ётцы.

272.

На нашёмъ полѣ
Сосёнъ восемь,
А девята стоитъ ель.
Припиши, милой, извѣстицо—
Пристала ли шинель?

273.

Я во Ва́нское [1] во полюшко
Поставлю помяло,
Чтобы Ваньскіихъ робятушёкъ
Въ ольшйну [2] завело́.

274.

Я поѣду боронить,
Платочекъ бѣлинькій пылить,
Брошу вожжи и кнутовъ,
Пойду на рѣчку мыть платокъ.

275.

Кину, кину кирпичину
На зарѣцкой бережокъ,
А зарѣцкіи робятушка
Подайте голосокъ.

276.

Не любила чаю пить,
Любила по воду ходить.
Оттово любила я,
Что мимо дому милова.

277.

Писала милому письмо,
Крѣпко запечатала,
Въ Стару-Русу отсылала,
Больно слёзно плакала.

278.

Красно солнышко съ полдёнъ,
Уѣхалъ милой на сёмь дёнъ,
На цѣлую недѣлюшку
Оставилъ ми́ня, дѣушку.

279.

Сороковочка винца,
Сахаромъ настояна.
Милка въ гости зазвана,
До́пьяна напо́ёна.

280,

Четвертная—мать родная,
Полуштовъ—отецъ родной
Сороковочка—сетрица,
Танцёвать со мной подёмъ.

281.

Сороковки пѣсни пѣли,
Рюмки танцовали,
Увидали шкалика,
Рюмки на́ палъ пали.

282.

Поглядѣла въ Троицу,
Милой конфетамъ роётцы;
Поглядѣла въ Духовъ день,
Милой пьянѣе всѣхъ людей.

283.

Пойду, выйду на колодецъ,
Покачаю оцѣпкомъ,

---

[1] Деревня. [2] Ольховый лѣсъ.

Не придётъ ли ко мнѣ миленькой
Сегодня вечеркомъ.

284.

Что-жъ ты, морозъ,
Не боишься стужи.
Милой хвастаётъ—хорошъ,
Я ево не хуже.

285.

Не придётцы вамъ смѣянтцы
Голикамъ надъ вѣникамъ 2 раза
Робятушкамъ надъ дѣушкамъ.

286.

Не ходи, милой, по саду,
Не притапывай ногой:
Не придётца тибѣ, миленькой,
Смиятцы надо мной.

287.

Дайте ходу пяроходу,
Пусть ломаётъ бѣлой лёдъ.
Розлучилась я съ милёночкомъ
На цѣлой круглой годъ.

288.

Пароходъ бѣжитъ книзъ,
Съ парохода кланялись.
Мнѣ милёнковы поклоны
Лучче всѣхъ понравились.

289.

Пароходъ бѣжитъ «Марія»,
Изъ-подъ чёрнова мыса.
Милёнокъ въ вышитой рубашкѣ
Стоитъ у колёса.

290.

Машина къ станціѣ подходитъ,
Все свисточикъ подаётъ,
Изъ вагону милъ выходитъ,
Праву ручку подаётъ.

291.

У миня-то во косѣ
Ленточка отласная.
По миня, про дѣушку,
Слаушка напрасная.

292.

Постой, дорогой,
Дай расчитатцы:
Отдай платочикъ носовой—
Больше не видатцы.

293.

Цвѣточки мои, бѣлорозовыи,
Были синіи штоны
Дѣвки разорвали.

294.

Знаю, знаю, дорогой,
Укоряютъ дома мной.
Успокой своихъ родителей—
Сидись возлѣ другой.

295.

Не любоётъ на колѣняхъ,
А любоётъ на полу.
Не съ любымъ говорю—
Любому голосъ подаю.

296.

Нѣтъ на свѣтѣ лучше цвѣту,
Какъ цвѣтётъ въ полѣ овёсъ.
На память миленькой оставилъ
Прятку русыихъ волосъ.

297.

Извини, моя сударушка,
Что гостинцёвъ не принёсъ:
Положилъ въ сѣняхъ на полочку,
Не знаю, кто унёсъ.

298.

Посмотрите-ко, подружки,
Кто-то ѣдётъ на телушкѣ—
Два Ивана на баранѣ
Сороковочка въ карманѣ.

299.

Тальянка идётъ,
Потрѣнькиваётъ.
Миня миленькой не любитъ,
Всё подёргиваётъ.

300.

Ѣхалъ баринъ по дорогѣ,
Таракана задавилъ.
Онъ за эту за скотину
Три съ полтиной заплатилъ.

301.

Глазы милы,
Гдѣ вы были?
Я не съ той гулять пошёлъ.
Извини, моя сударушка,
Я искалъ да не нашёлъ.

302.

На красивую сударушку
Надѣятца нельзя:

Она одѣла чёрно платьицо
Въ монашинки пошла.

303.

Въ тёмномъ лѣсѣ ёлокъ нѣту.
Вересиночку срублю.
Вересиночку срублю.
У милёнка батька нѣту,
Сиротиночку люблю.

304.

Въ Щу́бово-то—дорожка,
А на Ва́нско-то—глоба [1].
Не пойду я по дорожкѣ,
Минѣ тро́почка люба́.

305.

Сказали, что любовь покончена,
Зачѣмъ ты ходишь къ намъ?!
Изъ-за тибя, милъ, нѣту волюшки
Гулять по вечерамъ.

306.

Всѣ цвѣточки розцвѣтаютъ,
А минѣ отрады нѣту.
Я пойду, спрошу у миленькаго,
Любитъ, али нѣтъ?

307.

Носовой платочикъ
Вышитъ уголочикъ,
Я дала бы милому,
Скоро заволочитъ.

308.

Я пѣсню спѣлъ,
Коровай свертѣлъ,
Два во́роха блиновъ,
Костёръ пероговъ.

309.

Охъ, ты дѣдушко мой.
Сивая бородка!
У васъ нѣтъ ли паринька,
Я—твоя молодка.

310.

Дѣушки—кручинушка,
Не горитъ лучинушка.
У насъ лучинушка сыра,
Посумерничать пора.

311.

Было лѣто, теперь осень,
У миня милёнковъ восемь,
Было восемь, теперь семь
Не поспѣть ходить за всѣмъ.

312.

Я сижу на берегу,
Чу́жу шубу стерегу.
Чужая шуба не одёжа,
Старой милой—не надёжа.

313.

Походила съ милымъ годикъ,
Начинаю и другой.
Позамѣтила милёночка—
Характеромъ худой.

314.

Вы, родители грубители,
Грубительница-мать,
Дали волю любить Колю,
А теперь велятъ отстать.

315.

Ты, родима, моя матушка,
Совѣтъ твой дорогой.
Посовѣтуй-ко, родимая,
Кого любить зимой?

316

Всѣ платочки износила,
Бѣлинькой неношеной.
Прихихе́ня дорогой
Къ призову не во́женой.

317.

Всѣ платочки приносила
Голубой на головѣ.
Всѣхъ робятъ въ солдаты сдали,
Миленькой на чередѣ

318.

Шила милому кисетъ,
Не хватило шёлку.
Хотѣлъ милёнокъ просміять,
Да не хватило толку.

319.

Миня мамашинька за Яшиньку
Пыта́ла уядать.
Не брани, мамашинька:
Хорошій парень—Яшинька.

320.

Миня матушка за милова
Хотѣла палкой бить.
Я родиминькой сказала:
Хоть убей—буду любить.

321.

Одѣну бѣлинькую кофточку,
Тихонько уйду,
Шантропы́ [2] любить не буду,
Пофартовѣе найду.

322 [3].

Всѣ запоры дома знаю,
Пойду сѣни отперу.
За кого дома ругаютъ,
Самоходочкой уйду.

И. Судаковъ.

---

[1] Т. е. тропка. [2] Т. е. всякую сбродь, дрянь. [3] Частушки съ 167 по 322 записаны въ деревнѣ Ванскомъ, Устюжнскаго уѣзда.

III.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. М. Тупиковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. СПБ, 1903.

Огромный томъ, отпечатанный послѣ смерти автора подъ редакціей и съ небольшимъ предисловіемъ акад. А. И. Соболевскаго, вноситъ много новаго въ наше представленіе о происхожденіи и характерѣ древне-русскихъ именъ.

Наша научная словарная литература, несмотря на то, что первые опыты относятся къ концу XVI в., когда въ 1596 г. появился «Лексисъ» Лаврентія Зизанія, очень бѣдна. Болѣе или менѣе удовлетворительныя работы въ этой области относятся ко второй половинѣ XIX вѣка, когда появились словарь церковно-славянскаго языка Востокова, «Толковый словарь живого русскаго языка» Даля и нѣсколько словарей отдѣльныхъ говоровъ и нарѣчій, составленныхъ Желиховскимъ, Подвысоцкимъ и др. Историческаго же словаря, составленнаго полно и научно, если не считать «Славянскаго именослова» священника Морошкина, у насъ нѣтъ, и необходимость составленія его сознается всѣми учеными. Словарь г. Тупикова, хотя и не претендуетъ на восполненіе этого пробѣла, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ большого вниманія, какъ подготовительная работа. Такіе труды много помогаютъ при изученіи произведеній народнаго творчества, при уясненіи даже народнаго міровоззрѣнія и освѣщаютъ многія запутанныя историческія данныя. По этому поводу г. Тупиковъ говоритъ: «Въ составленномъ нами словарѣ мы находимъ, что извѣстное лицо носитъ некрещеное имя, употребляющееся у иноземцевъ, напр., Рудольфъ (XVI в.). Существованіе подобныхъ некрещеныхъ именъ, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что они давались отцомъ сыну въ честь знакомаго иноземца. А такіе факты могутъ, кажется, указывать на то, что въ до-Петровской Руси вовсе не было тѣхъ непріязненныхъ отношеній къ иностранцамъ, какія ей такъ часто навязываются» (стр. 2). Словарь состоитъ изъ трехъ частей, въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, какія могутъ быть поставлены при изученіи древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Первая часть носитъ характеръ филологическій: въ ней разсматриваются, напримѣръ, отношенія между собой именъ въ родѣ Доброславъ, Добрило, Добрята; типы и строенія сложныхъ именъ въ родѣ Мстиславъ, суффиксы, при помощи которыхъ образуются имена и т. д. Вторая часть посвящена исторіи именъ; въ ней указывается, въ какой мѣстности и въ какомъ классѣ народа возникли извѣстныя имена, какое отношеніе имѣли древнія языческія имена къ христіанскимъ и т. д. Въ послѣдней части своего труда г. Тупиковъ выясняетъ, какія понятія, абстрактныя или конкретныя, участвовали при образованіи личныхъ собственныхъ именъ.

Въ краткомъ обстоятельномъ предисловіи г. Тупиковъ даетъ характеристику коренныхъ русскихъ именъ и очеркъ постепеннаго перехода ихъ въ отчества, фами-

ліи и прозвища. Въ одномъ изъ старинныхъ азбуковниковъ, въ статьѣ «Предисловіе именъ человѣческихъ», находится слѣдующее замѣчаніе: «Первыхъ родовъ и временъ человѣцы бывше и прежде закона и сущія въ законѣ и въ благодати до нѣкоего времени даяху дѣтемъ своимъ имена, якоже отецъ или мати отрочати изволитъ, или отъ взора и естества дѣтища, или отъ времене, или отъ вещи, или отъ притчи... Такожде и Словяне прежде крещенія ихъ даяху имена дѣтямъ своимъ сице: Богданъ, Баженъ, Первой, Второй, Любимъ и ина такова». Съ принятіемъ христіанства въ Россію перешли и греческія имена, которыя встрѣчаются уже въ началѣ XI вѣка, напримѣръ, въ 1018 году — «посадникъ Костянтинъ сынъ Добрынь» (*Лавр.* 100), 1122 — «Дмитровна Завидовича» (супруга Мстислава Владимировича). *Лѣт.* XV. 193) и т. д. Но данныя при крещеніи христіанскія имена замѣнялись въ общежитіи языческими, причемъ первоначально этому слѣдовало даже и духовенство, и особенно долго этотъ обычай держался въ въ Юго-западной Руси. Часто, особенно въ XI—XIII вв. князья, дружинники, бояре и духовные носили два имени сразу, христіанское и русское (древнее или вновь образовавшееся), причемъ г. Тупиковъ высказываетъ предположеніе, что русское имя считалось среди князей главнымъ, такъ какъ христіанское имя, нерѣдко вмѣстѣ съ русскимъ, употреблялось при упоминаніи ихъ кончины.

Среди же высшаго класса оба имени имѣли равное значеніе. Это можно видѣть изъ обслѣдованныхъ перечней, гдѣ одни бояре назывались христіанскими именами, другіе—коренными русскими, напримѣръ, Константинъ Луготиничъ, Юрята Пинещиничъ, Наличетъ и Дрочило Нѣздыловъ — новгородцы (*Лѣт.* XV., 380. 1241 г.). Но начиная съ XIV вѣка, обычай употребленія рядомъ двухъ именъ, среди высшаго класса общества постепенно забывается и въ XVII вѣкѣ почти совсѣмъ уничтожается. Въ низшемъ же классѣ народа, наоборотъ, съ XV вѣка нерѣдко употребляется рядомъ два имени, христіанское и русское, причемъ русское иногда становится прозвищемъ, и не только среди простого народа, но и среди бояръ и князей, напримѣръ, «князь Литовскій Иванъ, а прозвище ему Баба (*Лѣт.* IV, 210), Богданъ, а имя ему Богъ вѣсть» (642, казакъ [с. в.] *А. Э.* III. 456) и т. д. Перечисляя пріемы для отличія русскихъ личныхъ именъ отъ прозвищъ, г. Тупиковъ приходитъ къ выводу, «что русскія имена до XVII в. включительно имѣли одно значеніе личныхъ именъ, какъ и христіанскія. Часто они употреблялись вмѣстѣ съ христіанскими. Иногда имѣли значеніе прозвищъ, но какія имена и когда переходили въ прозвища, рѣшить невозможно. Мы склонны думать, что признаніе русскаго имени равноправнымъ съ христіанскимъ или же имѣющимъ значеніе только прозвища, зависѣло отъ воли отдѣльныхъ лицъ, носившихъ это имя или писавшихъ документъ, куда заносился владѣлецъ имени» (стр. 16).

Кромѣ того, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ встрѣчались случаи, когда какое-нибудь лицо носило два имени, и оба коренныя русскія, причемъ второе имя иногда указывало на происхожденіе, родъ занятій, черту характера и т. п., напримѣръ, Упырь Лихый, 1047. священникъ, Добрыня Долгой, ростовскій бояринъ, 1177 (*Лавр.*, 261), Иванъ Свѣтило Рыжко, смоленскій посадникъ, 1609, (*А. И.* II, 95), Второй Кубанецъ, стряпчій монастырскій, 1625, (*А. Ю.*, 284) и др. Нерѣдко также давались одному и тому же лицу и два христіанскихъ имени. Костомаровъ и м. Евгеній объясняютъ этотъ обычай тѣмъ, что одно имя употреблялось въ общежитіи, а другое хранилось въ тайнѣ для предупрежденія колдовства надъ этимъ именемъ.

Переходя отъ отца къ сыну, коренныя русскія имена постепенно теряли свое первоначальное значеніе и становились фамильными прозвищами, образовавшимися какъ изъ прилагательныхъ, такъ и изъ существительныхъ, напримѣръ, Никита и Судокъ Мясные, пристава, 1598, (*А. Э.*, II, 44), «язъ Кирило, прозвище Третьячко, да язъ Нестерко Третьячко Ѳедоровы дѣти Поповы», кабальи (сѣв.) 1600, (*А. И.*, II, 129) и т. д. Особенно часто это встрѣчалось въ юго-западной Руси, напримѣръ, Яцко и Занко Братеники, крестьяне, 1595, Филонъ Гаврушковичъ, Иванъ Нартовичъ Ноздрыни Плотницкіе земяне, 1671, (*Арх. Сб.*, VI, 230), и т. д. Вслѣдствіе трудности и даже невозможности точнаго отдѣленія отчествъ отъ фамилій, г. Тупиковъ присоединяетъ

ихъ къ отдѣлу фамилій. Отчества появились очень рано. Впервые мы встрѣчаемъ ихъ въ спискѣ русскихъ пословъ 945 года и далѣе, подъ 968 году упоминается воевода именемъ «Прѣтичъ». Но относительно послѣдняго г. Тупиковъ думаетъ, что оно, можетъ быть, употреблено какъ имя. Особенно сильное распространеніе отчествъ началось съ XIII вѣка, причемъ преимущественно въ средѣ высшаго класса народа. Что же касается до болѣе или менѣе широкаго распространенія отчествъ по областямъ, Тупиковъ, на основаніи изслѣдованія многочисленныхъ документовъ, предполагаетъ, что въ большей мѣрѣ отчества употреблялись въ Сѣверо-восточной Руси, чѣмъ въ Юго-западной. При этомъ нужно замѣтить, что отчества нерѣдко производились отъ женскихъ именъ, напримѣръ, Сенька Оринниъ, своеземецъ, 1495. (*Писц.* II, 411), Василій Маричиничъ, сынъ княгини Маріи, дочери Владиміра Мономаха, † 1136, (*Лавр.* 288) и т. д.

Такъ какъ отчества были распространены какъ у бояръ, такъ и у простого народа, то они нисколько не увеличивали почета. «Главнымъ образомъ здѣсь игралъ роль обычай,—говоритъ г. Тупиковъ,—по которому лица высшаго класса ревниво оберегали указаніе на свое происхожденіе и къ своему имени прибавляли отчество и фамилію; лица же низшаго класса считали это лишнимъ и часто обозначали себя однимъ только именемъ». Можно еще упомянуть, что иногда образовавшіяся уже прозвища замѣняли собой имена, напримѣръ, «оженися Мстиславъ Володимеричъ, поятъ за себя Д м и т р о в н у Завидовича», 1122 (*Лѣт.* XV, 193) и др. Такъ какъ прозвища произошли отъ именъ, то поэтому каждая патронимическая форма (на овъ, инъ и ичъ) ясно показываетъ на существовавшее нѣкогда имя, изъ котораго она и образована.

Относительно коренныхъ русскихъ женскихъ именъ надо замѣтить, что они въ большинствѣ случаевъ мало чѣмъ отличаются отъ мужскихъ. Наиболѣе древнія изъ нихъ такъ называемыя старшія: Болеслава, XII в., Верхуслава, XII—XIII вв., Всеслава, XII в., Добрева, XIII в., Измарагдъ, XII в., Малуша, X в., Ольга, X в., Рогнѣда, X—XII, и др. Младшія имена слѣдующія: (общерусскія) Богдана, Вѣра, Ждана, Короткая, (юго-западныя) Богумила, Бѣлуха, Люба, Людмила, Найда, Немилка, Томила и др., (сѣверо-восточныя) Голуба, Досада, Кудра, Некрасья, Любава, Малюта, Несмѣяна, Смиренка, Чернавка и др. Эти имена также иногда употреблялись въ качествѣ прозвищъ.

Хотя при составленіи своего очерка г. Тупиковъ пользовался работами Морошкина, Чечулина и Соколова, тѣмъ не менѣе цѣнность его труда, въ которомъ высказано много новыхъ замѣчаній на основаніи изученія огромнаго матерьяла, нисколько этимъ не уменьшается.

А. И. Яцимирскій.

Николай Харузинъ. Этнографія. Изданіе посмертное, подъ редакціей В. Харузиной. Вып. II. Семья и родъ. СПБ. 1903. Цѣна 2 руб.

Полный курсъ «Этнографіи» Харузина, читанный въ видѣ лекцій студентамъ Московскаго университета, долженъ состоять изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣловъ: 1) Матерьяльная культура, 2) Семья и родъ, 3) Собственность и первобытное государство и 4) Вѣрованія. До сихъ поръ вышло двѣ первыхъ части. Въ нихъ собраны такія богатыя свѣдѣнія о бытѣ народовъ первобытныхъ и античныхъ, инородческаго населенія Россіи и культурныхъ племенъ Европы, что приходится только удивляться начитанности автора и его умѣнью пользоваться этимъ колоссальнымъ сырымъ матерьяломъ. Излагая свой собственный взглядъ на происхожденіе какого-нибудь обычая, Харузинъ приводитъ мнѣнія по давному вопросу всѣхъ своихъ предшественниковъ и освѣщаетъ ихъ тѣми примѣрами, которые собраны русскими этнографами.

Очень интересна исторія семьи, какъ правового института. Изслѣдователь останавливается очень подробно на патріархатѣ и постепенномъ переходѣ его въ патернитетъ, какъ болѣе высокую ступень въ культурной жизни народовъ. Характерны также его выводы, сдѣланные при изученіи экономическихъ причинъ нашего снохачества. Этотъ обычай, вмѣстѣ съ такъ называемымъ гостепріимнымъ гетеризмомъ, Харузинъ считаетъ слѣдами безпорядочнаго полового сожительства, бытовавшаго въ

очень отдаленное время и послѣдней формой поліандріи, т. е. многомужества. Широко распространенный народный обычай снохачества разрѣшаетъ и узаконяваетъ сожительство отца съ женой сына. Прежніе этнографы думали. что вымираніе поліандріи совершалось путемъ постепенныхъ ограниченій свободы общенія внутри группы, а снохачество—объясняли тѣмъ, будто подъ конецъ существованія поліандріи общеніе съ одной женщиной дозволялось только отцу и его сыну, причемъ дѣти, рожденныя отъ отца, считались законными дѣтьми сына. Н. Харузинъ опровергаетъ эту теорію.

Оказывается, что у реддіевъ южной Индіи обычны браки женщинъ 16—20 лѣтъ съ мальчиками 5—6 лѣтъ. Уже Леббокъ замѣтилъ, что при такихъ раннихъ бракахъ женщина живетъ обыкновенно съ какимъ-нибудь взрослымъ мужчиной изъ той же семьи. Если отъ подобной связи у нея являются дѣти, то они считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Къ этому же времени, когда мальчикъ выростетъ, жена его оказывается уже слишкомъ старой или неспособной производить дѣтей; тогда и онъ въ свою очередь сходится съ женой какого-нибудь другого мальчика на тѣхъ же основаніяхъ и производитъ на свѣтъ дѣтей, которыя считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. То же самое можно наблюдать и у русскихъ инородцевъ, у донскихъ казаковъ, въ Воронежской, Томской, Енисейской, Тамбовской, Харьковской, Курской, Архангельской и другихъ губерніяхъ. Старики-бурята разсказывали этнографу Кулакову, что нерѣдко жены, отправляясь доить коровъ, носили на рукахъ своихъ мужей съ собой. Изъ многихъ разсмотрѣнныхъ фактовъ Харузинъ дѣлаетъ заключеніе, что отличіе снохачества отъ поліандріи заключается въ томъ, что въ первомъ сожительство разрѣшается молодой только съ однимъ изъ членовъ семьи, въ поліандріи же женщина живетъ съ группой мужчинъ. Несмотря на нѣсколько тяжелое изложеніе и замѣтное злоупотребленіе иностранными словами, книга читается съ интересомъ. Была бы желательна болѣе популярная переработка «Этнографіи» Харузина.

А. И. Яцимирскій.

Б. Фармаковскій. Аттическая вазовая живопись. Спб. 1903.

Капитальное изслѣдованіе Б. В. Фармаковскаго представляетъ несомнѣнный интересъ и для этнографіи. Оно переноситъ насъ въ ту область эллинскаго изобразительнаго искусства, о которомъ ничего почти неизвѣстно. О такой блестящей порѣ въ искусствѣ, какъ греческая живопись времени Александра Македонскаго, мы не знаемъ ничего, такъ какъ подлинныя картины до насъ не дошли. Помпейскія раскопки также не даютъ представленія о лучшихъ греко-римскихъ фрескахъ, ибо онѣ были написаны заурядными малярами-профессіоналами. Поэтому о картинахъ Полигнота, Паррасія и Зевксиса мы знаемъ только изъ отрывочныхъ описаній ихъ у современниковъ. Но ихъ произведенія не погибли для науки безвозвратно, потому что на рисункахъ вазъ, исполненныхъ, правда, ремесленниками, отразилось вліяніе современной имъ свободной живописи. Мастера брали цѣлыя композиціи у лучшихъ художниковъ, мало ихъ измѣняли и переносили на свои вазы отдѣльныя фигуры, группы, орнаментику и т. д. По этимъ копіямъ можно возстановить цѣлое.

Первыя росписныя вазы были найдены въ Италіи, и долгое время археологи причисляли ихъ къ произведеніямъ художественной промышленности этрусковъ. Только благодаря новѣйшимъ находкамъ ихъ и въ Греціи явилась возможность допустить, что вазы эти ввозились въ Италію изъ Греціи, и только въ самое позднее время прекратилась выдѣлка ихъ въ самой Греціи. Въ большинствѣ случаевъ итальянскія копіи передавали тотъ же высокій греческій стиль, сохранили простой и благородный духъ. Собранныя въ разныхъ музеяхъ, аттическія вазы даютъ богатый матерьялъ для исторіи живописи въ Греціи. Изслѣдователь знаетъ около четырехъ тысячъ вазовыхъ картинъ. Бытовой жанръ, этнографическіе, миѳологическіе и историческіе сюжеты, типы и орнаментальные рисунки на вазахъ имѣютъ ближайшее отношеніе къ «настоящей» живописи. Особенно сильно было вліяніе на вазовую живопись Полигнота. Хотя объ его картинахъ приходится судить главнымъ образомъ по вазамъ,

тѣмъ не менѣе на основаніи этихъ копій можно составить вѣрное представленіе о характерѣ произведеній кисти «великаго Ѳасосца». Б. Фармаковскому удалось установить, что рисунокъ, композиція, формы, трактовка сюжетовъ, даже отчасти техника, всѣ эти элементы художественнаго творчества и средствъ въ передачѣ образа у мастеровъ вазъ находились подъ вліяніемъ произведеній Полигнота. Интересно также, что на живописи вазъ нельзя замѣтить рабскаго и неосмысленнаго копированія. «Мастера вазъ,—говоритъ изслѣдователь,—всегда считались съ требованіями своего искусства и брали у Полигнота лишь то, что не противорѣчило ихъ задачамъ. Вліяніе его замѣчается на вазахъ, которыя можно отнести къ 470—460 годамъ. Въ то время старый, строгій, архаичный стиль подъ вліяніемъ Полигнота начинаетъ мало по-малу преобразовываться въ новый, свободный Къ этому періоду относятся вазовыя картины, стиль которыхъ представляетъ смѣсь архаическихъ и свободныхъ формъ, и особенно сильно вліяніе этого художника на вазахъ 460—450 годовъ» (стр. 613). Къ изслѣдованію приложено 20 таблицъ спимковъ; многія изъ нихъ въ краскахъ и исполнены удачно.

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Рисунки Дрезденскаго альбома, воспроизведенные въ натуральную величину. СПБ. 1903. Изд. А. С. Суворина. Цѣна 15 руб.

Въ 1827 году вышла извѣстная книга Ѳедора Аделунга «Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ». Помимо того, что это изданіе въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость, атласъ Аделунга никогда не могъ дать вѣрнаго представленія о характерѣ рисунковъ подлиннаго альбома, потому что всѣ изображенія для литографіи были воспроизведены отъ руки и въ смыслѣ точности оставляли желать лучшаго. Тѣмъ не менѣе, альбомъ наблюдательнаго и просвѣщеннаго путешественника сохранилъ намъ необыкновенно цѣнныя данныя о старинномъ русскомъ бытѣ, почему нашимъ этнографамъ и археологамъ волей-неволей приходилось довольствоваться прежнимъ изданіемъ. Теперь мы имѣемъ фотографическое воспроизведеніе всего альбома; здѣсь не пропущено ни одного рисунка, и такіе даже небольшіе наброски, какъ «Древній псковскій гербъ», «Новгородскій гербъ» (второй варьянтъ), «Видъ Красной» и «Русскій алфавитъ», нашли себѣ мѣсто въ новомъ роскошномъ автотипическомъ изданіи.

Царское посольство, во главѣ котораго стоялъ любознательный посланникъ и образованный туристъ Августинъ Мейербергъ, прибыло въ Москву въ 1661 году и отбыло въ Вѣну только въ слѣдующемъ году. За это время авторъ Путешествія успѣлъ хорошо ознакомиться съ бытомъ полуварварской Московіи. Мы не будемъ говорить о научномъ значеніи текста его Путешествія, переведеннаго А. Н. Шемякинымъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ» за 1873 и 1874 годы. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя просвѣщеннымъ посломъ, отличаются точностью, можно сказать, даже нѣкоторой научностью; всѣ наблюденія его обнаруживаютъ въ немъ человѣка, понимавшаго оригинальныя черты частнаго быта и общественной жизни Московіи. Мейербергъ сумѣлъ быть въ одно и то же время и государственнымъ дѣятелемъ и этнографомъ, археологомъ и чуткимъ художникомъ. Послѣдняя черта сказалась на всѣхъ рисункахъ его Альбома, сдѣланныхъ по его заказу пріѣзжавшими вмѣстѣ съ нимъ художниками.

Для того, чтобы показать, насколько интересны эти рисунки, мы приведемъ хотя бы заглавія наиболѣе выдающихся въ археологическомъ отношеніи: «Посольскій въѣздъ», «Аудіенція пословъ», «Посольскій дворъ» (до нашего времени не сохранившійся), два вида Кремля, «Большой колоколъ», «Выѣздъ царя въ саняхъ», «Шествіе на осляти», «Выходъ царицы съ царевичемъ», «Подача челобитной», наконецъ, портреты царя Алексѣя Михайловича, царицы Маріи Ильиничны, патріарха Никона, митрополита Питирима и др. Прибавимъ къ этому виды многихъ церквей, монастырей, селъ и городовъ, или совершенно исчезнувшихъ, или же измѣнившихъ свой первоначальный видъ; далѣе—стѣнныя росписи царскихъ палатъ въ Московскомъ Кремлѣ,

нѣкоторыя иконы, костюмы бояръ, боярынь, духовныхъ лицъ, военныхъ, инородцевъ и т. д. Вся эта обстановка переноситъ читателя въ старую Москву со всѣми аттрибутами патріархальнаго быта, и можно только пожалѣть, что слишкомъ высокая цѣна Альбома лишаетъ возможности пріобрѣсти его для многихъ учебныхъ заведеній, гдѣ онъ оказалъ бы немалую услугу при ознакомленіи учениковъ съ исторіей Россіи XVII вѣка.

А. И. Яцимирскій.

Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. С.-Пб. 1904. Стр. 264. Ц. 4 р.

Настоящая книга, распадающаяся по своему содержанію на два отдѣла—на исторію письменъ до появленія алфавита и на исторію алфавита,—является цѣннымъ вкладомъ на нашу литературу, такъ какъ въ ней до настоящаго времени нѣтъ ни одного полнаго и сколько-нибудь систематическаго труда по этому вопросу. Главная задача, которую преслѣдуетъ въ своемъ сочиненіи г. Шницеръ, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить существованіе связи между всѣми письменами на земномъ шарѣ и прослѣдить преемственность и зависимость одного отъ другого, т. е. «показать, на основаніи сравнительнаго изученія различныхъ памятниковъ древней письменности,— какъ говоритъ самъ авторъ,—что письмена, подобно языкамъ, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными личностями, какъ это принято было думать на основаніи преданій, а вырабатывались и развивались одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено происхожденіе міровъ, происхожденіе животныхъ, растеній и вообще всего того, что́ когда-либо возникало или возникаетъ въ природѣ». Мы можемъ сказать, что вышеуказанная задача выполнена г. Шницеромъ удовлетворительно, и книга его представляетъ интересъ для этнографіи, чему немало способствуютъ рисунки (числомъ 155) и таблицы (числомъ 19), на которыхъ воспроизведены образцы письменъ древнихъ и дикихъ народовъ.

Первая часть этого сочиненія, какъ мы уже сказали, посвящена исторіи развитія письменъ до изобрѣтенія алфавита. На ней мы и остановимся. Тотъ способъ выражать письменно свои мысли, которымъ располагаемъ мы, былъ неизвѣстенъ первобытному человѣчеству, и достигнутъ только путемъ продолжительной, кропотливой работы. Содержаніе первой части книги г. Шницера составляетъ разсмотрѣніе всѣхъ стадій развитія письменъ, при чемъ авторъ всюду выдвигаетъ на первый планъ ту мысль, что у всѣхъ народовъ, путемъ или естественнаго возникновенія, или же преемственности, искусство письма первоначально было одинаково; только одни изъ нихъ съумѣли его развивать, а другіе, наоборотъ, остановились на достигнутыхъ результатахъ.

Авторъ начинаетъ свою книгу съ разсмотрѣнія такъ называемаго подготовительнаго періода въ исторіи письма. Послѣ того, какъ люди образовали болѣе или менѣе большія группы съ экономическими или стратегическими цѣлями, у нихъ появилась потребность выражать свои мысли не только словомъ, устно, но и письменно, когда, напримѣръ, люди не могли видѣться для переговоровъ. Эта потребность передавать мысли на первыхъ порахъ удовлетворялась при помощи предметовъ, вызывавшихъ въ умѣ обѣихъ сторонъ извѣстное и при томъ одинаковое представленіе, какъ-то: раковинъ или шнурковъ, цвѣтъ, форма, величина и разныя комбинаціи которыхъ также означали извѣстныя понятія. Узловое письмо употреблялось въ древности китайцами, персами и др. и наибольшаго развитія достигло у перуанцевъ. Послѣдніе свивали длинную веревку и привѣшивали къ ней множество нитей, связанныхъ разными узлами и сплетеніями. Эти узлы и сплетенія служили для счета; а если были окрашены въ разные цвѣта, то выражали извѣстныя, болѣе или менѣе отвлеченныя понятія. Напр., черные узлы означали смерть или бѣдствіе, бѣлые—союзъ или миръ. и т. д. У древнихъ германцевъ для передачи мыслей служили палочки съ зарубками. На томъ же принципѣ у африканцевъ, яванцевъ, бирманцевъ, эскимосовъ и др. народовъ основаны «жезлы приказанія» или «жезлы посланниковъ». Раковинное письмо употреблялось гуронами, ирокезами и другими сѣверо-американскими племенами. Такимъ

образомъ, на этой подготовительной ступени историческаго развитія письма стояли почти всѣ до-культурные народы, а нѣкоторые, какъ напримѣръ, перуанцы и мексиканцы, пользуются этимъ способомъ (именно, узловымъ письмомъ) и до настоящаго времени. Исторія же начертательнаго письма представляетъ, главнымъ образомъ, три стадіи своего развитія, именно, идеографическое или картинное письмо, іероглифическое и, наконецъ, фонетическое или буквенное.

Человѣчество перешло отъ предметнаго письма къ начертательному не сразу: между этими двумя способами существовалъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, начиная съ обычая клейменія тѣла и кончая татуировкой. При этомъ нужно замѣтить, что начертательное письмо развилось и достигло своей высшей культуры преимущественно у тѣхъ народовъ, у которыхъ существовалъ обычай татуировки, такъ какъ послѣдняя научала людей выражать мысли и понятія съ помощью рисунковъ. Отвлеченныя понятія обозначались чрезъ изображеніе тѣхъ предметовъ, которые, по закону ассоціаціи, соединялись въ умѣ съ даннымъ понятіемъ. Такъ, напримѣръ, для обозначенія силы рисовали орла или льва, для обозначенія вѣрности—собаку, для обозначенія войны—сѣкиру, стрѣлу или какое-нибудь оружіе и т. д. Такія же отвлеченныя понятія, для которыхъ не было подходящихъ изображеній въ окружающей дѣйствительности, до-культурные люди обозначали при помощи условной символики. Напр., американскіе индѣйцы условились изображать понятіе «жизнь» въ видѣ фантастической рогатой змѣи, «смерть»—въ видѣ животнаго, лежащаго вверхъ ногами и внизъ головой, «успѣхъ»—въ видѣ черепахи, «проворный», «ловкій»—въ видѣ человѣка съ крыльями вмѣсто рукъ и т. д. Дни, мѣсяцы, годы также обозначались условно разными предметами. Идеографическое или картинное письмо, помимо индѣйцевъ, существовало въ Египтѣ, Китаѣ и Австраліи. «Замѣчательно, что народы самыхъ отдаленныхъ странъ и частей свѣта,—говоритъ г. Шницеръ,—о взаимныхъ сношеніяхъ которыхъ не могло быть и рѣчи, совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга выработали у себя одни и тѣ же пріемы, одни и тѣ же способы для картиннаго обозначенія всевозможныхъ понятій». Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ подробно остановиться на развитіи этого способа письма у египтянъ, китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и др., тѣмъ болѣе, что для спеціалистовъ все это извѣстно.

Переходъ отъ картиннаго письма къ гіероглифическому совершился въ Египтѣ, по справедливости считающемуся колыбелью общечеловѣческой цивилизаціи. Этотъ переходъ совершился слѣдующимъ образомъ: прислушиваясь въ теченіе многихъ вѣковъ къ своей рѣчи, египтяне замѣтили, что она состоитъ изъ звуковъ, повторяющихся въ разныхъ словахъ и въ разномъ порядкѣ. «Всѣ эти наблюденія навели египтянъ на мысль замѣнить существовавшее у нихъ образное или картинное письмо такими письменами,—говоритъ авторъ,—въ которыхъ бы каждый слогъ обозначался опредѣленнымъ условнымъ знакомъ. Для этой цѣли они рѣшили воспользоваться тѣми же рисунками, которые они употребляли въ картинномъ письмѣ, но среди нихъ они выбрали только тѣ, которые представляли наиболѣе легкое и наиболѣе простое начертаніе». Такимъ образомъ, рисунокъ изображалъ уже не цѣлое понятіе, а только одинъ слогъ слова; при этомъ обозначались только согласныя буквы слога, а гласныя пропускались, вѣроятно, потому, что всѣ восточные народы первоначально не дѣлали никакого (?) различія между различными гласными, не имѣвшими у нихъ яснаго произношенія. Затѣмъ, вскорѣ египтяне стали обозначать не слогъ, а только одинъ звукъ, и такимъ образомъ постепенно перешли отъ гіероглифизма или силлабизма къ алфавитизму. Одновременно съ развитіемъ іероглифовъ, у египтянъ, ассиро-вавилонянъ и мидянъ шло развитіе клинописи, изобрѣтенной аккадами или сумирами, первобытными племенами Турана и Халдеи, а отъ вавилонянъ было заимствовано персами, армянами и другими народами Передней Азіи. Здѣсь также спачала употреблялась идеографическая клинопись, позже перешедшая въ слоговую систему, достигшую большого развитія у персовъ. Клинопись на первыхъ порахъ состояла изъ разныхъ линейныхъ фигуръ, и только впослѣдствіи изъ клинообразныхъ знаковъ.

Въ заключеніе мы повторяемъ, что эта книга представляетъ по своему содержанію большую цѣнность для этнографіи, особенно въ виду того, что на русскомъ

языкѣ сочиненія по этому вопросу совсѣмъ нѣтъ, и рекомендуемъ се читателямъ, такъ какъ исторія письменъ есть въ тоже время часть исторіи человѣческой культуры. Шиллеръ сказалъ:

Тѣломъ и словомъ письмо облекаетъ безгласныя мысли,
Говорящій листокъ ихъ относитъ вѣкамъ.

Очень жаль только, что далеко не удовлетворительно разработанъ славянскій п, въ частности, русскій отдѣлъ; очевидно, автору остались неизвѣстными лучшія изслѣдованія, появившіяся въ недавнее время.

А. И. Яцимирскій.

Въ Редакцію «Живой Старины» поступили книги:

Сборникъ Историко-Филолог. Общества. Томъ 13—Труды Харьков. Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда. Изданы подъ ред. Проф. Е. К. Редина. Т. II, ч. 1-я и 2-я Х. 1902.

Труды В. Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества. Т. V. М. Н. Хангаловъ: Балаганскій Сборникъ (Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды у сѣв бурятъ), подъ ред. Г. Н. Потанина. Т. 1903.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1903 г., т. VIII-го кн. 4-я Спб 1903.

Мончаловскаго, О. Х. Петръ В. Галицкой Руси. Львовъ. 1903.

Смоленскаго, Ст. В. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разысканіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологіи. Спб. 1904.

Жуковича, П Н. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Вып. 1 Спб. 1903.

Боброва, Е., проф. Борисъ Ивановичъ Ордынскій (біограф. очеркъ). Варшава. 1904.

Соколова, Е. Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губ. о Стенькѣ Разинѣ. Саратовъ.

Брандта, Р. Ѳ Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней Русско-Турецкой войнѣ (Оттискъ изъ «Филолог. Зап.»). Воронежъ. 1903.

Извѣстія Красноярскаго подъотдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Р. Географическаго Общества. Т. I, вып. V (м. прочимъ, напечатаны статьи: П. С. Островскаго: О положеніи женщины у инородцевъ Туруханскаго края. Его же. Мангазейская книга). Кр. 1903.

Родопски напрѣдъкъ. Кн. III. 1903.

Wierzbowski. Teodor. Piesni, tańce, padwany XVII weiku. W. 1903.

Радлова, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. 16-й. Спб. 1903.

Шренка, Л. Объ инородцахъ Амурскаго края. Т. III. Этнографическая часть Вторая половина: черты семейной общественной и внутренней жизни. Спб. 1903.

Вестберга, Ф. Комментарій на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянахъ. Спб. 1903.

Бессарабы, И. В. Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губерніи. Спб. 1903.

Университетскія Извѣстія, № 1 за 1904 г. (между статьями—Лободы, А. М. «Русскія былины о сватовствѣ»). Кіевъ. 1904.

Зеленина, Д. Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губ. Спб. 1904.

— **Пѣсни деревенской молодежи.** (изъ «Памятной Книжки Вятской губ.» 1903 годъ). Вятка. 1903.

— **Свадебные приговоры въ Вятской губ.** В. 1904.

— **Народныя присловья о вятчанахъ.** В. 1904.

— **Этимологическія замѣтки** (къ этимологіи русск. словъ: чередить, душка. коекъ, лыва, комната, сыворотка, шестъ ин. др.). I—V. 1—14 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ «Изв. Отд. р. языка и слов. и Акад. Наукъ», т. VIII (1904), кн. 4-я,

Записки Восточнаго Отд. Имп. р. Археологическаго Общества. Подъ ред. В. Р. Розена. Т. XV, вып. II—III.

Содержаніе: Китаби-Коркудъ. IV. **Бертольда В. Пролегомона къ новому изданію Ибн-Фазланя.** I—X. Бар. В. Розена. Арабъ-Филологъ о монгольскомъ языкѣ. П. Меліоранскаго. Отчетъ о командировкѣ въ Туркестанъ. В. Бартольда.

Сборникъ Музея по антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. IV. Матеріалы по буддійской иконографіи. С. Ф. Ольденбурга. Спб. 1903.

Дурново, П. Діалектологическая карта Калужской губерніи. Спб. 1903.

Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Система указатель трудовъ по языкознанію, литературѣ, этнографіи и исторіи. Спб. 1903.

Барскова. Я. Л. Списковъ трудовъ акад. А. Н. Пыпина. 1853—1903

Polivka, I Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materyały do etnografii słow. Przez. M. Fedorowskiego T. II Kr. 1902. XX—350 стр. Отд. Оттискъ изъ «Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. VIII (1903), кн. 4-я

Будде, Е. Ѳ. О говорахъ Тульской и Орловской губерній. Матеріалы, изслѣдованія и словарь. 1—148 стр. Спб. 1904 Отд. отпискъ изъ Сборн. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. LXXVI.

Врабель, М. Угро-русски народны спѣванки. Спѣванки Марамарошски. Будапештъ 1900. Ц. 2 р.

Улашинъ, Генрихъ. Польскія періодическія изданія по этнографіи. (1900—1901 г.г.) Извлеченіе изъ Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VIII (1903), кн. 4.

Коршъ, Ѳ. Е. Турецкіе элементы въ языкѣ Слова о полку Игоровѣ. I—VIII. 1—58 стр. Спб. 1904. Отд. Оттиск. изъ «Извѣстій Отд. р. яз. и слов. И. Академіи Наукъ», т. VIII (1904), кн. 4-я.

Ивановъ, I. Культъ Перуна у южныхъ славянъ. I—V. 1—35 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ Извѣст. Отд. р. языка и словесности Имп. Ак. Н.», т. VIII (1904), кн. 4-я.

V.

СМѢСЬ.

Различія въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ бѣлоруссовъ и великоруссовъ Смоленской губерніи.

Жители великорусскихъ и бѣлорусскихъ уѣздовъ Смоленской губерніи отличаются отъ своихъ сосѣдей бѣлоруссовъ наружностью, языкомъ, обычаями, вѣрованіями и поэтическими преданіями.

Поэзія бѣлоруссовъ состоитъ изъ обрядовыхъ пѣсенъ, которыя хорошо сохранились и раздѣляются на весеннія, лѣтнія, осеннія и зимнія.

Пѣсни великоруссовъ состоятъ обыкновенно изъ хороводныхъ пѣсенъ, скакухъ и пѣсенъ любовнаго содержанія; изъ обрядовыхъ пѣсенъ сохранились только пѣсни свадебныя.

У бѣлоруссовъ распространенъ тотъ родъ поэзіи, который носитъ названіе духовныхъ стиховъ, и пѣніе этихъ духовныхъ стиховъ сопровождалось у бѣлоруссовъ звуками особаго духового инструмента, который носитъ оригинальное названіе «свинья». Дѣйствительно, этотъ духовой инструментъ, издающій хрипящіе звуки, похожъ и съ виду на свинью, а клапаны его на свиныя ноги. «Взялъ старецъ свинью, говорятъ бѣлоруссы, и—пошелъ»!..

Пѣніе у великоруссовъ и бѣлоруссовъ сопровождается пляской, но пляска эта у тѣхъ и другихъ имѣетъ различный характеръ.

Нѣтъ ничего любопытнѣе для свѣжаго наблюдателя, какъ смотрѣть на пляску бѣлорусскихъ бабъ. Пляшутъ онѣ, сопровождая пляску взмахиваньемъ платочка, подъ игру какого-нибудь скомороха. Пляшутъ бабы топаясь на одномъ мѣстѣ, но интересно наблюдать сосредоточенное выраженіе на ихъ лицахъ, съ оттѣнкомъ озабоченности—точно бабы производятъ молотьбу или какое-нибудь важное хозяйственное дѣло.

Другой характеръ имѣетъ пляска великоруссовъ. У нихъ бабы водятъ хороводы, принимающіе самое разнообразное построеніе. Въ Гжатскомъ уѣздѣ бабы выстраиваются въ кружекъ и водятъ хороводы вокругъ молодца, который стоитъ, почтительно склонившись на одно колѣно, въ кругу молодухъ и дѣвокъ. Особенно разнообразное построеніе хороводовъ замѣчается у великоруссовъ Рославльскаго уѣзда, а именно, около села Рогнѣдина, имѣющаго историческое значеніе. Рогнѣдино считается мѣстопребываніемъ Рогнѣды, жены князя Владимира. Вблизи отъ этого села на одномъ полѣ стоитъ каменный идолъ, который носитъ названіе «пастушка». Около этого пастушка собирается молодежь и пляшетъ тамъ весною и осенью, во время храмовыхъ праздниковъ.

Невольно удивляешься разнообразію рогнѣдинскихъ дѣвичьихъ хороводовъ. Они видоизмѣняются въ связи съ содержаніемъ хороводныхъ пѣсенъ. Иной разъ и пѣсня

принимаетъ названіе отъ хоровода, сопровождающаго пѣсню. Есть пѣсня кочерга, столбики и т. д.

Пляска считается у жителей южной части Рославльскаго уѣзда (конечно, это слѣды старыхъ языческихъ воззрѣній) необходимымъ воздаяніемъ должной чести празднику. Выпилъ мужичекъ и поплясалъ, какъ онъ самъ признается, Николушкѣ, Божьей Матери и т. д.

И въ пѣснѣ поется:

Я Ильюшечкѣ попляшу,
А Петрушечкѣ не хочу,
А Ильющечка и накорміў, и напоіў,
А Петрушечка было съ голоду помаріў.
Ахъ, и дай Боже и два Ильюшки ў году,
А Петрушки хоть и ни воднива.

Жители села Рогнѣдина отличаются большею привязанностью къ своему «пастушку». Проходятъ годы и измѣняются взгляды и сужденія крестьянъ, но у жителей Рогнѣдина осталась неизмѣнная любовь къ своему «пастушку». Они не согласились за деньги продать своего «пастушка» любителямъ древности. А когда тѣ овладѣли имъ и хотѣли взять съ собою, жители Рогнѣдина отняли его силою.

Различны отношенія у великоруссовъ и бѣлоруссовъ къ праздникамъ.

У бѣлоруссовъ особенно торжественно справляется коляда. Принадлежностью коляды являются игрища. Игрища бѣлоруссовъ до-нельзя разнообразны. Вотъ названія игрищъ: лось, медвѣдь, коза, кобыла (изображеніе звѣрей); журавль (изображеніе птицъ); осетръ, лещъ (изображеніе рыбъ); лѣсъ (изображеніе деревьевъ); блины (изображеніе домашнихъ работъ); мельница, кузня (изображеніе разныхъ ремеслъ); панъ, войтъ, докторъ, землемѣръ съ острелябіей (изображеніе разныхъ отношеній). Разныя мистеріи, представленіе со звѣздою и вертепомъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются младенецъ Христосъ, Божья Матерь, Іосифъ, волхвы, Иродъ—всѣ эти мистеріи встрѣчаются гораздо южнѣе Смоленской губерніи, а именно въ г. Брянскѣ. Количество святочныхъ игрищъ слабѣетъ къ сѣверу и къ востоку. Особенное обиліе игрищъ замѣчается въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Смоленской губерніи, какъ, напр., въ Краснинскомъ уѣздѣ. Къ числу особенно любопытныхъ игрищъ Краснинскаго уѣзда относятся Марьюшка и Аннушка Прялья-Самотока. Аннушка Прялья-Самотока является на сцену съ прялкой, снабженной большимъ колесомъ. Здѣсь символически изображается дѣйствіе весенняго солнышка.

Къ числу обычаевъ древнихъ, оставшихся только въ бѣлорусскихъ уѣздахъ, принадлежитъ дѣльба быка. Разныя части быка — не на самомъ дѣлѣ, а въ пѣснѣ — распредѣляются между односельчанами, причемъ тѣ или другія части быка раздаются совершенно случайно, по созвучію риемы:

Маркинымъ почки —
У нихъ гладки дочки.

Встрѣчаются и у южныхъ великоруссовъ древніе святочные обряды, но ихъ не такъ много; напр., въ Орловской губерніи Авсеневыя пѣсни съ обсыпаніемъ овсомъ встрѣчаются въ Кромскомъ и Орловскомъ уѣздахъ Орловской губерніи (деревня Кошелево).

Совершеніе святочныхъ игрищъ сопровождается у бѣлоруссовъ изрядною дикостью: въ большомъ ходу сильные удары кнутомъ, жгутомъ, лопатою по мягкимъ частямъ тѣла, колонье острымъ чѣмъ-нибудь при изображеніи смерти, которая является на сцену съ бурачными глазами и иголкою въ рукахъ: смерть пугаетъ не только своимъ видомъ, но и дѣйствіемъ. Въ большомъ ходу вредныя обливанія холодной водою. Одинъ человѣкъ, изображавшій рыбу леща, былъ привязанъ къ санямъ и облитъ водою, потомъ его вывезли на улицу и покатали тамъ. Послѣ этого несчастный получилъ воспаленіе легкихъ и, просуществовавъ недолго, умеръ. Его не особенно сожалѣли, и онъ и до конца дней своихъ носилъ названіе леща. Родители дѣ-

вушекъ, которымъ достается на игрищахъ, не обижаются, а говорятъ: «буію не хадить! Ты знаишь, што на игрищахъ буваить». На игрищахъ при раздачѣ «подарковъ», т. е. побоевъ, братъ не щадитъ сестру, и вообще наблюдается справедливость.

Въ Сычевскомъ уѣздѣ не встрѣчается игрищъ, а святочные вечера проводятся такъ: молодухи и дѣвки собираются въ свѣтлицу и сидятъ совершенно спокойно, пока одна изъ нихъ, словно по какому-то вдохновенію, пойдетъ плясать по хатѣ, завопивъ пѣсню:

Пляшетца, скачитца;
Пивца, винца хочетца
Авось дадутъ, авось догадаютца.

Другія бабы, сидѣвшія до сихъ поръ спокойно, подымутся плясать по хатѣ, завопивъ каждая свою пѣсню:

Я скакала съ роднымъ братомъ,
А сказали что съ солдатомъ;
Я стояла - обнималась,
А сказали: цѣловалась.

И пойдетъ пляска по хатѣ.

Жительницы Сычевскаго уѣзда, нарядившись въ красивые платки и шали, встрѣчаютъ коляду веселыми пѣснями не въ душной хатѣ, или избѣ, а на морозѣ, хотя бы онъ доходилъ до 25 градусовъ. И пищатъ онѣ тоненькими голосками подъ окнами, начиная съ сумерекъ до поздняго вечера: «А мы, царева, ѣдемъ къ вамъ», другая партія отвѣчаетъ: «А мы, бояре, на встрѣчу къ вамъ». У дѣвушекъ Сычевскаго уѣзда особая манера держать себя: на подобіе горожанокъ изъ уѣздныхъ городовъ онѣ ломаются (по народному выраженію, «кобенятся») и держатъ себя очень кокетливо.

Во время праздника Богоявленія можно видѣть большое собраніе дѣвушекъ-невѣстъ около церковной паперти. Нарядившись въ дорогія шали, рублей отъ 7 и дороже, стоятъ онѣ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, по народному выраженію, какъ «щипки», и привлекаютъ вниманіе жениховъ; молодые парни ими любуются и высматриваютъ изъ среды ихъ себѣ невѣстъ.

Празднованіе масляницы сопровождается разными обрядами преимущественно на сѣверѣ Смоленской губ., въ Бѣльскомъ уѣздѣ. У здѣшнихъ жителей является обрядъ сожженіе масляницы—сожигаютъ масляницу (т. е. смоляную бочку) и говорятъ: масляница сгорѣла. У жителей Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ. во время масляницы такой обычай: по улицѣ ѣздитъ мужикъ съ прялкою, что́ вызываетъ общій смѣхъ. У жителей уѣздовъ Краснинскаго, Порѣчскаго и Смоленскаго послѣ масляницы происходитъ разсѣканіе вѣника на двѣ части. Въ пѣснѣ поется о тещѣ, которой зять Охремъ отсѣкаетъ гузницу, послѣ чего теща измѣнила свое положеніе и стала спать иначе Прежде она спала къ избѣ плечами, а къ стѣнѣ очами, а потомъ стала спать наоборотъ. И въ Смоленской губерніи и въ Калужской (именно въ Жиздринскомъ полѣсьѣ) поется слѣдующая пѣсня, имѣющая отношеніе къ масляницѣ.

Выходила дѣвица,
Выходила красная
Въ щиръ-боръ гулять (2 раза).
Выносила дѣвица,
Выносила красная
Жаръ въ рукавѣ (2 раза).
Зажигала дѣвица,
Зажигала красная
Сыръ у еаснѣ (2 раза).
Да гори, моя сосинька,
Да гори, мая сырая,
Въ щирымъ бару (2 раза).

Въ сириди тебе, сосинка,
Въ сириди тебе, сырая,
Пчолы ярыя (2 раза).
Въ каряни тебе, сосинка,
Въ каряни тебе, сырая,
Гаръ гарнастай (2 раза).
Вверху тебе, сосинка,
Вверху тебе, сырая,
Ясенъ соколъ (2 раза).
Проклинали дѣвицу,
Проклинали красную,
Пчолы ярыя (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвица,
Да када-бъ тебе, красная,
Попъ ни винчаў (2 раза).
Проклинаў жа дѣвицу,
Проклинаў жа красную,
Гаръ гарнастай (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвицу,
Да када-бъ тебе, красную,
Свекоръ пабіў (2 раза).
Проклинау жа дѣвицу,
Проклинау жа красную,
Ясенъ соколъ (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвицу,
Да када-бъ тебе, красную,
Мужъ не любіў (2 раза).

Христовъ день съ особенной торжественностью празднуется въ Смоленской губерніи. Столъ пасхальный отличается изобиліемъ яствъ: пасха, куличи, баранъ изъ масла и проч. На Христовъ день ходятъ волочебники, борятся между собою, состязаются и предлагаютъ другъ другу различныя загадки. Пѣсни волочебныя изображаютъ быть боярина или помѣщика, отличающагося богатствомъ, хозяйственностью, набожностью и миролюбивыми семейными наклонностями. Нарядившись въ кунью шубу, бояринъ непремѣнно въ праздникъ побудетъ въ обѣднѣ. Пѣсня сулитъ хозяину хорошій урожай, тихій благотворный дождикъ, способствующій урожаю, а не гостепріимному хозяину или злодѣю хорошаго хозяина достается трескучее зелье:

А трескучее зелье—злодѣю,
Злодѣю-лиходѣю его.

Подъ трескучимъ зельемъ, вѣроятно, разумѣется градъ. Хозяйка, выносящая вино для угощенія и наполняющая имъ кубки, сравнивается съ благотворной тучей, напояющей нивы. Подъ Великъ день солнце играетъ. По народному повѣрью, если подъ Пасху встать очень рано, то можно видѣть при восходѣ солнца разноцвѣтные столбы, которыми сопровождается игра солнца. Предполагается связь между живыми и умершими. Дѣти и взрослые ходятъ на могилу и катаютъ тамъ яйца: такимъ образомъ христосуются съ умершими родственниками и даже зарываютъ яичко въ могилку. Во время пасхальной службы въ домахъ служатъ молебны за здравіе живыхъ и, вслѣдъ затѣмъ, панихиды за упокой умершихъ родственниковъ. Дѣти бьются на битки, катаютъ яйца, играютъ въ разбѣжки; дѣвочки водятъ хороводы въ селѣ и подлѣ села, на большихъ дорогахъ. Драться на Пасху нельзя; у той деревни, гдѣ произойдетъ драка, по мнѣнію крестьянъ, непремѣнно произойдетъ градобитіе.

Отъ Пасхи до Вознесенья благочестивые мужики и бабы ходятъ за образами и поютъ «куралéсу» Κύριε Ἐλέισον и разные духовные стихи.

Весенній праздникъ Благовѣщенья празднуется съ большою торжественностію, особенно у бѣлоруссовъ. Великій это праздникъ: въ этотъ день и птица гнѣзда

не вьетъ. Въ этотъ день стараются не видѣть веретенъ, полагая, что это поможетъ не видѣть и змѣй. Дѣвки, взобравшись на заваленки подлѣ оконъ, начинаютъ звать весну и слѣдующею торжественною пѣснею какъ бы открываютъ шествіе весны.

Благослови, Боже,
Весну кликаць,
Зиму провожаць,
Лѣта дожидаць.
Вылеци, сивая галочка,
Вынеси золоты ключи,
Замкни холодную зимоньку,
Отомкни цеплое лѣцечко.

Эта пѣсенка встрѣчается и въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губ. Но тамъ открытіе весны сопровождается хороводною игрою «перцы-воротцы»: дѣвушка, изображающая весну, прогоняетъ вѣникомъ изъ хоровода старуху-зиму. Въ весеннихъ пѣсняхъ поется про плодотворный весенній дождь, про восходъ и закатъ весенняго солнышка при ясной погодѣ, про будущій урожай. На Благовѣщенье пекутся особенные пирожки въ Смоленскомъ и Краснинскомъ уѣздахъ исключительно для дѣвушекъ, закликальщицъ весны. Дѣвушки поѣдаютъ эти пирожки на улицѣ, на солнечномъ припекѣ, на высокомъ мѣстѣ, послѣ величанія весны.

Только у бѣлоруссовъ существуетъ правильное распредѣленіе весеннихъ пѣсенъ, причемъ наблюдается два момента: отъ Благовѣщенья до Христова дня и отъ Христова дня до Духова и Троицына дня.

Пѣсни духовскія, купальскія составляютъ особый отдѣлъ.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губ. разные отдѣлы пѣсенъ характеризуются припѣвками. Припѣвокъ «*лéлимъ ю лéлимъ*» поется въ весеннихъ пѣсняхъ, когда окончится весенняя пахота.

Духовскія пѣсни величаютъ весеннюю и лѣтнюю природу; поется въ нихъ про шелковую травку, про кудрявую березку, про рожь и пшеницу, про разные цвѣты. На Духовъ день собираются цѣлебныя травы: буковица, полынь, любистикъ (заря), аеръ, а также листья черемухи и березы. Духовая трава освобождаетъ отъ града и отъ разрушительнаго дѣйствія грозы, если курить ею въ печуркахъ во время грозы. Даже вѣнокъ духовской, который надѣваютъ на голову дѣвушки на Духовъ день, имѣетъ цѣлительную силу, такъ какъ онъ вьется изъ чародѣйныхъ травъ.

Завиваніе вѣнковъ, развиваніе ихъ, бросаніе въ воду, загадываніе о судьбѣ встрѣчается почти во всѣхъ уѣздахъ Смоленской губерніи.

Въ субботу передъ Духовымъ днемъ церкви и дома внутри и снаружи украшаютъ «маемъ»—срубленными молодыми березками, кленомъ и липою; образа, окна и все, что можно, убираютъ цвѣтами, а полы усыпаютъ травою аеромъ (по мѣстному выраженію «яверомъ»). Если «май» дня черезъ три бываетъ свѣжъ, то ожидаютъ мокрыхъ сѣнокосовъ. Въ эту же субботу, называемую духовскою, обыкновенно послѣ бани сѣютъ коноплю; при этомъ наблюдаютъ, чтобы землю забороновать въ самый день посѣва, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже не приниматься ни за какую работу.

Празднованіе р у с а л ь н о й недѣли и с е м и к а находится въ связи съ вѣрованіемъ, что души умершихъ встаютъ весною для наслажденія новою жизнью. Названіе русальной недѣли произошло отъ русалокъ, нагихъ, прекрасныхъ, съ распущенными русыми волосами, обитательницъ водъ. Русалки эти суть души утопленницъ, мертворожденныхъ или же дѣтей, умирающихъ некрещенными. До Духова дня онѣ живутъ въ водахъ; въ этотъ же день онѣ выходятъ изъ своихъ жилищъ, плещутся въ полночь на поверхности воды или качаются въ лѣсахъ на деревьяхъ, или бѣгаютъ по полямъ, заманивая прохожихъ, чтобы потомъ защекотать ихъ до смерти. Опасаясь послѣдняго, простой народъ не станетъ купаться ни въ Духовъ, ни въ Троицынъ день. Между многими другими пѣснями, поющимися въ русальную недѣлю, въ представляемой ниже именно упоминается о русалкахъ:

На кривой березѣ
Русалка сидѣла,
Рубаценки прасила:
Дзѣвки, молодухи,
Стойце,
Рубаценку дайце,
Хуть худу-худеньку,
Да бѣлу-бѣленьку.

(*Продолженіе будетъ*).

В. Н. Добровольскій.

Этнографическія замѣтки по Зарайскому уѣзду, Рязанской губерніи.

1. Свадебный обрядъ. 2. Болѣзни и лѣченіе. 3. О столѣ и хлѣбѣ. [1] 4. Сказки [2].

Сватанье.

«Сперва какой-нибудь изъ родныхъ пойдетъ—болѣ бабы ходятъ—отъ жениха, а по нонѣшнему времени и отъ невѣсты ходятъ, навязываются. Какъ они ужъ велятъ придти, съ женихомъ соберутся, пойдутъ. Тутъ немного ходютъ: женихъ, пойдетъ матъ-отецъ, отецъ кресный, мать кресна, ну тамъ ежели у жениха братья или сестры есть большіе, женатые—а то обидятся, все родные—человѣкъ 10—6 собираютъ. Они придутъ, всѣ посажаются по лавкамъ. Станутъ разговаривать объ приданомъ, объ дарахъ. Ужъ это тамъ столкуются. Потомъ имъ выведутъ имъ (такъ!) невѣсту, они ее посмотрятъ, всѣ повертятъ. Потомъ ихъ выведутъ съ женихомъ двоихъ: у кого чуланчикъ или тамъ горница, или въ сѣни просто запрутся, ужъ тутъ народу не пускаютъ. Потомъ они тамъ посидятъ, придутъ. Потомъ женихова родня—всѣ съ женихомъ выдутъ на дворъ, а невѣстина тутъ въ избѣ останется. Невѣстина родня у невѣсты спроситъ: что во нравъ тебѣ тамъ? А женихова у жиниха выпроситъ (записано такъ!). Ну всѣ опять соберутся въ избу, эта женихова родня. Ну скажутъ: въ добрый часъ. Сейчасъ лампадочку зажгутъ, всѣ присядутъ, Богу помолятся. Богу помолятся, ихъ за столъ посбдятъ. Тутъ не готовятся, у кого что есть; винца тутъ выпьютъ, закусятъ: окурцовъ дадутъ, капусты, мяса, у кого есть. Ну потомъ, когда они тамъ... (слово не разобрано), домъ глядѣть. Ну тутъ у жениха ужъ это приготовятся, стряпаются тамъ. Потомъ они придутъ къ жениху всѣ, въ избу вберутся. Потомъ посидятъ, поговорятъ кое-объ чемъ. Потомъ женихъ уберется, поведетъ ихъ въ ригу, на дворъ, все показываетъ: сколько хлѣба, сколько всего. Потомъ все тамъ посмотрятъ, поглядятъ, придутъ, ужъ ихъ и за столъ посбдятъ. Тутъ ужъ имъ угощенье—то ни обѣду нѣтъ ничего: только поставятъ говядинки, огурчиковъ, капусты нарѣжутъ, пшенникъ да и только. Кто побогатѣе, посля этого чаемъ напоитъ: [3] чай съ баранками, болѣ ничего имъ не очиститея (т. е. не достанется). Поиграютъ, попляшутъ какіе есть помоложе развеселые, а инный тюлепень—наѣдятся, напьются да и пойдутъ.

До свадьбы женихъ бываетъ у невѣсты, съ братомъ или съ сестрой: тутъ много народу не ходитъ. Онъ приноситъ гостинцевъ. Его приготовляются и тоже угощаютъ. Время проводятъ играя въ карты. Приданое отъ невѣсты, а прежде отъ жениха. И

---

[1] Записи со словъ пожилой хорошей, умной неграмотной женщины, Устиньи NN.
[2] Записаны со словъ ея дѣвочки.
Записи сдѣланы около 1892 года. Народное произношеніе, къ сожалѣнію, не передавалось на письмѣ. Лексическая и синтактическая стороны рѣчи не испорчены.
[3] Отсюда начинаются, очевидно, не точная запись словъ говорящей, но переложеніе

подарки отъ невѣсты, а прежде отъ жениха. За дары отдариваютъ деньгами. Даровъ, по народу глядя, рубля на 3—4, 10—12. Богатые приданаго даютъ рублей на 80, да даровъ рублей на 20. Малое приданое отъ 20, 25 30 рублей, самые бѣдные 10. Въ старину болѣ 10 рублей не давали невѣстѣ, полушубокъ дубленый, коты, чулки.

Дѣвишникъ.

Вотъ на дѣвишникѣ приходятъ къ жениху съ елкой: дѣвки, много народу, у кого сколько, и дѣвки и бабы молодыя всѣхъ сбираутъ. Надысь вотъ къ нашимъ пришло 14 человѣкъ. Придутъ въ избу, поставятъ эту елку на столъ. Потомъ ету елку сейчасъ дружокъ окупитъ. Сейчасъ ее раскроютъ [1] платкомъ. Она убрана въ лентахъ вся. Потомъ эту елку долой со стола, ихъ посбдятъ за столъ всѣхъ, имъ поставятъ говядины, пшенникъ, папушникъ. Потомъ это они закусятъ, имъ рюмочки по двѣ винца поднесутъ. Потомъ ужъ имъ чай пойдетъ, чаемъ поить будутъ. Чаемъ напоятъ, потомъ имъ закуска пойдетъ, все тоже: баранки, медъ, пряники, конфеты, яблоки, болѣ имъ ужъ ничего нѣтъ. Поѣдятъ и пойдутъ домой съ игрой, съ пляской. А надысь у нашихъ—какъ мертвые, ни одинъ не поигралъ, хоть бы на смѣхъ голосокъ протянулъ: только жрать пришли! Потомъ отъ жениха станутъ собираться туды. Отъ жениха хлѣбъ-соль пойдетъ, по пирогу на каждый столъ, по большн... ищему, съ кашей—(или) на два стола,—по части говядины по большой, по пшеннику. Ужъ это угощается невѣстина родня жениховой хлѣбомъ-солью. Они ужъ до тѣхъ поръ сидятъ, пока ихъ совѣсть убьетъ, сами уйдутъ изъ-за стола. Тутъ ужъ нельзя сказать: будетъ. Надысь у нашихъ полведра выпили. Вылѣзутъ ужъ они, женихову хлѣбъ-соль со стола уберутъ; какіе тамъ останутся кусочки, это себѣ. Потомъ ужъ женихову родню всю станутъ сажать: они стояли, невѣстина угощалась родня. Потомъ ужъ имъ тутъ прямо пойдетъ обѣдъ: квасъ со стюденью, за квасомъ щи, за щами лапша, за лапшей каша, за кашей другая каша: то черная, а то бѣлая. Потомъ они и вылѣзутъ. Играютъ тутъ пляшутъ, тутъ долго время проводятъ. Потомъ ихъ станутъ сажать угощать—это закуски (Записано такъ!): подадутъ жареное горячее, потомъ тарелку стюдени нарѣжутъ, пшенникъ. Потомъ постановятъ барановъ, меду, ситнаго нарѣжутъ, бѣлаго, пряниковъ, ну канфеточекъ, яблочекъ. Посидятъ-посидятъ, ну и вонъ. Иннный и жретъ! Особливо льяный, а инный боится, опасается. (Разсказчица жалуется на то, что нѣкоторые угощаются безъ совѣсти). Потомъ ужъ, болѣ этого угощенія, ничего не бываетъ. Потомъ иные молодые покуражатся и—домой «за хресты» и домой.

Свадьба.

Брагу варятъ, бабъ собираютъ—родныхъ и чужихъ, помоложе выбираютъ, какія бы поиграли, поплясали--виномъ ихъ поятъ. А потомъ ихъ заставятъ коровай сажать—пирогъ все равно. 2 караваи (записано такъ) сажаютъ. Эти караваи вынутъ изъ печки, обвяжутъ ихъ въ платки и красненькой ниточкой. Потомъ положатъ ихъ на столъ, потомъ около ихъ нальютъ три штова. Штова такіе старинные были съ водой. Потомъ увяжутъ ихъ шолковыми лентами, урядятъ. А потомъ станутъ родные находить съ хлѣбами. Сойдутся всѣ родные съ хлѣбами-то это. Потомъ ихъ посодятъ всѣхъ за столъ, подадутъ имъ пирогъ, часть говядины, бутылку вина. Обнесутъ ихъ тутъ по два стаканчика. Только они закусятъ, потомъ ужъ станутъ обословлять. У насъ съ попомъ басловляютъ. Обословятъ, потомъ посбдятъ всѣхъ на посадъ это у насъ называется. Тутъ имъ угощенье тоже небольшое: по рюмочкѣ поднесутъ. а бабы ихъ обыгрываютъ. Это ужъ чужія тутъ какія смотрятъ свадьбу (обыгрываютъ—пѣсни

[1] Накроютъ.

играютъ, а гости деньги даютъ: кто пяточекъ. кто копейку, у кого сколько силы хватитъ). А потомъ они вылѣзутъ изъ стола, Богу помолятся и пойдутъ. Мать кресна—плакса возьметъ икону и пойдутъ всѣ изъ избы. Ихъ проводятъ изъ избы-то, всѣ выйдутъ поѣзжане эти, которые поѣдутъ въ поѣздъ, а мать съ отцомъ за столъ сядутъ. Потомъ сейчасъ дружокъ и полудруги возьмутъ икону и жениха и кругъ лошадей три раза обойдутъ съ иконой-то. На углахъ говорятъ: святые отцы, обословите насъ. А народъ говоритъ: Богъ васъ обословитъ. Потомъ всѣ насажаются на лошадей и поѣдутъ за невѣстой. Подъѣдутъ ко двору, ворота запираютъ отъ нихъ. Потомъ они стучатся. Имъ оттуда говорятъ: кто тамъ стучится? Потомъ они говорятъ: хозяинъ, пусти ночевать; ѣхали далеко, лошади отстали: намъ дневку нужно сдѣлать, лошадей накормить! Потомъ они оттуда отвѣчаютъ: у насъ не постоялые дворы, у насъ народъ не пускаютъ. Эти тутъ отвѣчаютъ: мы у васъ ночевали, народъ вы знакомый, хорошій. Ну потомъ они отопрутся. Тутъ имъ эти, какіе пріѣхали, по стаканчику винца поднесутъ, и пустятъ ихъ. Потомъ они у кого дворъ большой всѣ...ѣ на дворъ въѣдутъ. Потомъ они остановятся у крыльца всѣ рядышкомъ: тутъ образъ стоитъ и свѣчка. Потомъ имъ бы всходитъ въ сѣни, то выйдетъ какая-нибудь баба, возьмется, шубу выворотитъ. Шубу-то она это выворотитъ, нальютъ ей стаканъ браги, а потомъ эта сваха отъ жениха-то съ виномъ, стаканъ вина у ней. Какая съ виномъ-то говоритъ: э, какая страсть-то идетъ, батюшки! Эта сваха говоритъ: поди, иди поближе.—Э, матушка, я стара, куда ужъ мнѣ идти (разсказчица здѣсь приняла старческую интонацію)! Ты подойди, ты помоложе, сватенька.—Потомъ они подойдутъ къ порогу, чтобы порогъ-то имъ не перейти: одна со двора, другая изъ сѣней. Три раза перемѣняются стаканами; потомъ страшная-то какая выйдетъ, стаканъ вина возьметъ у свахи-то да и выпьетъ; а эта сваха стаканъ браги и выльетъ подъ ноги или тамъ хоть на лошадей, хоть куда попало. Женихова сваха стаканы прикроетъ—стаканъ на стаканъ, себѣ ихъ оба возьметъ. Старается прикрыть женихова своимъ: жениха ужъ первое дѣло. Потомъ весь поѣздъ п о й д у т ъ въ избу къ невѣстѣ. Всѣ...ѣ взойдутъ въ избу, вберутся. Они сидятъ всѣ на посадѣ за столомъ: невѣста тамъ, сваха, отецъ кресный возлѣ ея. Весь столъ усадятъ не для чего, а для вина. Дружокъ окупаетъ столъ деньгами: по угламъ кладутъ семитки, четыре семитки, въ середку бѣленькій. Потомъ этотъ дружокъ обнесетъ ихъ по стаканчику винца. Потомъ эти всѣ изъ стола вылѣзутъ: невѣста и сваха останется. Потомъ эта, женихова сваха-то, возьметъ жениха за руку и полѣзетъ на лавку въ передній уголъ. Потомъ она энтой свахѣ говоритъ: свашенька, милая, подвинься! Она и говоритъ, энта сваха, которая сидитъ: эхъ, свашенька, больно мѣсто хорошо; я тутъ сижу-то давно. Она говоритъ: матушка, а я ѣхала издалеча, озябла. Ну. онѣ сечасъ поздороваются, поцѣлуются то есть. Женихова сваха ей дастъ полбутылки вина да калачъ. Ну она и отодвинется. Тутъ и сидетъ женихъ и сваха женихова. Потомъ ужъ эти всѣ жениховы поѣзжане-то всѣ кругомъ стола посажаются. Отъ невѣсты пойдетъ имъ обѣдъ. Подадутъ имъ щи—тутъ обѣдъ чуть-чуть, слава что обѣдъ—потомъ лапша, потомъ имъ стаканчика по два винца поднесутъ, потомъ каша, и все, и вылѣзутъ. Сейчасъ невѣсту одѣнутъ. Потомъ ихъ мать съ отцомъ обословятъ, вмѣстѣ ужъ съ женихомъ. Потомъ отецъ возьметъ женихову руку и невѣстину, потомъ ужъ это подеревенски онъ вручать будетъ жениху ее. Ну ужъ онъ тутъ причитаетъ. Я впередъ-то не знаю что; называетъ его тамъ хоть Иванъ что ли. Вотъ тебѣ, скажетъ, жену, люби какъ душу, а тряси какъ грушу. Сей ленъ да конопи—спрашивай съ жены рубаху да порки. Потомъ ужъ онѣ уберутся, къ вѣнцу поѣдутъ. Всѣ выйдутъ, посажаются на лошадей, невѣсту посадятъ. Дружокъ возьметъ жениха, и обойдутъ съ иконой кругомъ поѣзда. Потомъ дружокъ и полудружокъ пойдутъ въ избу, двое только. Сейчасъ позовутъ этихъ сватовъ, потомъ они тамъ поканителятся (пьютъ)—въ избѣ-то ихъ бабы и запрутъ. И играютъ тамъ, объ дверь стучатъ:

Вы дружки. повертышки,
Куда хошь, повернись:
Хошь на печку, хошь подъ печку,
Хошь подъ лавочку!

Ну они имъ дадутъ гривенникъ и дружковъ этихъ выпустяхъ. Сядутъ они и поѣдутъ къ вѣнцу. Пріѣдутъ ужъ тамъ живо повѣнчаются: вѣнчаться недолго, а особливо въ деревнѣ, лишь бы попу деньги взять. Пріѣдутъ отъ вѣнца ихъ тутъ встрѣчаютъ у воротъ мать. отецъ. У отца образъ, а у матери хлѣбъ съ солью. Сейчасъ они подпадутъ, и къ образу и къ хлѣбу приложатся, взойдутъ всѣ въ избу. Сейчасъ раздѣнутся всѣ ужъ тутъ поѣзжане и посажаются всѣ за столъ. Потомъ станетъ дружковъ вино носить. Тутъ главное дѣло сперва отцу и матери подносятъ. Выпьютъ они, станутъ невѣсту покрывать. Потомъ сечасъ всѣ изъ стола вонъ. Станутъ молодыхъ однихъ кормить: вѣдь они до вѣнца не ѣдятъ. Выводятъ ихъ въ чуланчикъ какой-нибудь. Съ ними двѣ свахи. Потомъ имъ сейчасъ подадутъ самоваръ. Ну тутъ они чай съ баранками и будутъ пить, съ ситнымъ. Чаю напьются, закусить податутъ: жаренаго, курицу или телятину обжареную, у кого что есть, подадутъ пшенничекъ имъ. Потомъ они тутъ закусятъ, ихъ поведутъ спать положатъ. А ужъ эти поѣзжане и будутъ убираться ряжеными. эти жениховы. Уберутся кто барыней, кто старикомъ, кто солдатомъ. Потомъ кто сидитъ масло мететъ (?), кто прядетъ, кто ткетъ, кто табакъ мелетъ въ горшкѣ. А ужъ тутъ пріѣдутъ вечеровые, привезутъ сундукъ невѣсты, постелю. Вотъ ихъ на дворѣ окупятъ эти жениховы дружокъ, полудружья. Окупать, имъ по больш..ому стакану вина поднесутъ, вынесутъ просто ужъ четвертную, большищими стаканами носятъ. Обнесутъ, сундукъ возьмутъ и постель и пойдутъ всѣ въ избу. Ну вотъ эти сидятъ ряженые за столомъ, играютъ пѣсни. Потомъ поиграютъ—поиграютъ. а потомъ всѣ вылѣзутъ. Ужъ имъ тутъ нѣтъ, ничего не очистится: только для смѣха убираются. Потомъ невѣстину эту всю родню. какая пріѣдетъ, посажаютъ за столъ. Потомъ сейчасъ подадутъ по пирогу на каждий столы, по части говядины, по блюду огурцовъ, у кого есть. по пшеннику. Тутъ имъ и зачнутъ вино носить: пьютъ и ѣдятъ, пьютъ и ѣдятъ. Потомъ вылѣзутъ изъ стола играютъ—играютъ, пляшутъ тутъ, тутъ и гармонь и все. Потомъ молодыхъ разбудютъ караваи носить. Сечасъ посадятъ за столъ всю невѣстину родню и будутъ коровай носить. Всѣхъ ужъ тутъ будутъ носить, и невѣстину родню и женихову: невѣстина родня за столомъ сидитъ, а женихова такъ подходитъ, жениховы не сидятъ. Потомъ обнесутъ всѣмъ коровай - молодые и вылѣзутъ (и уходятъ). Потомъ имъ пойдетъ обѣдъ. этимъ сватамъ: квасъ съ студенью подадутъ, съ яицами, потомъ щи, за щами лапша, потомъ каша, потомъ другая каша бѣлая. Потомъ сваха ужъ эта какая обѣдъ-то отдаетъ — ужъ это гдѣ какая положенія — гдѣ тряпкой грязной накроются. подойдетъ и стоитъ; это значитъ: обѣдъ отдала, а гдѣ руки подожметъ. Ей стаканъ вина поднесутъ изъ-за стола полѣзутъ. Опять пьютъ да играютъ, гармонія тутъ, разные дудки, у кого есть. Поиграютъ—поиграютъ, на вечеринки эти ихъ посодятъ угощать. Подадутъ имъ по части говядины, потомъ ужъ имъ тутъ всего сразу настановятъ: и пшенники, и творожники, и папушники; потомъ ужъ пойдутъ имъ закуски. Настановятъ имъ баранокъ, медку, постакятъ конфеточекъ, прянячковъ, разныхъ орѣшковъ. Ну осеннее дѣло играютъ, тамъ яблоки, тамъ арбузья, ужъ это все настановятъ и проводятъ невѣстину родню всю. Утромъ встанутъ, тутъ у жениха всѣ, какіе тутъ есть родные, завтракъ пойдетъ имъ. Позавтракаютъ они кое-что холодное: говядину тамъ, огурчиковъ, студень, у кого что есть. Потомъ станутъ собирать(ся) за водой итить: молодые пойдутъ за водой. Съ ними ряженые пойдутъ: кто на помелѣ поѣде, кто на лошадѣ верхомъ поѣде, кто медвѣдемъ уберется, поведутъ его. Ну вотъ пойдутъ по деревнѣ: игра, пляска, и молодые тутъ идутъ. Ну сходятъ тамъ къ какому колодцу, хоть просто пройдутъ по деревнѣ и назадъ Назадъ воротятся, придютъ (съ) водой. Воды какіе приносятъ, какіе нѣтъ: проливаютъ, тутъ ужъ не изъ воды ходятъ. а ради игры. Всѣ ряженые разберутся, уберутся какъ слѣдуетъ и станутъ собираться въ новы гости.

Н о в ы г о с т и. Уберутся, пойдутъ туды. Приходятъ туды въ избу, тамъ сидятъ ряженые за столомъ: кто старухой убранъ сидитъ, прядетъ, а старикомъ убранъ — лапти плететъ, ище сидитъ — табакъ мелетъ въ горшкѣ; масло сбиваетъ—такая економка сидитъ убраная, въ чепчикѣ сидитъ, уберется и сбиваетъ въ горшкѣ. Ну потомъ они поиграютъ-поиграютъ за столомъ да и вылѣзутъ. Потомъ ужъ этихъ будутъ

сажать за столъ. Сажаютъ ихъ за столъ, нарѣжутъ имъ мяса, стюдени. пирога; потомъ виномъ станутъ носить. Потомъ имъ станутъ тутъ молодые коровай носить. Подносятъ коровай тутъ роднымъ, имъ деньги кладутъ на коровай. Дружокъ подноситъ коровай, ну тамъ баранки у него или что, а молодые вина подносятъ. Коровай обнесутъ, вылѣзутъ, попляшутъ, поиграютъ. Потомъ ихъ опять станутъ сажать за столъ. Ужъ тутъ имъ обѣдъ пойдетъ. Подадутъ имъ квасъ съ стюденью, за квасомъ по стаканчику винца поднесутъ, потомъ щи, за щами лапша. за лапшей каша гречишка, за кашей пшенная. Потомъ ужъ тутъ опять вылѣзутъ, играютъ, пляшутъ какіе, молодой народъ. Потомъ тутъ долго канителятся. Потомъ ихъ станутъ угощать, сажаютъ опять за столъ. Ужъ тутъ вмѣстѣ все на столъ постановятъ: и стюденю, и говядины, пшенникъ, баранки, пряники, конфеты; ну у кого вонъ осень, то становятъ арбузъ, яблоки. Ну потомъ ихъ тутъ ужъ виномъ носютъ. Потомъ они посидятъ-посидятъ, тутъ ужъ и совѣсть возьметъ: вылѣзать надо, кончается. Вылѣзутъ, потолкутся, поиграютъ и домой поидутъ или поѣдутъ».

Пируютъ три дня: въ новы гости ходятъ въ одинъ день отъ жениха къ невѣстѣ, а въ другой—отъ невѣсты къ жениху. Обрячы тѣ же.

Свадебные обряды у всѣхъ. и бѣдныхъ и богатыхъ одинаковы: «И бѣдные тянутся изъ послѣдняго. Ужъ затѣялъ свадьбу... При дракѣ волосъ не жалѣютъ—такъ и это дѣло».

Отрывокъ изъ свадебныхъ причитаній. У кого отца или матери нѣтъ, кричатъ [1] теперь рѣдко. Мать:

Всѣ сошлись, собралися,
Вся моя пиръ-бесѣдушка,
Одного у тебя, дитятко,
Батюшки-кормильца нѣтъ.
Выйди, дитятко, за воротушки,
Посмотри на всѣ четыре сторонушки:
Не летитъ ли твой батюшко
Сизенькимъ голубчикомъ,
Не басловитъ ли онъ те, дитятко,
На чужу дальню сторонушку,
Къ чужому къ отцу съ матерью.

Невѣста кричитъ:

Кормилецъ—батюшка,
Прилети, обослови меня
На чужую сторонушку...

Кто умѣетъ кричать, онъ много словъ наберетъ, а иный онъ не умѣетъ чево и причитать.

А тутъ мать станетъ обословлять, она кричитъ: обослови меня, матушка, на чужую дальню сторонушку. Мать: не желай, дитятко, ни злата, ни серебра, а проси у нихъ Господняго благословенія. Причитанія рѣдки [2]. Благословляютъ часто съ попомъ и тогда не причитаютъ. Пѣсенъ (такихъ) не знаютъ. Теперь пѣсни пошли новыя, старинныя всѣ бросили.

Болѣзни и лѣченіе У кого болитъ голова—глины къ затылку привяжутъ, рѣдечки ломтями нарѣжутъ, растираются рѣдькой съ виномъ и гасомъ растираются.

Въ кадушку сажаютъ, ванную имъ дѣлаютъ: опара это называется. Сѣнца положатъ въ кадушку, камни. лошадинаго кала кладутъ инные, а инные опару дѣлаютъ—кладутъ муравлянище, съ муравьями и безъ муравьевъ; тутъ ужъ ничего больше не кладутъ. Потомъ кипятку наливаютъ. Больнаго раздѣваютъ совсѣмъ, са-

[1] Т. е., громко плачутъ, голосятъ, вопятъ.
[2] Здѣсь начинается переложеніе рѣчи разсказчицы.

жають на кадушку, окутывають шубами, дерюжками — по-деревенски-то больше дерюжки: тамъ такихъ одѣяловъ нѣтъ,—потомъ сымаютъ, какъ онъ вспотѣетъ, вытрутъ, бѣлье перемѣнятъ и кладутъ на постель. Инному получшѣетъ, а инному... Это отъ простуды лѣчатъ.

А то тоже отъ простуды декохтъ пьютъ съ виномъ, это тоже дѣлаютъ въ деревнѣ. Это декохтъ на винѣ, а кто на водѣ. Въ горшокъ его запопрѣютъ, тѣстомъ замажутъ, тряпочкой обвяжутъ, поставятъ на загнѣткѣ или на печи, а ночь въ печь ставятъ.

Вмѣсто чаю (травы) пьютъ, а то и отъ болѣзни, какія есть. Есть грудная трава, а то Иванъ-да-Марья пьютъ (отъ кашля, отъ простуды. Кому помогаетъ, а кому и не помогаетъ), а то кашка красненькая (тоже отъ простуды, а то и такъ пьютъ). Вотъ череду эту отъ золотухи пьютъ; майская полынь - пьютъ отъ кашля; ягодная трава, на чемъ ягоды растутъ,—пьютъ отъ простуды, отъ кашля; ее замѣсто чаю пьютъ въ деревнѣ-то .. У кого кашель, удушье—вотъ и собираютъ разныя травы, а здоровый станетъ ли набирать!

Это ребятишекъ, говорятъ, сглазили: уголечковъ девять бросятъ, да подъ порогъ выльютъ, а кто подъ крышу, кто какъ знаетъ. Тутъ считаютъ: на Бога уголечекъ пустятъ, а потомъ кто въ семействѣ есть; не хватитъ въ семействѣ, придумаютъ, кто былъ. Вотъ эта Марья или Дарья была, не она ли сглазила, у ней глазъ черный, нехорошъ. Спрыснуть стараются нечаянно а иные такъ маленькаго умоютъ.

А то крикъ у ребятъ отнимаютъ. Моя свекры ходитъ — открикиваетъ. Она подъ курникъ (нашесть) ходитъ, а кто на погребицу ходитъ. А что она тамъ говоритъ, я не знаю. Молитву какую-то говоритъ. Три зари она сходитъ съ нимъ, съ ребеночкомъ съ маленькимъ. Ну, вѣдь, ужъ и съ большими ходитъ, какіе очень кричатъ.

О столѣ и о хлѣбѣ. Послѣ ужина все уберутъ со стола, ничего нѣтъ; столъ прикрываютъ скатертью, полъ подметутъ. Навговариваютъ – инные говорятъ: на что дѣлаешь? — Какъ же, говорятъ, Божья мать ходитъ, къ каждому въ домъ приходитъ! — Утромъ, какъ встаютъ, скатерть снимутъ. (Это дѣлается у немногихъ хорошихъ людей). Инной мужикъ говоритъ: э, богомолка, пришла она къ тебѣ, сиди, дожидайся! Мало ли какихъ людей есть на свѣтѣ! (сказано съ выраженіемъ порицанія относительно такихъ сомнѣвающихся людей). Свекры наша какая она! Сядь (когда будешь ѣсть), да Богу помолись, да крошечки не урони, а то грѣхъ.

На Святой недѣлѣ, когда приходятъ образа, на столѣ стоитъ соль и хлѣбъ. Эту соль берегутъ. Когда кто заболѣетъ, возьметъ хозяйка святой воды, соли, уголечковъ—спрыснетъ. Скотину также обливаютъ ей. Хлѣбъ этотъ сначала скотинѣ раздадутъ, лошадямъ, коровамъ, овечкамъ, а потомъ сами ѣдятъ.

Сказки.

1. Вотъ была падчерица у матери, а у ней трое дѣтей своихъ. И посылаетъ она ихъ скотину стеречь. Падчерицѣ даетъ пудъ льну прясть, а дочери фунтъ. Эта падчерица и говоритъ:—Сестрица, дай я тебя поищу. — Вотъ она и говоритъ: Глазокъ усни, другой усни и третій усни. Вотъ она уснетъ. Дѣвушка эта сядетъ подъ кустокъ и плачетъ. Подходитъ къ ней черная коровушка, спрашиваетъ:—Объ чемъ ты дѣвушка плачешь?—Какъ же мнѣ не плакать? Мнѣ матушка-мать дала пудъ конопели спрясть и соткать.—Эта коровушка скажетъ: Не плачь, дѣвушка, сейчасъ всю скотину приведу. Заставитъ какую на мыкѣ мыкать, какую прясть, какую ткать. Вотъ ей все обдѣлаютъ, она и скажетъ: Сестрица, погонимъ скотину. Эта вскочитъ:— Ахъ батюшки, а я ничего не пряла, не ткала! — Ну тебѣ мать родная, она те не отругаетъ. Вотъ пригонятъ скотину, мать спроситъ: Ты что же не отпряла? — Я проспала, скажетъ. Ну она поругаетъ, поругаетъ, возьметъ да другую посылаетъ четырехъ глазъ. Вотъ дастъ этой фунтъ, а падчерицѣ опять пудъ. Эга опять приго-

нитъ скотину и скажетъ: Сестрица. давай я тебя поищу. Скажетъ: Глазокъ усни, другой усни, третій усни, четвертый усни. Ну она уснетъ, а падчерица подъ кусточекъ сядетъ и плачетъ. Ну коровушка подойдетъ и спроситъ: Что ты, дѣвушка, плачешь?—Какъ же мнѣ не плакать? Мнѣ мать дала пудъ спрясть и сткать. Ну она всю скотину заставитъ, эта коровушка, какую на мыкѣ мыкать, какую ткать, какую прясть. Ну она, эта падчерица, и скажетъ:—Сестрица, погонимъ скотину.—Эта вскочитъ: Ай-ай-ай, а я не пряла, не ткала!—Ну, у тебя мать родная, она не побьетъ.— Ну пригнали скотину—мать и говоритъ: Что такое скотина худа? Пяти глазочковъ и говоритъ:—Дай я погоню, я узнаю съ чего скотина худа.—Мать дала ей фунтъ, а падчерицѣ пудъ. Вотъ она и говоритъ: — Сестрица, дай я тебя поищу. — Ну она четыре раза говоритъ: Глазокъ усни, другой усни, а пятый позабыла. Пятымъ-то она и глядитъ. Эта дѣвочка сѣла подъ кустомъ и плачетъ. Ну вотъ коровушка подходитъ: Что ты, дѣвушка, плачешь?—Какъ же мнѣ не плакать? Вотъ мнѣ матушка дала пудъ прясть, ткать. — Вотъ она кого заставитъ на мыкѣ мыкать, кого ткать. Она: Сестрица, погонимъ скотину. Ахъ батюшки, я ничего не сдѣлала. — Ну тебѣ мать родная, она тебя не заругаетъ. -Пригнали скотину. Мать-то ее: Ахъ ты такая-сякая!.. Ну, говоритъ, съ чего скотина худая? Ну она и говоритъ: Мамаша, она скажетъ: Сестрица, дай я тебя поищу, убаюкаетъ и сядетъ подъ кусточкомъ Она меня убаюкала, а одинъ глазочекъ позабыла,—я видѣла. Она сядетъ подъ кусточекъ и плачетъ. Подходитъ къ нэй черненька коровушка, заставляетъ всю скотину кого прясть, кого ткать: вотъ отчего худа скотина.—Не погонимъ черненьку коровушку съ скотиной. Маша говоритъ: И я не погоню скотину. Ну погнали скотину двѣ дочери, Маша не погнала, оставили черненьку коровушку тута. Точатъ ножи коровушку рѣзать. Падчерица Маша выскочила, ей на шеюшку бросилась: Черненька коровушка, тебя хотятъ рѣзать.—Ну она и говоритъ:—Не плачь, Маша, собери мои кости, всю кровь; посади мои всѣ кости, поливай кровью, — выростетъ у те садъ хорошій. Эта дѣвушка все собрала, посадила, кровью поливаетъ. У ней такой садъ выросъ! Гуляетъ, ходитъ. Ѣдутъ господа: Ахъ садъ-то хорошъ! Подъѣзжаютъ къ ней, спрашиваютъ: Дѣвушка, продай намъ садъ? Она и говоритъ: Нѣтъ, я не продамъ; возьмите меня замужъ за себя.—Ты-то намъ не нужна, а намъ садъ.—Нѣтъ, и садъ не отдамъ.—Ну, говорятъ, поѣдемъ. Взяли ее посадили и поѣхали къ церкви вѣнчаться. Ну, повѣнчались и пріѣхали домой. Они вѣнчаются—и садъ передъ церковью стоитъ; пріѣхали, сѣли въ избу—садъ передъ окнами стоитъ. Они куда, и садъ за ними. Они стали жить-поживать, Маша хозяйкой.

2. Пошли Аленушка, Маша, Анюта, пошли въ лѣсъ за ягодами. Пришли онѣ поздно, постучались къ толкачу. Толкачъ весь въ желудяхъ. Наколупалъ онъ, себѣ щей наварилъ. Заставилъ ихъ: Садитесь дѣвки, со мной обѣдать Ну онѣ сѣли. Анюта, Маша ѣдятъ, а Аленушка что ни почерпнетъ—то подъ столъ. Ну вылѣзли. Это кто, говоритъ, покидалъ у васъ все подъ столъ. Ему и говорятъ на Аленушку. Ну этихъ двухъ отправилъ домой, а Аленушку у себя оставилъ и заставилъ самъ себя качать. Ну баюкаетъ: бай, толкачъ, бай, толкачъ! Онъ: Что ты меня такъ качаешь? Побьетъ ее. Она выйдетъ за ворота, тамъ поплачетъ. Ну ей опять крикнетъ баюкать. Ну опять все: бай, толкачъ, бай, толкачъ! —Не такъ меня баюкай! Она опять выйдетъ за ворота, плачетъ. Ѣдутъ торгаши съ горшками:—Объ чемъ ты, дѣвушка, плачешь?—Какъ же мнѣ не плакать? Меня толкачъ заставилъ качать.— Садись ко мнѣ...

3.

Жилъ жилецъ, на кустикѣ дворецъ,
У него было пять овецъ, шестой козлецъ,
Быкъ полосатъ — Васинъ братъ,
Телушка пеструшка — Матрюшкина сеструшка.
Онъ Ваську женилъ - быка на свадьбу зарѣзалъ,
Матрюшку замужъ отдалъ—телушку въ приданое далъ.

В. Чернышевъ.

Загадки, привѣтствія при встрѣчѣ, шутки и остроты крестьянъ Вологодской губерніи.

1. Кто родился, не крестился, а на себѣ Христа носилъ (крестъ).

2. Яко дубъ, яко тлѣнь, яко платье надѣлъ, яко писаное, переписаное (икона).

3. Что съ ушами и языкомъ, а ничего не слышитъ и не понимаетъ (колоколъ и звонъ).

4. Уши и есть, да ничего не слышатъ (у колокола).

5. Клѣть плетена, она вверхъ ведена во сто угловъ (о сто концовъ) во тысячу рублевъ (церковь).

6. Подъ мостомъ подъ веретистомъ были вороны, да вылетѣли, одинъ коркунъ и тотъ спорхнулъ (церковь, прихожане, попъ).

7. За уши повѣсятъ, за языкъ подергаютъ — станетъ говорить (колоколъ).

8. Не говоритъ, а все зоветъ (колоколъ).

9. Взойду я на горь-горь-горь, ударю я въ бомъ-бомъ-бомъ, утѣшу царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельи, младенца въ зыбкѣ, красну дѣвицу въ высокомъ терему. Или же: Влезу я на гой, гой, гой, ударю я въ бирюль, люль, люль, утѣшу я царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельѣ, младенца въ зыбкѣ, старую старушку на войлочкѣ (колокольный звонъ).

10. Ты еси великъ, ты еси Филиппъ, ты еси Петровъ, ты еси Господь (четыре поста: великій, Филипповъ, Петровъ и Успеньевъ).

11. Вчера было, сегодня есть и завтра будетъ (время).

12. Нашелъ я 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по четыре яйца, а въ каждомъ яйцѣ по семи циплятъ (годъ).

13. Въ книгѣ шесть листовъ простыхъ, седьмой залотой (недѣля).

14. Ледъ трещитъ, вода плещется, молодая царица умывается (весна, озимь).

15. Лежитъ дерево безпрутое, на него летитъ птица безкрылая, приходитъ дѣвица безротая и съѣдаетъ птицу безкрылую (земля, снѣгъ, солнце).

16. Чего на свѣтѣ нѣтъ (всего) жирнѣе (земли).

17. Мужикъ купилъ козу за три рубля. Почемъ коза пришла (по землѣ).

18. Лѣтомъ грѣетъ, зимой холодитъ (солнце).

19. Что выше лѣсу, краше свѣта (солнце).

20. Что всегда ходитъ, а съ мѣста не сходитъ (солнце).

21. Чего въ сундукѣ не запрешь (солнце).

22. На полѣ итальянскомъ много скота бѣлянскаго, одинъ пастушокъ, какъ налитая ягодка (небо, звѣзды и мѣсяцъ).

23. Разсыпался горохъ на семьдесятъ дорогъ, никому не собрать: ни попамъ, ни дьячкамъ, ни серебреничкамъ. Или: Разсыпался корабль по мхамъ, по морямъ, по всѣмъ городамъ; ни собрать этого корабля ни князьямъ, ни попамъ, ни думнымъ дьякамъ, ни серебреничкамъ. Или: Разсыпался туманъ, что не собрать ни дьячкамъ, ни пономорямъ (звѣзды)

24. Плотъ плыветъ, попъ поетъ, ладонъ пышетъ, свѣчи горятъ (туча, громъ, молнія).

25. Ржетъ жеребецъ на перегородѣ, слышно его (голосъ) въ Новѣ-городѣ (громъ).

26. Чего на свѣтѣ нѣтъ буйнѣе (вѣтра и воды).

27. Не стукнетъ, не брякнетъ, а ко всякому подойдетъ (ночь).

28. Что царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а мы завсегда (ровню, т. е. подобнаго себѣ).

29. Чего у Бога нѣтъ, а у насъ есть (грѣхи).

30. Чего нѣтъ легче на свѣтѣ (смѣяться надъ другими).

31. Безъ чего человѣку нельзя жить (безъ имени).

32. Богъ на помочь, дѣвица жать пшеницу съ чужимъ мужикомъ!—Что онъ мнѣ за чужой! Его-то матушка моей-то матушкѣ свекровь (отецъ).

33. Одного отца матери дитя, а ни которому не сынъ (дочь).

34. За стѣной, стѣной таракашекъ костяной (младенецъ въ утробѣ матери).

35. Загорѣлся соборъ—никому не утушить. Шла баба пѣшкомъ, тряхнула мѣшкомъ и соборъ утушила (младенецъ плачетъ, приходитъ мать и даетъ ему грудь).

36. Два братца черезъ дорожку стоятъ, а никогда не видятся (глаза).

37. Есть у меня возжечки: кругъ (вокругъ) поля станутъ, кругъ головы не станутъ (глаза).

38. Стоитъ хата, кругомъ мохната, одно окно и то мокро (глазъ).

39. Полно подполье гусей-лебедей. Или: Полонъ подпечекъ бѣлыхъ лебедей (зубы).

40. Доска лежитъ на болотѣ, не сохнетъ, не гніетъ и ржавчина ее не беретъ (языкъ).

41. Деревяшка везетъ, сѣчка сѣчетъ, самъ Романъ поворачиваетъ. Сѣчки сѣкутъ, деревяшки везутъ, самъ Мартынъ поварачиваетъ (зубы, ложка, языкъ).

42. Чтó у барина въ карманѣ, у насъ подъ пятой. Что мужикъ бросаетъ, а баринъ подбираетъ (сопли).

43. Не живая, а подымается (опара).

44. Чтó въ избѣ за бѣлая Марья (соль).

45. Изъ воды родится, а воды боится (соль).

46. Сунь да ударь, да по плѣши ударь (блины).

47. Катилися каточки по липовымъ мосточкамъ, увидали зорю, бросились въ воду (горохъ варятъ).

48. Покойникъ, покойникъ, умеръ во вторникъ, пришелъ попъ кадить, а онъ въ окошко глядитъ (хлѣбное зерно).

49. Сидитъ баба на грядкахъ вся въ заплаткахъ, кто ни взглянетъ—всякъ заплачетъ (лукъ).

50. Маленькая крошка сквозь землю прошла, красну шапочку нашла (макъ).

51. Красна дѣвица въ темницѣ, а коса на улицѣ (морковь).

52. Стоитъ попъ не высокъ, не низокъ, на немъ сто ризокъ (качанъ капусты).

53. Безъ оконъ, безъ дверей полна храмина людей (огурецъ).

54. Стоитъ домъ, безъ оконъ безъ дверей, а полонъ людей (стручекъ).

55. Весной ростетъ, лѣтомъ вьется, осенью цвѣтетъ, зимой въ дѣло идетъ (хмѣль).

56. Безъ рукъ, безъ ногъ на батогъ ползетъ (хмѣль).

57. Зимой съ сѣдой бородой, лѣтомъ новая вырастаетъ, осенью отпадаетъ (чернолѣсье).

58. Чтó лѣтомъ и зимой въ рубашкѣ одной (ель).

59. Съ лѣсомъ ровно, а не видно его (сердцевина дерева).

60. Влезу на горушку, обдеру телушку, кожу кину, мясцо кину, одно сальцо возьму (сосновый сокъ).

61. Косо-лукаво, куда побѣжало? зелено-кудряво тебя стерегчи (околица и поле).

62. Подъ мостомъ, подъ ярустомъ лежитъ кафтанъ однорядошной (озимь подъ снѣгомъ).

63. Баба-яга желѣзная нога, весь міръ кормитъ, сама голодна (соха).

64. О кокорюки за кокорюки, о два зада, о шесть ногъ, одинъ хвостъ (соха, лошадь и человѣкъ).

65. Поля обойдетъ и въ житницу уйдетъ (серпъ).

66. Сутулъ-горбатъ все поле перешелъ, всѣ загоны перечелъ (серпъ).

67. Шелъ я мимо Попова, видѣлъ диво такое: головы пробиты, брюха распороты (снопы).

68. Скрыпитъ скрыпица, везутъ красную дѣвицу. —Романъ Романовичъ, пусти ночку ночевать, коли хорошая погодка, а худая такъ недѣльку прогощу (везутъ снопы на овинъ для просушки).

69. Батюшка—шатеръ, матушка—ладья, сынки—хватки, дѣвушки—полизушки (овинъ, гумно, цѣпы и метлы).

70. Летятъ гуськи—дубовые носки, говорятъ: та-та-ты! та-та-ты! (молотьба).

71. Летятъ гуськи - дубовые носки, шейки кожаныя (цѣпы).

72. Чего въ Питерѣ нѣтъ (овина).

73. Идетъ свинья изъ овина о два рыла (ночьви).

74. Стучитъ, гремитъ на улицѣ весь вѣкъ, а не человѣкъ (мельница).

75. Голова трясется, губы дрожатъ, зубы вертятся, а изъ горла бѣлый паръ валитъ (мельница).

76. На горѣ-горищѣ стоитъ бѣленище, въ этомъ бѣленищѣ деготь и леготь и смерть недалеко (вѣтряная мельница).

77. Летѣли колбики черезъ нашу горенку, говорили колбики: у нашей матушки каменное сердечушко (крошки, ступа, пестъ).

78. Утка (щука) въ морѣ, хвостъ на волѣ (ковшъ).

79. Ходитъ баранъ по подполью, бьетъ онъ рогамъ по уголью (мутовка).

80. Сколько ни мучь, ни кипяти, а бѣлый не сдѣлаюсь (котелокъ).

81. Былъ я копанъ, былъ я топтанъ, былъ я на пожарѣ, былъ на кружалѣ, сто головъ кормилъ сдѣлался старъ—пеленаться сталъ; выбросили за окно и собакамъ не надобно (горшокъ).

82. Царица - клюковица по полю скакала, красно золото зобыла. Пришелъ царь Косьмачъ и говоритъ: Богъ помочь, царица—клюковица, красно золото зобать! Она говоритъ: молчи, царь Косьмачъ, и тебѣ то же будетъ (кочерга и помело).

83. Лапочекъ пучекъ; утромъ въ огонькѣ, ночью въ уголкѣ (помело).

84. Что въ углу за медвѣжья лапа (помело).

85. Скрученъ, связанъ по избѣ скачетъ (вѣникъ).

86. По полу гудокъ и по лавкѣ гудокъ, тотъ же гудокъ и сѣлъ въ уголокъ (вѣникъ).

87. Маленькій Ерофейко подпоясанъ коротенько (вѣникъ).

88. Черная цыганка изъ печи въ печь (сковорода).

89. Черный котъ Феклу третъ: Фекла дуритъ—попрабавить велитъ (сковорода и сковородникъ).

90. Два бѣльца везутъ чернеца (чело у печки).

91. Мать толста, дочь красна, сынъ воробей (сынъ синь), въ небеса (подъ небеса) ушелъ (печь, огонь, дымъ).

92. На улицѣ столбомъ, въ избѣ скатертью (дымъ).

93. Полонъ сусѣчекъ, красныхъ яичекъ (уголья въ печи).

94. День корпитъ и ночь корпитъ, одно утро спитъ (заслонка).

95. День и ночь торчитъ, одно утро спитъ (заслонка).

96. Сидитъ баба на печи въ бѣлой епанчѣ (труба).

97. Сорокъ полъ—одинъ подолъ (крыша).

98. Сама въ избѣ, рукава на дворѣ (матица).

99. Сорокъ братцевъ на одной подушкѣ спятъ (потолокъ на матицѣ).

100. Два быка бодутся въ одно мѣсто не сойдутся (полъ и потолокъ).

101. На улицѣ краюшки, въ избѣ ломотки (стѣны избы).

102. Что въ избѣ за тончикъ (воронецъ).

103. Два ворона летятъ, одну голову ѣдятъ (два воронца).

104. На улицѣ киски, (т. е. кисточки) въ избѣ поясы (мохъ между бревнами).

105. Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ, седьмой пѣсенки поетъ (дверь).

106. Поле хрустальное, межи деревянныя (рама).

107. Дерну-подерну по Герасимову горлу, по бѣлому суконцу, по бархатцу (подъемная рама).

108. Что́ въ избѣ за филаты (полати).

109. Что́ въ избѣ за медвѣжій глазъ (сучекъ).

110. Что́ въ избѣ самоціется (щель въ бревнѣ).

111. Кланяется, кланяется (въ лѣсу кланяется), домой придетъ—растянется (топоръ).

112. Не ѣстъ, не лаетъ, а въ домъ не пускаетъ (замокъ).

113 Не трогаешь – такъ не говоритъ, затрогаешь—заговоритъ (замокъ).

114. Стоитъ Тимошка на одной ножкѣ, крошитъ крошенинку ни себѣ, ни людямъ (свѣтецъ).

115. Красненькій котикъ по шестику ходитъ, коточигъ (т. е. кривое шило) сзади носитъ (горящая лучина въ свѣтцѣ).

116. Красненькій пѣтушекъ по жердочкѣ бѣжитъ (огонь).

117. Сама нага, а рубашка за пазухой (свѣча).

118. Сама бѣла, а дитятко красенъ (свѣча и огонь).

119. Четыре братца подъ одной шляпкой стоятъ (столъ).

120. Виситъ, болтается, всякъ не нему притыкается (рукомойникъ).

121. Встану я рано, пойду я къ Роману, къ толстой головѣ, къ широкой бородѣ (рукомойникъ).

122. Что всегда ходитъ, а съ мѣста не сходитъ (часы).

123. Стучитъ вертится никого не боится, ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ (часы).

124. Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молится (зыбка, люлька).

125. Весь лѣсъ ровенъ, только двѣ ели повыше (ведро).

126. У нашей туши выросли уши, а головы-то и нѣтъ (ведро, ушатъ).

127. Самъ худъ, а голова съ пудъ (безмѣнъ).

128. Чѣмъ болѣе верчусь, тѣмъ болѣе толстѣю (веретено).

129. Сто кряжевъ, а не будетъ (или нечѣмъ) печь истопить (береза).

130. Парень молодой, праздникъ годовой—ходитъ, вздыхаетъ, глубоко пихаетъ (сапоги).

131. Два конца, два кольца, въ серединѣ гвоздь (ножницы).

132 Шла свинья изъ Питера, вся кругомъ истыкана (наперстокъ).

133. На одной ямѣ—сто ямъ съ ямой (наперстокъ).

134. Черненько, маленько по городу скачетъ, всѣхъ людей краситъ (игла).

135. Желѣзная кошка, портяной хвостъ (игла съ ниткой).

136. Маленькій Ерофейчикъ въ петелькѣ задавился (пуговица).

137. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колья съ вѣсомъ (серги въ ушахъ).

138. Въ одной бочкѣ два винца: бѣлое да красное, болтаются не смѣшиваются (яйцо).

139. Чего на спичку не повѣсишь (яйца).

140. У моей-то у матушки семьдесятъ рубашечекъ, а выйдетъ на улочку и задъ голый (курица).

141. Дважды рожденъ, ни разу не крещенъ, въ Евангеліѣ помѣщенъ (пѣтухъ).

142. Не княжеской породы, а ходитъ съ кореной; не ратный ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ рано будитъ (пѣтухъ).

143. Что́ перёже (раньше) Богъ сотворилъ курицу или яйцо (курицу).

144. Рукъ нѣтъ, а строить умѣетъ (птица).

145. Безъ рукъ, безъ топоренка построена избенка (гнѣздо).

146. Маленько, тепленько, а мѣста много (гнѣздо).

147. Панъ пановичъ упалъ въ колодецъ и воды не помутилъ (перо).

148. Чего черезъ перекладъ (или: избу) не перекинешь (пера).

149. Изъ живого и мертваго вынуть, голову ему сымуть, сердце вынуть, дадутъ пить, станетъ говорить (гусиное перо).

150. Чего и въ Питерѣ никогда не найти (птичьяго молока).

151. Сивую буренушку и дома не любятъ, и на торгу не купятъ (мышь).

152. Мала и не кому не мила (мышь).

153. У насъ на лыжахъ въ подпольи лежитъ (мышь).

154. Подъ поломъ, поломъ ходитъ (или: сидитъ) барыня съ коломъ (мышь).

155. Корова пестрая, титьки вострыя, сукъ на боку, хороша къ молоку (пчела).

156. Что надъ нами вверхъ ногами (муха).

157. Летитъ птица орелъ, садится на престолъ, говоритъ со Христомъ: батюшко Христосъ, дай мнѣ волю надъ царемъ и надъ царицей и надъ красною дѣвицей (муха). Въ Несвойкомъ загадывается такъ: Летѣла птица орелъ, садилась на престолъ, говорила со Христомъ: далъ ты мнѣ волю надъ царемъ и королемъ, не далъ воли въ рыбѣ въ морѣ.

158. Милый мой спитъ со мной, въ траурѣ ходитъ—не знаетъ по комъ (блоха).

159. Въ полѣ въ раменьѣ кипитъ безъ воды и безъ огня (муравейникъ).

160. Черенъ да не воронъ, рогатъ, да не быкъ, о шесть ногъ безъ копытъ (жукъ).

161. Летитъ, урчитъ, по-бычачьи мычитъ, по-медвѣжьи рычитъ, на землю падетъ—землю деретъ (жукъ).

162. Какова дитя мать не воспитаетъ (рыба).

163. Ногъ нѣтъ, а ходитъ, крылья есть, а летать не можетъ (рыба).

164. По землѣ ползетъ, а къ себѣ не подпускаетъ (змѣя).

165. Съ голову велико, а съ перо легко (пузырь).

166. Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестунъ (корова: ноги, рога, хвостъ).

167. Четыре дѣвицы въ одну кринку плюютъ (или: ссутъ) (вымя).

168. Въ полѣ, въ ровѣ, двѣнадцать сосенъ; въ Рыковѣ четыре, во Ржевѣ двѣ (сосцы у свиньи, коровы, кобылы).

169. На дворѣ калачемъ, а въ избѣ пирогомъ (собака).

170. Четыре четырки, двѣ растопырки, одинъ вертунъ, да два яхонта (кошка).

171. Двѣ головы, шесть ногъ, одинъ хвостъ (верховой).

172. Лѣзу, лѣзу по желѣзу, на мясную гору, на деревянную бесѣду (стремя, лошадь, сѣдло).

173. Двѣ Палашки бѣгутъ въ лески, загнувши носки (полозья у саней).

174. Встану—такъ выше коня, лягу—такъ ниже кота (дуга).

175. Два брата по одной дорожкѣ бѣгутъ, а вмѣстѣ не сойдутся (колеса).

176. Бѣжитъ леска подлѣ лески закорюча ножки (лыжи).

177. Въ лѣсъ-то идетъ, клѣтки кладетъ, изъ лѣсу идетъ—перекладываетъ (слѣды).

178. Лежитъ брусъ во всю Русь; еслибы руки да ноги, то бы всталъ, да и до неба досталъ: а если бы ротъ да глаза, то все разсказалъ. Или: Кабы всталъ молодецъ—я бы до неба досталъ; кабы руки да ноги, я бы вора связалъ; кабы ротъ да глаза—я бы все разсказалъ (дорога).

179. Чего къ стѣнѣ не прилѣпишь (дороги).

180. Шуба новая, а на подолѣ дыра (прорубь).

181. Ѣду, ѣду—слѣду нѣту, рѣжу, рѣжу—крови нѣту (ѣзда на лодкѣ).

182. Что растетъ вверхъ ногамъ (ледяная сосулька).

183. Самъ Самсонъ мостъ смостилъ безъ топора, безъ клинья и безъ тесанья (морозъ).

184. Чего въ рѣшетѣ не унесешь (воды).

185. Чего кругомъ избы не обнесешь (воды въ рѣшетѣ).

186. Гдѣ вода продается очень дорого (въ трактирѣ).

187. Идетъ въ баню черенъ, а выходитъ красенъ (ракъ).
188. Черненько, горяченько, а всѣ любятъ (чай).
189. Кто безъ ногъ ходитъ (деньга).
190. Кругло-мало—всякому мило (деньги).
191. Плелъ мужикъ зобенки (т. е. корзины) девять денъ, каждую зобенку по три дня, продавалъ мужикъ зобенки по три на деньгу. Велика ли добыча была (одна деньга).
192. Сорока летитъ, собака на хвостѣ сидитъ (на своемъ).
193. Безъ рукъ, безъ ногъ, а вездѣ бываю (письмо).
194. Все на ней ѣздитъ: и радость и горе (почта).
195. Летитъ орелъ-птица, несетъ во рту огонь, по концѣ живота—человѣчья смерть (ружье).
196. Безъ языка, а сказывается (болѣзнь).
197. Умылся не такъ, нарядился на такъ, поѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ и не выѣхать никакъ (покойникъ).
198. Дѣлаетъ мастеръ вещь не про себя, кто покупаетъ, тотъ не желаетъ, а кто желаетъ, тотъ не знаетъ (гробъ). Столяръ дѣлаетъ не для себя, кто знаетъ, тому не нужно, а кому нужно, тотъ не знаетъ.
199. Тянутъ раскоряку на пердачій дворъ (надѣваніе штановъ).
200. Летѣли гуси надъ лѣсомъ и надо имъ сѣсть отдохнуть. Если они сядутъ по два на дерево—дерево останется, а по одному - гусь останется. Много ли деревъ и гусей (2 дерева и 3 гуся).
201. Летѣло стадо гусей, увидалъ ихъ мужикъ и говоритъ: васъ поди сто? Они отвѣчаютъ ему: кабы насъ столько, да еще бы столько, да полстолько, да четверть столька, да ты бы съ намъ—было бы сто. Много ли гусей (36+36+18+9+1)? 36 гусей.
202. Хоть и летаю, да по не волѣ (дѣти пускаютъ змѣй).
203. Прилетѣла тѣнь на Петровъ день, сѣла тѣнь на пень, стала тѣнь плакать, волосы вянутъ, дубровка шумитъ (косьба).
204. Шелъ я по тухъ-тахъ-ту, встрѣтилъ я бѣлахъ-тахъ-ту, кабы не малахъ-тахъ-то, я бы съ нимъ по барахъ-тохъ-та (шелъ медвѣдь за коровой [по тухъ-тохъ-ту], встрѣтилъ охотника [бѣлахъ-тахъ-ту], и еслибы у охотника не было ружья [малахъ-тахъ-то], то онъ съ нимъ поборолся (по барахъ-тахъ-та).

Народныя привѣтствія при встрѣчѣ.

Съ работающимъ: Богъ на помочь! Богъ помочь! Помогай Богъ!
Съ прохожимъ: Богъ по пути! Путемъ—дорогою!
Съ рыболовомъ: Ловъ на рыбу!
При входѣ въ лавку: Богъ за товаромъ!
Съ чаепійцами: Чай да сахаръ!
Съ обѣдающимъ: Хлѣбъ да соль! Хлѣба кушать, отвѣчаютъ.
Когда квашню мѣсятъ: Спорынья въ квашню!
Когда коровъ доятъ: Море подъ коровой!
Съ играющими въ карты (трилистика): Игра на карты!

Шутки и остроты.

Вчера за устьемъ горѣло (говорятъ, что горѣло въ печи за устьемъ, а нѣкоторые думаютъ—горѣло за Устьемъ: Устье—богатое село въ Кадниковскомъ уѣздѣ, близъ Кубенскаго озера).

Огурецъ соленой три пуда вывѣсилъ (огурецъ съ Оленой. Олена—женское имя).

Эта изловилъ мужикъ ерша!.. такъ вѣдь онъ сухой, около полупуда вытянулъ (сухой, т. е. съ ухой).

Тебѣ безъ узла ничего не сдѣлать (у младенца завязываютъ пупъ, слѣдовательно есть узелъ).

Тебѣ иголки безъ нитки изъ комнаты не вынести (то же самое).

Ложки безъ клина не разшибти (на одеждѣ клинья есть).

Сутками до Питера не дойти (съ утками—сутками).

На то мѣсто не сѣсти, на которое я саду (еще бы я сяду, слѣдовательно мѣсто занято).

Я 25 пудовъ ржи унесу на плечѣ до города (напишу на бумагѣ «25 пудовъ ржи» и унесу).

Дамъ я тебѣ камень съ голову, а тебѣ имъ стекла не разбить (можно дать камень съ комариную голову).

Я дамъ тебѣ ножницы, такъ ими тебѣ не разрѣзать платка на полу (я нарисую ножницы и дамъ—разрѣжь ими платокъ).

Сколько у тебя вши-то (вшито, т. е. пришито).

Сказки *.

(Два брата.—Мужъ и жена.—Одна копеечка.—Три слѣпца и работникъ. Быль).

Два брата.

Жили, были на свѣтѣ два брата, сиротки. Отецъ съ матерью не успѣли поднять ихъ и оставили малёхонькихъ: одного по шестому, другого по сёмому годочку. Зимой какъ-никакъ сиротки пробивались, а наступило лѣто, нанялись оба въ подпаски. Жить было имъ нѣчѣмъ — родни никакой, вотъ и стали оны мыкать горе по чужимъ людямъ, по подпаскамъ и пастухамъ. Долго ли, коротко ли такъ оны жили, только какъ подросли до жениховъ, меньшой и говоритъ старшому:—братецъ миленькой, полно намъ по пастухамъ ходить, совѣсно, пора учитце кресьянсву, нады намъ хоть въ работники итить.

— Нѣтъ, Ваня, отвѣчаетъ старшой братъ, ты какъ хошь, а я въ работники не пойду, а пойду въ монастырь, попрошусь въ привратники, али въ сторожа и буду Бога замаливать.

Такъ и порѣшили: одинъ итить въ монастырь, а другой въ работники. Пошили сумочки, взяли хлѣба и пошли дорогой. Дошли до кресцовъ, сѣли на камышокъ, поѣли, поговорили, поплакали.—Гдѣ же мы съ тобой срѣнемся, когда сдумамъ повидать другъ дружку?—спрашиваетъ меньшой братъ.

— А вотъ што, Ваня, какъ стоснешься по мнѣ, приходи въ монастырь въ Тифину—далѣ этова монастыря я не пойду; а мнѣ тибя искать не рука: ты будешь жить по чужимъ людямъ, годъ въ одной деревни, на другой въ другой, уйдешь, можетъ, и въ другую волость. Такъ гдѣ же мнѣ тибя искать-то будетъ.

Посидѣли, помолились, распростились горькіимъ слезамъ и пошли: одинъ по большой дороги въ монастырь, а другой по повертки.

Приходитъ меньшой братъ въ одну деревню и остановилсе на ночлегъ въ избенки, коя съ краю и похуже. А въ избы той жила вдова молодая и у ей семеро дѣтей, все малъ-мала-меньше.

— Ты паренекъ, не по казакамъ ли ходишь?—спрашиваетъ вдова.

— Да, тетинька.

— Такъ наймись ко мнѣ.

— Да гдѣ же у тебя мужикъ-то?

— Я, родимой, вдовица, а робятъ у меня семеро, малъ-мала-меньше. Сдѣлай милость, наймись, кормилецъ!

— Нѣтъ, тетинька, я по пастухамъ жилъ, кресьянской работы не знаю, сохи и бороны справить не умѣю, а мужика-то у тибя нѣту.

А у ей заведенье настояще,— пара лошадей и корова.

— Ничево, говоритъ вдова, я, какъ нады пахать, принайму старичка, ёнъ соху, справитъ и борону свяжетъ; а ты, паринекъ, порадѣй на сиротокъ.

Малецъ согласилсе. Прошелъ годъ. Работникъ хотѣлъ уходить, но вдова уговорила его остатце:—все равно, живи-ты у миня, чѣмъ по работникамъ-то ходить.

---

* Сказки записаны со словъ крестьянки деревни Погорѣлки, Минецкой волости, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губ., - Евдокіи Руфовой.

Такъ и прожилъ у ей работникъ ни много-ни мало, а 16 лѣтъ. Дожилъ до того, што дѣтки ея подросли и парня (сына) пора женить. Товда вмѣстяхъ со вдовой поженили оны ейнова старшева сына. Послѣ сварьбы казакъ и говоритъ вдовы:— есь топерь у тибя работники. Отпусти миня — ноетъ мое серце, хочетъ повидатце съ братомъ!

И стали тутъ передъ имъ на колѣнки вдова съ сыномъ.—Подналъ ты насъ вмѣстѣ съ матерью, говоритъ сынъ, былъ намъ замѣсто отца роднова и на сварьбу насъ благословилъ. Останьсе, поживи еще годокъ: научи насъ съ молодой женой уму-разуму. Хорошо—молодуха у насъ ладно будетъ жить, а какъ задурачитъ? Што мы товда будемъ дѣлать съ ей? Тибя же она постыдице и за годъ остепенице — мы товда тибя и проводимъ.

Пожалѣлъ Иванъ, осталсе.

Черезъ годъ упять попросилъ ёнъ у вдовицы расчета за 17 лѣтъ. Та вынесла изъ подклѣтья вси деньги, какія были и высыпала передъ имъ на столъ.—Чѣмъ я расплачиваться буду за твою службу? заговорила старуха. Вотъ возьми сибѣ вси деньги, какіи есь, а чёво не хватаетъ, то уплотимъ, ковда воротишьсе, повидавше брата.

— Взять эти деньги, думаетъ Иванъ, обижу ихъ—вишь, у ихъ ничево не осталось,—и взялъ всего-на-всего одинъ рубь и одёжду не то што новую и не то што старую. Вдова и дѣти проводили его за пять верстъ, а какъ раставатце, стали передъ имъ на колѣнки и слезно просили его:—пойди, спровѣдай своева старшова брата, говоритъ вдова, а потомъ воротись хъ намъ и живи у насъ до самой смередушки. А какъ упокоитъ тибя Господь, твои косточки скоронятъ мои дѣтушки, потому ты имъ былъ замѣсто отца роднова.

Приходитъ меньшой братъ въ тотъ монастырь, куды ушелъ спасатце старшой. Вошелъ въ церкву, тамъ была служба. Ёнъ не столько молитце, сколько по сторонамъ глядитъ: хочетъ отыскать старшова брата. Но нѣту, не видать его нигдѣ—ни межъ монахамъ, ни межъ послухамъ. Вышелъ ёнъ товда вонъ изъ церквы, сталъ у воротъ оградныхъ и плачетъ горькінмъ слезамъ:

— Господи, Господи, открой мнѣ, грѣшному, живъ аль нѣтъ братъ мой. Если живъ, такъ какъ повидатце съ имъ, а если умеръ, то хоть помолитце за его.

И проходитъ въ эту пору мимо его старичекъ, не знамо, откуда взялсе, и говоритъ:

— Молодецъ, о чемъ ты плачешь?

— Охъ, ты, желанной старичекъ, вотъ ужъ 17 лѣтъ какъ не видалсе я съ братомъ. Я осталсе въ деревни, а ёнъ ушелъ въ етотъ монастырь. Топерь пришелъ повидатце съ имъ и ни могу нигдѣ брата найтить.

— Я тибѣ помогу брата сыискать.

Ёнъ бухъ старичку въ ноги.

— Ты стой тутъ въ воротахъ и смотри на того, кто сичасъ пойдетъ — ето братъ твой, да слухай!

Работникъ бухъ упять старичку въ ноги, а тотъ скрылсе, неизвѣсно куды. Встаетъ и видитъ: идетъ изъ собора анхирей, одёжа у его вся золотомъ такъ и сіяетъ, а на головѣ чудная шапочка круглая, вся каменьемъ самоцвѣтнымъ изукрашена; идетъ на посошокъ упираетце и ведутъ его два подьякона подъ руки въ келью. Иванъ поклонилсе ему до земи. Увидалъ анхирей его и промолвилъ: «иди за мной»!

Пошелъ Иванъ слѣдомъ, а самъ думатъ: Господи, неужто мой братъ анхирей? И какъ я съ имъ буду говорить, у миня и слова не найдется: вишь, ёнъ въ какихъ топерь!

Привели въ келью. Подьяконы взяли посошокъ, повѣсили шапочку на спицу, ризы на другую, подставили стулъ анхирею и ушли.

Анхирей и спрашиваетъ:—братецъ, гдѣ ты жилъ 17 лѣтъ?

— Какъ разлучилсе съ тобой. братецъ родимой, прошелъ въ одну деревню и нанялсё хъ одной вдовицы въ работники: у ей 7 человѣкъ дѣтей малъ-мала-меньше. Тутъ и прожилъ вси 17 лѣтъ, покуда сына не женилъ.

— Ну што же, братецъ, много-ль ты въ 17 лѣтъ заработалъ?

— Да што, братецъ, давала мнѣ вдовица на прощанье вси свои деньги, да взять, думаю, ихъ обижу; пожалѣлъ и взялъ только одинъ рубь на дорогу.

— Эхъ, братъ, само лучшее ты время 17 лѣтъ прожилъ за одинъ рубь! Ни на тибѣ одёжа хороша, ни на тибѣ обувь справна. Вишь за 17 лѣтъ ты могъ бы сберечь копеечку на черной день, а ты заработалъ одинъ рубь. О чемъ ты думалъ?

— Братецъ родненькой, оны не бросятъ миня: оны просили, штобъ я, какъ повидаюсь съ тобой, вернулсе хъ имъ и жилъ у ихъ до самой смередушки.

— Вишь, не свои лѣтки, братъ. Какъ же ты на ихъ надѣялсе. Ты, братецъ, посмотри на миня, я въ 17 лѣтъ, вишь, какъ заслужилъ, што миня въ Божій домъ подъ руки ведутъ и изъ Божьяго дома тожъ.

— Всякому своя щась, братецъ.

— Мнѣ на семъ свѣтѣ хорошо, да и на томъ не худо. Посмотри-ка, кака для миня гробница слажена, пеленой обвита и золотымъ покровомъ покрыта — Сказалъ, подошелъ къ гробницѣ и раскрылъ ее. Вотъ я лягу, продолжалъ онъ, а ты покрой миня пеленой, погляди, какъ мнѣ хорошо будетъ и закрой крышкой. — Взялъ легъ въ гробъ и руки запахнулъ. Братъ закрылъ гробъ. Глядь—полъ раступилсе и гробъ— пошелъ на низъ въ землю. Иванъ схватилсе, хотѣлъ поддержать не тутъ-то было: гробъ провалилсе, а полъ заровнялсе, какъ будто брата и не бывало.

Жалко стало Ивану брата. Сталъ ёнъ на колѣнки и проситъ Бога: Господи, вороти брата моего, изъ-за миня погибъ ёнъ безъ покаянья; кабы зналъ, такъ не спровѣдывелъ его —Плачетъ Иванъ до вечера горючіимъ слезамъ.

Передъ вечеромъ вдругъ говоритъ икона съ божницы голосомъ человѣчьимъ:— рабъ, не плачь!

— Господи. какъ же мнѣ не плакать!

Съ иконы отвѣчаетъ:—какъ ударятъ въ большой колоколъ, надѣнь шапочку и ризы. поведутъ тибя подьяконы въ соборъ и поставятъ передъ престоломъ.

— Господи, што я буду у престола дѣлать, вишь, я—человѣкъ неграмотной, никакой молитвы не знаю.

— Поставятъ тибя у престола продолжалъ голосъ, берись за саму большую книгу, гляди въ ее и служи все равно, што братъ твой.

Ударили въ большой колоколъ. Иванъ приготовилсе, умылсе, надѣлъ ризы и шапочку, сѣлъ и пригорюнилсе: думалъ. што придутъ манахи и узнаютъ. Пришли манахи, взяли его подъ руки, свели въ алтарь и поставили къ престолу. Какъ взялсе ёнъ за саму большую книгу, раскрылось ему все и сталъ ёнъ служить все равно, какъ братъ. Отслужилъ вечерню и никто не призналъ его: анхирей и анхирей... Послѣ службы манахи взяли его подъ руки и отвели въ келью. Цѣлую ночь молилсе Иванъ за брата: — Господи, вороти мнѣ брата моего, изъ-за миня погибъ ёнъ безъ покаянья!

На другой день отслужилъ обѣдню и вечерню. Послѣ вечерни, когда манахи ушли, сталъ ёнъ упять на колѣнкахъ молитце за брата. Въ тѣ поры полъ раступилсе, обозначилась яма и гробница стала подыматьце кверху. Какъ вышла гробница, полъ задвинулсе и голосъ изъ гроба говоритъ:

— Братецъ, раскрой крышку скорѣй!—Иванъ снялъ покрывало, подиялъ крышку и поставилъ брата на ноги. Анхирей бухъ брату въ ноги —Братецъ родимой, прости ты миня! Господь наказалъ миня за то, што я тибя осудилъ, а сибя похвалилъ. А какъ взялъ миня Господь на тотъ-то свѣтъ, такъ узналъ я, што твоя заслуга дороже моей. Топерь не пущу я тибя хъ сиротамъ—оны ужъ подросли, а останьсе со мной и помоги мнѣ грѣхъ мой передъ Господомъ Богомъ замолить.

Такъ и жили оба брата въ монастырѣ до самой смерти.

Мужъ и жена.

Жили въ онной деревни мужъ и жена, оба молоды. Баба передъ жнивомъ родила первова робеночка. Ковда наступило жниво, стали оны ходить жать на ниву, а нива была версты за три отъ деревни. Повѣсятъ робеночка въ зыбки за кустомъ, а сами жнутъ.

Вотъ разъ какъ-то на пабѣдѣ мужикъ съ бабой расхлопотались. Мужикъ молчитъ и баба тоже. Не пойду домой, думаетъ баба, пока ёнъ жнетъ. Мужикъ жнетъ до вечера и баба съ имъ. Только стало стемнятце, мужикъ не стерпѣлъ и говоритъ:— ступай домой, пора обряжатце.—Ёна серпъ па плечо, да и покатила, а ребеночка-то въ зыбки и забыла. Мужикъ видѣлъ ето, да подумалъ, што она нарошно оставила робенка. Ну, думаетъ, пущщай, и я не возьму; сбѣгать и съ дому. Ёнъ пожалъ, пожалъ, да, какъ надо домой итить, и ёнъ пошелъ, не взялъ тоже робеночка. Пришелъ домой. Баба убралась и ужинать собрала. Вотъ какъ стали оны ужинать, баба взглянула на пустой очепъ и скрикнула: о, Господи, да гдѣ же робенокъ-то?

— А гдѣ забыла, тамъ и есь,—отвѣчаетъ мужикъ.

— Да я-то забыла, а ты-то што-же!

— Нѣтъ, ты не забыла, а на зло оставила: хотѣла, штобъ я принесъ. Да не бывать тебѣ большухой надо мной.

Баба взвыла и проситъ мужа итти вмѣстѣ за имъ (вишь, боитце итить).

— Нѣтъ, говоритъ мужикъ: пущщай до утра. По утру придешь и робеночекъ тамъ, не надо и носить.

Баба пошла онна—нѣшто мать-то оставитъ!

Приходитъ она хъ нивы, а ставше нянька хъ этой зыбки съ лѣсомъ наровень, качаетъ и приговариваетъ:

Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшка оставилъ. Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставилъ.

Ну, какъ ей подойтить?! Подошла эдакъ сторонкой и говоритъ: — кумынекъ, кормилецъ, отдай ты мнѣ робеночка!

А ёнъ отбѣжалъ, захлопалъ въ ладоши и закричалъ:—ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шелъ да шелъ, да кумушку нашелъ!—И гулко таково бѣжитъ по лѣсу, да все кричитъ:—ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! шелъ да шелъ и кумушку нашелъ!—Вишь, любо ему стало, што кумынькомъ назвала.

Баба схватила робенка, да опрометью изъ лѣсу.

Одна копеечка.

Бѣнной мужикъ покумилсе съ богачемъ. Разъ взялъ бѣнной у богатова кума въ займы десять рублевъ и выплатилъ ему по частямъ весь долгъ, окромя онной копейки. Одначе, богачу жалко и онной копейки. Кажинной разъ, какъ идетъ онъ хъ обѣнни въ церку кумъ жилъ въ другой деревни—заходитъ подъ окно хъ куму и спрашиватъ: скоро ли, кумъ, копеечку отдашь? Хоть Богу свѣчку на iю поставилъ бы! А кумъ, хоть и имѣлъ деньги, а все говорилъ, што денегъ нѣтъ.—Подожди, кумъ, вотъ справлюсь, такъ отдамъ. Цѣлой годъ спрашивалъ богачъ копейку. Наконецъ надоѣлъ бѣнному.—Вить, эдакой кумъ-то «скупердяй»! Вишь, жалко онной копѣйки! Вотъ што, жонка. Я притворюсь мертвымъ, а ты, какъ пойдетъ кумъ хъ обѣнни, попроси его аммыть миня и свезь въ церку.—Сговорились. Въ воскресенье, какъ только завидѣлъ бѣнной кумъ въ окошко богатова, легъ на лавку, захрипѣлъ, потянулсе и точно померъ. Богатый подходитъ хъ окошку и стучитъ:—кумъ, а скоро-ль копеечку-то отдашь.—Охъ, ты кумынекъ-кормилецъ, отвѣчаетъ жена бѣннова, вить, померъ хозяинъ-то у миня.—Што ты?—Взаболь, продолжаетъ она, и просилъ тибя передъ смередушкой аммыть его и въ церку свезь.—

— Охъ, кумъ, кумъ, вздыхалъ богатовъ, рано ты померъ и копечки не успѣлъ отдать!—Началъ онъ кума мыть горячой водой. Какъ плеснетъ на кума, а кумъ какъ сдрыгнетъ. Омылъ кума; взяли сколотили домъ ему и принесли въ церку. — Вѣрно, думаетъ богатой, кумъ притворилсе мертвымъ и хочетъ што-нибудь счапить изъ церкы. Дай-ко я догляжу.—И спряталсе за печку.

Пришла ночь. Богатой стоитъ за печкой и ждетъ.

Вдругъ што-то заюкотало, застукотало на паперти. Открылись двери, и въ церку ворвалась несвятая сила:—вить, оны по ночамъ ходятъ въ церку-то.

Вошли, насыпали на полъ цѣлой ворохъ денегъ—гдѣ-то, не благословясь положены деньги-то! - и стали дѣлить.

— Ужо-ко, думаетъ богатой, я ихъ пугну, не бросятъ ли деньги то. - «Живыи и мертвыи ставайте», крикнулъ онъ! —Вдругъ крышка у гроба слетѣла, и мертвой кумъ поднялсе. Тутъ вся несвятая сила скочила да вонъ изъ церквы. Забыли даже и дверь запереть.

— А што, кумъ, вить ты живъ?—Живъ.—Ну, такъ давай запремъ двери и подѣлимъ деньги.—Подѣлили. Черти, между тѣмъ, спохватились, што оставили деньги, и послали двоихъ посмотрѣть въ окно, сколько народу въ церквы: можетъ мало, такъ нельзя ли отнять у ихъ.

Два кума, подѣливши деньги, стали у окошка и разговариваютъ про межъ собой.—А, вить, кумъ, ты все ищо не отдалъ мни копеечки-то! —Въ это время одинъ изъ нечистыхъ заглянулъ въ окно. Бѣдной кумъ цапъ съ его красной колпакъ.—На, гыть, тебѣ копейка!—и бросилъ съ его колпакъ богатому. Тутъ черти безъ оглядки понеслись назадъ хъ своимъ.—Бѣгите далѣ, намъ тутъ дѣлать нечево: нашихъ денегъ по копейки только, да ищо онному и не хватило. (Вить оны думали, што ихъ такъ много, што на кажнова пришлось только полкопейки, и ищо онному не хватило).

Такъ и стали оба кума богатыи.

Три слѣпца и работникъ.

Жилъ мужичекъ со своей женой и дошелъ онъ до такой бѣдности, что нечего было ѣсть. Вотъ мужикъ и говоритъ своей женѣ: —ты, жена, останься дома, а я пойду въ Питеръ на заработки; пришлю тебѣ денегъ, а ты прихватишь кого-либо изъ сосѣдей на работу.—Мужикъ ушелъ въ Питеръ, а жена его осталась дома. Однажды видитъ она молодца, который идетъ по улицѣ; увидалъ и онъ молодуху, которая на этотъ разъ выглянула въ окно, и спрашиваетъ ее:—не надо ли тебѣ работника?—Молодуха позвала его въ избу и говоритъ молодцу:—нанять-то мнѣ нужно бы работника, да хлѣба-то у меня мало, а мужъ ушелъ въ Питеръ на работу.—Молодецъ отозвался: если я наймусь къ тебѣ, такъ мы наживемъ себѣ хлѣба до прихода твоего мужа.

— А дорого ли ты возьмешь?—Не дорого, только три копѣйки въ лѣто; но чтобъ только я былъ большимъ въ домѣ, а не ты: я буду наряжать тебя на работу, а не ты меня.—не вѣриться молодухѣ, чтобы за такую цѣну онъ сталъ жить, и она замѣтила ему:—ты меня обманешь, не доживешь и уйдешь отъ меня. Тогда ты меня постановишь.—Молодецъ увѣрялъ молодуху, согласились, Богу помолились и молодецъ остался.

— Собирай, хозяйка, теперь обѣдать, обратился къ ней молодецъ.—Она заохала:—Не что бы собрать тебѣ обѣдать, да хлѣба-то у меня нисколько нѣтъ.—А если нѣтъ хлѣба, возразилъ молодецъ, такъ пойди и займи у сосѣда: безъ хлѣба же намъ не жить

Молодуха побѣжала къ сосѣду просить хлѣба въ займы, а сосѣдъ и гиворитъ ей:—чѣмъ же ты мнѣ отдашь, когда у тебя нѣтъ ничего.—Да вотъ я, отвѣчала молодуха, наняла работника, который увѣряетъ меня, что безъ хлѣба жить не будетъ.

Тогда сосѣдъ отрѣзалъ полхлѣба и далъ молодухѣ. Ушла она, а старуха замѣтила мужу: что же ты далъ ей хлѣба, вѣдь она обманетъ насъ: наняла работника, а самой ѣсть нечего; чѣмъ же она будетъ тебѣ отдавать?

Пришла молодуха домой, накормила своего работника обѣдомъ. Вышелъ онъ изъ-за стола и приказываетъ ей:— давай теперь мнѣ мѣшки, я поѣду на мельницу.—Она ему говоритъ: - съ чѣмъ же ты поѣдешь на мельницу, когда у меня нѣтъ ни ржинки?—Дѣла тебѣ нѣтъ до этого, замѣтилъ работникъ, а ты давай мнѣ мѣшки, не жить же намъ безъ хлѣба.—Принесла молодуха два мѣшка и отдаетъ ихъ работнику. Мало показалось ему двухъ мѣшковъ и проситъ, чтобы она принесла еще четыре мѣшка. Принесла молодуха четыре рваныхъ мѣшка, а работникъ и наказываетъ ей:—я лягу отдохнуть, а ты въ то время зачини мѣшки.—Зачинила молодуха мѣшки, и пошла за лошадью, а работникъ сталъ мазать телѣгу. Справилъ работникъ телѣгу, запрегъ лошадь, склалъ мѣшки на телѣгу и поѣхалъ на мельницу. Удивляется молодуха работнику, что безъ ржи поѣхалъ на мельницу Выѣхалъ работникъ за деревню, увидалъ вдали соснякъ, подъѣхалъ къ нему и нагребъ всѣ шесть мѣшковъ пескомъ, а затѣмъ сѣлъ на мѣшки и съ пѣсенкой поѣхалъ дальше. Пріѣхалъ на мельницу, свалилъ мѣшки въ амбаръ и спрашиваетъ мельника:—дойдетъ ли до него сегодня чередъ молоть или нѣтъ. — А мельникъ отвѣтилъ: — пріѣзжай завтра, сегодня не слободно.—Работникъ распростился съ мельникомъ и поѣхалъ обратно въ деревню. Увидала молодуха работника и спрашиваетъ его:—что же ты безъ хлѣба пріѣхалъ и безъ мѣшковъ.—Онъ отвѣчаетъ ей:—не твое дѣло; сказано тебѣ, что я большой буду въ домѣ.—Вотъ завтра поѣду за мукой на мельницу, сегодня мельнику некогда (завозно), помельцевъ много.—На другой день работникъ всталъ пораньше и отправился на лошадкѣ на мельницу. Тамъ онъ видитъ, что помольцевъ нѣтъ никого. Мельникъ пошелъ спускать воду, а работникъ сталъ засыпать хлѣбъ въ жернова. Лишь только спустилъ мельникъ воду, работникъ въ это время со всего размаху спустилъ мѣшокъ въ жерновъ и закричалъ:—запирай, мельникъ, воду! - Прибѣжалъ мельникъ на мельницу и заголосилъ: что у тебя случилось?—А потомъ, когда увидѣлъ въ жерновахъ песокъ закричалъ на него:—что же смѣешься надо мною. Развѣ съ пескомъ ѣздятъ на мельницу?—Работникъ сталъ увѣрять мельника, что мѣшки у него были съ хлѣбомъ, а кто вмѣсто хлѣба насыпалъ песку, онъ не знаетъ, можетъ быть, помельцы пошутили. Дай-ка я посмотрю остальные мѣшки, можетъ быть и тамъ песокъ—Развязалъ работникъ мѣшки и точно—тамъ оказался тоже песокъ

Мельникъ сталъ божиться, что онъ въ этомъ не виноватъ, можетъ это сдѣлали помольцы. А работникъ возражетъ ему:—я не буду разыскивать помольцевъ; ты виноватъ, такъ ты и отвѣчай, а то я тебя въ Сибирь упеку.—Испугался мельникъ и сталъ упрашивать помольца, чтобъ онъ никому не говорилъ объ этомъ, а что онъ за это уплатитъ своимъ хлѣбомъ. Высыпалъ мельникъ песокъ изъ мѣшковъ въ воду и насыпалъ четыре мѣшка ржаной муки, одинъ грешневой и одинъ житной. Работникъ—не будь глупъ—говоритъ мельнику:—теперь едва насыпалъ мой, хлѣбъ да за штрафъ прибавь деньжонокъ, иначе доведу дѣло до суда.—Отдалъ мельникъ 10 р. работнику, помогъ навалить мѣшки на телѣгу и, отправляя его, просилъ никому не говорить.

Обрадовался работникъ, что надулъ мельника, и съ пѣснею поѣхалъ въ деревню. Подъѣхалъ къ избѣ и крикнулъ молодуху, чтобъ отпирала амбаръ. Не утерпѣлось молодухѣ и спрашиваетъ работника:—гдѣ же ты взялъ столько муки?—Молчи, я тебѣ говорю, не твое дѣло! Теперь намъ до осени хватитъ хлѣба.

Такъ дожила молодуха съ работникомъ до сѣнокоса; къ этому времени прислалъ ей мужъ деньжонокъ изъ Питера для справки съ хозяйствомъ и просилъ ее, чтобъ она наняла кого-либо изъ сосѣдей справить сѣнокосъ. Жена отвѣчала мужу, что у ней нанятъ еще съ весны работникъ на все лѣто за три копеечки.

Наступила осень, мужъ приходитъ изъ Питера, сталъ разсчитывать работника и говоритъ ему:

— Много ли тебѣ, казакъ, слѣдуетъ отдать за лѣто?

— Да за что порядился, то и отдай: за три копейки я нанятъ твоею хозяйкой, такъ три копейки и отдай.

— Да что ты, молодецъ, говоритъ хозяинъ, вѣдь за три копейки у насъ не найти подпаска, а ты все лѣто прожилъ и все хозяйство мнѣ справилъ. На худой конецъ тебѣ слѣдуетъ дать рублей тридцать.

— Нѣтъ ужъ, за что порядился, то и подай; не надо мнѣ и двадцати рублей.

— Ну, возьми хоть 15 р., говоритъ хозяинъ.

— Сказано тебѣ, вторилъ работникъ, не надо мнѣ и 15, а отдай три коп., и то такъ, чтобъ три копейки были не вмѣстѣ, а по копеечкѣ.

Взялъ работникъ три копейки, положилъ ихъ въ рукавицу, распростился съ хозяевами и пошелъ домой, побрякивая этими деньгами. Дорогою нагоняетъ онъ мужика слѣпого и спрашиваетъ: — что же ты, слѣпой, безъ водока?—Да, по памяти, братецъ, деревни здѣсь недалеко другъ отъ друга, а ослѣпъ-то я недавно, такъ еще помню дорогу.—Вотъ они идутъ, а работникъ побрякиваетъ тремя копейками. Услыхалъ слѣпой, что деньги брянчатъ и спрашиваетъ:—что это у тебя братецъ?—Деньги, кисета-то у меня нѣтъ, такъ я положилъ ихъ въ рукавицу.—Такъ давай, предложилъ слѣпой—я положу въ свой кисетъ, а то ты еще потеряешь.—А отдашь ты мнѣ ихъ?—А то какъ же, вотъ въ деревнѣ и отдамъ.—Идутъ они и разговариваютъ. Работникъ спрашиваетъ слѣпого, куда ходилъ, гдѣ бывалъ, кто у него былъ водокомъ. А слѣпой ему отвѣчаетъ:—былъ я съ водокомъ въ Ладогѣ, все лѣто ходилъ тамъ по́-міру. За такими разговорами они подходятъ къ деревнѣ; работникъ и проситъ слѣпого —ну, теперь, дѣдушка, отдай же мнѣ три копейки.—А слѣпой отвѣтилъ:—я не для того бралъ, чтобы тебѣ отдавать, не отдамъ.—Ну, коли не отдашь, такъ Богъ съ тобой; драться съ тобой я не буду.—Слѣпой пошелъ на крылецъ, а работникъ сзади за нимъ. И сталъ слѣпой отворять дверь въ избу, какъ работникъ шмыкъ попередъ его въ избу и сѣлъ на лавку.

Вошелъ въ избу слѣпой и говоритъ своей старухѣ, тоже слѣпой:—бабка, дай-ко бочечку, что тамъ на печкѣ въ углу; тамъ до 700 рублей не хватаетъ трехъ копеекъ, такъ я доложу ихъ и будетъ 700 рублей.—Баба взяла бочку и, слѣзая съ печи, обращается къ мужу со словами:—на, возьми боченокъ!—Работникъ тотчасъ же подбѣжалъ напередъ старика, схватилъ боченокъ и сѣлъ на лавку, а слѣпой закричалъ:—что же ты, слѣпая, давай же бочку.—Да, вѣдь, я тебѣ подала, что ты, отвѣчала баба.—Да что ты, старуха, я не бралъ. Никакъ ты хочешь затаить ее отъ меня!—Заругались слѣпые между собой. Слѣпой, не долго думая, дернулъ старуху за руку, стащилъ съ печи и давай ее колотить. Слѣпая заревѣла во все горло. Услыхалъ ревъ другой братъ, тоже слѣпой, который тутъ же рядомъ жилъ, входитъ въ избу и спрашиваетъ, о чемъ они вздорятъ промежъ собою. Разсказалъ слѣпой, съ жалобой на свою старуху. О, Господи, да куда же твой боченокъ могъ дѣться, кто его могъ взять! Вотъ хоть къ примѣру, у меня мѣшокъ съ деньгами въ карманѣ, а въ немъ 600 рублей; я его вытащу и положу на полъ, кто же его возьметъ. Пока онъ это говорилъ, да клалъ мѣшокъ съ 600-ми рублями на полъ, работникъ подошелъ тихонько, схватилъ мѣшокъ да и сѣлъ опять на лавку. Наклонился слѣпой за мѣшкомъ, не тутъ-то и было—мѣшка-то и нѣтъ.—Охъ, братецъ, никакъ и мой-то мѣшокъ съ деньгами она подхватила.—И давай слѣпые колотить старуху, а она еще пуще ревѣть. Услыхалъ третій слѣпой, тоже братъ, этотъ ревъ, идетъ съ дубиною, входитъ въ избу и спрашиваетъ:—что у васъ тутъ за драка?—Да вотъ такъ и такъ, братъ, слѣпая-то у насъ у обоихъ подобрала деньги: у него боченокъ, а у меня мѣшокъ съ 600 рублями.—Что же за исторія у васъ—удивляется вошедшій,—кто можетъ взять, коли никого нѣтъ въ избѣ. У тебя боченокъ, а у него мѣшокъ утащили, вотъ коли я брошу палку на полъ, а въ ней 800 р., кто ее можетъ взять!—Кинулъ палку на полъ, а работникъ хватилъ ее, да вонъ за порогъ. Наклонился слѣпой за палкой, шарилъ, шарилъ—не нашелъ.—Охъ, братъ, да никакъ она мою-то палку подхватила.—И давай бить старуху втроемъ.

А работникъ на эти деньги выстроилъ себѣ домъ, открылъ лавочку, да и сталъ жить да поживать, да богатство наживать.

Въ одномъ селѣ жилъ баринъ съ барыней. Захворалъ баринъ, а барыня вышла отъ скуки пройтись по селу. Попадаетъ ей портной. Она и спрашиваетъ его: возьмешься ли ты сшить изъ одной бѣлки салопъ, шляпку и штаны? Портной отвѣчаетъ: отчего, барыня, не сшить, только нужно прежде уговориться о цѣнѣ за работу.— А что же ты возьмешь?—Да за такую работу нужно взять по меньшей вѣрѣ 100 рублей —А барыня прибавила:—а если ты, портной, бѣлку-то мнѣ стравишь и не сошьешь, то смотри, я съ тебя сто рублей.—Портной согласился.—Ну, пойдемъ теперь въ домъ - звала барыня—я дамъ тебѣ бѣлку. Вынесла барыня бѣлку, а портной беретъ бѣлочку, растягиваетъ на столѣ и выкраиваетъ. Отрѣзалъ голову, потребовалъ нитокъ, посшилъ ее немножко, подаетъ барынѣ и говоритъ: —это вотъ тебѣ, барыня, шляпа.— Затѣмъ, отрѣзалъ ножки и сшилъ штаны; а изъ середки бѣлочки сшилъ солопчикъ и отдалъ барынѣ. Теперь давай, барыня,—спросилъ портной, за работу 100 рублей. Жалко было барынѣ отдавать деньги, а дѣлать нечего, отдала и говоритъ:—вотъ ты, портной, такой хорошій мастеръ! У меня баринъ хвораетъ давно, не перешьешь ли ты его, авось онъ не будетъ хворать.—Отчего, можно, барыня, но только опять дѣло въ цѣнѣ, я меньше двухъ сотъ взять не возьму. Вѣдь, не шутка, барыня, перешить твоего барина.—Ну, ладно, возьми 150 р., только опять, если ты не сдѣлаешь этого, то я съ тебя полтараста».—Веди барина, да давай ниточку и воску: мнѣ нужно его вымѣрить. Привели барина и хотѣли посадить, а портной попросилъ постоять, хоть и трудненько. Раздѣлъ барина, натеръ нитки воскомъ и сталъ его измѣрять. Цѣлый часъ мѣрилъ портной барина, а затѣмъ и говоритъ:—вотъ что, барыня, если я его перемѣряю, да раскрою и сошью, такъ нижніе подвѣски приходятся на лбу. Не знаю, понравится ли тебѣ.—Нѣтъ, портной, говоритъ барыня, такъ не хорошо, некрасиво будетъ. Пусть будетъ ужъ по старому.—Ну, я согласенъ, барыня, если не велишь перешивать, такъ за работу всетаки денежки подай, вѣдь цѣлыхъ два часа мѣрилъ его.—Отдала барыня деньги да и думаетъ: вотъ такъ портной, я хотѣла его надуть, а между тѣмъ онъ меня надулъ.

Сообщилъ *М. Синозерскій.*

Заговоръ для уничтоженія находящихся въ домѣ тараканов, сверчковъ и мокрицъ.

(Записано въ Кубанской области).

Въ Великую субботу сѣсть верхомъ на старую люшню * и, сидя на ней, три раза обѣжать домъ, гдѣ водятся эти насѣкомыя. Потомъ, не слѣзая съ люшни, стать у дверей (входныхъ) и сказать: «да здравствуйте, тараканьевскіе! Люшневскіе, заходи! Тараканы, сверчки и мокрицы, вонъ выходи»! Сказавъ это, опять три раза обѣжать домъ, сидя на люшкѣ. Потомъ войти въ комнату; люшню поставить въ передній (въ красный) уголъ, зажечь свѣчу передъ иконой и, когда пасхи начнуть сажать въ печь, сказать три раза: «Святая пасха въ печь, а тараканы, сверчки и мокрицы выходи вонъ въ чисто поле, въ темные вертепы». Оборотясь къ иконѣ, сдѣлать три земныхъ поклона.

В. Водарскій.

---

* Люшня́, и, женск. р. — изогнутая палка, однимъ концомъ прикрѣпленная къ боку телѣги, а другимъ къ оси, поверхъ колеса. Люшня препятствуетъ колесу соскочить.

Нѣкоторыя слова и выраженія, записанныя въ Томской губерніи *).

Слова и выраженія:	Значеніе ихъ:	Гдѣ записано:
Бýлка	валунъ	всюду.
Бýлочникъ	груда валуновъ	всюду.
Бучи́ло	порогъ на рѣкѣ	д. Верхъ-Коёнскій, Барнаульск. окр.
Великія гови́ны	Великій постъ	д. Дѣвкина, Барнаульск. окр.
Верстá - дрýга	верста—другая	всюду.
Вéршный	верховой (всадникъ)	д. Старо-Гутова, Кузнец. окр.
Веселя́е, веселя́йше	веселѣе	д. Ереснá, Томскаго окр.
Ви́ридъ	вередъ	д. Боровлянка-Кокушкина, Томскаго окр.
Громýня	гармоника	Георгіевскій пріискъ, Кузнецкаго окр.
Ди́вно	много	всюду.
Дóржить кóней	держать лошадей	всюду.
Дóржи	держи	всюду.
Дáрживалъ	держивалъ	всюду.
Досби́ровать	дособирать	д. Боровлянка-Кокушкина, Томскаго окр.
До увидáнія	до свиданія	всюду.
Жегчи́	жечь	д. Кокуй, Барнаульск. окр.

Слова и выраженія:	Значеніе ихъ:	Гдѣ записано:
Зáтесье	зарубка на деревѣ	д. Изылинская, Кузнецк. окр.
Колотли́вый	ухабистый	д. Боровлянка-Кокушкина, Томскаго окр.
Кóни	лошади (слово лошадь совсѣмъ не употребительно)	всюду.
Копалýха	глухарка	всюду.
Коробóкъ	плетеная телѣжка	всюду
Крýглый	квадратный	всюду.
Лáва	переходъ черезъ рѣку, вродѣ мостика	д. Верхъ-Коёнскій, Барнаульск. окр.
Лани́сь	въ прошломъ г.	всюду.
Листвя́къ	лѣсъ, состоящій изъ лиственницы	всюду.
Лѣси́ка	дерево	всюду.
Муры́шъ	муравей	д. Усть-Чёмъ, Барнаульск. окр.
Не уби́вали	не убивали	д. Новый Икъ, Барнаульск. окр.
но	да (утвердит.)	всюду.
Нырки́, нырóчки	неровныя мѣста на дорогѣ, сильныя рытвины	д. Новый Икъ, Барнаульск. окр.
Опѣ́ть	опять	д. Дѣвкина, Барнаульск. окр.

*) Именно въ Барнаульскомъ, Томскомъ и Кузнецкомъ округахъ.

Отно́жка	рукавъ (рѣки)	д. Боровлянка-Кокушкина, Томскаго окр.
Пакости́ть	пакостить	д. Желтоношна, Кузнец. окр.
Пара́	пара	всюду.
Пау́къ, пау́тъ	оводъ	всюду.
Пихта́чъ	пихтовый лѣсъ	всюду.
Поско́тина	околица и мѣсто внутри ея	всюду.
Пошо́ркать	потереть	д. Ново-Сосѣдова, Барнаульск. окр.
Причу́дно, Причу́дный	странно, странный	с. Легостаево, Барн. окр.
Продавать дрожжи	дрожать отъ холода.	д. Верхніе-Чёмы, Барн. окр.
Про́здникъ	праздникъ	с. Карпысакъ, Томск. окр.
Пу́хта	иней	с. Койново, Барнаульск. окр.
Пу́чка	зонтичное растеніе—angelica	Георгіевскій пріискъ, Кузн. окр.
Разло́мъ	водораздѣлъ	д. Желтоношна, Кузн. окр.
Ро́бить, ра́бивали	работать, работывали	всюду.
россейскій	русскій	всюду.
Рука́въ	желѣзнодор. вѣтвь	всюду.
Сарь	царь	Георгіевскій пріискъ, Кузн. окр.
Сга́ркать	позвать	д. Полдневая́, Кузнец. окр.
Сдю́жить	выдержать	всюду.
Смирёный	смирный	д. Ново-Сосѣдова, Барнаульск. окр.
Со́пка	всякая конусообразная гора	всюду.
Совора́тый	сорный	д. Верхніе Чёмы, Барн. окр. (у переселившихся 12—15 л. тому назадъ изъ с. Веселаго, Моршанск. у. Тамбовск. губ.).
Старикомъ пахнетъ	вошелъ въ пожилой возрастъ	с. Легостаево, Барнаульск. окр.
Строка́	маленькая оса	д. Изылинская, Кузн. окр.
Ся́сти	сѣсть	с. Кольчугино, Кузн. окр.
У́лиса	улица	д. Мосты, Барнаульск. окр.
Ури́чище, Урѣ́чище	урочище	с Легостаево, Барн. окр.
Хоро́мина	домъ	д. Старо-Гутова, Кузн. окр.
Чё	чего	всюду.
Чимъ	чѣмъ	д. Ново Сосѣдова, Барн. окр.
Шелома́	горы	д. Желтоношна, Кузн. окр.
Шерба́	уха	д. Старо-Гутова, Кузн. окр.
Ши́бко	очень	всюду.
Ѣдь	поѣзжай	всюду.

Общее замѣчаніе. Въ сѣверной части Барнаульскаго округа говорятъ на о, а въ смежныхъ частяхъ Томскаго и Кузнецкаго округовъ—на а.

В. Семеновъ.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ [1].

I.

Архангельскій уѣздъ, деревни В. Валдушки и Лукино.

1.

Ты стоишь, моя сударыня, у печи у муравленой,
Ты стоишь, моя сударыня, у шесточка кирпичнаго,
Поджавъ ручки бѣлыя къ ретивому сердечушку.
Поступи, моя сударыня, по всесвѣтлыя свѣтлицы,
Доступи, моя сударыя, до снарядна дубова́ стола,
Доступи, моя сударыня, до скатерти берчатыя,
До хлѣба-кушанья сахарнаго, до питья разнолишняго,
Доступи, моя сударыня, до меня—Анны Николаевны,
Не убойся ты меня, моя сударыня:
Отъ меня—младой, безсчастной не пламя пашетъ,
Не огонь-пламя пашетъ и не съ лютыми морозами.
Ты сняла, моя сударыня, всю превольную волюшку,
Всю превольную волю, всю пренѣжную нѣгу.
Ты сними, моя сударыня, украше́нну дѣвью кра́соту.
Ужъ какъ у тебя, моя сударыня, поднялись ручки бѣлыя,
Поднялись ручки бѣлыя на мою буйну голову,
На природну трубчату косу, на всю дѣвью кра́соту?
Лучше бы ты, сударыня, по плечамъ сняла мнѣ буйну голову.

2.

Что́ по за облакамъ, что́ по за облакамъ
Красно солнце катится,
Что́ по за полямъ не изюмъ растетъ—
Виноградъ расцвѣлъ,
Что́ по застолью князья-бояре идутъ,
Молодую ведутъ первобрачную
Анну свѣтъ-Николаевну.
Ведетъ ее князь первобрачный
Иванъ сударь-Васильевичъ.
Тутъ ей подали ключи во бѣлы́я ручи́;
Воздымала ключи выше буйной головы;
Опускала ключи на дубовый столъ;

---

[1] Предлагаемыя пѣсни являются безъ сохраненія особенностей мѣстнаго говора, такъ какъ онѣ не предназначались къ печатанію; собирая ихъ, мы имѣли въ виду не языкъ ихъ, а единственно ихъ содержаніе.

Изъ собранныхъ пѣсенъ помѣщены здѣсь лишь тѣ, которыхъ мы не находимъ въ числѣ пѣсенъ, собранныхъ въ Архангельской губерніи г. Ефименкомъ и въ «Вологодскомъ Сборникѣ».

Сама ключамъ приговаривала:
— Ключи батюшкины, ключи матушкины!
Ужъ я этимъ ключамъ не клюшница,
Кованымъ сундукамъ не сундучница,
Этому животу я не складчица,
Золотой казны я не счетчица.

Затѣмъ, пѣсня повторяется, молодой даются ключи ея мужа и она говоритъ

Этимъ ключамъ буду я клюшница,
Кованымъ сундукамъ я – сундучница,
Этому животу буду складчица,
Золотой казны буду счетчица,
А тебѣ, молодцу, буду вѣрна слуга.

3.

Встану со кровати со тесовыя,
Встану со перины со пуховыя,
Я умоюся-снаряжуся,
Помолюся я Господу Богу,
Я спрошу васъ, честны родители:
— Каково спали вы, ночевали?
— Мнѣ, бѣдной-кручинной, не спалося,
А во снахъ-то много видѣлось,
Будто подошла подъ мою кровать,
Подошла подъ тесовую ключева вода,
Понесло меня во сине море,
Понесло меня за темны лѣса, дремучіе,
Я кричала, бѣдна-безсчастна, своихъ родителей,
Николая свѣтъ-Ивановича, да Марью свѣтъ-Григорьевну.
Не могла я, бѣдна, докричатися,
Докричалась я, бѣдна-кручинная,
До чужого чужанина со чужой дальной стороны,
До Ивана свѣтъ-Васильевича.

4.

Что вы, бояры, не бѣлы наѣхали,
Не бѣлы, не бучены, на снѣгу не бѣлены,
А черны, какъ вороны, сизы, какъ голуби?
Поѣзжайте, бояры, на высоки холомя,
Нарубите, бояры, вы частого ельничка,
Бѣлаго березничка и мелкаго осинничка,
Вы нажгите пепелу, наварите щелоку,
Истопите, бояры, парну банюшку,
Вы умойте, бояры, свои буйны головы,
Свои буйны головы и широки бороды,
Поѣзжайте, бояры, ко Архангельску городу,
Вы купите, бояры, Перхачевски [1] бороны,
Расчешите, бояры, свои буйны головы и широки бороды.

---

[1] Перхачево—деревня верстахъ въ 7—8 отъ Архангельска; въ ней дѣлаются бороны, которыя расходятся по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ.

Пѣсня эта сложена по поводу извѣстнаго обычая—пачкать сажей лица участвующихъ въ свадебныхъ пиршествахъ.

5.

Чтó у Спаса на горѣ въ колоколъ ударили,
Въ большіе, въ малые и во всѣ середніе.
Подавали вѣсточку невѣстиной матушкѣ.
Невѣстина матушка ровно трижды всплакала:
Въ первый разъ всплакала—она дочь спорóдила,
Во второй разъ всплакала—высоконьку взростила,
Въ третій разъ всплакала—подъ вѣнецъ поставила.
Сама она говоритъ таковó слово:
— Отъ меня замѣнку ведутъ, отъ меня—услужную,
Отъ меня сундуки везутъ, отъ меня—окованые,
Отъ меня рубашки везутъ, отъ меня—полотняныя.—
Чтó у Спаса на горѣ въ колоколъ ударили,
Въ большіе въ малые и во всѣ середніе,
Подавали вѣсточку жениховой матушкѣ.
Женихова матушка ровно трижды взрадовалась:
Въ первый разъ взрадовалась—она сына спородила.
Во второй разъ взрадовалась—высоконька взростила,
Въ третій разъ взрадовалась—подъ вѣнецъ поставила.
Сама она говоритъ таково слово:
— Ко мнѣ замѣнку ведутъ, ко мнѣ—услужную,
Ко мнѣ сундуки везутъ, ко мнѣ—окованые,
Ко мнѣ рубашки везутъ, ко мнѣ—полотняныя.

6.

Золото съ золотомъ свивалося,
Серебро съ серебромъ сливалося,
Жемчугъ съ жемчугомъ скатался,
Иванъ съ Анной сходился,
За единый столъ становился.
Наше-то золото получше,
Наше-то серебро почище,
Нашъ-то жемчугъ покрупнѣе,
Наша-то Анна побѣлѣе,
Нашъ-отъ Иванъ поумнѣе.

7.

Вы, дружечки хорошія, двѣ вербы кудреватыя,
Вы, отцы—попы и дьяконы, напишите-тко грамотку,
Не на бумажкѣ пишите, а по алому бархату.
Вы, дружечки хорошія, двѣ вербы кудреватыя,
Отнесите грамоту къ отцу-батюшкѣ,
Отнесите къ родителю-матушкѣ.
Вы поили меня, кормили-жаловали
До срочныхъ да до двадцати годовъ,
До моего-то до суженаго
Ивана свѣтъ-Васильевича.

8.

До утыхъ зари вечéрнеей,
До восхода красна солнышка
Приходилъ мой родитель-батюшка
Николай свѣтъ-Ивановичъ,
Приходилъ со грозою съ великою,
Съ тремя словечушками грубо-бранными,

Приказалъ мой желанный умытися,
Учесать мою буйну голову,
Уплести природну трубчату косу,
Наложить украшённу, дѣвью красоту.
Беретъ меня желанный честной правой рукой,
Онъ ведетъ меня передъ чужимъ-чужаниномъ,
Благословляетъ меня родитель-батюшка
Прелй чужа-чужанина,
Ивана свѣтъ-Васильевича.

9.

Ты сидишь, моя сударыня, по честну́ праву руку,
По честну́ праву руку на брусчатой лавочкѣ.
Я накину на тебя, сударыня, службу въ дружбу,
Сослужи, моя сударыня, въ останный разъ,
Расклади мою природну трубчату косу,
Природну трубчату косу по единой волосиночкѣ,—
Пускай въ этомъ домѣ покрасуются
Во послѣдній разъ, въ останный.

10.

Приношу благодарность брату-родителю,
Что накололъ мнѣ въ парну мыльну банюшку
Мелкихъ дровецъ во послѣдній, въ останный разъ.
Приношу благодарность дѣвицамъ, душамъ краснымъ,
Что наносили ключевой воды въ парну банюшку,
Что смыли мою всю превольную волюшку,
Всю пренѣжную нѣгу, всю дѣвью кра́соту,
Что намыли мнѣ, мои сударыни, бабью старость.
Срамота лицу бѣлому тягота буйной го́ловѣ!
Послѣ моего бываньица раскатися парна банюшка,
Раскатися парна банюшка по единому бревешечку,
Не собрать бы ихъ моимъ честнымъ родителямъ
Николаю свѣтъ-Ивановичу да Марьѣ свѣтъ-Григорьевнѣ.

Вмѣсто «брата-родителя» можетъ быть упомянутъ и кто-либо другой, наколовшій и наносившій дровъ для бани, которая бываетъ передъ такъ назыв. большимъ смотрѣньемъ.

II.

Пинежскій уѣздъ, деревня Карпова-гора.

1.

Гай-гай-ляля, что изъ Устья Береза течетъ,
Что по той Березѣ-рѣкѣ ѣхали князья-бояре,
Бояре-князья молодого Ивана Васильевича.
Они спрашивали двора, спровѣдывали нова,—
Еще гдѣ стоитъ тестевъ дворъ, тестя любимаго.
Изъ высока, нова терема узрѣла-усмотрѣла
Первобрачная княгиня Анна Николаевна.
Она думу содумала, со думы слово молвила,
Боярамъ дивовалася, надъ большими надсмѣялася:
Ужъ вы, глупые бояре, неразумные-большіе,
Ужъ вы какъ двора не знаете, высока, нова не вѣдаете,
Что знакомъ, знакомъ батюшковъ дворъ,

Что стоитъ дворъ среди волости славной горы Карповой,
Стоитъ дворъ-отъ отъ двора отсталъ,
Стоитъ новъ-отъ отъ нова отлилъ;
Около двора желѣзный тынъ;
Около тына муравá трава;
У двора были трои ворота:
Ворота были рѣшетчатыя,
Други были стекольчатыя,
Третьи были хрустальнаго стекля;
У воротъ кольцо серебряное,
У другихъ позолоченое.
У третьихъ золото кольцо.
Въ избѣ грядочки брусчатыя,
Въ избѣ лавицы дубовыя;
Въ избѣ полъ хрусчатой камки;
Въ избѣ околенки стекольчатыя.

2.

Славенъ городъ надъ Волгою...
Ѣздилъ въ городъ Иванъ свѣтъ-Васильевичъ,
Славенъ городъ повыѣздилъ,
Звону на колокольнѣ наслушался,
Княгиню Анну повысмотрѣлъ,
На роду-то чья онъ повывѣдалъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
— У добра отца сыновья добры,
У доброй матери дочери хороши,
Дочь-то Аннушка тонехонька,
Личикомъ краснехонька, бѣленькимъ румянехонька,
Ясны очи у ней яснѣй сокола,
Черны брови у ней чернѣй соболя,
Рѣчь у ней лебединая,
А походка у ней павлиная. —
Сватались на Аннѣ трой сватовья:
Первы сватовья — изъ Новá-городá,
Вторые сватовья — изъ славной Москвы,
Третьи сватовья — изъ Карповой горы.
Новъ отъ-городъ — тѣмъ отказъ учиненъ,
Во славну Москву не вздумали давать,
За князя Ивана отказать нельзя,
Да за Васильевича вздумали отдать
Княгиню Анну свѣтъ-Николаевну.

3.

Ори-ди-ди — середи двора, двора батюшкова,
Тутъ росло дерево тонко-высоко,
Кипаристое, серцевистое.
Что на то дерево тонко-высоко
Солеталися гуси-лебеди, птица летная,
Крылье правила, крылье правое,
Перье рóнила, перье сизое
На сыру землю, на шелкову траву,
На шелкову траву, на цвѣточки лазоревые.
Что подъ то дерево тонко-высоко
Съѣзжалися князья-бояре, люди большіе,

Думу думали, думу крѣпкую,
Слово молвили, слово тайное:
Ужó какъ намъ быть, ужо какъ намъ взять
У Николая дочь у Ивановича большу. —
Какъ спроговоритъ молодъ князь,
Что большой человѣкъ Иванъ Васильевичъ;
— Не тужите-тко, не печалуйтесь, князья-бояре, —
Намъ даютъ добромъ—мы добромъ возьмемъ,
Не даютъ добромъ - силой возьмемъ;
Хвалою повеземъ черезъ девять городовъ
На десятый городъ къ Божьей церкви,
Ко чудну кресту, къ золоту вѣнцу,
Повѣнчаемся мы золотымъ вѣнцомъ,
Помѣняемся мы золотымъ кольцомъ.

4.

Раю раю-раю—на горы высокой, красы великой,
Тутъ стояла карета, карета золотая.
Что въ той во каретѣ, что въ той золотой
Тутъ сидѣла дѣвица—душа красная,
Первобрачная княгиня Анна свѣтъ-Николаевна.
Она слезно плачетъ, жалобно причитаетъ:
— Мнѣ у матушки воля, мнѣ у батюшки нѣга,
Мнѣ у братьицевъ нѣжная, мнѣ у сестрицъ похвальная.—
Кругъ той же кареты, кругъ той золотой
Не соколъ облетаетъ. молодецъ объѣзжаетъ
На колеса вставаетъ, дѣвицу утѣшаетъ:
— Ты не плачь, не плачь, дѣвица-душа красная.
Первобрачная княгиня Анна свѣтъ-Николаевна,
Ужъ я дамъ тебѣ нѣгу, ужъ я дамъ тебѣ волю,
Ужъ я дамъ тебѣ волю—у жернова у ступы,
У поганаго корыта, у бруснаго каменья.

5.

Сказали про Ивана, что хитеръ-мудренъ.
А Иванъ князь ни хитеръ, ни мудренъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по новымъ сѣнямъ,
Загулялъ въ нову горенку
Ко души, ко красной дѣвицѣ,
Первобрачной княгинѣ Аннѣ Николаевнѣ.
Онъ бралъ ей рука за руку,
Прижималъ онъ праву ко правой,
Изломалъ золоченъ перстень.
Что злоченъ перстенъ со вставочкой.
Какъ Анна-то расплакалась,
Свѣтъ-Николаевна расжалилась:
— Ужъ какъ я приду къ батюшкѣ,
Ужъ какъ я приду, какъ скажу родителю?—
Научалъ ее добрый молодецъ
Иванъ отъ-свѣтъ-Васильевичъ:
— Ты приди да скажи батюшкѣ,
Что отмыкала ковáнъ сундукъ,
Прижимала праву ручушку,
Изломала тутъ золоченъ перстень

Ш.

Шенкурскій уѣздъ, села: Ледское, Шеговарское и Химановское.

1.

Ужъ вы, гуси, вы, лебеди,
Вы куда, гуси, летали?
Ой реди, ой реди, ой рако мое (припѣвъ).
— Ужъ мы летали, летали
Съ синя моря да на море. —
— Ужъ вы что, гуси, видѣли?
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Сѣру утицу на водѣ.
— Для чего ея не взяли?
Ужъ мы взять ея не взяли,
Крылья-перья повыщипали
-- Ужъ вы, князья, вы, бояра,
Вы куда, князья, ѣздили?
Ужъ мы ѣздили, ѣздили
Изъ деревни въ деревнюшку.
— Ужъ вы что, князья, видѣли?
— Въ теремѣ красну дѣвицу.
— Для чего ея не взяли?
— Ужъ мы взять ея не взяли,
По рукамъ мы ударили,
Зелено вино выпили,
До субботы отсрочили.
Отъ субботы до субботы,
Въ воскресенье дѣвичнику быть.
Въ понедѣльникъ къ вѣнцу ѣхати,
Подъ вѣнцомъ тяжело стоять,
Подъ вѣнцомъ голова болитъ,
Ручки ножки подломятся.

2.

Въ теремѣ дѣвицы приплакиваютъ,
Въ высокомъ красныя причитываютъ.
Сидите недолго. ложитеся спать.
Мнѣ-ка, молодешенькѣ, вся ночка не спать,
Вся ночка не спать, кроватъ убирать.
Собравши кроваточку тесовенькую,
Постилать постелюшку пуховенькую,
Изголовьице класти шелковенькое,
Одѣяло кутати соболиное.
Пославши постелюшку. сама легла спать.
Первый спень заснула—не чуть никого,
Второй спень заснула—свѣтъ бѣлый, заря.
Съ-по этой съ по зорюшкѣ мой милый идетъ,
Соболиная шубонька пошумливаетъ,
Смазные сапоженьки поскрипываютъ.
Мало по малу стукъ-брякъ у воротъ,
Стукнули воротца стекольчатыя,
Брякнуло колечушко серебряное,
Дрогнуло сердечушко Аннушкино,
Дрогнуло ретивое свѣтъ-Николаевны.
Пошла наша Аннушка суженаго встрѣчать,
Пошла Николаевна ряженаго встрѣчать

Въ одной рубашечкѣ и безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ и безъ башмачковъ,
Въ одной шамшурочкѣ [1], и та на боку.
Отворя воротца, поклонъ отдала,
Отворя широкія, выспрашивала:
— Гдѣ ты былъ, суженый, гдѣ спобывалъ,
Гдѣ спобывалъ, гдѣ ночеѣь ночевалъ?
— Былъ я у тестя у ласковаго,
Былъ я у тещи у пріятливой,
Былъ я у шурьевъ, у ясныхъ соколовъ,
Былъ я у свестей [2], у бѣлыхъ лебедей. —
— Чѣмъ тебя, суженый, тесть подарилъ?—
— Тесть-то даруетъ сто рублей конемъ,
Теща даруетъ столокошъ трубой.
—Чѣмъ тебя, суженый, шурья даруютъ?—
— Шурья даруютъ кабардинскимъ сѣдломъ,
Свести даруютъ шириночкою,
Шитою шириночкой чиста полотна,
А сватьюшки даруютъ свѣтъ-Аннушкой.

3.

Что разсыпались верешки,
Растворились широки вороты,
Растворились стекольчатыя,
Тутъ наѣхали князья да бояра.
Что большіе князья въ избу идутъ,
А меньшіе на новыхъ сѣняхъ стоятъ.
Что большихъ-то въ большой уголъ садятъ,
А меньшихъ-то на скамеечку.
Что забѣгала Анна госпожа,
Что забѣгала Николаевна,
Она изъ горницы въ горницу,
Она изъ свѣтлицы во свѣтлицу.
Забѣжала-то Анна госпожа
Да во теплую шомушку
За камчатую за завѣсу,
За своихъ милыхъ подруженекъ.
— Ужъ вы, милыя подруженьки,
Сберегите, сохраните вы меня.
Эвонъ ѣдетъ разоритель мой,
Эвонъ ѣдетъ погубитель мой,
Расплести косу-двѣ сватьюшки,
Двѣ крестовыя матушки.—
Проигралася Анна госпожа,
Проиграла дѣвью красоту,
Жемчужный-отъ почелочекъ
Съ золотою повязочкой,
Съ самоцвѣтнымъ со камешкомъ.
Проигрался тутъ Иванъ господинъ,
Проигрался Васильевичъ,
Проигралъ онъ свой злаченъ перстень
Съ дорогой любой вставочкой,
Съ самоцвѣтнымъ со камешкомъ.

---

[1] Платокъ [2] Своячиницы

Нехорошъ, непригожъ, молодецъ,--
У тебя кудри солоненые,
Борода твоя лычаная,
Усы твои шипичаные,
У тебя брови совиныя,
А глаза ястребиные.

4.

Сыру елью рѣка прошла,
Сыру елью быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Москву, и подъ Вологду,
И подъ славный-отъ Шенкурско,
И подъ волость подъ Ледскую,
Подъ деревню Монастырскую,
И подъ тотъ подъ хорошій дворъ.
Изъ того изъ хорошаго двора
Выѣзжалъ удалой молодецъ
Да Иванъ-отъ Васильевичъ
На своемъ на добромъ конѣ,
На своемъ скороступчатомъ.
По чисту полю онъ поѣзживаетъ,
Черной шапкой помахиваетъ,
Шелковой плеткой насвистываетъ,
Самъ коня оборачиваетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Тестева двора спрашиваетъ,
Тестева терема, тещина пологa,
Шито-брана Марьина.
Хорошъ и пригожъ молодецъ:
Борода твоя шелковая,
Уста твои сахарныя.
Поглядка ясна сокола.

5.

Добрый молодецъ стоитъ,
Изъ полы лошадь пшеномъ кормитъ,
Ключевой водой поитъ,
По крутымъ ребрамъ гладитъ.
— Ужь ты, конь, конь мой,
Конь, ты, добрый мой,
Ужъ ты сбѣгай во царство,
Въ велико государство.
Вывези, конь, дѣвицамъ—дѣвицу,
Молодицамъ - молодицу,
Мнѣ-ка—служаночку. —
Она въ сани-то не идетъ.
— Эки сани худыя, эки кони сухіе,
На улицахъ суметно,
На сѣняхъ сорливо,
Въ терему грязливо.
На это бы суметье —
Березова лопата,
На эти бы сѣни—
Березовый вѣникъ,

Въ этотъ бы теремъ —
Ключевая водица.—
Женихъ-отъ разсердился:
— А на эту бы молодку—
Шелковая бы плетка. —
Ужъ какъ плеточка свиснетъ,
Молодушка взвизгнетъ,
Горяча кровь пробрызнетъ.

6.

Сказали про князя, что на женитьбѣ бодеръ [1].
Ой дидъ, ой ладо мое (припѣвъ).
— Еще чортъ не бодеръ, на морозѣ красенъ,
На морозѣ красенъ, на вѣтрѣ цухолъ.
Только въ избу зашелъ как кислый разсолъ.
Сказали, что на князѣ кафтанъ-отъ бодеръ.
— Чортъ не бодеръ, у него полы однѣ,
И то не свое, въ людяхъ прошеное,
Хожено, прошено по всей волости. —
Сказали, что на князѣ кушакъ-отъ бодеръ.
— Чортъ не бодеръ, отъ подола рубецъ.
И то не свое, въ людяхъ выпрошено,
Хожено, прошено по всей волости.—
Сказали, что у князя сапоги-то бодры.
— Чортъ не бодры, закаблучье одно... и т. д.
Сказали, что у князя шапка бодра.
— Чортъ не бодра, подкладка одна... и т. д.
Сказали, что у князя рукавицы бодры.
— Чортъ не бодры, затылки одни .. и т. д.
Сказали, что на коняхъ сбруя бодра.
— Чортъ не бодра, шлея лычаная,
Гужи вичаные, и то не свои... и т. д.
Сказали, что у князя кони бодры.
— Чортъ не бодры, у нихъ ребра одни.. и т. д.
Сказали, что у князя сани бодры.
— Чортъ не бодры, копылье одно и т. д.
Сказали, что у князя поѣзжане бодры.
Чортъ не бодры, наголо—дикари:
Они на мостъ идутъ—столбу кланяются,
Думаютъ, что то батюшка стоитъ;
Въ избу идутъ - Богу не молятся,
Богу не молятся, за столъ грабятся;
Они печи челомъ, печи низкій поклонъ,
Думаютъ, что то матушка стоитъ.
За столомъ сидятъ—въ шомушку глядятъ,
Въ шомушку глядятъ, пироговъ хотятъ.
— Чортъ вамъ, а не пироги,—
Вчера печены, вчера и съѣдены.
За столомъ сидятъ - въ печь глядятъ,
Въ печь глядятъ, каши хотятъ.
— Чортъ вамъ, а не каша,—
Вчера варена, вчера выхлебана.
За столомъ сидятъ—въ подполье глядятъ,

---

[1]) Хорошъ.

Въ подполье глядятъ, пива хотятъ.
— Чортъ вамъ, а не пиво, —
Вчера варено, вчера и выпито.
За столомъ сидятъ, по грядкамъ глядятъ,
По грядкамъ глядятъ, острежка [1] хотятъ.
Сказали, что у князя дружка бодра.
— Чортъ не бодра, косые глаза.
Какъ на дружкѣ кафтанъ съ чорта содранъ,
Какъ на дружкѣ штаны съ самого сатаны,
Какъ на дружкѣ рукавицы съ пропащей телицы,
Какъ на дружкѣ сапожки съ пропащей кошки.
Сватовщикъ недороденъ привелъ жениха недорода,
Садилъ его съ огорода.
Подъ молодцемъ конь спотыкнулся,
И женихъ-отъ съ коня свернулся
Въ коровье . бородою.
Сватовщикъ сталъ гореваги,
Сватьюшка тосковати,
Какъ жениха замывати.
Мочили рубашку въ горшочкѣ,
Стирали рубашку въ ночевкахъ [2],
Колотили рубашку на порожкѣ,
На порожкѣ-то ложкой.
Сватьюшка-то плутовка,
Сушила рубашку на мутовкѣ,
На печи въ углу жениха снаряжала.
Сказали, что у князя сватья бодра.
— Чортъ не бодра, какъ корова ледра [3].
Свелъ бы корову въ гуменище,
Привязалъ бы корову къ огородищу,
Надавалъ бы коровѣ ржаной соломы —
Ѣшь, корова, не крятайся [4], не отвертывайся.

IV.

Яренскій уѣздъ, Вологодской губерніи.

1.

Какъ на наши сѣни новыя
Налетѣли сизы голуби,
А началась всё голуби,
А ино всё князья-бояре.
Бояре всё незнамые,
Всё незнамые — незнакомые,
Не со здѣшняго и города,
Не отселѣва изъ Яренска —
Изъ Великаго изъ Устюга.
Что ларецъ, ларецъ, ты мой,
Окованая коробочка,
Златоверхая шкатулочка!
У тебя есть, у ларчика,
Есть четыре у тебя стороны,
Есть четыре у тебя сторожа.

---

[1] Остатокъ полѣна, котораго уже больше нельзя щипать на лучину, такъ какъ на немъ много сучковъ. [2] Деревянное корытце, въ которомъ окатываютъ небольшіе житные хлѣбцы. [3] Бурая. [4] Не чваныся.

У меня, у молодешеньки,
Есть братецъ, ясенъ соколъ,
Есть сестрицы голубушки.
Они прочь всѣ отступаются,
Выдаютъ меня, молодешеньку,
На чужую дальную сторонушку
Ко чужому свекру-батюшку,
Ко чужой свекрови-матушкѣ,
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому чужанину
Ивану свѣтъ-Васильевичу.

2.

На бережку часовня стояла.
Никто вокругъ часовни не ходитъ,
Никто слѣдка не проложитъ.
Одна наша Анна ходила,
Одна Николаевна гуляла,
Одна Господу Богу молилась,—
За батюшка поклонъ положила,
За матушку другой положила,
За милую ладу—четыре,
За себя, молоденьку, всѣ десять.
Упали цвѣточки на землю,
Пошла наша Аннушка въ семью,
Пошла Николаевна въ большую.
Чѣмъ семью ударити,
Чѣмъ большую учестити?
Тафты-камки не родится,
Штофы съ золотомъ не ведется,—
Одна наша Аннушка родилась,
Одна Николаевна родилась.
Ты пожалуй, пожалуйста, моя кумушка-голубушка,
Моя кумушка-голубушка, Анна Николаевна,
Ты во теплую парушку, во мыльную мыльвяцу,
Со своей русой косынькой помыться-попариться.
Истопили теплу парушку мы безъ дровецъ осиновыхъ,
Мы безъ дыму кудряваго, безъ чаду синяго,
Наносили въ теплу парушку троя воды разныя:
Первая вода-ключевая, вторая - съ синя моря,
А третья вода—съ колодца дубоваго.
Ужъ мы не дали на воду ни вѣтрику винути,
Ни дождику канути, ни лихимъ людямъ взглянути.
Ты пожалуй, пожалуйста, во теплую парушку.
Наносили мы въ теплу парушку троя мыла разныя:
Первое мыло - сибирское, второе—устюжское,
А третье мыло—яренское.

V.

Устюжскій уѣздъ, Вологодской губерніи, деревни Слобода и Кишкино.

1.

Какъ сидитъ моя крáсота поверхъ буйныя головы,
По конецъ русы косы за одинъ волосъ держится,
Ужъ какъ ростить красота гусиныя перышка,
Какъ сейчасъ хочетъ крáсота спорхнути да улетѣти.

Полетитъ моя красота кутнымъ окошечкомъ.
Посмотрите, подруженьки, на мою дѣвою красоту,.
Попримѣтьте подруженьки, куда сядетъ красота,
На которое дерево во далекомъ чистомъ полѣ.
Буде сядетъ красота на ель на кудрявую,—
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье да богатое.
Буде сядетъ красота на березу на бѣлую,—
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье посереднее.
Буде сядетъ красота на осину на горькую,—
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье горе-горькое.
Буде сядетъ красота на ольху на красную
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье-красованьице.

2.

Прямъ Николина двора—тамъ ограда широка.
Тутъ Анна гуляла, себѣ дружка выбирала,
Тутъ Николаевна ему наказывала:
На Аксентьевской горѣ [1] не останвайся,
На Аксентьевскихъ дѣвицъ не засматривайся.—
Аксентьевски дѣвицы приманчивы да обманчивы,
Изъ-за пазушки прянички повыдергали,
Изъ платочка цвѣточки повытрясли,
У Иванушка ума повывѣдали,

3.

Наѣхали бояре на клюкахъ да на батогахъ.
Сказали, что у бояръ кони добры, а ребра одни.
Сказали, что у бояръ сани добры, а копылье одно.
Сказали, что у бояръ хомуты добры, а одно дерево.
Сказали, что у бояръ сѣдла добры, а кобылки однѣ.
Весь княжой поѣздъ по дворамъ насбиранъ.
Сидятъ бояре, натутрукались [2], молотить нарядилися [3].
У моего-то батюшки наварено пиво пьяное,
Пиво пьяное въ молотильной во кадочкѣ.
Изопьешь-окрысишься, а еще того попуще—оскалишься.
(Принимаютъ подарки)
Наѣхали бояре со княжьимъ-то со поѣздомъ,
Со княжьимъ со поѣздомъ, со дороднымъ молодцемъ.
Молодцы всё удалые, ровно грузди кудрявые;
У мѣстной-то у сватьюшки золотой кокошничекъ,
Золотой кокошничекъ на буйной головушкѣ,
На ея могучихъ плечахъ дорогой-отъ атласничекъ,
На ея-то на шейкѣ жемчужной наборошничекъ [4].

4.

Я учуяла-услышала звончѝты колокольчики
Середи поля чистаго, средь широкія улочки.
Задавило ретиво сердце, задрожали ножки рѣзвыя,
Отвалилась бѣлы рученьки, пріусмякло тѣло бѣлое.

[1] Аксентьевская гора—деревня, сосѣдняя съ Кишкинымъ.
Эта пѣсня не имѣетъ, собственно, прямого отношенія къ свадьбѣ; въ числѣ свадебныхъ мы ее помѣщаемъ потому, что она почти всегда поется почему-то на свадьбахъ.
[2] Печальны. [3] Одѣты въ самое худое платье, какое одѣваютъ обыкновенно, когда идутъ молотить. [4] Ожерелье.

Колотился лестливый сватъ подъ сутнымъ [1] окошечкомъ.
Со первого колоченья—терема пошаталися,
Со другого колоченья—верхи повалилися,
Со третьяго колоченья—задавило ретиво сердце.
Схоже красное солнышко, мой родимый батюшка,
Не вставай-ка, батюшка, со высокія лавочки,
Не ходи ка, батюшка, во свой широкій дворъ,
Не пускай-ка, батюшка, ты чужого чужанина
Со княжьимъ со поѣздомъ къ себѣ въ высокъ теремъ:
То не гости пріѣхали по меня, молоденьку.
Приставь-ка, батюшка, ко дверямъ придверничковъ,
Приставь-ка, батюшка, къ воротамъ приворотниковъ,
Ко кутной ко завѣсѣ да ко мнѣ, молодешенькѣ;
Откажи-ка, батюшка, чужому чужанину,
На меня бы онъ не надѣялся, а искалъ бы подороднѣе.
Ростомъ поизроднѣе, личикомъ поличистѣе;
У чужого чужанина—надо жить умѣючи,
У чужого чужанина—говорить разумѣючи
Надо глаза соколиные, надо силу звѣриную,
Надо силу звѣриную [2], а сыть [3] голубиную.

5.

Вы, сизыя голубушки, любыя подруженьки,
Затопите парну батюшку, пропустите кудрявый дымъ,
Чтобы вышелъ кудрявый дымъ дальше до Устюга,
Чтобы вышелъ до Устюга, а кверху до Вологды.
Вы, сизыя голубушки, любыя подруженьки,
Послушайтесь, милыя, меня, молодешеньку,
На вѣку не въ первый разъ, въ дѣвій вѣкъ въ послѣдній разъ:
Заплетите русу косу, вплетите алу ленточку,
Чтобы мнѣ съ милымъ вѣнчатися, съ молодымъ обручатися.

6.

Здыну я брови черныя, возведу очи кручинныя
По свѣлыя свѣтлицы, по широкія горницы.
Глядь есть [4], какъ во теремѣ прибылъ ясенъ соколъ
Со чужой дальной стороны Иванъ свѣтъ-Васильевичъ.
Я зову тебя брателкомъ да не ради здарьица [5],
Не ради здарьица, не ради приношеньица.
Мнѣ-ка хочется молодѣ тебя въ очи увидѣти,
Челомъ ударити, челобитьице справити.
Не изволь-ка ломатися, изволь подыматися,
Подойди ко мнѣ, поступи въ кутъ за занавѣсу
(Женихъ приходитъ и даетъ невѣстѣ деньги; если та довольна, то поетъ:)
Спасибо тебѣ, спасибо на гривнѣ на золотой,
На другой на серебряной, на третьей позолоченой.
(Если же невѣстѣ покажется мало, то поетъ:)
На могилѣ ты выплакалъ, Христа ради выпросилъ,
Христа-ради выпросилъ да и намъ принесъ.
Ужъ ты, сватушка, сватушка, возьми ты пестерище [6],
Обойди волостище, принеси по кусочку.

---

[1] Сутный уголъ—большой уголъ. [2] Звѣриная—здѣсь въ смыслѣ медвѣжья; вм. медвѣдь въ Устюжскомъ уѣздѣ говорятъ обыкновенно «звѣрь». [3] Аппетитъ. [4] Видно. [5] Подарокъ. [6] Кузовъ, сплетенный изъ береста.

7.

Я прошу у тебя, батюшка,
Благословенья великаго
Ко злату вѣнцу ѣхати.
Мнѣ не нужно, мой батюшка,
Ни злата, ни серебра,
Ни приданаго великаго.
Только дай мнѣ, батюшка,
Благословенье великое.
Твое благословеньице
Изъ синя моря вынесетъ,
Изъ темна лѣса выведетъ.

8.

Охти мнѣ угорѣлося,
Испить мнѣ захотѣлося.
Попрошу у тебя, батюшка,
Выноси мнѣ, родимый мой,
Либо пива пьянаго,
Либо вина зеленаго.
Попою я, мой батюшка,
Своихъ милыхъ подруженекъ.
Ужъ я смыла, молода,
Честну дѣвью красоту,
Сполучила, молода,
Полуврье [1] женское,
Грозу молодецкую
(Эта пѣсня поется послѣ бани).

9.

Посидите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
У меня, молодешеньки.
Вы подите, подруженьки,
Въ лѣсъ по губки [2], по ягодки,
По зеленые вѣнички.
Вы ходите, подруженьки,
По моей-то тропиночкѣ,
Вы вступайте, подруженьки,
Во мои во слѣдочки-то,
Не давайте, подруженьки,
Зарастать муравой травой,
Заполаскивать дождичку.
Не ломайте, подруженьки,
Моея-то березушки.
Моя-то березушка
И безъ вѣтра шатается,
Безъ дождя уливается,
По землѣ разстилается.

Михаилъ Протопоповъ.

---

[1] Подневолье. [2] По грибы.

ЖИВАЯ СТАРИНА

періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1904 г., по примѣру прежнихъ 14 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за границею—**6** р. Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40** к. съ экземпляра.

Цѣна отдѣльной книжки «Живой Старины» **1** р. **50** к. двойной (въ два выпуска)—**3** рубля. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—5 к.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р. въ Имперіи за **3½** р. и за границу за **4** р., за 1898 по 1901 включительно—по **4** р., **4½** р. и по **5** р.